

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2016

№ 1 (39)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-29498 от 27 сентября 2007 г.

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, председатель научной редакции, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Кулемзин Владислав Михайлович**, д-р ист. наук, проф.; **Ларьков Николай Семёнович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и документоведения; **Румянцев Владимир Петрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений; **Тимошенко Алексей Георгиевич**, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой мировой политики; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Черняк Эдуард Исаакович**, д-р ист. наук, проф., директор института искусств и культуры ТГУ; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф.; **Шевелев Дмитрий Николаевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, проф.; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus’» (Moldova)

**ACADEMIC EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Chairman of the Academic Editorial Board, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Kulemzin Vladislav M.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Larkov Nikolay S.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History and Documentation Studies; **Rumyantsev Vladimir P.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations; **Timoshenko Aleksey G.**, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of World Politics; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Chernyak Eduard I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Museum Studies, Cultural and Natural Heritage, Director of the Institute of Art and Culture; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Shevelyov Dmitry N.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History and Methodology of History; **Sherstova Lyudmila I.**, Dr. of History, Professor; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Шевцов В.В. «Тобольские губернские ведомости» (1857–1867) в период губернаторства В.А. Арцимовича, А.В. Виноградского и А.И. Деспот-Зеновича	5
Куперт Ю.В., Луценко А.В. Роль общественного сознания в Русско-японской войне	15
Доржу З.Ю. Тувинская Народная Республика накануне и во время Великой Отечественной войны	29
Смирнов Г.С. Федеральная программа «Старшее поколение» как показатель эффективности программно-целевого планирования в сфере социальной защиты населения России в конце 1990-х – начале 2000-х гг.	37

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Трынкина Д.А. Готицизм как английский национальный миф XVII–XVIII вв.	46
Терентьев В.И. Поиски монгольской нации в освободительном движении 1911–1921 гг.	53
Васильева С.А. Попытка создания «тюремного Эдема»: деятельность Томаса Эдди на посту директора первого государственного пенитенциария Нью-Йорка на рубеже XVIII–XIX вв.	61
Шевченко С.А. Организация труда заключённых по «системе доверия» на строительстве дорог в штате Вашингтон (1913–1916 гг.)	66
Колмакова С.С. Ядерное распространение на Ближнем Востоке: стабильность с точки зрения американских предстателей реализма	74
Муратшина К.Г. Сотрудничество Китая, Японии и Южной Кореи в области безопасности	78

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Романов П.И. Источники для изучения биографии В.К. Жандра	85
Кутилова Л.А. Проблемы украинских переселений и этнокультурных трансформаций в украинской среде в Приенисейской Сибири в исследованиях красноярских историков во второй половине XX – начале XXI в.	89
Бояринова П.А. Мужчины и феминность в японской культуре: традиция и современность	97
Маслова Е.К. Сравнительный анализ методологических подходов социоестественной истории на примере Э.С. Кульпина и Л.Н. Гумилева	101
Черепанов А.С. Миф в исторической концепции М. Лайтмана	107

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Холкина М.А. Способы конструирования глиняных сосудов в восточной части Финского залива в эпоху раннего металла (кон. IV – III тыс. до н.э.)	113
Бейсенов А.З. Памятники раннего этапа Тасмолинской культуры	119
Кыржиначков А.А. Традиционные средства передвижения и способы транспортировки добычи у хакасских таежников: традиции и новации	127

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Shevtsov V.V. «Tobolsk provincial sheets» (1857–1867) in the period V.A. Artsimovich's, A.V. Vinogradsky's and A.I. Despot-Zenovich's governorate	5
Kupert Yu.V., Lutsenko A.V. The Role Of Public Consciousness In Russian-Japanese War	15
Dorzhu Z.Ju. The Tuvan People's Republic on the eve and during World War II	29
Smirnov G.S. Federal program "the Senior generation" as an indicator of the effectiveness of program planning in the field of social protection of population of Russia in the late 1990s – early 2000-ies.	37

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Trynkina D.A. Gothicism as English national myth of the XVII – XVIII centuries	46
Terentyev V.I. The search of the Mongolian nation in the liberation movement in 1911–1921	53
Vasileva S.A. The attempt to create «Eden Prison»: the work of Thomas Eddy as the Director of the first state penitentiary of New-York at the turn of XVIII – XIX centuries	61
Shevchenko S.A. Organization of convicts' labor based on the «Honor System» at the road construction in Washington State (1913–1916)	66
Kolmakova S.S. Nuclear proliferation in the Middle East: some realists forecast stability	74
Muratshina K.G. On the question of China – Japan – South Korea security cooperation	78

PROBLEMS OF THE SOURCE STUDY, HISTORIOGRAPHY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Romanov P.I. Sources of investigation of the biography of V.K. Gendre	85
Kuttilova L.A. Problems of Resettlement and Ukrainian ethno-cultural transformations in the Ukrainian ethnic environment in Yenisei Siberia in regional study Krasnoyarsk historians in the second half XX – beginning XXI centuries	89
Boyarinova P.A. Men and femininity in Japanese culture: tradition and modernity	97
Maslova E.K. Comparative analysis of methodological approaches social-natural history (the case of E.S. Klpin) and L.N. Gumilev	101
Cherepanov A.S. Myth in the historical concept of Michael Laitman	107

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY & ANTHROPOLOGY

Kholkina M.A. About the ways of clay vessels modelling in the Eastern part of the Gulf of Finland in the early metal period (end of IV–III millennium BC)	113
Beisenov A.Z. Monuments of the early stage of Tasmola culture	119
Kyrzhinakov A.A. Traditional means and modes of transportation production Khakas taiga men: tradition and innovation	127

Данилова Н.К. Сакральное пространство: архитектурное воплощение традиционного мировоззрения народа саха	135
Соколов В.Ю. Конкурс проектов по совершенствованию образовательной и научной практик ТГУ как механизм трансформации корпоративной идентичности сотрудников исследовательского университета	143

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дробченко В.А., Черняк Э.И. Сибирские областники между двумя диктатурами (июнь–август 1918 г.). Рецензия : Сибирский предпарламент : Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь–август 1918 г.) : сб. док. и матер. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, 2013. 292 с.	149
Никитин П.Ф. Рецензия: Храмков А.А. Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в. Барнаул, 2014. 328 с.	153
Стась И.Н., Колева Г.Ю. Всероссийская научная конференция с международным участием «Российская нефть: история и современность» (г. Сургут, Сургутский государственный университет, 27 ноября 2015 г.)	156
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	158

Danilova N.K. Sacral space: architectural embodiment of traditional outlook	135
Sokolov V.Yu. The contest of projects on improvement of organization of educational and research practices TSU as a mechanism of transformation of the corporate identity of employees of a research University	143

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Drobchenko V.A., Chernyak E.I. Siberian oblastniks in a period between two dictatorships (June – August, 1918). Review : Siberian Pre-parliament: Special congresses of members of Provisional Siberian Regional Duma (June – August, 1918). Documents collections/V.I. Shishkin (Ed). Novosibirsk: Parallel, 2013, 292 p.	149
Nikitin P.F. Review : Khramkov A.A. Essays on the history of the peasantry in Siberia early XX century. Barnaul, 2014. 328 p.	153
Stas' I.N., Koleva G.Yu. Information about the All-Russian Scientific Conference with international participation «Russian oil: Past and Present» (Surgut, Surgut State University, November 27, 2015).	156
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	158

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 070.481(571.1/.5)
DOI: 10.17223/19988613/39/1

В.В. Шевцов

«ТОБОЛЬСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» (1857–1867) В ПЕРИОД ГУБЕРНАТОРСТВА В.А. АРЦИМОВИЧА, А.В. ВИНОГРАДСКОГО И А.И. ДЕСПОТ-ЗЕНОВИЧА

Исследование выполнено в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ №14.В25.31.0009) и проекта НУ 8.1.32.2015С «История изучения и освоения Сибири» Научного фонда Томского государственного фонда им. Д.И. Менделеева.

Статья характеризует основное содержание, редакторский и авторский состав, изменения в программе неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» в первые десять лет ее выхода. Отношение губернатора к подведомственному изданию было основным фактором его тематического разнообразия, могло способствовать выходу газеты за пределы установленной программы, ее использованию в целях повышения эффективности управления губернией.

Ключевые слова: «Тобольские губернские ведомости»; губернское управление; общественная жизнь Сибири.

В 1851 г. в ходе ревизии Западной Сибири член Государственного совета, генерал-адъютант Н.Н. Анненков признал необходимым предоставить обсуждению Тобольского и Томского губернских советов введение губернских ведомостей ввиду того, что «в великороссийских губерниях издаются губернские ведомости в видах распространения по губернии сведений о всех распоряжениях губернского начальства, а также уменьшения переписки с уездными городскими и волостными правлениями» [1. Л. 2]. Вопрос обсуждался в Тобольске 7 марта, а в Томске – 18 апреля 1851 г. В результате Главное управление Западной Сибири, возглавляемое генерал-губернатором Г.Х. Гасфордом, 14 февраля 1852 г. уверенно сообщало из Омска в Петербург, что нет никаких затруднений в отношении учреждения ведомостей в Томской и Тобольской губерниях согласно правилам, касающимся внутренних губерний России» [Там же. Л. 7 об]. На списке с журнала Совета рукою, видимо, самого министра внутренних дел Л.А. Перовского было написано: «Удобно ли будет отдельно от Учреждений [видимо – губернских правлений] и для одной Западной Сибири? Испросить генерал-губернатора Восточной Сибири» [Там же. Л. 1]. В конечном итоге вопрос об основании губернских ведомостей как для Восточной, так и для Западной Сибири был объединен с вопросом об учреждении новых штатов и направлен 2 декабря 1853 г. во Второй Сибирский комитет, открытый в 1852 г по итогам ревизии Н.Н. Анненкова. 6 декабря 1856 г. был принят закон «О некоторых изменениях по управлению в Восточной Сибири и Западной Сибири», введивший новые штаты. В системе губернского управления появлялась новая должность – «редактор губернских ведомостей, он же начальник газетного стола и начальник типографии», с годовым окладом в 400 руб. [2. Т. 31. № 31222].

В открытии ведомостей в Тобольске, которые стали первой газетой в Сибири, деятельное участие принял В.А. Арцимович, бывший тобольским губернатором в 1854–1858 гг. Для обновления губернской типографии в петербургской словолитне Ж. Ревильона им был заказан один печатный немецкий станок стоимостью 350 руб. и новые литеры на 1 249 руб. Имеющиеся четыре печатных станка, из которых только один был «порядочный», а остальные – «старые, небольшие и давнишней конструкции», могли печатать пять страниц, а литер было достаточно для одновременного набора только 13 страниц. Несмотря на это, с 27 апреля 1857 г. «Тобольские губернские ведомости» стали выходить, как и требовалось, один раз в неделю, по субботам, объемом в среднем около 14–16 страниц официальная и 6–12 – неофициальная части. Стоимость годовой подписки составляла 3 руб., с доставкой по Тобольску – 3 руб. 50 коп., с пересылкой в другие города и местности – 4 руб. 50 коп. Формат газеты был обычный для аналогичных изданий – «в четверку в два столбца» (27,5 x 21,5 см). В течение первого года выхода газеты было разослано 910 экземпляров и получено за них и за исполнение различных типографских заказов 6 558 руб. ¼ коп. (из этой суммы израсходовано 6 107 руб. 59 ¾ коп.) [3. Л. 38–38 об; 4. С. 79]. Цензором неофициальной части стал директор тобольской гимназии П.П. Ершов [5. С. 52], в апреле – мае 1858 г. его замещал инспектор гимназии М.И. Доброхотов [6. 1858. № 8, 9, 23]. Позже, 8 августа 1858 г., Сибирский Комитет подчинил цензуру издаваемых в Сибири неофициальной части ведомостей начальникам губерний [2. 1860. Т. 33. Отд. 2. № 33459] и с октября 1858 г. цензорское дозволение на неофициальной части подписывал председатель губернского правления Н.П. Милордов [6. 1858. № 41].

Неофициальная часть губернских ведомостей была увязана В.А. Арцимовичем с деятельностью статистического комитета, который стал получать регулярное финансирование в виде ежегодных 700 руб. сер. из средств типографии [6. 1857. № 26]. Постановления статистического комитета стали публиковаться на страницах газеты, а его сотрудники обязывались наполнять неофициальную часть содержанием, для чего между ними распределялись центральные издания, выписываемые за счет типографских сумм. Ялуторовский земский исправник В.А. Ильин отвечал за «Экономический указатель», советник казенной палаты А.Ф. Денисов – за «Журнал министерства государственных имуществ» и «Земледельческую газету», советник казенной палаты Н.И. Лещов просматривал «Записки Московского общества сельского хозяйства», секретарь губернского суда Ф.М. Тьжнов – «Журнал Министерства внутренних дел» и «Журнал министерства народного просвещения», чиновник особых поручений М.А. Смоленский – «Записки Русского географического общества», управляющий экспедицией о ссыльных А.Г. Худяков – «Записки Казанского экономического общества» [Там же. 1857. № 36].

Объем заимствованных материалов был небольшим, около 13% в 1857 г. и 9% – в 1858 г. В основной своей массе публикации носили авторский характер. А.Ф. Денисов написал две продолжающиеся статьи о сибирской соли [Там же. 1857. № 29, 34; 1859. № 7] и развитии солепромышленности [Там же. 1858. № 16–18, 33–37]. В.А. Ильин выступил с проектами (носившими скорее характер идиллических прожектов) о призрении нищих в городе (1859. № 7) и обрисовал возможную будущность Тюмени при передаче ей торговых функций Ирбитской ярмарки [Там же. 1859. № 10–11]. О тяжелом положении остяков Тобольской губернии, губимых вином, русскими торговцами и представителями власти, несмотря на свою корпоративную принадлежность, писал чиновник губернского управления Ю.И. Кушелевский [Там же. 1859. № 22]. Разнообразные темы поднимал М.А. Смоленский – о деятельности тобольского попечительного о тюрьмах комитета [Там же. 1857. № 4, 7, 9], о саде и цветнике при памятнике Ермаку в Тобольске [Там же. 1857. № 12], о сообщении между реками Печорой и Обь [Там же. 1857. № 28], о ловле зверей и птиц в Тобольской губернии [Там же. 1859. № 30] и др. Большая статья о хозяйственных занятиях и жителях Тюменского округа принадлежала управляющему Тюменским округом В.Я. Стефановскому [Там же. 1860. № 46, 52; 1861. № 12; 1862. № 19–23; 1863. № 63; 1864. № 7]. Священник А.И. Сулоцкий писал об историческом прошлом Иркутска [Там же. 1857. № 20, 29], о возникновении театра в Сибири [Там же. 1858. № 12], о церковных, казенных и частных библиотеках Омска и Тобольска [Там же. 1858. № 22, 23, 26–28], о колоколах в сибирских церквях [Там же. 1858. № 10, 44], также им публиковались исторические документы [Там же. 1858. № 18, 29; 1859. № 15–19].

По личной просьбе В.А. Арцимовича согласие на перепечатку своих работ «Тобольским губернским ведомостям» дал советник Семипалатинского областного правления Н.А. Абрамов [Там же. 1857. № 11], уже известный своими публикациями по этнографии и истории Сибири, некоторые из которых сохранили свою научную актуальность и до настоящего времени – как, например, «Описание Березовского края» [Там же. 1858. № 19–25] или историко-географический труд «Семипалатинск» [Там же. 1863. № 8–16, 21–22, 24–27]. По мнению С.А. Венгерова, «каждая заметка и статья Абрамова ничего особенного собою в отдельности не представляет, но многие десятки таких заметок и статей составляют уже драгоценный вклад в науку» [7. С. 19–20]. Н.А. Абрамов был постоянным автором газеты до своей смерти в 1870 г. и поместил в ней 75 статей.

Присылались и корреспонденции с мест, как правило, в пределах губернии – из Тюмени, Тары, Кургана, Ишима, Березова. Редакция приглашала всех образованных читателей высказывать свои соображения по поводу интересов края [6. 1857. № 10]. Не имевший собственной газеты Омск откликнулся «Независимым листком» («Листком из Омска»), в котором на протяжении семи выпусков некто «Говорун» в жанре фельетона сообщал о чтении и библиотеках в Сибири [Там же. № 34], о развитии здесь собственной промышленности [Там же. № 34], о простонародных развлечениях [Там же. 1858. № 8], о легендарном бухтарминском разбойнике [Там же. № 15], о юридических обычаях сибирских крестьян [Там же. № 45], о необходимости образования сибирского экономического общества [Там же. № 15] и коммерческой школы в Тобольске [Там же. № 44]. В последнем случае автор, взяв назидательный тон, упрекал сибирское купечество в антирациональном ведении своего дела и пытался разъяснить ему пользу законов политэкономии. Вопрос от «Говоруна», на который возможно было ожидать больших откликов читающего Тобольска, звучал так: «Тождествен ли совершенно сибирский крестьянин великорусскому или между ними есть разница?» [Там же].

Регулярную рубрику «Местные известия», также в фельетонном жанре, вел М.Л. Попов – старший учитель законоведения и судопроизводства Тобольской губернской гимназии. Он же использовал дела губернского правления для извлечения исторических сведений [8. С. 232]. Событий в губернском городе было немного: «Где у нас балы, маскарады, театры, литература? Ничего подобного и не бывало. От того-то, вместо статей легких, приятных, вы вздумали угощать нас известиями о Кондинском монастыре с кондинскою брусникою, моксиами и рыбьим жиром (куда как вкусно!), мелочными расчетами о публичной библиотеке и т.п., уже вовсе не воздушными предметами» [6. 1858. № 1]. В апреле 1859 г. М.Л. Попов был назначен директором томской гимназии и, возможно, используя свой опыт работы в «Тобольских губернских ведомостях», редактировал в 1859–1861 гг. неофициальную

часть «Томских губернских ведомостей». В конце 1858–1866 гг. ряд сообщений в рубрике «Местные известия» подписывались инициалами «В.И.» или «В. И–нъ» – В.И. Ильин [9. С. 440–449, 451–454, 457]. Большинство из местных авторов были чиновниками. Н.Н. Морозовой установлено, что с 1857 по 1866 г. в «Тобольских губернских ведомостях» принимали участие 149 авторов. Социальная принадлежность 49 из них выглядела следующим образом: 19 – чиновники, 14 – учителя, 6 – врачи, 5 – священники, 3 – военные, 2 – купцы [10. С. 106–107].

В отличие от других губернских газет Сибири, известен факт выплаты редакцией «Тобольских губернских ведомостей» авторского гонорара. Так, Г.Н. Потанин в воспоминаниях писал, что он посылал из Омска статьи тобольскому губернатору В.М. Арцимовичу, за которые получил от него 100 рублей [11. С. 77–78, 137]. Возможно, что такая практика носила не регулярный, а избирательный характер и касалась только иногородних, присылавших не «сырой», а уже готовый к напечатанию материал, отличавшийся высоким уровнем исполнения и представлявшим интерес для читателя. Для поощрения авторов неофициальной части в губернском бюджете не предусматривалось особой статьи, и, возможно, для этой цели В.А. Арцимович использовал средства из собственных сумм, отпускаемых МВД на «известные» губернатору нужды. Хорунжий Сибирского казачьего войска опубликовал 13 статей, причем если в 1857 г. только одну¹, то в 1858 г., начиная со второго номера, подряд вышли девять статей², что свидетельствовало об их единовременной отправке в Тобольск целой серией и наличии договоренности (или твердой уверенности автора) относительно их публикации. По словам Потанина, в нем формировался натуралист, чем был обусловлен и характер его изысканий. Уже после отъезда Арцимовича, с большим промежутком, были напечатаны еще две заметки, в последней из которых можно увидеть пробуждающийся интерес будущего идеолога областничества не только к природе, но и к истории Сибири³.

По мнению Н.Н. Александровой, общественная атмосфера кануна великих реформ и принадлежность тобольского гражданского губернатора В.А. Арцимовича к «когорте энтузиастов-реформаторов» способствовали тому, что «Тобольские губернские ведомости» приобрели просветительское направление – «публикация научных материалов, относящихся к изучению своего края, освещение работы губернских комитетов и других государственно-общественных организаций» [12. С. 24].

Однако вывод автора о том, что «газета способствовала поднятию образованности в Западной Сибири, что содействовало мирному преобразованию российской жизни в целом» [Там же. С. 25], возможно отнести лишь к биографиям членов авторского коллектива. В период написания работы (1996 г.), когда для построения основ гражданского общества актуальной виделась возможность сотрудничества государственных органов

с либеральной интеллигенцией, деятельность В.А. Арцимовича в Тобольске оценивалась как позитивный ретроспективный пример их совместной работы «в одном созидательном направлении», хотя, как пишет сама Н.Н. Александрова, участие в газете приняли не представители независимой частной ответственности (таковой в середине XIX в. в Сибири просто не было), а те же чиновники или священники. Когда «к концу 1858 г. редакция сформулировала программу неофициальной части» [Там же. С. 24], Арцимович уже не был тобольским губернатором – 16 марта 1858 г. он выехал в Петербург [13. Л. 4–6], и, таким образом, его непосредственное влияние на подведомственную газету было ограничено лишь одним годом, но, безусловно, те содержательные и организационные принципы, которые были определены в начале возникновения «Тобольских губернских ведомостей», сыграли важную роль в их последующей истории и месте в ряду аналогичных органов сибирской печати. 27 июля В.А. Арцимович был назначен калужским губернатором, где, используя тобольский опыт, сумел сделать «Калужские губернские ведомости», по воспоминаниям современников, «органом для бодрой умственной работы» [14. С. 202].

Письмо В.А. Арцимовичу приглашенного на должность редактора неофициальной части учителя калужской гимназии П.С. Щепетов-Самгина отражает взгляды губернатора на роль печатного слова, которых он придерживался и в Тобольске: «...губернская газета должна поставить главнейшую задачу следить за всеми современными проявлениями жизни общественной, будут ли эти проявления разумны или неразумны. Всякое разумное проявление губернские ведомости с теплым сочувствием должны обнаруживать, как пример, достойный подражания, а стороны неразумные смело, но *sine ira et studio* – оглашать, как язвы, требующие изменения» [Там же. С. 197].

Даже после отъезда из Тобольска Арцимович продолжал некоторое время принимать участие в руководстве «Тобольскими губернскими ведомостями», ведя переписку с чиновником особых поручений при Тобольском губернском правлении Я.С. Скропышевым. Из нее мы узнаем, что за губернатора исполнял должность редактора неофициальной части сам Скропышев, он же заботился о том, чтобы для ее наполнения всегда был достаточный «запас» статей, а в сложных ситуациях советовался с коллегами (так, например, посоветовавшись с советником правления Г.А. Варлаковым, он решил не печатать возражение преосвященного Феофоста против статьи в «С.-Петербургских ведомостях» о равенстве перед Богом всех верований) [8. С. 232].

По причине того, что в завершении номера «Тобольских губернских ведомостей» указывалось только имя цензора – П.П. Ершова, возник вопрос об имени редактора газеты – ее официальной и неофициальной частей. Первым редактором ведомостей был губернский секретарь Апполон Степанович Болбот – его фамилия обозначена на прибавлении к № 9 в подшивке

«Тобольских губернских ведомостей» за 1857 г., хранящейся в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург). «Исправляющий должность редактора Болбот» – так было завизировано объявление о торгах от тобольской строительной комиссии. В самой газете было напечатано объявление о переводе А.С. Болбота в июле 1858 г. на должность заседателя в Тюменский земский суд [6. 1858. № 28]. Однако если В.А. Арцимович лично или письменно просил присылать статьи для наполнения неофициальной части, просматривал их и допускал к печати [4. С. 78], то А.С. Болбот выполнял только функции редактора официальной части (им в качестве секретаря был скреплен первый номер «Тобольских губернских ведомостей» от 27 апреля 1857 г.).

Возможно, что вступления и комментарии от редакции к некоторым статьям принадлежат лично губернатору. Например, слова ободрения, адресованные иногородним авторам: «Из некоторых окружных городов начинают уже присылать к нам местные известия. С Богом! В добрый час. Велика беда начало, говорит русская пословица, а чем далее, тем смелее и скорее пойдет наше дело» [6. 1857. № 29]. Или возражение «Говоруну» по поводу того, что сибирское население не имеет привычки к чтению: «Не потому ли, может быть, что подобные люди не находят книг, которые вполне соответствовали бы их вкусу и нуждам. Всякий товар является на рынок вследствие спроса на него <...> Не торговцы тут виноваты, а большинство общества, которому пока, кроме азбук, оракулов и песенников, из нашей литературы ничего не надобится» [Там же. № 34]. На возможное участие начальственного лица иносказательно обращалось внимание читателя в этом же номере: «У нас даже до сих пор нет особенного редактора, а газета усвоила себе определенное направление, полна довольно разнообразных статей, многие местные люди не пренебрегают выписывать газету» [4. 1857. № 34]. Н.Н. Александрова высказала предположение о том, что «редакторские обязанности до своего отъезда выполнял или сам В.А. Арцимович, или близкие ему люди», среди которых был П.П. Ершов. Ему принадлежала «решающая роль в определении общего идейного курса газеты», и он, по мнению автора, «несомненно, должен был писать материалы для столь близкой ему газеты» [15. С. 106–107] (это предположение в дальнейшем развили Т.П. Савченкова [16. С. 221–229; 17. С. 145–159] и Е.В. Костецкая [18. С. 155–161; 19. С. 62–67]; оно было подвергнуто сомнению Ю.Л. Мандрикой [8. С. 227–234]).

С июля 1858 г. редактором «Тобольских губернских ведомостей» стал столоначальник общего губернского управления, коллежский регистратор П.И. Козаченко, подписывавший также и неофициальную часть [6. 1858. № 28, 41]. С 18 ноября 1858 г. Козаченко сменил смотритель поселений тобольской экспедиции о ссыльных А.И. Орлов, работавший в должности редактора газеты и начальника газетного стола до апреля 1859 г., не оставляя

при этом своей прежней должности. Известно, что Орлов получал доплату за редакторство с ноября по март 1858 г. – 34 руб. 33 $\frac{1}{4}$ коп., а затем помесечно по 10 руб. [Там же. № 47, 48; 9. С. 480]. П.И. Козаченко и А.И. Орлов могли выполнять функции редакторов неофициальной части, о чем свидетельствует как высокий образовательный уровень этих чиновников (дворянин П.И. Козаченко окончил Первую Санкт-Петербургскую гимназию [Там же. 1857. № 40], А.И. Орлов обучался на юридическом факультете Казанского университета [9. С. 480]), так и принадлежащие им статьи об общественной жизни Тобольска.

А.В. Виноградским, бывшим председателем Томского губернского правления и ставшим с 20 марта 1859 г. тобольским губернатором [Там же. 1859. № 18], в качестве редактора ведомостей, начальника газетного стола и управляющего губернской типографией 9 апреля 1859 г. был назначен губернский секретарь Иван Николаевич Юшков [Там же. № 15; 20. С. 17] – коренной тобояк, окончивший духовную семинарию и уже ставший одним из авторов тобольской газеты. В должности редактора И.Н. Юшков пробыл более 10 лет, до сентября 1870 г. [Там же. 1870. № 38]. По мнению Н.Н. Морозовой, И.Н. Юшков был редактором только официальной части, а неофициальную часть в начале 60-х гг. редактировал коллежский асессор, советник губернского правления В.А. Ильин, на что указывает список лиц, получавших жалование в типографии за 1862 г. [10. С. 91]. Однако подписи В.А. Ильина нет в конце неофициальной части.

Исследователи «Тобольских губернских ведомостей», избирая в качестве основания для периодизации истории газеты деятельность ее редакторов, выделяют отдельный, «юшковский» период [5. С. 65], хотя обычно, вслед за Н.М. Ядринцевым, обращается внимание на 1857–1858 и 1863–1867 гг., связанные с управлением губернией В.А. Арцимовичем и А.И. Деспот-Зеновичем [21. С. 669]. Александр Васильевич Виноградский (1803–1870) [22. С. 56] затерялся между этими известными фигурами, хотя именно он способствовал назначению нового деятельного редактора «Тобольских губернских ведомостей». Воспоминания о нем, как о «примечательном сибиряке», оставил В.И. Вагин. А.В. Виноградский родился в Тобольске, в семье инспектора городской врачебной управы, окончил Казанский университет и был в 1821 г. представлен М.М. Сперанскому как образованный уроженец управляемого им края. В 1842–1846 и 1855–1859 гг. – председатель Томского губернского правления, в 1846–1851 гг. служил у золотопромышленника Ф.А. Горохова. В Томске он «пользовался глубоким уважением» и отличался «примерной честностью» на фоне «общей подкупности» томской администрации. Во время службы в Томске принимал участие в подготовке проекта «Томских губернских ведомостей» [23. Л. 5–7]. Взгляды А.В. Виноградского В.И. Вагин характеризовал следующим образом: «Это был консерватор, но в лучшем значении этого слова». Самому каинскому окружному начальнику, писавшему в «Томские губернские ведомости»,

А.В. Виноградский рекомендовал «избегать полемики в литературе, находя ее вообще неприличную» [24. С. 2]. Несмотря на свою осторожность, он был уволен со службы и присужден Сенатом к строгому выговору за сочувствие и послабление проезжавшим в 1862 г. через Тобольск государственным преступникам М.И. Михайлову и В.А. Обручеву [25. С. 65].

Н.М. Ядринцев утверждал, что с 1859 по 1863 г., т.е. в годы губернаторства А.В. Виноградского, содержание «Тобольских губернских ведомостей» в сравнении с первыми годами их выхода «более скудно и только изредка продолжают появляться исторические статьи Сулоцкого и Абрамова <...> С 1862 года появляются деловые статьи по статистике г. Анучина» [21. С. 669]. Действительно, несмотря на ежегодные приглашения «просвещенных особ» присылать «благонамеренные статьи» [6. 1859. № 50; 1860. № 48; 1861. № 47], общее количество публикаций в 1860–1862 гг. снизилось, в сравнении с 1857–1859 и 1863–1867 гг., уменьшилось и количество авторов: 1859 г. – 30, 1860 – 19, 1861 – 13, 1862 – 19 человек; в 1863 г. их количество вновь увеличилось до 31. С 3 до 4 руб. (а с пересылкой – до 4 руб. 57 коп.) в 1860 г. была повышена подписная плата на газету, что также не могло не сказаться на количестве желающих ее получить.

В то же время и в этот период «спада» в «Тобольских губернских ведомостях» можно найти ряд интересных и значимых статей. В.И. Ильиным была поднята тема образа Сибири в современной литературе и публицистике, позже затронутая Н.М. Ядринцевым в «Томских губернских ведомостях» в статье «Сибирь перед судом русской литературы». Своего земляка Г.В. Колмогорова В.И. Ильин упрекал в недобросовестности и введении в заблуждение нездешнего читателя, который якобы в Сибири не увидит «ни обмана, ни лжи, ни воровства, ни грабежа, ни насилия, ни тунядства» и должен подражать «жизни, нравам и добродетелям сибиряков» [26. С. 267]. Мещане в сибирских городах ходят в сюртуках и фраках, а кедровый орех по своим вкусовым качествам превосходит миндаль и прованское масло. «Словом, Сибирь – земной рай, Эльдorado, новая Индия, куда нужно бежать, чтоб искать довольства, богатство и, стало быть, счастья» [6. 1859. № 20]. Против «панегириста» Коломогорова, «изобретающего» собственные сведения о Сибири в «Современнике», выступил и другой уроженец Тобольска – Г.З. Елисеев [27. С. 161–208]. В.И. Ильин в «Местных известиях» отметил и обнаружение Манифеста 19 февраля 1861 г. в Тобольской губернии, который хотя и не имел в ней «всеобщего огромного значения», но множество сосланных из крепостных «от глубины души радовались освобождению своих отцов, матерей, братьев, сестер» [6. 1861. № 15]. В своих обзорах городской жизни В.И. Ильину приходилось констатировать, что беседовать с читателем не о чем, поскольку «при недостатке важных общественных интересов и почти при отсутствии общественной жизни»

отдаленный Тобольск «живет день за днем, – завтра, как вчера и вчера, как нынче» [Там же. № 13]. Цены, виды на урожай, погода и ее переимчивый характер – вот чем приходилось наполнять рубрику «Местные известия».

Влияние консервативных взглядов губернатора А.В. Виноградского и его осторожность в выборе тем в особенности заметны в сравнении с изменением направления «Тобольских губернских ведомостей» при А.И. Деспот-Зеновиче, который еще в период службы кяхтинским градоначальником в 1862 г. организовал и цензурировал недолго просуществовавший «Кяхтинский листок». Положение нового губернатора, назначенного в конце в 1862 г., было двусмысленным: с одной стороны, благодаря своей фамилии, он обладал связями и покровительством в столице [Там же. 1893. № 3; 1895. № 37], с другой – находился под негласным полицейским контролем. Имея западные корни и владея польским языком, он должен был как администратор устраивать быт своих соотечественников, сосланных после восстания 1863 г. в Сибирь. «Тобольские губернские ведомости» стали использоваться А.И. Деспот-Зеновичем (как в свое время «Иркутские губернские ведомости» его прежним начальником Н.Н. Муравьевым) для укрепления личного авторитета и для открытого обсуждения некоторых сторон местной общественной жизни. В газете стала последовательно проводится мысль о размежевании нового губернатора со своим предшественником, давалась оценка его методам управления краем: «Формализм и попустительство прежнего начальника губернии подвергли жителей Березовского края угрозе голодной смерти. Только разрешение А.И. Деспот-Зеновича выдавать крестьянам хлеб из казенных запасных магазинов, предназначенных для инородцев, позволило разрешить эту чрезвычайную ситуацию» [Там же. 1863. № 7]; «Ныне возбужденный к деятельности призывом г. начальника губернии, дамский [тюремный] комитет как бы обновился и с прежней ревностью принялся за свое доброе дело» [Там же. № 42]; «В нынешнее время губернская власть совершенно изолирована от всевозможных влияний таких личностей... [благодарящих губернатора за услуги]» [Там же. № 44]; «Впрочем, о пользе и важности для края означенных мер и предположений [о развитии Обдорской ярмарки] мы распространяться не будем, тем более, что – как мы знаем, наверное, – они уже имеются в виду губернского начальства» [Там же. 1864. № 7] и т.д.

Тема образования и благотворительности, начатая с самого первого года выхода «Тобольских губернских ведомостей», получила продолжение в конце 1862–1864 гг. [Там же. 1863. № 7, 8, 10]. Директор гимназии и училищ Тобольской губернии Ф.В. Рудаков, проявивший свою активную общественную позицию еще в Томске, на должности учителя законоведения и в «Томских губернских ведомостях», с конца 1862 г. начал публикацию журналов педагогического совета

тобольской гимназии – по сути внутренних документов ее деятельности, не предназначенных для печати и содержащих прямые и нелакированные перед публикацией мнения педагогов по поводу улучшения преподавания своих предметов. Например, учитель немецкого языка утверждал, что «покуда ученики не знают твердо своего отечественного языка, они не будут в состоянии присвоить себе знания в иностранных языках...» [6. 1862. № 46]. Учитель законоведения в качестве материалов для практических занятий без стеснения просил права пользоваться текущими делами губернского правления и казенной палаты [Там же. № 47]. Учитель физики и геометрии сетовал, что в классе не хватает простейших измерительных приборов – циркулей, транспортиров, складного аршина, измерительной тесьмы и т.д. [Там же]. Учитель русского языка считал, что причина плохой успеваемости – недостаточная домашняя подготовка детей бедных чиновников с помощью «дешевых учителей» из кантонистов и полная неготовность детей «достаточных людей» вкупе с их избалованностью [Там же. 1862. № 48]. Учитель французского, заслуживший всеобщее осуждение, высказался за «открытие карцера» и применение к ученикам, в крайних случаях, телесных наказаний [Там же. 1863. № 4]. В ответ на критику со стороны журнала «Воспитание» по поводу открытого обнародования таких разных учительских мнений Ф.В. Рудаков ответил: «...как гимназия существует для местного общества, так и губернские ведомости должны служить органом и отголоском всех местных событий и указателем местных же потребностей общества» [Там же. № 18]. Таким образом, расширялись функции общественного контроля в рамках готовящейся реформы образования (для этой же цели двери гимназии во время занятий и педсоветов становились открытыми для посещения).

Была поднята в «Тобольских губернских ведомостях» и тема высшего образования в Сибири (ранее, в конце 1862 г. об этом писали «Иркутские губернские ведомости» [28. 1862. № 46]). Статья о литературно-музыкальном вечере в Березове 11 июля 1863 г. в пользу воспитанников тобольской семинарии и гимназии, отправляющихся для обучения в университетах, заканчивалась следующим призывом к читателям: «Нет, господа, если мы дорожим нашей Сибирью, которую зовут золотым дном России, если мы не хотим, чтобы ее сокровища и богатства лежали втуне или доставались в чуждые, а тем паче недостойные руки, мы должны умножить наши низшие и средние учебные заведения, училища и гимназии, но еще более должны позаботиться о том, чтобы основать свой сибирский университет или, еще лучше, для двух частей Сибири два университета – восточный и западный» [6. 1863. № 33]. Автором статьи был профессор философии Пермской семинарии, затем чиновник особых поручений при пермском губернаторе А.И. Иконников, сосланный в Березов за распространение антиправитель-

ственной прокламации. Деспот-Зенович добился перевода Иконникова из Березова в Тобольск [5. С. 82].

В 1863 г. в неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» начал свою публицистическую деятельность тюменский купец Н.М. Чукмалдин, статьи которого, написанные в жанре фельетона, отличались прямоотой и самостоятельностью суждений, практической направленностью и касались вопросов экономического благосостояния, городского самоуправления и образования. В статье «Купцы и мещане г. Тюмени», подписанной псевдонимом «Тюмонец», Н.М. Чукмалдин, заостряя внимание на сословном противостоянии купечества и мещанства, выступил против собственной корпорации, встав на сторону мещанского общества в вопросе о сносе деревянных корпусов тюменского гостиного двора. Этот вопрос трактовался автором гораздо шире – кто и каким образом должен распоряжаться налогами, собираемыми тюменской думой с городских жителей? [6. 1863. № 15]. Мнение нарождающейся буржуазии о свободе торговли звучало и в статье о преднамеренном завышении оборотов Ирбитской ярмарки, в «Ирбитском справочном листке», для того чтобы повысить ее значение в неэквивалентной торговле с Сибирью [Там же. № 19]. «...существует ли общество для запасных магазинов или магазины для общества?», – писал Н.М. Чукмалдин в статье о злоупотреблениях волостных писарей [Там же. № 16] в настолько резких выражениях, что редактор И.Н. Юшков снабдил статью примечанием о том, что она допущена к печати самим губернатором и «для искоренения описываемого автором зла в самоуправлении сельских обывателей, если оно где и существует, принимаются надлежащие меры».

Благодаря высокому покровительству редактор мог смело советовать описываемым в статье административным лицам: «Затем желательно, чтобы полицейские чиновники и волостные лица прочитали бы эту статью и подумали» [Там же]. А.И. Деспот-Зенович благоволил новому автору и через редактора просил «г. Тюменца продолжать свою литературную деятельность и уверить, что статьи его всегда найдут место в нашей газете» [Там же. № 18]. Далее Н.М. Чукмалдин, воспользовавшись приглашением к открытости сферы образования, затеял рискованную в цензурном отношении пикировку с тюменским уездным училищем, обвинив его администрацию в формализме в деле открытия в городе публичной библиотеки, книги и периодики для которой планировал пожертвовать сам Чукмалдин [Там же. № 32].

Училищные чиновники восприняли такую непрошенную благотворительность как покушение на сферу их служебной деятельности [Там же. № 45, 51], а Чукмалдин в ответ на «благородное пренебрежение» ответил развязно и бравируя собственным социальным положением: «Педагогический совет считает для себя неприличным излагать по моему единоличному заявлению о своей деятельности. Вот если бы об этом по-

просили достойнейшие представители общества, на деле доказавшие свое сочувствие к учебным заведениям, ну тогда другое дело. А так как я этих отличий не имею, то и толковать со мною нечего» [Там же. 1864. № 3]. Досталось и И.И. Завалишину за его «тиснение о Тюмени» [Там же. 1863. № 35; 1864. № 1] и ее небывалых торговых оборотах: «Оказывается на поверку, что ворочают огромными цифрами не тюменские купцы, а сам г. Завалишин» [6. 1864. № 2]. «Путевые заметки» начали публиковаться в «Тобольских губернских ведомостях» [Там же. 1863. № 41–47] с предупреждением от редактора И.Н. Юшкова, что автор «утопист и все хотел бы видеть в стройном виде, в розовом свете» [Там же. № 42].

Присутствие с самого начала выхода газеты рубрики «Местные известия» и статей фельетонного содержания, которые в период управления губернией Деспот-Зеновичем приобрели общественное звучание, необходимо было узаконить. Положения Комитета министров о расширении программы некоторых губернских ведомостей 15 ноября 1863 г. было использовано губернатором как возможность сделать это. В декабре 1863 г., минуя Главное управление Западной Сибири, он напрямую обратился к министру внутренних дел П.А. Валуеву об изменении внешнего вида и внутреннего содержания «Тобольских губернских ведомостей». Для «придания им современной формы» и сокращения расходов на бумагу, от выпуска «в четвертку» необходимо было перейти к формату «в лист» и печати компактным шрифтом следующих без пропусков друг за другом отделов (с выделением статей «для всеобщего сведения» более крупным шрифтом). Казенные объявления перемещались в конец номера к объявлениям частным. Неофициальная часть, по мнению Деспота-Зеновича, должна была содержать не только статьи, «относящиеся к статистическим, историческим, географическим и этнографическим описаниям губернии», но и фельетон, который должен «время от времени печатать местные известия как из Тобольска, так и других городов губернии» с целью «по возможности, обрисовывать жизнь губернии» [29. Л. 54 об–57].

МВД, соблюдая административную субординацию, запросило мнение генерал-губернатора А.О. Дюгамеля, который в апреле 1864 г. ответил П.А. Валуеву, что он согласен с предлагаемым тобольским губернатором форматом как «более соответствующим содержанию газеты и полезным в экономическом отношении» и не находит со своей стороны препятствий к принятию новой программы [30. Л. 2–2 об.]. В результате 4 июня 1864 г. Петербургский цензурный комитет, за подписью министра внутренних дел, разрешил изменение формы издания «Тобольских губернских ведомостей», перестановку в газете отделов и перепечатку политических статей из официальных печатных органов, согласно положению 15 ноября 1863 г. [29. Л. 61; 30. Л. 6]. Фельетон, как не соответствующий изначальной программе ведомостей, разрешен не был и продолжил свое существование на нелегальном положении.

В 1864 г. «Тобольские губернские ведомости» обратили на себя внимание цензурного ведомства как «отозвавшиеся о чиновниках и канцеляриях присутственных мест вообще в выражениях решительно неуместных в официальном губернском органе» [31. С. 295]. По всей видимости, речь шла об одной из последних статей Н.М. Чукмалдина, в которой он, как обычно без лицепрятия, описал отношения новоизбранного депутата городской думы с губернской администрацией (которые, отметим, с тех пор мало изменились): «Он чисто машинально в течении первого года приучает себя ко всем обрядностям канцелярского делопроизводства и подписывая отчеты, рапорты и донесения к высшему начальству, становится мало по мало под обшей чиновный тон <...> и вот он пугливый сначала, освоившийся несколько с делом при проходе первой половины трехлетия, становится сам, в половине и конце служебного периода, на полную канцелярскую точку зрения и выучивается отписываться от начальства и внутренне презирать тот воображаемый общественный контроль, который казалось ему сначала висел над ним, как меч Дамокла» [6. 1864. № 47].

По мнению Н.М. Ядринцева, после того, как Тобольск лишился «одного из просвещенных администраторов», с 1868 г. «Тобольские губернские ведомости» «падают, делаются бесцветными и скудными» [21. С. 669]. Этот вывод можно распространить на более ранний срок, и не по причине смены губернатора, а ввиду цензурного предупреждения газете в 1864 г. и «дела областников», начатого в мае 1865 г. Хотя в новогоднем номере 1865 г. И.Н. Юшков написал, что газета «выросла» (увеличился ее формат (с 27,5 x 21,5 до 46 x 32,5 см), а официальная часть была объединена с неофициальной) и будет улучшаться в «отношении занимательности ее содержания» [6. 1865. № 1], а в ее программе появился политический отдел (перепечатающий столичные известия из центральных газет), полемические статьи на местные темы исчезли с ее страниц. Как и в других губернских ведомостях Сибири, в 1866–1867 гг. в тобольской газете, с некоторым опозданием по времени, были отмечены факты «злодейских покушений» на Александра II, сообщено о негодующей реакции на эти события местной общественности, благодарственных молебнах и отправленных в Петербург верноподданнических телеграммах [Там же. 1866. № 19, 24; 1867. № 16, 21]. Несколько сообщений были посвящены отцу спасителя императора – И.А. Комиссарову, возвращавшемуся из сибирской ссылки через Тюмень [Там же. 1867. № 20, 27].

Итак, в организации и направлении «Тобольских губернских ведомостей» значительную роль сыграл губернатор В.А. Арцимович, о чем уже не раз писалось в исследовательской литературе, хотя его участие в газете было непродолжительным по времени (менее года) и особо подчеркивалось по причине знаковости фигуры этого либерального администратора. Так как же литературное наследие знаменитого тоболяка П.П. Ершова

породило дискуссию в отношении его участия в неофициальной части – цензор или автор? Неофициальная часть «Тобольских губернских ведомостей» с первого же года своего выхода была связана с деятельностью губернского статистического комитета, круг ее авторов и содержание были схожими с томской губернской газетой (и также выходило за рамки разрешенной законом программы), хотя, возможно, задержись В.А. Арцимович долее на своем посту, «Тобольские губернские ведомости» могли взять критическое направление в духе «Иркутских губернских ведомостей». Особенности тобольской газеты было обращение к практическим экономическим интересам тобольского и тюменского купечества и само, крепкое и нелюбимое, купеческое слово ее постоянного автора в 1863 – начале 1864 г. Н.М. Чукмалдина, выбивавшегося из привычного патриархального образа «сибирского купца Кондрата».

Не противореча существующей периодизации в истории первой сибирской газеты, для которой избрано смешанное основание – деятельность губернаторов и редакторов – период губернаторства В.А. Арцимовича (1857–1858), редакторство И.Н. Юшкова (1859–1870) и в этом десятилетии особо выделяемое время правления А.И. Деспот-Зеновича (1863–1867), отметим, что сохранившиеся немногочисленные архивные источники и сами газетные материалы дают возможность говорить о роли и соотношениях губернаторского и редакторского начал в периодах «подъема» и «спада» газеты лишь предположительно. Так, например, И.Н. Юшков был назначен редактором консервативным губернатором А.В. Виноградским, но и при А.И. Деспот-Зеновиче газета имела функции властного рупора только в 1863–1864 гг., до цензурного одергивания из Петербурга.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Д. (из города Омска) [Потанин Г.Н.] Албакетские сопки // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 35. 21 декабря. С. 362–364.
- ² Д. [Потанин Г.Н.] Палы, или пожары // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 1. 4 января. С. 4–68; Д. [Потанин Г.Н.] Кулан // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 8. 22 февраля. С. 80–86; Д. [Потанин Г.Н.] Семья толстокожих // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 9. 1 марта. С. 97–100; Д. [Потанин Г.Н.] Дрова в Киргизской степи // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 9. 1 марта. С. 112–113; К. [составлено Г.Н. Потаниным со слов топографа Копейкина] Очерки Васюганской тундры // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 11. 15 марта. С. 233–246; Д. [Потанин Г.Н.] Несколько слов о Семипалатинске // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 12. 22 марта. С. 257–263; З. [Потанин Г.Н.] Раки в Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 13. 29 марта. С. 283–284; Д. [Потанин Г.Н.] Нашествие мышей на степные округа Тобольской губернии в 1857 году // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 13. 29 марта. С. 284; Д. [Потанин Г.Н.] Алтайская и киргизская породы лошадей // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 14. 5 апреля. С. 287–296; Д. [Потанин Г.Н.] Степные пшеницы // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 15. 12 апреля. С. 312–315.
- ³ Д. [Потанин Г.Н.] Добавление к статье «Кулан» // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 21. 24 мая. С. 396–397; Д. [Потанин Г.Н.] Мысль о завоевании Сибири Ермаком // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 44. 2 ноября. С. 658–659.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1286. Оп. 13. Д. 400. 1852 г.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1830–1884.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 815. Оп. 1. Д. 44.
4. Скропышев Я.С. Тобольская губерния в пятидесятых годах // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания – Характеристики. СПб., 1904.
5. Мандрика Ю.Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания (На материале «Тобольских губернских ведомостей») : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.
6. Тобольские губернские ведомости (Тобольск).
7. Венгеров С.А. Абрамов, Николай Алексеевич // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1889. Т. 1. Вып. 1.
8. Мандрика Ю.Л. От Конька-Горбунка на коньке горбатом (еще одна гипотеза о творчестве П.П. Ершова) // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2.
9. Мандрика Ю.Л. Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус : антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. Тюмень, 2004.
10. Морозова Н.Н. Администрация Западной Сибири и местная пресса (1857–1866) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009.
11. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6.
12. Александрова Н.Н. Общественная жизнь Западной Сибири в середине 50-х – начале 60-х гг. XIX века (по материалам «Тобольских губернских ведомостей») : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
13. ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 62.
14. Корнилов А.А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В.А. Арцимовиче // В.А. Арцимович. Воспоминания – Характеристики. СПб., 1904.
15. Александрова Н.Н. Становление первой государственной газеты в Сибири («Тобольские губернские ведомости» в 1857–1861 гг.) // Вестник Московского университета. М., 1998. Серия 10 : Журналистика. № 1. С. 106–107.
16. Савченкова Т.П. Петр Павлович Ершов и его корреспонденты на страницах газеты «Тобольские губернские ведомости» // Врата Сибири : литературно-художественный и историко-краеведческий альманах. Тюмень, 2008. № 1 (24).
17. Савченкова Т.П. Петр Павлович Ершов (1815–1869). Архивные находки и библиографические разыскания. Ишим, 2011.
18. Костецкая Е.В. Черты ершовского стиля в статьях «Тобольских губернских ведомостей» о праздничной культуре в Тобольске // Актуальные проблемы филологии, истории и культурологии. Тобольск, 2009. Вып. 4.
19. Костецкая Е.В. П.П. Ершов – предполагаемый автор газеты «Тобольские губернские ведомости» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2012. № 32 (286).
20. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 год. Тобольск, 1860.
21. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892.
22. Любарский К.И. Рязанский Некрополь // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1914. Т. 26, Вып. 1.
23. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643.
24. Вагин В.И. Старые сибиряки: Александр Васильевич Виноградский // Восточное обозрение. 1898. № 5.

25. Деятели революционного движения в России : библиограф. словарь: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». М., 1928. Т. 1, Ч. 2.
26. Коломогоров Очерк простонародного быта в уездных городах и селах Сибири // Северная пчела. 1859. № 67.
27. Грыцько [Елисеев Г.З.] О Сибири (по поводу статей г. Колмогорова, преимущественно же статьи его «Собственность и община», помещенной в 10-й книжке «Отечественных записок» 1858 г.) // Современник. 1858. № 12.
28. Иркутские губернские ведомости (Иркутск).
29. РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. 1863 г.
30. РГИА. Ф. 1286. Оп. 24. Д. 837. 1863–1869 гг.
31. Собрание материалов и направлений различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие в отечественной журналистике за 1863 и 1864 гг. СПб., 1865.

Shevtsov Vyacheslav V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: totleben@yandex.ru

«TOBOLSK PROVINCIAL SHEETS» (1857–1867) IN THE PERIOD V.A. ARTSIMOVICH'S, A.V. VINOGRADSKY'S AND A.I. DESPOT-ZENOVICH'S GOVERNORATE.

Keywords: «Tobolsk provincial sheets»; provincial administration; social life in Siberia.

Tobolsk governor V.A. Artsimovich (1854–1858) played a significant role in publishing of the first newspaper in Siberia «Tobolsk provincial sheets» in 1857. Though his management of the newspaper was short (less than a year), newspaper's informal part gained educational character (and further, these features were preserved). Authors and correspondents came from educated part of officials, teachers and priests. Future ideologist of «oblastnichestvo» (Siberian regionalism), G.N. Potanin, began his literary career in informal part of «Tobolsk provincial sheets». He sent his 13 articles from Omsk and received an honorarium (which was not common for provincial sheets). New Tobolsk governor A.V. Vinogradsky (1859–1862) had more conservative views therefore the number of publications and authors decreased. At the beginning of A.I. Despot-Zenovich's governorate (1862–1867), the informal part of «Tobolsk provincial sheets» was used for strengthening of personal authority of the governor and for open discussion of some parts of local life. In 1863–1864, Tyumen merchant N.M. Chukmaldin who did not fall under a typical image of "the Siberian merchant Kondrat" was published in «Tobolsk provincial sheets» (with the governor's permission). N.M. Chukmaldin's articles were written in a feuilleton genre and devoted the topics of economy, self-government and education in Tobolsk. A.I. Despot-Zenovich petitioned before the Ministry of Internal Affairs for extension of the program of informal part. The program was expanded, nevertheless many of genres and subjects, that were touched upon in provincial sheets, were beyond the scope. It led to the censorial warning in 1864 and polemic articles were not published anymore. Chronology of «Tobolsk provincial sheets» is based on the mixed characteristics – activity of governors and editors. Period of V.A. Artsimovich's governorship (1857–1858) and period of I.N. Yushkov's editorship (1859–1870). Archival sources and articles allow to claim that role of governors and editors in «crisis» and «decline» of the newspaper was conditional. For example, I.N. Yushkov was appointed the editor by conservative governor A.V. Vinogradsky. When A.I. Despot-Zenovich was a governor he used «Tobolsk provincial sheets» as an official mouthpiece only in 1863–1864 till the censorial warning from Petersburg.

REFERENCES

1. *The Russian State Historical Archives.* (1852) Fund 1286. List 13. File 400.
2. Russia. (1830–1884) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. 2nd ed. St. Petersburg.
3. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF). Fund 815. List 1. File 44.
4. Skropyshev, Ya.S. (1904) *Tobol'skaya guberniya v pyatidesyatykh godakh* [Tobolsk Province in the fifties]. In: *Viktor Antonovich Artsimovich. Vospominaniya – Kharakteristiki* [Viktor Artsymovich. Memoires – Characteristics]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
5. Mandrika, Yu.L. (2004) *Neofitsial'naya chast' gubernskikh vedomostey kak tip provintsial'nogo izdaniya: (Na materiale "Tobol'skikh gubernskikh vedomostey")* [The informal part of the provincial gazette as a type of provincial media: (A case study of "Tobolskie Gubernskie Vedomosti")]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
6. *Tobol'skie gubernskie vedomosti.* Tobol'sk.
7. Vengerov, S.A. (1889) *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenykh (ot nachala russkoy obrazovannosti do nashikh dney)* [The Critical-Biographical Dictionary of Russian Writers and Scientists (From the beginning of Russian Education to now)]. Vol. 1 (1). St. Petersburg: Semen. Typography.
8. Mandrika, Yu.L. (2012) From the Little Humpbacked Horse on the humpbacked horse. One more hypothesis on works by P.P. Ershov. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2. (In Russian).
9. Mandrika, Yu.L. (2004) *Tobol'skie gubernskie vedomosti. Redaktorskiy korpus: antologiya tobol'skoy zhurnalistiki kontsa XIX – nachala XX v.* [Tobolskie Gubernskie Vedomosti. The Editorial body: An anthology of Tobolsk journalism of the late 19th – early 20th centuries]. Tyumen: MandriKa.
10. Morozova, N.N. (2009) *Administratsiya Zapadnoy Sibiri i mestnaya pressa (1857–1866)* [The administration of Western Siberia and the local press (1857–1866)]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
11. Potanin, G.N. (1983) *Vospominaniya* [Memories]. In: Potanin, G.N., Yanovsky, N.N. *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: West Siberian Book Publ.
12. Aleksandrova, N.N. (1996) *Obshchestvennaya zhizn' Zapadnoy Sibiri v seredine 50-kh – nachale 60-kh gg. XIX veka (po materialam "Tobol'skikh gubernskikh vedomostey")* [Public life in Western Siberia in the mid 1850's – early 1860-ies (a case study of "Tobolskie Gubernskie Vedomosti")]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
13. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF). Fund 815. List 1. File 62.
14. Kornilov, A.A. (1904) *Krest'yanskaya reforma v Kaluzhskoy gubernii pri V.A. Artsimoviche* [The peasant reform in Kaluga Province under V.A. Artsimovich]. In: *Viktor Antonovich Artsimovich. Vospominaniya – Kharakteristiki* [Viktor Artsymovich. Memoires – Characteristics]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
15. Aleksandrova, N.N. (1998) *Stanovlenie pervoy gosudarstvennoy gazety v Sibiri ("Tobol'skie gubernskie vedomosti" v 1857–1861 gg.)* [The formation of the first state-run newspaper in Siberia ("Tobolskie Gubernskie Vedomosti" in 1857–1861)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika – Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism.* 1. pp. 106–107.
16. Savchenkova, T.P. (2008) Petr Pavlovich Ershov i ego korrespondenty na stranitsakh gazety "Tobol'skie gubernskie vedomosti" [Peter P. Ershov and his correspondents in the newspaper "Tobolskie Gubernskie Vedomosti"]. *Vrata Sibiri.* 1(24).
17. Savchenkova, T.P. (2011) Petr Pavlovich Ershov (1815–1869). *Arkhivnye nakhodki i bibliograficheskie razyskaniya* [Peter P. Ershov (1815–1869). Archival discoveries and bibliographical finding]. Ishim: Ishim State Pedagogical Institute.
18. Kostetskaya, E.V. (2009) *Cherty ershovskogo stilya v stat'yakh "Tobol'skikh gubernskikh vedomostey" o prazdnichnoy kul'ture v Tobol'ske* [The Ershov style in articles about festive culture of Tobolsk in "Tobolskie Gubernskie Vedomosti"]. *Aktual'nye problemy filologii, istorii i kul'turologii.* 4.

19. Kostetskaya, E.V. (2012) P.P. Ershov is a Presumed Author of the Newspaper “Tobolskie Gubernskie Vedomosti”. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie – Chelyabinsk State University Bulletin. Philology. Art Studies.* 32(286). (In Russian).
20. Tobolsk. (1860) *Pamyatnaya knizhka dlya Tobol'skoy gubernii na 1860 god* [The Memorial Book for Tobolsk Province in 1860]. Tobolsk.
21. Yadrintsev, N.M. (1892) *Sibir' kak koloniya v geograficheskoy, etnograficheskoy i istoricheskoy otnoshenii* [Siberia as a colony in the geographic, ethnographic and historical terms]. 2nd ed. St. Petersburg: I.M. Sibiryakov.
22. Lyubarskiy, K.I. (1914) *Ryazanskiy Nekropol'* [The Ryazan Necropolis]. *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy komissii.* 26(1).
23. *The State Archives of Tomsk Region (GATO)*. Fund 3. List 2. File 643.
24. Vagin, V.I. (1898) *Starye sibiriyaki: Aleksandr Vasil'evich Vinogradskiy* [Older Siberians: Alexander Vinogradsky]. *Vostochnoe obozrenie.* 5.
25. Vilenskiy-Sibiryakov, V. et al. (1928) *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii: biobibliograficheskiy slovar': Ot predshestvennikov dekabristov do kontsa "Narodnoy voli"* [The leaders of the revolutionary movement in Russia: A Bibliographic Dictionary (From predecessors of Decembrists to the end of “Narodnaya Volya”)]. Vol. 1(1). Moscow: Union Society of Political Convicts and Exiles.
26. Kolmogorov. (1859) *Ocherk prostonarodnogo byta v uездnykh gorodakh i selakh Sibiri* [An essay of folk way of life in Siberian county towns and villages]. *Severnaya pchela.* 67.
27. Gryts'ko [Eliseev, G.Z.]. (1858) *O Sibiri (po povodu statey g. Kolmogorova, preimushchestvenno zhe stat'i ego "Sobstvennost' i obshchina", pomeshchennoy v 10-y knizhke "Otechestvennykh zapisok" 1858 g.)* [About Siberia (on Kolmogorov's articles, particularly his “Property and Community”, published in the 10th Book of “Otechestvennye Zapiski” in 1858)]. *Sovremennik.* 12.
28. *Irkutskie gubernskie vedomosti.* Irkutsk.
29. *The Russian State Historical Archives (RGIA)*. (1863) Fund 775. List 1. File 239.
30. *The Russian State Historical Archives (RGIA)*. (1863–1869). Fund 1286. List 24. File 837.
31. *Sobranie materialov i napravlenii razlichnykh otrasley russkoy slovesnosti za poslednee desyatiletie v otechestvennoy zhurnalistiki za 1863 i 1864 g.* [Collection of materials and direction of various branches of Russian literature in the last decade in the national journalism for 1863 and 1864]. (1865) St. Petersburg.

Ю.В. Куперт, А.В. Луценко

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

Рассматривается эволюция общественного сознания и обусловленные ею трансформации методов агитационно-пропагандистской работы с населением под воздействием событий Русско-японской войны 1904–1905 гг. Оцениваются основные закономерности социальной идеологии, обуславливающие восприимчивость населения к политической агитации. Анализируются основные ошибки оппозиционных царизму общественных движений, делавших основной акцент на «эксцитативную» агитацию и возбуждение протестных эмоций вместо формирования политического мировоззрения. Детально анализируется агитационно-пропагандистская методика А.А. Богданова.

Ключевые слова: Русско-японская война; революция; социал-демократия; большевизм.

110 лет отделяют нас от Русско-японской войны. И хотя этот, говоря современным языком, региональный конфликт практически «потерялся» на фоне последующих мировых войн, мировоззренческие трансформации русского общества, порожденные событиями 1904–1905 гг., во многом определили дальнейшее развитие национальной идеологии в ее официальном и оппозиционном направлениях. Это касалось оценок войны, армии и государственной власти, которые наиболее точно характеризуют изменения в общественном сознании и мышлении российской интеллектуальной элиты, которая в годы Русско-японской войны впервые столкнулась с необходимостью строить идеологическую работу на основе *господствующих мировоззренческих представлений действительного большинства населения страны*. Подобная стратегия агитационно-пропагандистского взаимодействия партийных идеологов и масс повлияла на дальнейшее развитие революционного движения в России, обеспечив действительно массовую поддержку леворадикальных партий.

Целью исследования является реконструкция развития приемов и методов агитационно-пропагандистской работы официальных структур Российской империи (в первую очередь армии), а равно и оппозиционных царизму общественно-политических сил (либеральных и революционных) под воздействием событий Русско-японской войны. Особое значение для анализа пропагандистских методик имеет новаторская концепция ученого-просветителя социал-демократа А.А. Богданова (1873–1928) – единственного общественного деятеля, выполнившего по-настоящему детальный анализ причин, движущих сил, возможного хода и последствий войны. Этот анализ Богданов превратил в основу принципиально нового метода агитации и пропаганды, ориентированного уже не на возбуждение определенных эмоций и настроений (на что продолжали делать ставку другие лидеры-идеологи), а на формирование целостной системы представлений о политических событиях.

Степень исследованности данной проблемы не поддается однозначной оценке. С одной стороны, многочисленные и несомненные факты влияния Русско-

японской войны на общественное сознание, распространение в массах антимонархических, революционных идей и укрепление самых реакционных форм мировоззрения политической элиты всесторонне освещены и современниками событий, и специалистами-историками более позднего времени. С другой стороны, изучение данного периода истории зачастую ограничивается указанием тенденций (или, как теперь говорят, «трендов») развития общественной идеологии без учета изменения приемов и методов идеологической работы с населением. Более того, в историографии революционных событий 1905–1907 гг. и февраля – ноября 1917 г. основной акцент по-прежнему делается на *фактах* интенсивной политической агитации, а не на ее принципиальных *методах*, без детального анализа которых причины победы большевиков, бывших к 1917 г. далеко не самой влиятельной партией, оказываются не выясненными до конца, что открывает дорогу спекулятивным концепциям и даже прямому мифотворчеству.

Поскольку в новейшей историографии Русско-японской войны и последовавших за ней революционных событий 1905–1907 гг. приемы агитационно-пропагандистской работы антимонархических общественно-политических движений не подвергаются специальному рассмотрению, представляется целесообразным вернуться непосредственно к первоисточникам, а именно к свидетельствам современников и участников событий. Сопоставление точек зрения, представлявших официальную власть великого князя Александра Михайловича, кадрового военного разведчика А.А. Игнатьева и говоривших от имени антимонархической оппозиции либерального земца И.И. Петрункевича, лидера социал-демократов В.И. Ленина и других позволяет оценить не только состояние российского общества во время войны, но и определить основные политические силы, формировавшие социальную идеологию того периода. Особое внимание уделено работам Александра Александровича Богданова, предложившего собственную интерпретацию причин, движущих сил и перспектив Русско-японской войны и фактически определившего своей политической и просветительской деятельностью перспективы агитационно-

пропагандистской работы с действительным большинством населения Российской империи. Исследования историков А.А. Керсновского, А.И. Уткина и А.В. Шишова, посвященные Русско-японской войне и Революции 1905–1907 гг., а также публицистические произведения советского журналиста-международника В.В. Овчинникова по проблемам японской культуры помогли сделать получившуюся реконструкцию развития общественной идеологии более детальной.

Если рассматривать ситуацию, которая сложилась в мировоззрении русского общества после 9 февраля 1904 г. (когда японский флот без объявления войны атаковал стоявшую в Порт-Артуре русскую эскадру), то необходимо признать: тогдашнее общественное сознание оказалось неподготовленным ни к тяготам войны, ни к адекватному восприятию информации о деятельности государственной власти и вооруженных сил империи.

Это касалось не только интерпретации боевых действий и оценки состояния армии, хотя отзыв Николая II о солидном четырехтомном отчете командующего русскими войсками на Дальнем Востоке очень примечателен: «Отчеты ген[ерала] Куропаткина никоим образом не должны сделаться достоянием всех» [1. С. 289], – и это при условии, что царь ознакомился с этим документом только наполовину, прочитав лишь первые два тома. Причину столь резкой реакции монарха впоследствии пояснил видный военный теоретик Российской империи, генерал А.З. Мышлаевский, изучивший отчет более тщательно: «В настоящее время, когда со стороны врагов порядка делаются постоянные усилия революционизировать армию, сочинение генерал-адъютанта Куропаткина <...> будет губительно для духа многих войсковых частей и даст богатый материал для грязной полемики» [Там же]. Так официальная власть и элита армии оценивали информацию о русско-японской войне *из первоисточника*, к тому же изложенную *постфактум*.

Что касается остального русского общества, то в информационном поле для массового потребителя все, имеющее отношение к войне с Японией, было окутано плотным туманом секретности. Правда, правительственное окружение периодически муссировало слухи о существовании специальной программы, разработанной в царском дворце еще в 1895 г. в соответствии с планами властной элиты обустроить русский флот в акватории незамерзающих восточных вод. Эти слухи подхватил и опубликовал падкий, как и все американские журналисты, на сенсации С. Тайлор, который высказался довольно категорично о том, что Россия намерена «утвердиться на Печилийском заливе и найти свой естественный выход в его свободных гаванях, иначе все труды и жертвы долгих лет оказались бы бесплодными и великая сибирская империя осталась бы только гигантским тушиком» [2. С. 209].

В самой России расширяющиеся слухи воспринимали по-разному. Мысль о насущной необходимости проложить «путь к океану – Тихому и Великому» ради «бу-

душей истории» российского государства завладела умами весьма «вдумчивых людей», озабоченных судьбой родины и готовых оказать посильную поддержку царю в осуществлении его «большой азиатской программы» [Там же. С. 210]. Другие не возражали против того, что «основные вехи» русской политики поставлены верно, но сомневались в возможностях беспокойной России реализовать намеченные планы [Там же]: не будут ли блестящие замыслы погублены топорным исполнением задачи, поскольку в империи того периода «между политикой и стратегией <...> наблюдался совершенный разрыв» [3. Т. 3. С. 55].

Серьезным препятствием в любых трансформационных процессах России, связанных с военными конфликтами, не могло не быть состояние вооруженных сил, пошатнувшееся в первую очередь вследствие сокращения стратегической и тактической подготовки войск, когда в армейской жизни прочно утвердилась «куропаткинская хозяйственность» [Там же. С. 41]. Дело в том, что, «вступив в отправление своих обязанностей в первый день 1898 г., генерал А.Н. Куропаткин натолкнулся прежде всего на чрезвычайные затруднения, чинимые Военному ведомству министром финансов, совершенно не считавшимся с нуждами армии» [Там же. С. 38]. Традиция, не делавшая чести царскому правительству, возникла давно и привела на рубеже XIX и XX столетий к тому, что заседания министров более всего напоминали «собрания враждующих сторон. Это была постоянная борьба, постоянная грызня друг с другом» из-за желания «сосредоточить в своих руках возможно большую власть и стать, в понятии того времени, первым министром» [4. С. 141–142]. Словесная перепалка порождала личную неприязнь, выливавшуюся в межведомственную рознь: «Каждое министерство старалось оттянуть что-нибудь у другого, расширить пределы своей компетенции за счет другого <...>. Каждый законопроект любого министерства давал другому повод подсесть, раскритиковать, вообще причинить какую-либо неприятность, и отношения между ведомствами казались злой пародией на “войну всех против всех”» [Там же. С. 141].

Чаще иных в выигрыше оказывалось министерство финансов: слишком мощными были рычаги его воздействия на соперников. Как ни пытался, например, А.Н. Куропаткин защищать интересы военного министерства, ему, как и его предшественнику П.С. Ванновскому, не удавалось привлечь на свою сторону государственных распорядителей денежных ресурсов. В итоге на армейские нужды «из 455 миллионов рублей чрезвычайных кредитов на пятилетие 1899–1903 годов <...> министром финансов было отпущено всего 160 миллионов – третья часть» [3. Т. 3. С. 38]. Поскольку перевооружение войск по стандартам наступающего XX в. требовало много больше заявленных расходов, то уменьшение втрое доли военного ведомства в государственном бюджете срывало все планы по повышению обороноспособности России на уровне мировых держав. Выделенных средств едва хватило на оснащение армии

магазинными винтовками и на обеспечение артиллерии трехдюймовыми скорострельными пушками. Но и этот процесс перевооружения «по минимуму» не состоялся по ряду причин. Одной из них явилась проблема, возникшая на Путиловском заводе, персонал которого, произведя полторы тысячи орудий, на испытаниях обнаружил некоторые дефекты, из-за чего поставка пушек для артиллерийских бригад была заморожена [3. Т. 3. С. 40]. После устранения неполадок «пушка образца 1900 года с буферным накатником оказалась <...> превосходным зенитным орудием» (а в ходе Первой мировой войны – еще и одной из лучших полевых пушек), но поступила на вооружение только в 1903–1904 гг., да и то лишь в пограничные округа [Там же. С. 44].

Подобные ситуации на военном производстве возникали отнюдь не по причине инженерной некомпетентности специалистов-разработчиков вооружений для русской армии, которым приходилось из неподходящих, зато более дешевых материалов создавать, что называется, «тришкин кафтан». Дело было в отвратительном финансировании, возмутительным образом урезанном якобы «из похвальной экономии» [Там же. С. 42], – в той особой системе денежного снабжения, своевольно навязанной всем министерствам главой финансового ведомства. Такое стремление регулировать по своему усмотрению хозяйственно-экономическую деятельность всей страны приводило к тому, что, например, военному министерству приходилось торговаться буквально из-за каждого рубля. Куропаткин был вынужден самостоятельно изыскивать средства не только на переоснащение армии, но и на строительство военных коммуникаций, на обеспечение войск амуницией, одеждой и довольствием [Там же. С. 40].

Такого рода деформация функций армейского командования не только негативно влияла на управление войсками и вызывала отторжение в среде патриотически настроенного офицерства, но и порождала весьма специфические умонастроения образованной части русского общества. В лексиконе начала XX в. в качестве устойчивого идиоматического выражения закрепилась фигура речи «паркетные генералы», которая этимологически восходила к трансформации смысла понятия «полотеры», употребляемого еще Александром I для обозначения дворянства и придворных [5. С. 386]. Когда после Отечественной войны 1812 г. «все начальники и генералы занялись лишь фронтальной муштрой», а «военные качества заменились экзерцицимейстерской ловкостью», потому что «идеально марширующей строй уже не удовлетворял – требовались “плывущие стены”», то в армии появились «в числе главноначальствующих танцмейстеры, фехтмейстеры, еще и Франкони (известный балетмейстер итальянской оперы в XIX в. – Ю.К., А.Л.) найдется» [3. Т. 2. С. 12–14].

Цесаревич Константин Павлович в связи с этим писал: «Ныне завелась такая во фрунте танцевальная наука, что и толку не дашь» [Там же. С. 12], для какой цели так резко поменялись критерии, обеспечивавшие

карьерный рост офицеров. Оказалось, в генералы «проходили» те, кто умел «равнять носки гренадеров» [Там же. С. 14]. А когда армию стали «довольствовать “без расходов от казны”» [Там же. С. 40], все помыслы генералов сводились к тому, чтобы добыть средства на содержание вверенных им воинских подразделений и показать хорошие результаты во время прохождения «церемонным маршем перед государем» [Там же. С. 40]. Вот и приходилось строевому офицерству заискивать перед вышестоящим начальством, уподобляясь «паркетному шаркуну, пустому, но ловкому человеку» [6. Т. 3. Стб. 40], лавирующему между обеспечением боеспособности армии и угождением сильным мира сего.

По нормам «самоокупаемости» каждого командира обязали «заставлять» его войсковую часть «работать на самое себя, отвлекать людей на работы, ничего общего с военным делом не имеющие, и требовать в то же время совершенства в этом последнем» [3. Т. 3. С. 41].

Офицеры больше не испытывали чувства гордости за свою службу, не стремились воспитывать патриотический дух, боевые навыки и военную выправку солдат. Преданной забвению оказалась и воинская этика. Отныне «в нормальных условиях молодой солдат находился лишь первые четыре месяца своей службы, когда обучался собственно военному делу. По истечении этого установленного законом времени, всевидящее фельдфебельское око намечало в строю молодых солдат будущих сапожников, портных, слесарей. Не попавшие в эти ремесленные цехи проходили главным образом караульную службу» [Там же]. Они же исполняли обязанности городских при нехватке полицейских сил или участвовали в ликвидации беспорядков при разгоне демонстраций и иных политических акций [Там же. С. 42].

Система «экономии» вносила свои коррективы во все аспекты жизни прославленной царской армии, доведя в конце концов принцип «хозяйственности» «до геркулесовых столпов» [Там же. С. 41]. Подчинив все помыслы командиров подразделений задачам самообеспечения, военное ведомство всячески поощряло действия тех, у кого дело было поставлено на широкую ногу. «Полковые хлебопекарни, полковые сапожные мастерские, швальни, шорни, столярные и плотничьи артели стали отнимать все силы войск и все внимание начальников. Офицеры превратились в артельщиков и каптенармусов – некому было посещать тактические занятия. Вся служба, в частности ротных командиров, стала заключаться во всевозможных экономических покупках, приемах, сортировках, браковании, проверках разных отчетностей, отписке бесчисленных бумаг и бумажек <...>. В русской армии конца XIX в. “хозяйственность” проникала всю армию сверху донизу <...>. Начальство умилялось <...> доброкачественностью сапожного товара, заготовленного без расходов от казны. Капитан, изобретший новый способ засолки капусты, приобретал почетную известность в дивизии, ко-

мандир полка, у которого кашу варили пятнадцатью различными способами, аттестовался “выдающимся”. Все помыслы и устремления были направлены на нестроевую часть <...>. Нередко создавалось положение, при котором треть всего состава несла караульную службу, треть отдыхала, а треть была занята хозяйскими работами. В результате полезный срок службы солдата вместо 4 лет, как правило, был 4 месяца» [3. Т. 3. С. 41, 42].

Знал ли об этих порядках в армии царь? Конечно, знал. «Хозяйственность» была заведена еще до Куропаткина его предшественником Ванновским – во времена, когда Николай Александрович Романов, наследник русского престола, «по желанию своего державного отца служил младшим офицером в 65-м пехотном московском полку (первый случай постановки члена Царствующего Дома в строй армейской пехоты). Наблюдательный и чуткий цесаревич ознакомился во всех подробностях с бытом войск и, став Императором Всероссийским, обратил все свое внимание на улучшение этого быта» [Там же. С. 37]. Он заботился о хорошем питании для солдат, повышении окладов и пенсий обер-офицеров, учреждении заемных капиталов, организации досуга и т.п. Но, как оказалось, все перемены поглотили свыше половины средств, отпущенных военному ведомству минфином [Там же. С. 37, 38].

Разумеется, противоречить царю никто не решался. Но то, что после исполнения распоряжений Николая II за счет бюджета положение в войсках не улучшилось, а ухудшилось, – стало ясно довольно скоро, особенно в тех частях, где «начальники, казалось, соревновались в том, кто из них в кратчайший срок дезорганизует свою дивизию» [Там же. С. 40]. Умеряли пыл лишь тогда, когда возникало опасение «осрамиться на царском смотре» [Там же]. Что касается собственно военной выучки, то в русской армии по большому счету все было поставлено так, будто командиры вооруженных сил России имели перед собой задачу навсегда распрощаться с главными принципами суворовской «Науки побеждать», в которой записано, что вдохнуть в армию любовь к Отечеству, желание его защитить, повысить боеспособность и готовность к ратному подвигу можно только в том случае, если в рядовом разбужена храбрость, в офицере – неустрашимость, а в генерале – мужество. Военачальники отринули и систему воспитания войск генерала Драгомирова, который ориентировал батальонных и ротных командиров на индивидуальную работу с каждым солдатом – этой «святой серой скотинкой» [Там же. С. 23–24].

Царь не мог не знать сути происходившего: из-за того, что профессиональные воины были поставлены в фактическое подчинение финансистам и потребности вооруженных сил империи удовлетворялись по остаточному принципу, основные функции армии оказались отодвинутыми далеко на задний план. В этой ситуации главе государства оставалось только одно: *уло-*

вать на прирожденную храбрость русского солдата, на его веру в бога, царя и отечество. Николай II с детства был знаком с притчами, подпитывающими убежденность всех членов императорской семьи в непобедимости русской армии, с сентенциями, формирующими уверенность в том, что «француз умирал за славу, за белое знамя, за императора – и просто за прекрасную Францию. Англичанин погибал на краю света “за все большую и большую Британию” и лил во славу старой Англии свою кровь во все моря земного шара... Русский офицер и русский солдат полагали свою душу “за други своя” <...>. И если бы удалось собрать в один сосуд всю кровь, пролитую ими на протяжении веков <...>, – то единственной надписью на этой чаше могло бы быть: “не нам, не нам, а Имени Твоему”» [3. Т. 1. С. 12]. Недаром же со времен Петра Великого русский солдат так говорил о себе: «У меня-молодца четыре отца – бог, царь, духовник, родной батюшка». Когда за спиной воина столько дорогого уму и сердцу, требующего защиты, он обороняется до последнего – и побеждает. Прусский король Фридрих II так и говорил о русских солдатах: «Этих людей легче перебить, чем победить» [Там же. С. 12]. Вот почему Николай II был спокоен за свою армию, вопреки неурядицам в ней.

Однако царя тревожило внутреннее состояние империи. Известная фраза министра внутренних дел В.К. Плеве: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война» [7. С. 343], – не утешала, а скорее поражала откровенным цинизмом, но, получив огласку усилиями либеральной оппозиции, не смягчила, а напротив, обнажила всю беспомощность правительства перед очевидным кризисом власти. Желание царизма погасить внешней войной недовольство общества внутренней политикой самодержавия напоминало попытку утопающего схватиться за соломинку ради своего спасения. Теоретики российской социал-демократии ситуацию, открывшуюся столь недвусмысленно, не приняли в качестве повода для основательного изучения реального экономического и социального состояния страны. Поскольку РСДРП, особенно интеллигенция «меньшинства», довольно тесно сотрудничала с «освобожденческими» кружками в 22 крупнейших городах России вплоть до создания «Союза Освобождения» во главе с И.И. Петрункевичем и Н.Ф. Анненским [8. С. 64–65], то у идеологов пролетарского движения был неплохой шанс изучить статистику земств. Богданов писал по этому поводу так: «В <...> русской действительности <...> имелся огромный материал наблюдений, статистических и бытовых, собранный земскими работниками» [9. С. 71]. Только опираясь на него и освещая «с новой точки зрения» – марксистской, можно было не ошибиться в стратегических расчетах. Правда, «это – нелегкая, долгая работа» [Там же].

Во-вторых, существовала еще одна возможность разобраться в ситуации, которая привела Россию к войне, – дополнить картину реального состояния страны

за счет информации по линии международных отношений. Сведения об этом имели хождение в аристократических кругах: дворяне-«зубры» и завистливые царедворцы, «жадной толпой стоящие у трона», – все они, не таясь, муссировали тему попустительства кучке «беспринципных петербургских дельцов во главе со статс-секретарем Безобразовым» [3. Т. 3. С. 56]. Команда этого человека с говорящей фамилией «решила организовать консорциум для разработки лесных богатств на реке Ялу, вдоль корейско-маньчжурской границы. <...> Они стали устраивать на Ялу ряд факторий, формировать с помощью военных и гражданских властей вооруженные отряды и распускать слухи о том, что они намерены присоединить эту область к России. Слухи эти чрезвычайно беспокоили японское правительство и до крайности раздражали японское общественное мнение» [Там же]. Для беспокойства и раздражения у японцев имелись более чем весомые основания, поскольку «в состав “безобразовской клики” входили князя Юсупов и Щербаков, графы Воронцов-Дашков и Сумароков-Эльстон, контр-адмирал Абаза, крупные помещики Болашов, Родзянко, Воронцов, а также великий князь Александр Михайлович <...>. “Безобразовская клика” во многом способствовала тому, что в российских правительственных кругах все большее распространение получила идея присоединения к России северной части Маньчжурии по аналогии со среднеазиатскими территориями. Даже неофициальное название появилось – “Желтороссия”. Самодержец Николай II Романов стал поддерживать такую идею, и в июле 1903 года учреждается царское наместничество на Дальнем Востоке – по примеру Кавказа и Польши (Царства Польского)» [1. С. 67].

Не меньше, чем японцы, возмущались маньчжурскими событиями и российские политики, полагая, что не доведут империю до добра затеи камергера Безобразова, адмиралов Алексева и Абазы и их окружения: за их жажду наживы, «за их лесные концессии, которые они взяли на Ялу, под самым носом у японцев, привыкших уже считать себя здесь хозяевами, придется дорого расплачиваться всему государству» [10. С. 143]. Параллельно с этим в аристократических кругах России злословили в адрес С.Ю. Витте, «который ухлопал миллион на постройку города Дальнего и создал на казенные деньги Русско-Китайский банк, финансировавший дальневосточные аферы» [Там же] высокопоставленных ловкачей. Мало того, этот «всемогущий министр финансов <...> настоял на переводе кораблей в состоянии “вооруженного резерва”» [3. Т. 3. С. 55], чтобы сэкономить на техническом обслуживании флота. Наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев не слишком огорчился, когда ему было отказано в кредитах на оборону: на генерала А.Н. Куропаткина маневры японской армии летом 1903 г. произвели такое впечатление, что он заверил Петербург: «Войны с Японией не будет» [Там же].

В столице легко поверили выводам Куропаткина – тем более, что российские «паркетные генералы» не

просто систематически игнорировали сведения из многочисленных и разнообразных источников, если те не совпадали со стереотипными представлениями о японцах как о «диких азиатских макаках». Проблема была в том, что царедворцы в погонах вовсе отказывались знакомиться с военным опытом современности, и прежде всего с достижениями восточного соседа – японской императорской армии. Совершенно феноменальные успехи в войне с Китаем, когда в течение лета 1894 – осени 1895 г. японцами были заняты вассальное Китаю Корейское королевство, Пескадорские острова, Тайвань и прибрежная часть Манчжурии [1. С. 40–42], так и не стали объектом изучения ни в российском Генштабе, ни в окружении дальневосточного наместника адмирала Алексева, хотя основная тактика и стратегия японцев – высадка массированных морских десантов при артиллерийской поддержке броненосных кораблей – была открыто продемонстрирована *еще за девять лет до войны с Россией. Но в течение этих девяти лет не было разработано ничего для эффективного противостояния японским боевым приемам* [10. С. 105–106] – у столичных генералов явно были другие интересы и заботы. И дело здесь было вовсе не в недооценке «азиатских туземцев», как может показаться на первый взгляд, ведь и европейский боевой опыт был столь же явно проигнорирован высшими российскими военными: уже в 1899–1900 гг. британская армия, сражавшаяся против бурских республик в Южной Африке, была вынуждена внедрить целый ряд принципиальных новинок – от мундиров защитного цвета до броневых щитов на полевых пушках и от пулеметов до бронепоездов. *Но за четыре года до начала войны с Японией ничего этого не было задействовано в практике российской армии*, хотя английские новшества успели освоить не только активно готовившиеся к войне с Россией японцы, но и ни с кем в тот момент не намеренные воевать американцы [Там же. С. 171].

Подобное отношение к результатам непосредственного боевого опыта иностранных армий объяснялось прежде всего придворным статусом российских военачальников, определявших основной порядок функционирования армии: своей главной задачей «паркетные генералы» видели не столько обеспечение максимальной боеспособности армии при оптимальном финансировании и снабжении (а главным в действительности является именно это), сколько *собственный карьерный рост, связанный с эффективным выполнением отчетных мероприятий* начиная с комплектования воинских частей и заканчивая демонстрацией их выучки на маневрах и парадах [Там же. С. 68–69, 70, 86–87, 92, 125, 132–133]. Что до немногочисленных генералов с боевым опытом (вроде того же А.Н. Куропаткина), то их тактические и стратегические навыки были сформированы в условиях туркестанских походов, когда русским регулярным частям противостояло плохо организованное ополчение не крупных и слабых в военно-экономическом отношении феодальных государств.

Естественно, что *такой* боевой опыт не мог способствовать объективной оценке сил противника, подобного японской армии: с точки зрения генералов-туркестанцев, понятия «азиатская страна» и «легкая победа» были едва ли не синонимами, и развеять это заблуждение смогли лишь реальные сражения в Манчжурии.

Идеологи РСДРП демонстрировали столь же прохладные отношения к военно-политическим сведениям с Дальнего Востока, где на глазах изумленного мира буквально за десятилетие из экзотически-декоративной страны бумажных зонтиков и расписных вееров сформировалась вполне современная империя, мощная в военно-техническом отношении и потому обладавшая немалыми амбициями в международной сфере. Вообще в среде российской интеллигенции наивно верили, что «раз в Гааге были подписаны державами, и Японией в том числе, бумажки об “арбитражах” и третейских разбирательствах, то всякая возможность войны тем самым устраняется» [3. Т. 3. С. 58]. Так что не только вожди пролетарского движения допустили недооценку ситуации: вплоть до объявления войны «считать Японию великой державой никто не желал» [Там же]. Беда крылась еще и в том, что, как отмечал известный советский историк академик А.Л. Нарочницкий, исследовавший политику мировых держав на Дальнем Востоке, даже «царские дипломаты, за немногим исключением, проявляли почти полное незнакомство с внутренней жизнью и внешней политикой Японии и с ироническим пренебрежением относились к агрессивным выступлениям политических деятелей и прессы, не понимая надвигающейся с этой стороны угрозы» [1. С. 46]. Что уж тут говорить о чиновниках военного ведомства или об оппозиционной общественности?! В России практически никто не интересовался информацией о стране, с которой назревал военный конфликт. Анализ возникшей ситуации тоже не входил в планы властвующих и тех, кто величал себя «властителями дум» нации.

То, что проблема начавшейся войны должна была получить всестороннее осмысление, выяснилось почти сразу же после объявления мобилизации вооруженных сил империи. Однако оппозиция привычно ограничилась тактикой возбуждения антиправительственных настроений в войсках, отправляемых на фронт. В условиях полной неясности всего и вся лишь комитетчики-практики РСДРП, вооруженные богдановскими методами работы с массами (т.е. ориентированные на формирование у целевых групп рационального понимания политических событий вместо разжигания протестных эмоций), пришли к убеждению, что воздействие экзотического свойства изначально малоэффективно и недопустимо с нравственной точки зрения, поскольку предназначалось людям, которых одни – армейское начальство – по приказу властей отправляли за тридевять земель воевать неизвестно где, непонятно с кем и неясно ради чего; а другие – невоенные господа – скрытно, тайком звали к борьбе с «царскими сатрапами» и к непови-

новению армейским начальникам, за что по законам военного времени полагался расстрел. Выбора у солдата, как говорится, не было: если дальневосточный поход давал ему какой-никакой, но все же шанс выжить и вернуться героем домой, то для взбунтовавшегося «нижнего чина» конец был один – позорная смерть предателя. Так что, если уж умирать, то лучше на ратном поле.

Но душа болела и не находила утешения, потому что все мысли растревоженного солдата неизменно возвращались к семье, к родным, к детям: «Вот <...> за чужую землю <...> помру, а своя-то осиротеет! Кто ребят будет кормить <...>? <...> Мне больше внутри болит, за семью болит, все думаю, кто им поможет?» [10. С. 197].

Япония дала Российской империи «два драгоценных дня для принятия элементарнейших мер»: 24 января 1904 г. токийское правительство недвусмысленной нотой разорвало дипломатические отношения с Петербургом, а «в ночь с 26 на 27 января японские миноносцы атаковали нашу эскадру на артурском рейде» [3. Т. 3. С. 58]. Военное ведомство не успевало привести армию в боевое состояние, понимая, что поздно хватилось. Много лет у командования голова не болела, что в условиях потенциально возможной войны физическая и моральная готовность вооруженных сил оставляла желать лучшего.

Во-первых, довольно скоро обнаружилось, что армия «засорялась физически негодным элементом»: в соответствии с Уставом 1874 г., из-за «абсурдной жеребьевки» «людей отрывали от семьи и занятий, одевали, снаряжали, довольствовали, везли на край света и там убеждались, что они не годны к службе!» [Там же. С. 104] Для командования не было большим секретом, что внутри действующих войск всегда наличествовала «инвалидная армия», которая в период Русско-японской войны насчитывала, согласно официальным данным, 52 340 человек [Там же]. Можно себе представить, какие тяготы ложились на плечи боевых полков и дивизий: ведь именно им приходилось расплачиваться за управленческую беспомощность военных чиновников.

Во-вторых, командование не пеклось и о моральной подготовке армии к военным событиям. Даже не все офицеры знали, что Япония – островное государство, что это противоречивая и малопонятная для русского солдата чужая земля. Офицеры были настроены, что это – «экзотическая страна мимоз», и не предполагали столкнуться с нею в облике «страны шимоз» [Там же. С. 58] (шимоза, точнее «шимозе» – японское название осколочно-фугасных снарядов большой разрушительной силы, начиненных пикриновой кислотой. – Ю.К., А.Л. [11; 12. С. 194–195]). Поэтому так велико было недоуменное возмущение: хотя бы офицеров-то можно было познакомить с исторической справкой о стране противника. Сведений, находившихся в архивах и библиотеках, было предостаточно. Взять хотя бы памятную записку для московского посла в Пекине, составленную еще в XVII в. и толковавшую о том, что «за

китайским государством на востоке в окиане море от китайских рубежей верст с семьсот лежит остров зело велик, именем Иапония. И в том острове бОльшее богатство, нежели в китайском государстве, <...> люди свирепы суть» [13. С. 13]. Никто не стал и рядовому составу армии разьяснять, что солдат повезут сражаться «за девять тысяч верст, куда вела одноклейная дорога, не приспособленная для переброски военных сил, снаряжения и продовольствия» [7. С. 342].

Мобилизованные войска погрузили в вагоны, как скот, и отправили в неизвестность. Правда, надо отдать должное Николаю II: на всех пунктах отправления он появлялся лично и благословлял войска иконами, на что старый генерал Драгомиров откликнулся жестким комментарием: «Японцы нас бьют пушками, а мы их будем бить иконами» [Там же. С. 343]. Солдаты между собой тоже злословили по этому поводу. Великий князь Александр Михайлович – один из непосредственных виновников начавшейся войны – в своей «Книге воспоминаний» записал собственное впечатление от беседы с солдатами, призванными с Урала: «Три четверти солдат, которые должны были драться, только накануне узнали о существовании японцев. Им казалось непонятным оставлять родные места и рисковать своими жизнями в войне с народом, который не причинил им никакого непосредственного зла» [14. С. 179].

Для поднятия бодрости духа власти стали распространять в стране всевозможные небылицы о японцах, которых якобы неспроста нарекли «макаками», уверяли, что они не способны ни к какой самостоятельной творческой работе, что они «поголовно болеют “сонной болезнью”, засыпают в самый неожиданный момент» [7. С. 343; 10. С. 143]. Солидные газеты успокаивали общественное мнение тем, что Россия – могущественная держава, обладавшая сильнейшей в мире армией солдат-героев, руководимых образованным командованием, поэтому японцы непременно получат хороший урок от России.

Здесь необходимо внести ясность. Небылицы о населении Страны Восходящего Солнца, небрежно и впопыхах сочиненные для поддержания духа российской армии, категорически не соответствовали действительности, о чем свидетельствовали труды европейских и российских исследователей, в разное время познакомивших мир с Японией и ее народом. Например, итальянец-просветитель Алессандро Валиньяно отмечал особую культуру отношений между жителями этого островного государства: «Полагаю, – писал он в «Истории деятельности ордена иезуитов в Восточной Азии», – в мире нет народа, который относился бы к собственной чести более щепетильно, чем японцы. Они не терпят ни малейшего оскорбления, даже грубо сказанного слова <...>. Важные и трудные дела, которые могут вызвать гнев, возражение или спор, у них принято решать <...> только через третье лицо. Обычай этот настолько в ходу, что применяется

между отцами и детьми, между хозяевами и слугами и даже между мужьями и женами» [13. С. 90–91].

В известных российской интеллигенции «Записках флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812, 1813 годах. С приобщением замечаний его о японском государстве и народе» (1816) было написано следующее: «Что касается до народного просвещения в Японии, то, сравнивая массою один целый народ с другим, японцы, по моему мнению, суть самый просвещенный народ во всей подсолнечной. В Японии нет человека, который бы не умел читать и писать» [Там же. С. 112]. «В обхождении, – отмечал капитан В.М. Головин, – японцы всякого состояния чрезвычайно учтивы: вежливость, с какой они обращаются между собой, показывает истинное просвещение сего народа» [Там же. С. 102]. Однако вежливые японцы бескомпромиссны, когда кто-либо нарушает базовые нормы взаимодействия – семейного ли, общественного или внешнеполитического. Тот же Головин в своих «Записках...» обстоятельно изложил, как миссионеры, прибывшие в Японию из Португалии, были изгнаны из страны императором Тейго, который «приметил, что иезуиты более заботились о собирании японского золота, нежели о спасении душ своей паствы <...>. Изгнанные из Японии миссионеры в свое оправдание и по ненависти к народу, не давшему им себя обмануть, представили японцев перед глазами европейцев народом хитрым, вероломным, неблагодарным, мстительным <...>. Европейцы все такие сказки, дышащие монашескою злобою, приняли за достоверную истину <...>. Но мне судьба предназначила в течение двадцатимесячного заключения в плену сего народа удостовериться в противном» [Там же. С. 22].

Пожалуй, точнее иных в поиске общенациональных констант, определяющих цели и принципы внутренней и внешней политики Японии, оказались преподобный Р.Б. Пири из Англии и немец Эрнст фон Гессе-Вартег. Первый в своих заметках, названных «Сущность Японии» (1867), изложил свой взгляд на чувство национальной гордости у жителей Страны Восходящего Солнца: «Японцы в массе имеют весьма ошибочное представление о том, что такое патриотизм. Я встречал немало людей, считающих, что любовь к Японии предопределяет ненависть ко всем другим странам, что нельзя быть преданным родине и в то же время восхищаться зарубежными государствами» [Там же. С. 184]. Эта тема для островного государства во все времена имела острую политическую актуальность, потому что императорская власть могла опереться только на преданность народа и на чудо-технику, способную защитить от внешнего врага. Вот почему Эрнст фон Гессе-Вартег, побывавший в Японии буквально накануне ее войны с Россией, написал в книге «Япония и японцы» (1904), что эта азиатская страна «усвоила себе наши новейшие изобретения и открытия, испытала все системы, какие она нашла в Европе, и применила их у себя не точно в таком виде, нет – она применила их настолько, насколько это нужно было для укрепления

ее сил. Она воспользовалась Европой как лестницей, по ступенькам которой взобралась на вершину Дальнего Востока» [13. С. 152].

Верховная власть Японии на протяжении столетий терпеливо и целенаправленно, отсекая всё несвойственное нации по духу, воспитывала поколение за поколением, обучая население «ловко направлять чужую силу для своей выгоды» [Там же], не отрекаясь от своеобразных правил. Все это работало на развитие самоидентичности нации, делало японцев во всех отношениях «противником доблестным» для любого врага [3. Т. 3. С. 107]. Со временем обнаружилось, что в сравнении с идеологиями других народов японский патриотизм оказался «осмысленным» вследствие более высокого уровня общего образования и специфического воспитания – не столько националистического, сколько целенаправленно ориентированного на традицию и генетическую память народа. Патриотизм такого рода явился итогом продуманного воспитательного процесса, который опирался на особенности уклада жизни островного населения, жившего по большей части изолированно от других народов, на всемерную поддержку сохранения памяти о подвигах национальных лидеров и героев, а также на систему военного обучения, смолоду приучавшего японцев «к закаливанию воли, развитию энергии, культивированию широкой инициативы» [Там же. С. 108].

Эти особенности патриотического воспитания, практикуемые в Стране Восходящего Солнца, были отмечены А.А. Керсновским, посвятившим свою короткую жизнь кропотливому изучению истории побед и поражений русской армии, начиная с петровских времен. По мнению этого ученого, в русско-японской войне воины островного государства хорошо знали, за что они воюют, а их патриотизм выражался «в пламенной любви к родине, готовности, не задумываясь, отдать свою жизнь для ее величия» [Там же]. Русскому солдату чувство истинного патриотизма тоже было знакомо, но в основном по рассказам о войне с Наполеоном в 1812 г. Однако наряду с этим существовало горькое осознание того, что «богатые – не мы», поскольку вот уже почти целый век императорская власть приказывала русскому солдату воевать на чужбине за непонятные и неизвестно чьи интересы. Офицерский корпус действующей царской армии был тоже не в лучшем положении, потому что «многочисленные временные уставы и “наставления” [18]80-х и [18]90-х годов не давали командирам никакой руководящей идеи. При таком недостатке тактического обучения <...> офицерский <...> состав – до старших начальников включительно – был со школьной скамьи воспитан на примерах пассивной доблести защитников Севастополя и Шипки. В напряженной боевой обстановке эти вошедшие в плоть и кровь “подсознательные рефлексы” пересиливали поверхностно усвоенный устав. Откуда – всегдашний отказ от инициативы в критический момент боя, упущение золотых возможностей, безнадежное “стоять до конца”, “обороняться до последнего

патрона”» [Там же. С. 107]. Но чтобы исполнять приказ «стоять насмерть» перед атакующими врагами, требовалось мужество самой высокой пробы, беспримерная стойкость и героизм всех обороняющихся – от командования до рядовых бойцов. Японцы – как профессионально обученные воины – это хорошо знали и не скрывали своего восхищения перед портартурцами после сдачи крепости: «Нет никого лучше нас в атаке, нет никого выше вас в обороне <...>. Если бы мы соединились, то завоевали бы весь мир!» [Там же. С. 109]

Однако отнюдь не в тактике боевых действий проявилось принципиальное отличие противников. С точки зрения военного историка А.А. Керсновского (а это было мнение не только одного его в России), дело оказалось в том, что «русская армия расплачивалась своей благородной кровью за неудачную политику своей страны» [Там же. С. 96], посылавшей мужественных сыновей в «карательные экспедиции» в подражание нормам колониального империализма Запада, чтобы огнем усмирять народы, дерзнувшие заявить о собственных интересах и праве жить по своим законам и обычаям. Взяв внешние формы таких кампаний за образец, Петербург перед всем миром обнаружил свое банкротство и как тактик, и как стратег: «вместо охоты на макак» на сопках Манчжурии он поневоле попал в положение участника крупномасштабных сражений «с перворядной военной державой» [Там же. С. 98]. Некритическое копирование опыта чужих стран не только подрывало международный авторитет России, выставляя ее чем-то вторичным по отношению к успешной Европе, – оно еще отнимало время и ресурсы на осуществление заведомо проигрышной стратегии. А.А. Керсновский считал, что начало процессу бестолкового копирования Запада следует искать в петровских реформах. Что касается Японии, то она тоже, как и Россия, была знакома с западной цивилизацией. «Однако, – отмечал Керсновский, – Мутсухито не повторил роковой ошибки Петра I. Он бережно отнесся к духовному лику своего народа, его самобытности, его древним обычаям и не насиловал его души слепым и варварским поклонением всему иностранному. Взяв от Европы цивилизацию, японцы сохранили свою культуру. Они ревниво отстаивали свое японское естество, свою духовную цельность и не уродовали их на голландский, французский или немецкий образец. В этом отношении преобразователя Японии следует поставить выше полтавского победителя» [Там же. С. 108].

Здесь следовало бы внести некоторые уточнения, касающиеся того, что основная масса населения и России, и Японии после знакомства с европейской цивилизацией осталась маловосприимчивой к чуждому влиянию Запада: народы обеих стран не торопились отказываться от национальных традиций и самобытной культуры, чего не скажешь об элите. В России почти сразу после петровских реформ произошло разделение населения на два народа – «граждан мира» (по выражению Н.М. Карамзина [15. С. 138]), которых Петр I бла-

гословил на роль авангарда империи, и «мужицкую Русь». Разделение это становилось чем дальше, тем очевиднее: уделом «лапотного быдла» явился черный труд и покорное исполнение приказов высокой элиты, а смыслом существования европеизированных господ сделались балы, салоны, театры, путешествия и политические дискуссии, толкавшие императорскую власть на социальные эксперименты. Образованные верхи мало интересовались консервацией всего исконного – главного элемента преданий старины глубокой, сохранявшего традиции и культуру нации. Новое знание в народную среду практически не попадало – не в последнюю очередь из-за крайне низкого уровня грамотности простонародья. Зато «граждане мира» строили свою жизнь на европейский лад. Проблема заключалась в том, что группа таких образованных «русских европейцев» составляла *не более 5% от общей численности населения империи* и уже в силу этого не могла оказывать сколько-нибудь существенное влияние на идеологическую жизнь действительного большинства подданных царя. Другой, не менее существенной, проблемой был *характер усвоения европейской культуры вестернизированным меньшинством населения России*; по этому поводу весьма жестко высказался еще в первой четверти XIX в. выдающийся русский философ-западник П.Я. Чаадаев, признававший: «Мы воспринимаем идеи в готовом виде; поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли, и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы продвигаемся вперед, но в косвенном направлении, т.е. по линии, не приводящей к цели» [16. С. 28]. Естественным результатом такого *поверхностного и бессистемного усвоения доктринальных принципов политики* силами малочисленной группы, во многих отношениях изолированной от остальной социальной системы, стала **практически тотальная подмена общественного сознания** (т.е. системы социально-мировоззренческих установок статистического большинства населения страны) **общественным мнением** (иначе говоря, совокупностью эмоционально-психологических и мировоззренческих оценок текущих событий) **одной из привилегированных социальных групп**.

То же самое наблюдалось и в Японии после реформ Мэйдзи, когда либеральные круги правящей элиты посчитали, что пробил их час, и включились в борьбу за западный путь развития Страны Восходящего Солнца. Особую активность проявили молодые, но уже хорошо известные в империи люди, которые обучались в Англии, проявили большой интерес к идеям Лоренса Олифанта и Лейка Харриса, основавшего в 1860-х гг. утопическую коммуны «Братство общей жизни». Вернувшись в Японию «птенцы гнезда Олифанта» – государственный деятель, борец за конституционный строй Мори Аринори; писатель и педагог, открывший «школу западных наук», впоследствии первый президент Токийской Академии наук Фукудзава Юкити; дипло-

мат Хисанобу Самедзима и другие, – создали реформистское общество «Мейрокуся» и, отстаивая право нации на открытость новым идеям, провозглашали лозунги свободы, прогресса, цивилизации и просвещения, настаивали на вхождении Японии в мировое сообщество цивилизованных наций, для чего даже предлагалось отказаться от национального языка и иероглифического письма в пользу английского, и т.д. [17–19].

Однако пропаганда западного пути в Японии не получила развития вследствие того, что одним активистам этого движения пришлось подать в отставку, другим – отправиться в «почетную ссылку» послом, третьим – найти иные занятия для реализации недоюжных способностей. Политическое течение «Минкэн ундо», отличавшееся более умеренным западничеством при четкой ориентации на идеи либерального конституционализма, государственная власть тоже усмирила – либо арестами, либо понижением по службе, сопровождавшимся в дальнейшем жестким контролем за общественной жизнью в милитаристском стиле «сабельного режима». Этот режим был одной из особенностей политической культуры эпохи Мэйдзи и характеризовался тем, что абсолютно любой государственный служащий, вплоть до школьных учителей и почтальонов, приравнивался, в зависимости от своей должности, к армейскому офицеру или унтер-офицеру, приносил соответствующую присягу и в качестве обязательного атрибута служебного мундира имел меч, изначально после реформ оставленный лишь у профессиональных военных. Естественно, что при такой организации гражданских служб малейшее отклонение от политического курса императорского правительства рассматривалось либо как дисциплинарный проступок, либо как государственная измена, так что свободомыслие весьма большой общественной группы сводилось лишь к тому, в каком стиле и темпе представители этой группы исполняли распоряжения властей.

Представить, чтобы после этого оппозиция в Японии могла открыто критиковать императора, который к началу Русско-японской войны обладал исключительно широкими полномочиями, было просто невыносимо. А в России над Николаем II откровенно потешались:

Наш царь – Мукден, наш царь – Цусима,
Наш царь – кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму – темно.

Наш царь – убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь – висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.

Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать – Ходынккой,
Тот кончит – встав на эшафот [20].

Общественные деятели тоже не стеснялись рисовать столь апокалиптические картины состояния российского государства, что казалось – царизм уже на краю гибели. И.И. Петрункевич, один из активнейших оппозиционеров императорской власти, писал: «Самообольщение от ожидаемых легких побед рассеялось, как дым, когда было получено известие, что броненосец “Петропавловск”, с главным командиром флота в Порт-Артуре, адмиралом Макаровым, 31 марта 1904 года, т.е. через два месяца после начала войны, японцами был пущен ко дну <...> За этой вестью следовали новые: о потоплении других кораблей портартурского флота и начавшейся осаде Порт-Артура, отрезанного со всех сторон от России <...> Развал армии, начавшийся в среде ее высшего командного состава, естественно стал распространяться в ее низших рядах, а после мукденского поражения и гибели всего флота в Цусимском проливе охватил всю армию, ставшую неспособной оказывать сопротивление врагу» [7. С. 343, 345]. По стране поползли слухи о провале японской кампании, и эта молва несла разногласия, усиливавшую тревожность в народных массах. Однако антиправительственная истерия не прибавляла чувства ответственности беспечным «паркетным генералам» из военного ведомства, зато стремительно умножала беспокойство в обществе.

К началу войны против полумиллиона японских «бойцов – молодых, отлично обученных, одушевленных фанатическим патриотизмом» и оснащенных 1 032 скорострельными орудиями [3. Т. 3. С. 54], Россия выставила всего 90 тысяч человек при 184 орудиях [Там же. С. 59], поэтому на перекрытие более чем пятикратного дефицита людских и технических ресурсов требовались сверхусилия. Проблему, как это обычно происходило в империи, попытались решить за счет торопливого привлечения дополнительных людей. «Из полков, оставшихся в России, отправились на войну добровольцами 40 000 солдат» [Там же. С. 104]. Остальных призывали из запасных «старших сроков» [Там же], но закрыть зияющую брешь нехватки рядового и младшего офицерского состава не удавалось. «Спешка, с которой велась мобилизация» [Там же], только подливала масла в огонь, потому что «отношение русского общества к армии и к офицеру было резко отрицательным и пренебрежительным. Генерал Ванновский, на склоне дней своих ставший министром народного просвещения, не находил ничего более умного, как отдавать в солдаты излишне шумных студентов. Нелепая эта мера сильно вредила армии, превращая ее в какое-то место ссылки, тюрьму, вредила и престижу военной службы в глазах страны, обращая почетный долг в отбывание наказания. К мундиру относились с презрением – “Поединок” Куприна служит памятником позорного отношения русского общества к своей армии. Военная служба считалась уделом недостойным: по господствовавшим в то время в интеллигенции понятиям, в “офицеришки” могли идти лишь фаты, тупицы или неудачники, культурный же человек

не мог приобщаться к “дикой военщине” – пережитку отсталых времен <...>. Не отбывавшая воинской повинности интеллигенция, совершенно незнакомая с военным бытом, полагала в начале XX в. казарму тюрьмой, а военную службу состоящей из одной лишь “прогонки сквозь строй”. Из более чем двухвековой и славной военной истории она удержала лишь одно – шпицрутены» [Там же. С. 150]. Убежденность, что в армию идут «только идиоты или неудачники» [Там же], пережила события и Русско-японской войны, и Первой мировой. Даже военный министр и руководитель Временного правительства А.Ф. Керенский сохранил в своем сознании уверенность, что «при царе солдат в бой гнали кнутами и пулеметами» [Там же. С. 152].

Хотя возбуждение массового недовольства властью внутри страны при помощи элективной критики должно было бы жестко пресекаться по законам военного времени, оппозиционная общественность тут же поднимала невообразимый шум по поводу запрета свободы слова и отвоевывала право продолжать свою деятельность, невзирая на разрушительные последствия эксцитативной пропаганды. 27 октября 1904 г. А.В. Богданович записала в своем дневнике: «Сегодня из Москвы нехорошие известия, что 1000 человек призывных такие там творили беспорядки, что пришлось прибегнуть к войскам для их усмирения» [21. С. 301]. А 22 мая 1905 г. дневниковая запись жены члена совета министра внутренних дел носила еще более тревожный характер: «Говорили, что Московский и Семеновский полки посылаются на Дальний Восток. Жаль посылать туда войска – прямо на убой. Рассказывают ужасы про матросов из запасных, что якобы они взбунтовались на нескольких судах, не хотели драться, что половину матросов на “Орле” пришлось перевязать. При таких условиях с такими матросами бой был невозможен. Командир “Орла”, Юнг, застрелился, старший офицер – тоже» [Там же. С. 350].

А.А. Богданов вполне мог быть свидетелем некоторых инцидентов подобного рода. Как врач он сделал вывод, что чрезмерное психологическое давление на людей может порождать лишь деструктивные реакции, а как практик-пропагандист пришел к убеждению, что назойливая критика существующих порядков не прибавляет понимания происходящих событий.

Тем не менее, пока русская армия и погибала на Дальнем Востоке, в самой России активизировались антимонархические силы – и то, как просвещенная оппозиция действовала, не оставляло сомнений, что немалая ее часть отнюдь не страдала любовью к Отечеству. Иначе невозможно оценить тот факт, что японским правительством во время войны было выделено около миллиона иен на финансирование наиболее активных противников царского режима через опытного разведчика Мотодзиро Акаси [1. С. 89–91]. Трибуной сторонников вооруженной борьбы с самодержавием стала эсеровская нелегальная газета «Революционная Россия». В феврале 1905 г. она предложила своим единомышленникам «от-

бросить “сомнения и предубеждения против всяких боевых средств” и немедленно использовать все виды вооруженной борьбы с правительством: от массового выступления с оружием в руках до “партизанско-террористической” борьбы “по всей линии” включительно» [Там же. С. 91]. Эсеры к тому времени уже почувствовали себя авангардом оппозиции и слов на ветер не бросали: они знали, о чем говорили. Еще в августе 1904 г. в Амстердаме на встрече Е.Ф. Азефа, Е.К. Брешко-Брешковской, Ф.В. Волховского, И.А. Рубановича и В.М. Чернова с лидерами Финляндской партии активного сопротивления эсеры получили заверения в том, что оружие для борьбы с правительством Николая II – не проблема: в любой момент найдутся деньги, и «финляндцы берутся снабдить оружием в каком угодно количестве» [Там же]. Среди тех, кто готов был «единым фронтом» выступить с агитацией за поражение России в войне и отделение национальных окраин от российской империи, были, кроме эсеров и финнов, еще и лидеры Польской социалистической партии, представители Бунда, Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров. По сведениям департамента полиции, эсеры пытались договориться с социал-демократическими лидерами о «совместных террористических действиях» [Там же]. Однако меньшевики во главе с Плехановым были против терроризма.

Разброс мнений в среде оппозиции лишь отражал характер отношения к войне русского общества в целом – а оно было неоднородно. М.П. Бок, дочь П.А. Столыпина, писала о том, что сражения с японцами поначалу ничем не давали о себе знать – «ни лишениями, ни нарушением темпа жизни: жили мы, те, за которых страдали, боролись и умирали наши братья, так же буднично, сытно и спокойно, как и раньше» [22. С. 92–93]. Правда, раздражало, когда «демократические партии, обладая крупными денежными средствами, щедро травили их на издание своих газет и разбрасывание прокламаций» [Там же. С. 95]. И правда, один только одесский комитет РСДРП выпустил около 70 тыс. пропагандистских листов [23. С. 78].

Однако эффективность такой работы была сомнительной вследствие исключительно эксцитативного воздействия на массы. Пожалуй, из всей печатной продукции РСДРП заслуживала внимания информативностью и глубоким анализом лишь одна брошюра вице-лидера большевиков А.А. Богданова «Из-за чего война и чему она учит?». Работа Рядового (такой псевдоним избрал для себя автор) оказалась исследовательским трудом, где на базе статистических и исторических данных была продемонстрирована хищническая политика царизма и на мировой арене, и внутри страны.

Из особенностей начавшейся войны Богданов в своей брошюре отметил несколько главных:

1. Взаимным истреблением были заняты два ранее мирно соседствовавших народа.

2. Правительство скрывало от населения истинные масштабы потерь не только «в битвах от оружия», но и

«от болезней, холода, утомления и от изнурения при тяжелых переходах» [24. С. 3]. А потери эти на самом деле исчислялись десятками тысяч убитых и покалеченных.

3. Россия вступила в войну в условиях готовности других великих государств выступить на стороне Японии: в любой момент японцев мог поддержать Китай, не желавший забыть, как еще совсем недавно русские войска потопили в Благовещенске «ни за что, ни про что несколько тысяч мирных китайцев» [Там же. С. 4], и не смирившийся с тем, что Россия захватила Манчжурию; кроме того, Англия и Америка давно стремились «сокрушить на востоке могущество России» [Там же]. Это крайне беспокоило Германию и Францию, боявшихся усиления Англии и США. Словом, нельзя было поручиться, что в итоге «не вспыхнет пламя всесветной войны, страшного мирового пожара» [Там же].

4. Правительство тщательно скрывало также и истинные цели и причины начавшейся войны. А дело было в том, что поскольку «при бедности народной <...> товаров оказывалось “слишком много” для народного кармана» [Там же. С. 7], то капиталисты вынуждали правительство искать новые рынки для сбыта: «Они требуют таких рынков, которые служили бы для них одних, а иностранцы бы туда не допускались. Такими рынками могут быть только завоеванные страны» [Там же. С. 8], куда к тому же можно «нагнать <...> чиновников, полицию <...>, строить дороги <...>, церкви и тюрьмы» [Там же]. Жалование там дается «обязательно двойное-тройное, а воровать – сколько хочешь, никто не увидит» [Там же]. При строительстве Манчжурской дороги, например, служащие при месячном заработке в 75–100 рублей имели в короткий срок по 200 тысяч накоплений [Там же. С. 9].

У Японии для начала войны были свои причины: «Япония – государство маленькое, раз в 60 меньше России, а народу в ней 42 миллиона» [Там же]. Здесь промышленность развивалась быстро. Земельная теснота и нехватка рынков сбыта подталкивали Японию на войну с Китаем, но захватить удалось немного, так как Россия помешала: присвоила Манчжурию. А когда «протянула лапу к Корее» [Там же], это оказалось чрезмерным обстоятельством для терпения Японии, «и тут началась война» [Там же].

5. Оба правительства открыто вели дело к войне: японское создавало флот, покупало броненосцы на английских судостроительных верфях; русское продвигало войска к реке Ялу, но опоздало с готовностью из-за политической ситуации в стране. Рабочее движение стало опасной силой, крестьянин устал «переносить обирание, нищету и несправие» [Там же. С. 11], русское студенчество и просвещенная часть населения страны волновались; кроме того, возникла «преступная пропаганда» среди солдат и офицеров. Сколь великим был размах надвигающейся революции, говорили статистические данные министерства юстиции: за 1903 г. было арестовано и сослано по политическим делам в 4 раза больше народу, чем в 1902 г. [24. С. 12].

6. В целях морального давления на население правительство, начав войну, выдвинуло патриотический лозунг: все на войну с внешним врагом. Лейтмотивом газетных статей стал призыв: надо спасать отечество, «нехорошо затевать внутреннюю борьбу, когда угрожает общий враг; надо на время забыть старые счеты» [24. С. 12]. В противовес революционным стачкам и демонстрациям в разных городах устраивались манифестации с пением гимна «Боже, царя храни» и выкриками патриотических лозунгов.

Чтобы отвлечь внимание общества от революционной борьбы, затевались еврейские погромы, а газеты затем долго шумели о злодействах, учиненных над беззащитными людьми, ни в чем не повинными; в то же время почти ничего не сообщалось об антиправительственных выступлениях.

7. На войну власти надеялись как на мероприятие, дисциплинирующее армию, ибо «для солдат война – школа жестокости и слепого повиновения <...> Озверевший солдат куда удобнее для усмирения» [Там же. С. 14] на случай, если потребуются стрелять в своих же братьев-революционеров: он привычно выполнил бы приказ, как делал это на фронте.

8. Наконец, отмечал Богданов, война выкосит самую сильную и здоровую часть трудоспособного населения, так как на войну с Японией было призвано 400 тысяч войска, а «это – четыреста тысяч семей, на долгое время или навсегда потерявших кормильца-работника» [Там же]. Война, по осторожным расчетам специалистов, обошлась казне примерно в полтора миллиарда золотых рублей, а «голодать за это придется долгие годы чуть не всему народу» [Там же. С. 15].

Данные о злоупотреблениях властей, приведенные Богдановым в брошюре, свидетельствовали об отсутствии общественного контроля над деятельностью государственной власти. При огромном числе политических партий в России, при наличии либеральной прессы мало находилось охотников впутываться в опасный разоблачительный поединок с правительством. Вот и заменялась борьба за народное правление в России разговорами о «законности» и «патриотизме» в незаконном государстве, где «бюрократическое (чиновничье) управление обращается в управление воров и грабителей» [Там же. С. 19].

А.А. Богданов закончил свою работу разбором уроков, какие должно извлечь русское общество из Русско-японской войны:

- 1) без политических свобод невозможно держать под контролем управленческие функции правительства и правящих классов;
- 2) без признания авангардной роли пролетариата борьбу за эти политические свободы не выиграть;
- 3) без поддержки со стороны других угнетенных классов пролетариат не решит задач, возложенных на него историей.

Особую роль в достижении вышеназванных целей Богданов отводил российской социал-демократии: ей

необходимо стать разумным руководителем всей борьбы [Там же. С. 23–24].

Именно такой вариант пропагандистских разъяснений причин и уроков начала Русско-японской войны предложил вниманию революционных агитаторов для работы с массами А.А. Богданов, а его сподвижники предъявили «Искре» претензии в том, что «Центральный орган печати превратился в боевой орган “меньшинства” против “большинства” <...> В статьях против большинства и мысль, и страсть, и сила: во всех прочих статьях – вода и ни одной свежей мысли» [25. С. 24–25].

Казалось бы, для теоретиков-заграничников была дана Богдановым подсказка, как российской социал-демократии следует обозначить свою позицию, особенно в условиях, жестоко изменивших судьбу тысяч соотечественников. Александр Александрович ставил целью довести до руководства РСДРП мысль, что тактика возбуждения протестных настроений на фоне потерь и поражений выглядела кощунственной провокацией против собственной страны, поскольку в людях стремились разбудить неконтролируемое сознанием чувство мести, безнравственной из-за безадресности и самоубийственной по последствиям.

В связи с этим А.А. Богданов пытался обратить внимание вождей общественных движений на особую роль организаторов-лидеров. Она не только велика и ответственна, но еще и напрямую зависит от пропагандистско-организаторских способностей зовущего за собой. Пока лидеры политических партий не осознают, что организация новых форм общественной жизни достигается *не игрой мышления* [26. С. 62], а исключительно внедрением в практику тех норм целесообразности, которые «должны отнять у принудительных норм господство над социальной жизнью» [Там же. С. 63], они не смогут понять, почему деятельность всей российской оппозиции была провальной, в том числе в период Русско-японской войны. Конечно, по цензурным соображениям Богданов не мог даже упоминать об этих событиях. Но он продемонстрировал *силу организованного и слабость стихийного воздействия* на ход исторических событий. «Когда в столкновении двух армий солдат одной из них объединяет и ведет на бой принудительная сила долга, служебного и морального, а солдат другой – живое, непосредственное сознание общей цели в виде любви к родине <...>, – тогда мы знаем, которая из двух оказалась на деле организованнее и героичнее» [Там же. С. 72], – писал А.А. Богданов, стараясь убедить читателей в том, что стихийность процессов – не столь безобидное явление, если цена ему – тысячи жертв. К слову сказать, вооруженные силы Российской империи в войне с Японией терпели одно поражение за другим, пока бои велись на море – территории «чужой», где сознание коллективной цели проявлялось у участников сражений слабо; но тот же русский солдат, не имея организованного влияния со стороны, сам, полагаясь исключительно на им-

провизацию, сумел объединить свои усилия с другими и, как сказал бы в подобной ситуации А.А. Богданов, «сознавая себя интегральной частью великого целого» [26. С. 72], стоял насмерть в борьбе за неприкосновенность границ России. Здесь нормой целесообразности послужила верность традиции – та устойчивость, которая подобна «прочности камня».

Рассмотренная в статье история развития общественного сознания в ходе Русско-японской войны позволяет сделать недвусмысленный вывод, что любая идеологическая доктрина обречена оставаться детищем кабинетных теоретиков, пока не окажется интегрированной в систему ценностей, понятных каждому. Наиболее весомыми компонентами этой системы являются национальные традиции (понимаемые очень широ-

ко – от языка для общения и до глобальных мировоззренческих ориентиров) и жизненные интересы человека (также понимаемые очень широко – от базовых социальных потребностей до идеалов). Именно через них рядовой гражданин обретает уверенное знание того, к чему следует стремиться и какими способами этого добиваться, и любые новые идеи сопоставляются именно с этим уверенным знанием. Поэтому массовую поддержку может получить лишь та идеология, которая органично и непротиворечиво встраивается в национальную традицию, обеспечивая соразмерность полагаемых целей деятельности и средств к их достижению. Политическая сила, выстраивающая агитационно-пропагандистскую работу с населением на основе отмеченных закономерностей, естественным образом становится ведущей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М. : Вече, 2000. 576 с., ил.
2. Ольденбург С.Ф. Царствование императора Николая II. М. : Терра, 1992. 640 с.
3. Керсновский А.А. История русской армии : в 4 т. М. : Голос, 1992–1994.
4. Гессен И.И. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. 413 с.
5. Рамбо А. Живописная история древней и новой России. М. : Современник, 1994. 445 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
7. Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. Берлин, 1934. Т. 21. 411 с.
8. Шкаренков Л.К. История российской социал-демократии // Социальная демократия в России. Исторические аспекты. М.: [Б.и.], 1994. С. 58–71.
9. Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов : в 3 кн. М. : ИЦ «АИРО-XX», 1995. Кн. 3. 243 с.
10. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М. : Воениздат, 1986. 752 с.
11. Шимозе // Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 4 т. М. : Терра, 1997. Стб. 2077. Т. 4.
12. Сергеев П.Г. Взрывчатые и боевые отравляющие вещества // Популярно-техническая энциклопедия: Что, как и из чего делается / П.М. Лукьянов [и др.]; под ред. П.М. Лукьянова. М. : Л. : Госиздат, 1928. С. 187–205.
13. Овчинников В.В. Сакура и дуб. М. : Сов. Россия, 1983. 432 с., ил.
14. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М. : Современник, 1991. 271 с.
15. Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М. : Гардарики, 2000. 574 с.
16. Чаадаев П.Я. Избранные сочинения и письма. М. : Правда, 1991.
17. Япония (исторический очерк) // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М. : Сов. энцикл., 1978. Т. 30. С. 520–521.
18. Фукудзава Юкити // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М. : Сов. Энциклопедия, 1978. Т. 28. С. 123.
19. Пчелинцев М., Гузман А. Примечания // Гибсон У., Стерлинг Б. Машина различий. Екатеринбург : У-Фактория, 2002. С. 573–574.
20. Бальмонт К.Д. Наш царь // Русская эпитафия. М. : Худ. лит., 1990. С. 236–237.
21. Богданович А.В. Три последних самодержца. М. : Новости, 1990. 608 с., ил.
22. Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. М. : Товарищество «А.Н. Сьтин и К^о», 1992. 255 с.
23. Галерка (Ольминский М.С.). Орган без партии и партия без органа // Галерка (Ольминский М.С.) и Рядовой (Богданов А.А.). Наши недоразумения. Женева: [Б.м.], 1905.
24. Рядовой (Богданов А.А.). Из-за чего война и чему она учит? Женева: [Б.м.], 1904. 25 с.
25. Галерка (Ольминский М.С.) Недоразумения рассеялись! // Галерка (Ольминский М.С.) и Рядовой (Богданов А.А.). Наши недоразумения. Женева: [Б.м.], 1905. С. 24–32.
26. Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М. : Политиздат, 1990. 479 с.

Kupert Yuri V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: Kupert@rambler.ru ; *Lutsenko Anton V.* Seversk Technological Institute of National Research Nuclear University “MEPhI” (Seversk, Russia). E-mail: fantom9@rambler.ru

THE ROLE OF PUBLIC CONSCIOUSNESS IN RUSSIAN-JAPANESE WAR.

Keywords: Russian-Japanese war; revolution; social democracy; bolshevism.

This article is devoted to the social consciousness evolution and public agitational-propagandistic methods' transformations under influence of Russian-Japanese war in 1904–1905. The situation in the Russian economy and armed forces on the eve of war is considered, the role of «General Kuropatkin's economy» and the role of imperious elite conservatism in situation of unavailability of the Russian Empire to Far East war are analyzed. The history of occurrence of diplomatic contradictions between Russia and Japan at the beginning of XXth century and reflexion of these contradictions in public outlook of both countries are described. The special attention is given to comparison of ideological conditions of Russian and Japanese armies' staff before and during war. Influence of defeats of Russian armies on social ideology and, in particular, on the relation of citizens to the state power and military forces is characterised. The basic laws of social ideology causing a public susceptibility to political propaganda are estimated. It is noticed that the maximum chances of successful distribution in a society have the propaganda materials correlating with already existing ideology that does their clear for any potential supporter. The basic errors of the social movements oppositional to tsarism placing the basic emphasis on “excitative” propaganda and excitation of protest emotions instead of political world-view formation are analyzed. Article's authors analyze in details the original agitational-propagandistic technique developed by Alexander Bogdanov who worked at training of social-democratic party members for independent analysis of a political situation. Higher efficiency of long-term rationally conscious association of Party members' efforts based on A. Bogdanov's methods in comparison with short-term splash in protest emotions is estimated at traditional forms of “excitative” propaganda. The total conclusion of article specifies in necessity of accurate correlation between the ideological doctrine propagandised in a society and existing set of social and ideological values. The main elements of such set are the national traditions

known and clear to each citizen of the country. According to it, any new ideology will be popular so far as it can consistently be integrated into system of national traditions, adapting a society to historical calls. That political force which bases work with citizens of the country on these laws, naturally becomes the leading political force.

REFERENCES

1. Shishov, A.V. (2000) *Rossiya i Yaponiya. Istoriya voennykh konfliktov* [Russia and Japan. The history of military conflicts]. Moscow: Veche.
2. Oldenburg, S.F. (1992) *Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II* [The reign of Emperor Nicholas II]. Moscow: Terra.
3. Kersnovskiy, A.A. (1992–1994) *Istoriya russkoy armii: v 4-kh t.* [History of the Russian army. In 4 vols]. Moscow: Golos.
4. Gessen, I.I. (1937) *V dvukh vekakh. Zhiznennyy otchet* [In two centuries. The life record]. In: *Arkhib russkoy revolyutsii* [Archives of the Russian Revolution]. Vol. 22. Berlin: I.I. Gessen.
5. Rambaud, A. (1994) *Zhivopisnaya istoriya drevney i novoy Rossii* [The picturesque history of ancient and modern Russia]. Translated from French by A. Mikhel'son. Moscow: Sovremennik.
6. Dal, V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4-kh t.* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language. In 4 vols]. Moscow: Progress, Univers.
7. Petrunkevich, I.I. (1934) *Iz zapisok obshchestvennogo deyatelya* [From the notes of a public figure]. In: *Arkhib russkoy revolyutsii* [Archives of the Russian Revolution]. Vol. 21. Berlin: I.I. Gessen.
8. Shkarenkov, L.K. (1994) *Istoriya rossiyskoy sotsial-demokratii* [The history of Russian Social-Democracy]. In: *Sotsial'naya demokratiya v Rossii. Istorieskie aspekty* [Social Democracy in Russia. Historical aspects]. Moscow: [s.n.]. pp. 58-71.
9. Bogdanov, A.A. (1995) *Desyatiletie otlucheniya ot marksizma* [A decade of excommunication from Marxism]. In: Bordyugov, G.A. (ed.) *Neizvestnyy Bogdanov: v 3-kh kn.* [The Unknown Bogdanov. In 3 Vol]. Book 3. Moscow: AIRO-XX.
10. Ignat'ev, A.A. (1986) *Pyat'desyat let v stroyu* [Fifty years in the ranks]. Moscow: Voenizdat.
11. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1997) *Malye entsiklopedicheskiy slovar': v 4-kh t.* [The Small Encyclopedic Dictionary. In 4 vols]. Vol. 4. Col. 2077. Moscow: Terra.
12. Sergeev, P.G. (1928) *Vzryvchatye i boevye otravlyayushchie veshchestva* [Explosives and chemical warfare agents]. In: Luk'yanov, P.M. (ed.) *Populyarno-tekhnicheskaya entsiklopediya: Chto, kak i iz chego delaetsya* [The Popular Technical Encyclopedia: What, how and of what are things done?]. Moscow; Leningrad: Gosizdat. pp. 187-205.
13. Ovchinnikov, V.V. (1983) *Sakura i dub* [Sakura and oak]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
14. The Grand Duke Alexander Mikhailovich. (1991) *Kniga vospominaniy* [The Book of Memoirs]. Moscow: Sovremennik.
15. Utkin, A.I. (2000) *Rossiya i Zapad: istoriya tsivilizatsiy* [Russia and the West: The history of civilizations]. Moscow: Gardariki.
16. Chaadaev, P.Ya. (1991) *Izbrannye sochineniya i pis'ma* [Selected works and letters]. Moscow: Pravda.
17. Prokhorov, A.M. (ed.) (1978) *Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 30. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. pp. 520-521
18. Prokhorov, A.M. (ed.) (1978) *Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 28. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. p. 123
19. Pchelintsev, M. & Guzman, A. (2002) *Primechaniya* [Notes]. In: Gibson, W. & Sterling, B. *Mashina razlichiy* [The Difference Engine]. Translated from English by M. Pchelintsev. Ekaterinburg: U-Faktoriya. pp. 573-574.
20. Balmont, K.D. (1990) *Nash tsar'* [Our Tsar]. In: Vasiliev, V. (ed.) *Russkaya epigrama* [Russian epigram]. Moscow: Khudozhestvennaya literature. pp. 236-237.
21. Bogdanovich, A.V. (1990) *Tri poslednikh samoderzhtsa* [The last three of the autocrat]. Moscow: Novosti.
22. Bok, M.P. (1992) *Vospominaniya o moem ottse P.A. Stolypine* [Memories of my father P.A. Stolypin]. Moscow: A.N. Sytin i Ko.
23. Galerka (Olminskiy, M.S.). (1905) *Organ bez partii i partiya bez organa* [The body without the party and the party without the body]. In: Galerka (Olminskiy M.S.) & Ryadovoy (Bogdanov, A.A.). *Nashi nedorazumeniya* [Our misunderstanding]. Geneva [s.n.].
24. Ryadovoy (Bogdanov, A.A.). (1904) *Iz-za chego vojna i chemu ona uchit?* [What causes war and what are its lessons?]. Geneva [s.n.].
25. Galerka (Olminskiy, M.S.). (1905) *Nedorazumeniya rasseyalis!* [Misunderstandings vanished!]. In: Galerka (Olminskiy M.S.) & Ryadovoy (Bogdanov, A.A.). *Nashi nedorazumeniya* [Our misunderstanding]. Geneva [s.n.]. pp. 24-32.
26. Bogdanov, A.A. (1990) *Voprosy sotsializma. Raboty raznykh let* [Problems of socialism. Works of different years]. Moscow: Politizdat.

УДК 947.1/9+947.085(571.52) (04)
DOI: 10.17223/19988613/39/3

З.Ю. Доржу

ТУВИНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена Тувинской Народной Республике, которая в годы Великой Отечественной войны стала первым иностранным государством, объявившим войну нацистской Германии. По всей Туве араты работали под лозунгом «Все для фронта». В числе пожертвованных был золотой запас страны. На средства трудящихся Тувы были приобретены полтора десятка самолетов. Тува отправила на фронт пять эшелонов подарков, поставила для действующей армии 50 тысяч боевых коней, более 700 тысяч голов скота. Тувинские добровольцы вступили в Красную Армию и участвовали в боях на Украине, в Молдавии, Румынии, Венгрии и Чехословакии. На конкретных примерах показано, что победа советского народа над нацистской Германией – это и победа тувинского народа. Великая Отечественная война способствовала двустороннему сближению, итогом которого стало добровольное вступление ТНР в состав СССР.

Ключевые слова: война; СССР; ТНР; тувинский народ; Тува; добровольцы.

Боевой дух тувинского народа, имеющий богатое историческое прошлое, в полной мере проявился в годы Великой Отечественной войны. Тува по численности населения – республика небольшая, находится в Восточной Сибири, вдали от военных действий. В те годы она была самостоятельным государством и называлась Тувинская Народная Республика. Тува занимает особое место в российской истории, так как 100 лет назад в 1914 г. был установлен протекторат России над Тувой. Но окончательно тувинский народ влился в семью народов России последним, 70 лет назад в октябре 1944 г., а сам процесс вступления не имел аналогов. Ни в военные, ни в послевоенные годы в Туве не было реальной возможности для глубоких научных изысканий в условиях отсутствия научных кадров, документы военных лет еще не отложились в архивах, и историко-ведческая база была еще не сформирована, поэтому не было и публикаций. Историки начали описывать важнейшие события Великой Отечественной войны лишь в 1960–1970-е гг. Эти годы можно обозначить как I этап историографии советского периода, он начинается после XX съезда КПСС, когда появились элементы демократии, открылись возможности архивов, появились определенные условия для работы историков. Среди первых исследований можно назвать диссертационное исследование Ю.Л. Аранчына «ТНР в годы Великой Отечественной войны» [1]. Он первым в Туве получил ученую степень кандидата исторических наук. Автор встречался и беседовал с тувинскими добровольцами, им собран огромный фактический материал, документы тех лет, показаны события, связанные с войной Советского Союза с нацистской Германией и помощью народа Тувы. В ней впервые приводятся обобщенные количественные данные занятых на производстве людей. Автор дал оценку вклада тувинского народа в обеспечение фронта продукцией оборонной промышленности.

Это были только первые шаги по изучению темы участия Тувы в войне. Связано это с тем, что научных кадров в республике было мало, поэтому и процессы ее

научного осмысления значительно отставали. Тем не менее в эти годы были опубликованы коллективные труды. В 1964 г. выходит «История Тувы», где получило отражение участие населения республики на фронте и в тылу, обобщены фактические и статистические материалы на уровне республики [2. Т. 2]. В 1967 г. вышел сборник «Славные дочери Тувы» об участницах Великой Отечественной войны Веры Байлак, Розе Биче-кыс и др. Материалы представлены в виде очерков и в основном носят описательный характер, воспоминания несут эмоциональные оценки описываемых событий [3]. В 1975 г. были опубликованы «Очерки истории Тувинской организации КПСС». Очерки содержат раздел по войне, где рассматривалась общественно-политическая активность населения Тувы, прослеживалась динамика численности коммунистов и партийных руководящих кадров [4]. В вышеуказанных работах получили обобщение материалы о трудовом подвиге тувинского народа. Однако в них раскрыты только позитивные моменты, не отражены различные проблемы в годы войны.

В целом в публикациях советского периода не был дан критический анализ деятельности партийного и советского руководства. Не уделялось должного внимания и трудностям, вызванным войной, что было связано с социальным заказом для историков, подчиненностью одной идее – все на разгром нацистской Германии.

С конца 1980-х гг. начинается новый, II этап историографии, он характеризуется ростом числа публикаций. Этому способствовали демократические преобразования во всех сферах страны. Вышла документальная повесть В. Пивоварова «Добровольцы» о подвиге тувинских добровольцев по освобождению Ровенщины в годы Великой Отечественной войны [5]. К юбилейным датам Великой Победы прошли научно-практические конференции, изданы сборники статей.

В начале 1990-х гг. начинает формироваться современная российская историография. Новый этап историографии был обусловлен распадом СССР и образованием нового государства. Появляются новые по со-

держанию и осмыслению труда. Характерным для них является подчеркивание единства интернациональных и исторических истоков Победы. Тема «женщина и война» исследуется в работе Г.А. Забелиной «Женщина-тувинка в семье и обществе в первой половине XX века», где на большом фактическом материале показано, что вклад женской части населения ТНУ в помощь фронту был значительным [6].

В первые пятнадцать лет нового столетия произошел количественный и качественный всплеск в изучении темы, в этот период набирает силу объективный критический анализ проблем. В книге известного тележурналиста С. Брилева «Забытые союзники во Второй мировой войне» поднимаются вопросы участия в войне не великих держав, которые традиционно считаются победителями во Второй мировой войне, а о самых малых государствах, которые тоже принимали участие в войне и также внесли большой вклад в разгром нацистской Германии. По оценке автора, Тува совершила «потрясающий подвиг». А многие россияне не то, что этого, но даже не знают, где находится Тува и повествует о Туве так: «...скажу, что этот народ – до сих пор в состоянии войны с Германией. Как это? И кто они?!» [7. С. 575]. Далее автор высказал пожелание, чтобы была восстановлена историческая справедливость: 8–9 мая на Поклонной горе появляются все флаги стран антигитлеровской коалиции, но нет флага Тувинской Народной Республики! «А Тува абсолютно того заслужила, мягко говоря, тотальной мобилизацией. Даже в глубинных районах России такой тотальной и добровольной мобилизации трудно было найти», считает автор [Там же. С. 576].

В 2013 г. при поддержке общественных организаций «Боевое Братство» и «Союз ветеранов Афганистана» вышел фотоальбом «Честь и доблесть солдат из Тувы». В альбоме представлены фотографии и документы из республиканского музея РТ имени Алдан-Маадыр, включая документальный очерк о вкладе Тувинской Народной Республики в дело Победы [8].

В год 100-летия единения России и Тувы, 70-летия вступления ТНР в состав СССР вышла книга-альбом «Тува – фронту. Вклад Тувы в борьбу с фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны». Это научно-популярный труд, содержащий значительное число документов об участии населения Тувы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Книга состоит из приветствия уроженца Тувы – министра обороны РФ, генерала армии С.К. Шойгу, а также исторического очерка «Тува в годы Великой Отечественной войны» и подборки документов. Публикуемые в комплексе материалы дают картину огромного вклада тувинского народа в достижение победы Советского Союза в Великой Отечественной войне [9]. Общественно-политическая деятельность населения Тувы рассматривается через партийное руководство и взаимоотношения партийно-советских органов власти.

Именно они определяли основные направления и приоритеты государственной политики в годы войны.

Однако в имеющейся литературе по истории Тувы в годы войны не получила специального освещения деятельность работников культуры и искусства в годы войны. Недостаточно изучены проблемы организации труда на общественном производстве, малоизученными остаются проблемы, возникшие в связи с массовой занятостью населения. Не разработана проблема формирования актива во властных структурах.

Данная статья выходит за рамки периода Великой Отечественной войны. Это связано с особым статусом Тувинской Народной Республики как независимого государства и необходимостью рассмотреть исторические корни русско-тувинских связей, предопределивших участие ТНР в войне против Германии и приведших к объективному процессу интеграции и добровольного ее вступления в состав СССР.

Республика Тыва расположена на юге Восточной Сибири. На ее территории в 170,5 тыс. кв. км проживают 310 тыс. чел. [10. С. 7]. Располагаясь в самом центре азиатского материка, Тува граничит на севере и северо-западе с Красноярским краем и Республикой Хакасия, на северо-востоке – с Иркутской областью и Республикой Бурятия, на юге – Монголией и на западе – с Республикой Алтай. Когда началась Великая Отечественная война, Тувинская Народная Республика была «свободным, ни от кого не зависящим в своих внутренних делах государством, в международных отношениях республика выступала под покровительством Советской России» [11. С. 25]. Протекторат России над Тувой был установлен в 1914 г. и стал важным шагом на пути развития государственности Тувы, положив начало интеграции Тувы в состав России. Истоки взаимного движения к союзу двух народов уходят в более ранние времена.

Еще в середине XVIII в. Урянхайский край (так называлась Тува вплоть до начала XX в.) был завоеван маньчжурской империей Цин и до начала XX в. был ее колониальной окраиной. Политика российского правительства в отношении Тувы не носила целенаправленный характер. Тем не менее в это время получили развитие русско-тувинские приграничные торговые связи. В конце XIX – начале XX в. в край начали стихийно переселяться безземельные крестьяне, большинство которых были староверами [12. С. 7].

В результате Синхайской революции 1911 г. в Китае независимость обрела Внешняя Монголия, а из Урянхия были изгнаны китайцы. Монголия считала Урянхайский край своим и старалась присоединить его к себе. Сторонников перехода тувинцев в монгольское подданство было немало. Ряд правителей Урянхия ориентировались на Россию. Царское правительство России, учитывая свои геополитические интересы в этом регионе, в том числе проживание здесь около 5 тыс. русских переселенцев, что составляло десятую часть

его населения, уже с 1912 г. также начало обсуждать вопрос по закреплению края за империей [12. С. 9].

Однако Тува была разрознена, у тувинских нойонов не было единства по вопросу о будущем тувинского народа. Слаборазвитая экономика, сложная международная обстановка в то время не позволяли создать независимое и сильное государство.

В период с 1912–1914 гг. Тува искала свое место и не могла определиться между Россией и Монголией. К царскому правительству обратились тувинские нойоны Комбу-Доржу, Буян-Бадьргы, Чамзы Хамбы-лама с просьбой принять их хошуны (районы Тувы) в состав России. 4 (17) апреля 1914 г. Николай II на докладной записке министра иностранных дел С.Д. Сазонова по вопросу о принятии Урянхайского края под российское покровительство начертал «согласен» [13. С. 22]. Тем самым тувинские правители смогли сохранить самобытность страны и предотвратить угрозу монголо-китайской ассимиляции. Оценка этого события в истории Тувы неоднозначна. В советской историографии, хотя и отмечались определенные позитивные для Тувы моменты установления протектората, тем не менее, подчеркивалась его незаконность. В современной литературе ведется спор, был ли протекторат «присоединением», колонизацией с помощью военной силы, или все же это было «покровительство».

В.И. Дулов преодолел одностороннюю характеристику русского влияния в Урянхае, подчеркивая прогрессивное значение присоединения Тувы к России [14. С. 23]. Х.М. Сейфулин, Ю.Л. Аранчын и Н.А. Сердобов протекторат России над Тувой однозначно отождествляли с присоединением [15. С. 298]. В.А. Дубровский отмечал, что обращение тувинских нойонов к русскому царю «послужило международно-правовой основой для установления покровительства (протектората)». «Именно покровительства, – подчеркнул он, – а не включения в состав империи» [16. С. 14].

В Урянхае действовала колониальная администрация. Однако Тува, как и прежде, делилась на хошуны, сумоны и арбаны. В них действовала власть нойонов и баев. У тувинцев по-прежнему сохранилась их вера – буддизм. Немаловажно и то, что сохранились целостность тувинской народности, ее язык, обычаи и традиции. В 1914 г. русскими был заложен первый город – Белоцарск (ныне Кызыл), ставший административным, экономическим и политическим центром Тувы. Строились другие русские поселения, где открывались школы и медицинские пункты. Для Тувы было важным начавшееся строительство Усинской колесной дороги, которая связала край с «большим миром». Все это говорит о том, что политика Николая II в отношении Урянхия действительно носила покровительственный характер. Россия даже не стремилась закрепить в международных документах свое влияние на Урянхайский край в форме протектората.

Большевистское правительство, придя к власти в октябре 1917 г., отказавшись от всех договоров цар-

ской России, ликвидировало протекторат над Тувой. Большое внимание и усилия стали прилагаться по созданию различных зон влияния, чьи политические режимы были дружественными Советской России. Подтверждением этого является образование в 1921 г. в результате народной революции Тувинской Народной Республики.

Становление молодого государства и его политической системы происходило с использованием советского опыта. В укреплении влияния на тувинское государство руководство СССР опиралось на русскую самоуправляющую трудовую колонию (РСТК). В самостоятельной Тувинской Народной Республике в форме РСТК находился автономный субъект государственного права. Он не претендовал на экстерриториальность и жил по законам ТНР и СССР одновременно. Соглашением между собой от 24 мая 1932 г. СССР и ТНР реорганизовали РСТК в комитеты советских граждан. Это были органы самоуправления русского населения в области культуры и быта. Позже, в 1942 г., комитеты были преобразованы в хуралы трудящихся. Тем самым было признано право на суверенитет и целостность Тувинской Народной Республики, а русскому народу дано право на автономию. Таким образом, созданием РСТК было продемонстрировано уважение как к тувинской государственности и ее интересам, так и к интересам граждан СССР.

В те годы были ликвидированы очаги эпидемических и социальных болезней, обеспечен рост населения. Если в 1921 г. население Тувы составляло 63 тыс. чел., то к 1945 г. ее численность достигла 95,5 тыс. Первые промышленные предприятия, первые каменные здания, первая школа, больница, библиотека – это тоже во многом результат деятельности РСТК, наследие культурного и образовательного обмена между ТНР и Советским Союзом. К 1930-м гг. тувинский народ, опираясь на помощь советского государства, обрёл свою письменность, а спустя 10 лет грамотность населения выросла с полутора до 65%, число школ увеличилось с 7 до 70. В советских учебных заведениях были подготовлены 826 специалистов для различных отраслей народного хозяйства и социальной сферы [2. Т. 2. С. 124].

Республике предоставлялись на льготных условиях долгосрочные кредиты, завозились машины, станки, ей были переданы горнопромышленные предприятия со всем их оборудованием, а затем, уже в военные годы, и все находящиеся на её территории советские предприятия промышленности, объекты социальной сферы – школы, клубы. Всесторонняя помощь СССР позволила тувинскому народу за короткое время продвинуться вперед по пути создания самостоятельного государства. Его экономические и культурные основы складывались под воздействием и с помощью Советского Союза, и сопровождались сближением и тесной интеграцией с ним.

До октября 1944 г. Тува оставалась независимой, обладая всеми атрибутами государства. Она имела

свою Конституцию, а также государственные символы: флаг и герб. Тува имела и свою Народно-революционную армию. Она заключала международные договоры, формировала свой бюджет, на ее территории были открыты дипломатические представительства СССР и Монголии.

22 июня 1941 г. – в день начала Великой Отечественной войны – было экстренно созвано Политбюро ЦК народно-революционной партии, которое постановило вечером того же дня начать работу X Великого Хурала. Делегаты съезда, заслушав заявление правительства ТНР о начале войны, единодушно приняли Декларацию, где говорилось: «Тувинский народ во главе со своей революционной партией и правительством, не щадя жизни, готов всеми силами и средствами участвовать в борьбе советского народа против фашистского агрессора до окончательной победы над ним» [8. С. 7]. Так ТНР вступила в войну на стороне Советского Союза, став его первым иностранным союзником в борьбе против агрессора.

26 июня 1941 г. состоялся Пленум ЦК ТНРП, рассмотревший вопрос о перестройке на военный лад народного хозяйства ТНР. Руководство республики приняло меры по расширению старых и созданию новых предприятий, был введен строжайший режим экономики, налажено производство продукции для фронта: полуботинки, сапоги и валенки, лыжных ремней, кавалерийского снаряжения, хозяйственных товаров. На 100 % был повышен сельхозналог, выпущен госзаем на 1 млн акша, увеличены розничные цены на отдельные товары, основные расходы бюджета направлялись на военные нужды, созданы новые подразделения народной армии, а также был организован военный всеобуч.

Население ТНР было немногочисленным, составляло 96 тыс. чел., включая 15 тыс. советских граждан. Из всего населения насчитывалось 37 тыс. трудоспособных, в том числе 30 700 (83%) кочевников-аратов, дававших до 64% всего объема производимой в стране продукции. С самого начала войны развернулось движение всенародной помощи фронту. В итоге ТНР досрочно выполнила экспортные обязательства перед СССР (за годы войны экспортировано более 600 тыс. голов скота, 1 989 пудов масла, 1 976 пудов шерсти, 28 тыс. шт. кожи), сбор даров природы, индивидуальных посылок и теплых вещей, внесение зарплаты и трудовой, добычи первых дней охоты. Свой вклад в опережающее производство товарного хлеба, мяса и мясопродуктов, меда, фуража вносили труженики всех форм хозяйств, существовавших в республике. В 1942 г. Совет министров и ЦК ТНРП поддержали инициативу аратов Тес-Хемского хошуна, досрочно, уже к 7 июня выполнивших годовой план закупок скота и, кроме того, взявших на себя обязательство продать государству весь настриг шерсти овец.

Высокой оценкой вклада трудящихся ТНР в дело борьбы с фашизмом явился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 августа 1944 г. о награждении

большой группы животноводов, рабочих, партийных и государственных работников ТНР. Орденом Ленина были награждены араты Кудажи и Орнугу, руководители ТНР С. Тока, А. Чимба и Х. Анчима, орденом Трудового Красного Знамени – 2 человека, орденом Красной Звезды – 5, орденом «Знак Почета» – 5, медали «За трудовую доблесть» получили 9 человек, «За трудовое отличие» – 14 человек.

Самым популярным словом в Туве стало слово «ду-заламчы» – «помощь», которая поступала от каждой семьи. В совокупности она стала важным вкладом в дело победы над общим врагом. Первый эшелон подарков из 50 вагонов был отправлен в апреле 1942 г., его сопровождала делегация в составе Генерального секретаря ЦК ТНРП С. Тока, животноводов О. Ынаажык и С. Саны-Шири, писателя О. Саган-оола, работницы швейкомбината О. Парынмаа. С делегацией состоялась встреча с командующим Западным фронтом Г.К. Жуковым, которому, а также группе летчиков, пехотинцев и генералов были вручены ордена Республики ТНР. Эта поездка получила широкое освещение в советской прессе. Киностудией «Союзхроника» она была снята на киноплёнку. О доставке на фронт второго эшелона (52 вагона) от 16 августа 1942 г. писала газета «Правда». Кроме того, к этому времени Тува взяла шефство над двумя военными госпиталями, размещенными в г. Красноярске, регулярно снабжая их продуктами [17. С. 102].

В марте 1943 г. на фронт был отправлен 3-й эшелон (120 вагонов) с подарками. В постановлении Военного Совета Брянского фронта от 11 марта 1943 г. отмечено: «...на наш фронт прибыла делегация от тувинского государства во главе с секретарем ЦК ТНРП тов. Тока, привезшая 40 вагонов подарков для бойцов и командиров. Постановили: зачислить почетными бойцами в состав 6-й гвардейской стрелковой дивизии Тока, министра внутренних дел Товарищтая, скотовода Кудажи, секретаря хошкома ТНРП Токтугу и вручить им гвардейские значки» [Там же. С. 105].

В соответствии с Указом Президиума Малого Хурала ТНР от 15 марта 1943 г. орденами ТНР были награждены командующий фронтом генерал-полковник М.А. Рейтер, член Военного совета фронта генерал-лейтенант танковых войск И.З. Сусайкин, генерал-майор А.П. Пигурнов, генерал-майор С.И. Шабалин, генерал-лейтенант Н.П. Пухов, генерал-майор М.А. Козлов, генерал-полковник О.И. Городовиков, Герой Советского Союза генерал-майор авиации И.Г. Пятыхин и группа советских офицеров. На обратном пути с фронта тувинская делегация посетила в Москве В.М. Молотова и вручила ему орден ТНР. За военно-исторические победы и помощь тувинскому народу в хозяйственном и культурном развитии такой же орден был передан И.В. Сталину.

Всего за период войны трудящиеся ТНР отправили на фронт 5 эшелонов (389 вагонов) подарков, в том числе 52 тыс. пар лыж, 10 тыс. полуботинок, более

16 тыс. пар валенок, 19 тыс. пар рукавиц на общую сумму более 19 млн акша. Тува направила в помощь Красной Армии 50 тыс. боевых коней, ежегодно поставляла для госпиталей и детских домов 12 т облепихи. В числе пожертвованных были золотой запас страны, составлявший около 30 млн советских рублей, а также добыча тувинского золота на сумму порядка 5 млн руб. На средства трудящихся Тувы были приобретены и переданы представителям военно-воздушных сил полтора десятка истребителей ЯК-7в. В связи с этим 8 марта 1942 г. от Верховного главного командования была получена телеграмма: «Прошу передать трудящимся ТНР, собравшим... акша на строительство авиаэскадрильи “Тувинский народ – фронт”, отправившим Красной Армии продовольствие и подарки, мой братский привет и благодарность. И. Сталин» [8. С. 28]. К 1944 г. число ударников в республике превысило 600 человек. Люди не ограничивались проявлением личной трудовой самоотверженности, на предприятиях возникали целые ударные «фронтные» бригады.

В Туве были сформированы отряды народного ополчения. В них прошли подготовку и получили специальности танкисты, кавалеристы, медсестры, связисты, снайперы, ставшие добровольцами тувинского эскадрона. В четыре раза была увеличена численность Народной Армии. 24 ноября 1941 г. командующий войсками Сибирского военного округа официально сообщил тувинскому правительству о призыве в Красную Армию из ТНР советских граждан в возрасте от 19 до 40 лет. Все расходы, связанные с проведением призыва, правительство приняло на госбюджет ТНР. По самым скромным подсчетам, русская колония в ТНР поставила на фронт свыше 3,5 тыс. воинов, 900 человек из которых ушли туда добровольно [Там же. С. 16].

Прославились шестеро братьев минометчиков из поселка Кызыл-Арыг Иван, Лука, Авксентий, Василий, Семен и Александр Шумовы. Они участвовали в обороне Ленинграда, в боях за Прибалтику и на Балканах. Трое из них пали смертью храбрых. Их боевое орудие № 1099 образца 1938 г. хранится в артиллерийском музее Ленинграда. Документами подтверждено, что из него было уничтожено до батальона живой силы противника, разбито 25 минометов и пулеметов, разгромлено до 30 блиндажей и дзотов врага. Прославленные воины из Тувы стали героями поэмы «Россия» Александра Прокофьева. Свои стихи посвятили им Илья Авраменко и Петр Лукницкий. В боях под Сталинградом принимали участие братья Сажинны, Горбуновы, М.А. Давыдов, В.И. Тутатчиков и другие жители Тувы.

В одном из боев на Ленинградском фронте в феврале 1944 г. отличился командир орудийного расчета Н.Н. Макаренко, получивший боевое задание остановить продвижение вражеских танков. Бой был неравным. Остались в живых трое из артиллеристов, они были ранены, но не отступили. Участвовавшие в этом

бою были награждены орденами, высокого звания Героя Советского Союза был удостоен Н.Н. Макаренко.

Летом 1944 г. в бою на подступах к г. Бобруйску совершил подвиг водитель танка Т-34 сержант М.А. Бухтуев. Его танк на полном ходу врезался в бронепоезд и взорвал его. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 августа 1944 г. М.А. Бухтуеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Весной 1943 г. Советское правительство разрешило тувинским добровольцам войти в ряды Красной Армии. 20 мая 1943 г. на фронт отправились 11 тувинских танкистов-добровольцев. 1 сентября в Кызыле состоялась проводы добровольческого кавалерийского эскадрона в составе 208 чел. под командованием Т.Б. Кечилоола. Боевую выучку отряда перед отправкой на фронт проверял генерал-полковник О.И. Городовиков. Он писал в ЦК ТНРП: «Люди хорошо натренированы, подготовлены по боевой и политической подготовке и представляют собой вполне готовую боевую единицу» [17. С. 262]. Участвовали в войне летчики С. Хунан-оол, О. Ензак, Х. Хопуя после освоения в Саратове самолетов «ЯК-7в», «Лавочкин-5». Таким образом, общую численность трех групп добровольцев составили 221 чел. В составе добровольческого отряда кавалеристов воевали десять женщин-тувинок, они оказывали медицинскую помощь раненым.

Тувинские добровольцы участвовали в освобождении Украины, Молдавии, Венгрии Румынии и Чехословакии. При ликвидации Кишиневско-Яского плацдарма героически погибли таксисты У. Донгак, Б. Байкара и И. Кыргыз. Механик-водитель танка Т-34 Хомушку Чургуй-оол был удостоен звания Героя Советского Союза. Тувинские конники – бойцы IV эскадрона 31-го полка 6-го гвардейского кавкорпуса особо отличились при освобождении г. Ровно (2 февраля 1944 г.). Пулеметчики во главе с гвардии старшим лейтенантом Бурзекеем и старшины Дажы-Серена 12 февраля 1944 г. на подступах к деревне Сурмичи у г. Дубно совершили бессмертный подвиг. Прикрывая отход полка на новые рубежи, встали на пути врага и остановили его ценой своей жизни рядовые О. Туметей, Д. Дыртык, О. Бады, М. Базыр, К. Сенчен-оол, С. Дидиржаа, Х. Лакпа, С. Майын-Тара, О. Самбуу, С. Канчыр-оол, О. Удумбораа, М. Монгештей, О. Чылбак, С. Часкыдан, С. Шойдакпан. Тувинцы приняли участие в освобождении 80 западноукраинских населенных пунктов.

В письме командования 8-й гвардейской дивизии в ЦК ТНРП тувинцев называли «орлами Саянских хребтов» и отмечалось: «Примерами мужества, стойкости и отваги наполнен боевой путь тувинцев, которые выдержали жестокую проверку в боях с врагом, оправдали с честью данную своему народу клятву» [18. С. 303]. За героизм и отвагу, проявленные в боях с фашистскими оккупантами 67 бойцов и командиров эскадрона были награждены орденами и медалями Советского Союза, 135 добровольцев – орденами и медалями ТНР. Эскад-

рон также был отмечен высшей наградой ТНР – орденом республики. Командир IV эскадрона 31-го полка 8-й гвардейской кавдивизии, гвардии капитан Тюлюш Кечил-оол был удостоен звания Героя Советского Союза. Некоторые добровольцы, после излечения в госпиталях, воевали в составе других частей, поскольку эскадрон по указанию Советского правительства был возвращен в Туву, участвовали в освобождении Венгрии, Чехословакии и Австрии. Гвардейцы К. Чамзырын, Т. Таржаа воевали в Германии, О. Каваа, О. Соктай и О. Седен-оол участвовали в штурме Берлина. О. Сенгии после победы над Германией участвовал в боях с Квантунской армией в Маньчжурии [18. С. 7].

Во имя Победы отдали свою жизнь 69 тувинских добровольцев из 221. Как и все население Советского Союза, трудящиеся Тувы жили и работали под девизом «Все для фронта, все для Победы!» и помогали своим трудом, своими сбережениями, личным участием в боевых действиях.

Вышеизложенные исторические факты, развитие тувинской государственности, а также отношения, которые особенно окрепли в годы Великой Отечественной войны, вели ко всё большей интеграции Тувы с советской государственной и общественной системой. 16 августа 1944 г. состоялась Чрезвычайная VII сессия Малого Хурала. На ней, отражая объективные интересы народа Тувы, единогласно была принята Декларация о добровольном вхождении Тувинской Народной Республики в состав СССР. В ней говорилось: «Весь 23-летний путь свободного развития тувинский народ прошел в братском содружестве с великим русским народом. Советское государство <...> обеспечило расцвет материальных и духовных сил больших и малых народов в единой социалистической семье. Жить и трудиться в этой семье – заветное желание тувинского народа» [4. С. 151]. Документы свидетельствуют, что инициатива вступления Тувы в состав СССР исходила от тувинского партийного руководства. Выразителем желания сторонников вхождения Тувы в состав СССР был генеральный секретарь ЦК ТНРП Салчак Калбак-Хорекович Тока.

11 октября 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ: «1) удовлетворить просьбу Малого Хурала трудящихся ТНР и принять ТНР в состав СССР; 2) просить Верховный Совет РСФСР принять ТНР в состав РСФСР на правах автономной области» [Там же. С. 152]. В советский период в исторической литературе вопрос вхождения Тувы в состав РСФСР и СССР трактовался однозначно, «осуществлением сокровенной мечты всех трудящихся ТНР – жить и трудиться совместно с братскими народами СССР». В годы «перестройки» и позднее появились статьи в печати, где поднимались вопросы, что ТНР вступил в состав СССР незаконно. В статьях утверждалась и такая мысль, что вступление

Тувы в состав СССР ничего хорошего не принесло народу, тувинцы потеряли прежнюю независимость и самобытность. Конечно, с правовой точки зрения в Туве и в России следовало провести референдумы по этому вопросу. Но в конституциях и других законодательных актах СССР, РСФСР и ТНР такая процедура не предусматривалась. Тому, что Верховный Совет не обсудил этот важный акт, а ограничился только решением своего Президиума, также можно найти объяснение: во время войны Верховный Совет СССР ни разу не созывался по понятным причинам и делегировал свои полномочия Президиуму. Все эти суждения рассматриваются без учета исторической обстановки 1940-х гг.

Вхождение Тувы в состав Советского Союза стало вполне ожидаемым шагом на пути многовекового сближения русского и тувинского народов, на пути к единству. Национальная государственность тувинцев развивалась по советскому образцу, многолетнее советско-тувинское сотрудничество во всех областях общественной жизни вели Туву к все более тесной интеграции с советской государственной и общественной системой. Именно через крепнувшие связи с Советским Союзом и с его помощью тувинский народ приобщался к завоеваниям и ценностям современной цивилизации. В тех конкретно-исторических условиях у Тувы не было другого выбора, который обеспечил бы ей поступательное развитие. Вхождение Тувы в состав советского государства сыграло судьбоносную роль в истории тувинского народа. Включение и дальнейшее развитие в качестве Тувинской автономной области в составе СССР дает ответ и на мнение, что Тува до сих пор находится в состоянии войны с Германией. Действительно, 25 июня 1941 г. войну Германии объявила Тувинская Народная Республика, которая до октября 1944 г. была независимым государством и не входила в состав СССР. В годы войны тувинцы служили в Красной Армии на правах добровольцев, т.к. не подлежали мобилизации как иностранные граждане. С 1944 г. Тува стала автономией в составе СССР и прекратила свое существование как самостоятельное государство раньше, чем Германия капитулировала. Республика Тыва является субъектом Российской Федерации и все вопросы, касающиеся войны или мира решаются на федеральном уровне. Поэтому считать, что Тува до сих пор находится в состоянии войны с Германией, неправомерно.

В годы Великой Отечественной войны Тувинская Народная Республика проявила себя верным и надежным военно-политическим союзником Советского Союза в его борьбе с гитлеровской Германией [8. С. 28]. Единство и сплоченность народов Тувы и СССР, основанных на исторически сложившихся связях, выдержали испытание войной и способствовали Победе над нацистской Германией в Великой Отечественной войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

Акша – денежная единица Тувинской Народной Республики в 1934–1944 гг. Делилась на 100 копеек.

Сумон – административно-территориальная единица в Туве. Из 10 человек – **арбан**, из 2 и более сумонов – **хошун** (кожуун).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аранчын Ю.Л. ТНР в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск. 1958. 170 с.
2. История Тувы : в 2 т. Новосибирск, 1964. Т. 2.
3. Славные дочери Тувы. Кызыл, 1967.
4. Очерки истории Тувинской организации КПСС. Кызыл, 1975. 405 с.
5. Пивоваров В.П. Добровольцы : докум. повесть : [О подвиге тувинцев по освобождению Ровенщины в годы Великой Отечественной войны]. Кызыл, 1990.
6. Забелина Г.А. Женщина-тувинка в семье и обществе в первой половине XX века. Кызыл : ТувТИКОПР СО РАН, 2010. 120 с.
7. Брилев С.Б. Забытые союзники во Второй мировой войне. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2012. 712 с.
8. Честь и доблесть солдат из Тувы. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 2013. 167 с.
9. Тува – фронту. Вклад Тувы в борьбу с фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны / под ред. С.К. Шойгу. М. : ОАО «Красная Звезда», 2014.
10. Статистический ежегодник Республики Тыва : стат. сб. / Тывастат. Кызыл, 2013. 254 с.
11. Конституции Тувы. 1921–1993. Кызыл, 1999.
12. Кузьмин Ю.В. Урянхай в системе русско-монголо-китайских отношений. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2000. 67 с.
13. Установление покровительства России над Тувой в 1914 году. Архивные материалы. Кызыл, 1994.
14. Дулов И.В. Присоединение Тувы к России в 1914 г. (К 45-летию вхождения Тувы в состав России) // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл, 1959. Вып. 7. С. 11–33.
15. Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971.
16. Дубровский В.А. За три века: тувинско-русские-монгольские-китайские отношения (1616–1915 гг.): сб. архив. док. Кызыл, 1995.
17. Аранчын Ю.Л. Исторический путь тувинцев к социализму. Новосибирск. 1982. 337 с.
18. Моллеров Н.М. Книга Памяти Республики Тыва (вступительная статья в соавторстве с Ю.Л. Аранчыном). Кызыл, 1995. 175 с.

Dorzhu Zoya Ju. Tuvan State University (Kyzyl, Russia). E-mail: zoyadorzhu@yandex.ru

THE TUVAN PEOPLE'S REPUBLIC ON THE EVE AND DURING WORLD WAR II.

Keywords: World war II; USSR; TPR; Tuva; volunteers.

At the beginning of Great Patriotic war the Tuvan People's Republic (TPR) has been an independent state, in the international relations the Republic was under the protection of the Soviet Russia. In the middle of XVIII century, Uryankhai territory (the name of Tuva till the early XX century) was conquered by the Manchu Qing Empire, to the early XX century was its colonial province. Russian government policy in relation to Tuva was not focused; however, at this time Russian-Tuva border trade relations have developed. In the late XIX – early XX centuries, spontaneous resettlement of landless peasants began. Tuva was fragmented, its economy, the international situation at that time did not allow establishing an independent state. During the period of 1912–1914 in order to find its place Tuva was balancing between Russia and Mongolia. Tuvan noyons (rulers) (Kombu- Dorzhu, Buyan-Badyrgy, Chamzy Hambo Lama) appealed to the royal government to accept their khoshuns (districts of Tuva) to Russia. On the 4th (17) of April 1914 Uryankhai territory was accepted under Russian protection. Thus Tuva was able to maintain the identity of the country and prevent the threat of Mongol-Chinese assimilation. On the territory of Uryankhai colonial administration acted. However, Tuva, as before, was divided into khoshuns (districts), sumons and arbans (settlements), where the power of noyons and bais (rulers) was functioning. The Buddhist religion, the integrity of Tuvan nation, its language, traditions and customs were preserved and remained in previous status. In 1914 the first city – Belotsarsk (now Kyzyl) was founded by Russians. Other Russian villages were built where schools and medical centers were opened, the construction of Usinsk road linked Tuva with the "great world". All this allows suggesting that the policy of Nicholas II in relation to Uryankhai territory had really protective character. In 1921 the Tuvan People's Republic as a result of the people's revolution was founded. The formation of the young state and its political system took place with the Soviet experience. By 1930 Tuvan people, with the help of the Soviet state, gained their writing, and after 10 years literacy of population increased from one and a half to 65%, the number of schools increased from 7 to 70. Educational institutions of the Soviet Union prepared up to 826 experts for various branches of economy. Comprehensive assistance of the Soviet Union allowed the Tuvan people in a short time to move forward to the foundation of an independent state. During the Great Patriotic War, Tuvan People's Republic became the first foreign country to declare war on Nazi Germany. Across the Tuva arats (peasants) worked under the slogan "All for the front." Among the donations was the country's gold reserve. Over a dozen of aircrafts were acquired at the expense of the Tuvan workers. Tuva sent to the front five trains with presents, delivered to the army more than 50 thousand horses, more than 700 thousand of cattle. Tuvan volunteers joined the Red Army and participated in battles in the Ukraine, Moldova, Romania, Hungary and Czechoslovakia. In the name of victory gave their lives 69 out of 221 volunteers from Tuva. All this allows suggesting that Victory of Soviet people over Nazi Germany – is the Victory of the Tuvan people. The Great Patriotic War promoted bilateral rapprochement, which culminated in the voluntary joining of the Tuvan Peoples Republic to the Soviet Union in October 1944.

REFERENCES

1. Aranchyn, Yu.L. (1958) *TNR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Tuvan People's Republic in the Great Patriotic War]. History Cand. Diss. Irkutsk.
2. Vaynshteyn, S.I. & Mannay-ool, M.Kh. (1964) *Istoriya Tuvy: v 2 t.* [History of Tuva: In 2 vols]. Vol. 2. Novosibirsk: Siberian Book Publishing.
3. Shyyrap, Sh.Sh. (1967) *Slavnye docheri Tuvy* [Glorious daughter of Tuva]. Kyzyl: Tuvan Book Publishing.
4. Shirshin, G.C. (1975) *Ocherki istorii Tuvinskoy organizatsii KPSS* [Studies in the History of the Tuvan CPSU organization]. Kyzyl: Tuvan Book Publishing.
5. Pivovarov, V.P. (1990) *Dobrovol'tsy: dokum. povest' : (O podvige tuvintsev po osvobozhdeniyu Rovenshchiny v gody Velikoy Otechestvennoy voyny)* [Volunteers: A documentary novella [About the heroism of Tuvans in releasing Rovenshchina during World War II]. Kyzyl, 1990.

6. Zabelina, G.A. (2010) *Zhenshchina-tuvinka v sem'e i obshchestve v pervoy polovine XX veka* [The Tuvan woman in the family and society in the early 20th century]. Kyzyl: TuvTIKOPR SB RAS.
7. Brilev, S.B. (2012) *Zabytye soyuzniki vo Vtoroy mirovoy voyne* [Forgotten Allies in World War II]. Moscow: OLMA Media Grupp.
8. Oorzhak, D.N. & Kara-ool, L.V. (2013) *Chest' i doblest' soldat iz Tuvy* [Honor and valor of Tuvan soldiers]. Kyzyl: Tuvan Book Publishing.
9. Shoygu, S.K. (2014) *Tuva – frontu. Vklad Tuvy v bor'bu s fashistskimi zakhvatchikami v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Tuva fir the front. Tuva's contribution to the fight against the Nazi invaders during World War II]. Moscow: Krasnaya Zvezda.
10. Tyva. (2013) *Statisticheskiy ezhegodnik Respubliki Tyva* [Statistical Yearbook of the Republic of Tyva]. Kyzyl: Tyvastat.
11. Tyva. (1999) *Konstitutsii Tuvy. 1921–1993* [Constitutions of Tuva. 1921–1993]. Kyzyl.
12. Kuz'min, Yu.V. (2000) *Uryankhay v sisteme russko-mongolo-kitayskikh otnosheniy* [Uriangkhay in the Russian-Mongolian-Chinese relations]. Irkutsk: Irkutsk State University.
13. Tyva. (1994) *Ustanovlenie pokrovitel'stva Rossii nad Tuvoym v 1914 godu* [The establishment of the Russian protection of Tuva in 1914]. Kyzyl.
14. Dulov, I.V. (1959) Prisoedinenie Tuvy k Rossii v 1914 g. (K 45-letiyu vkhozhdeniya Tuvy v sostav Rossii) [Tuva's joining to Russia in 1914 (The 45th anniversary)]. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. 7. pp. 11-33.
15. Serdobov, N.A. (1971) *Istoriya formirovaniya tuvinskoy natsii* [The history of the Tuvan nation]. Kyzyl: Tuvan Book Publishing.
16. Dubrovskiy, V.A. (1995) *Za tri veka: tuvinsko-rossiyskie-mongol'skie-kitayskie otnosheniya (1616–1915 gg.)* [For three centuries: Tuvan-Russian-Mongolian-Chinese relations (1616–1915)]. Kyzyl: Tuvan Book Publishing.
17. Aranchyn, Yu.L. (1982) *Istoricheskiy put' tuvintsev k sotsializmu* [Tuvinians historic path to socialism]. Novosibirsk: SB RAS.
18. Mollerov, N.M. (1995) *Kniga Pamyati Respubliki Tyva* [The Memorial Book of the Republic of Tyva]. Kyzyl: Tuvan Book Publishing.

УДК 94(470)
DOI: 10.17223/19988613/39/4

Г.С. Смирнов

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПРОГРАММА «СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ» КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В КОНЦЕ 1990-х – НАЧАЛЕ 2000-х гг.

На материалах федеральной целевой программы «Старшее поколение» рассматривается проблема реализации государственной политики в области социальной защиты экономически неактивного населения. Несмотря на то что реализация первого варианта Программы осуществлялась в годы финансово-экономического кризиса 1997–1999 гг., а второй – в период относительного экономического подъёма, выявлены её общие недостатки, послужившие причиной отказа Правительства РФ от её продолжения.

Ключевые слова: программно-целевой метод; Федеральная программа «Старшее поколение»; источники и объёмы финансирования; проблемы реализации; оценка результатов Программы.

Программно-целевой подход к организации социальной защиты экономически неактивных групп населения в постсоветской России стал использоваться уже с первых лет радикального реформирования. В условиях ресурсного дефицита, рассогласованности действий федеральных, региональных и местных органов власти, слабости социального законодательства данный подход объективно становился наиболее эффективным, поскольку позволял осуществлять согласованную социальную политику и концентрировать средства для решения самых важных проблем.

Однако существует ряд условий, без выполнения которых программно-целевой подход малоэффективен. Это, прежде всего, умение разрабатывать качественные, хорошо согласующиеся между собой по вертикали и горизонтали целевые программы и неукоснительное выполнение всех их разделов. Между тем в исследуемый период далеко не всегда имелись объективные и субъективные возможности для соблюдения этих условий. Изучение качества принимавшихся программ, их реалистичности, способов и результатов реализации помогает углубить понимание конкретных механизмов осуществления социальной политики и потому является актуальной задачей современной исторической науки.

Между тем работ, посвящённых проблеме реализации социальных программ, опубликовано не много. Большинство из них рассматривают проблему с позиций общего социального программирования. Лишь одна из выявленных нами посвящена непосредственно программе «Старшее поколение» [1].

Федеральная целевая программа «Старшее поколение» была приурочена к Международному году пожилых людей. Президентский указ о ней был издан в июне 1996 г. [2] Тогда же было издано Постановление Правительства РФ от 18 июля 1996 г. № 844 «О разработке федеральной целевой программы “Старшее поколение” на 1997–1999 годы» [3]. Заказчиком программы назначалось Министерство социальной защиты РФ, которому совместно с заинтересованными ведомствами предлагалось «разработать и представить в

Правительство Российской Федерации до 1 августа 1996 года концепцию Программы; подготовить до 1 октября 1996 года и внести на утверждение в Правительство Российской Федерации в установленном порядке проект Программы» [Там же].

Однако в связи со сложной социально-экономической и политической обстановкой в стране данное постановление выполнено не было. Лишь спустя четырнадцать месяцев было опубликовано новое постановление Правительства РФ, признавшее предшествующий документ утратившим силу и утвердившее новую программу. К этому времени Минсоцзащиты было расформировано. Заказчиком стало Министерство труда и социального развития РФ [4].

Анализ содержания программы показывает слабость её теоретической основы. В качестве основной проблемы провозглашалось прогрессирующее увеличение доли пожилых людей в структуре населения, что уже само по себе звучало двусмысленно. Из этого роста делалось заключение об увеличении роли пожилых людей в общественной жизни и соответственно о необходимости большего выделения средств на их поддержку. Целей было определено целых четыре, без выделения доминирующей: «Формирование организационных, правовых, социально-экономических условий для осуществления мер по улучшению положения граждан старшего поколения и повышению степени их социальной защищённости; смягчение социально-экономических последствий переходного периода экономики для граждан старшего поколения; улучшение “социального самочувствия” граждан старшего поколения; активизация участия граждан в добровольной деятельности по решению социальных проблем пожилых людей» [Там же]. Отсутствие одной главной цели, логически объединяющей все остальные, также не способствовало чёткости программной целевой установки.

Основные мероприятия программы делились на две группы: а) направленные на комплексное решение вопросов усиления социальной защищённости граждан старшего поколения; б) призванные обеспечить улуч-

шение условий функционирования государственных систем и служб, осуществляющих деятельность в интересах пожилых людей, но отсутствовали критерии и показатели эффективности реализации как отдельных мероприятий, так и программы в целом.

Главным недостатком программы являлось отсутствие теоретической концепции, обосновывающей необходимость мероприятий и объединяющей их в единое целое.

Финансирование мероприятий программы также было спланировано неудовлетворительно. Общая сумма расходов была определена в 848,5 млн руб. в ценах 1996 г., но конкретные объёмы поступления средств из различных источников названы не были. Указывалось лишь, что финансирование предполагается из средств, выделяемых из федерального бюджета федеральным органам исполнительной власти на текущее финансирование и средств бюджетов субъектов Российской Федерации (по согласованию). Подразумевалось, что средства в объеме указанной суммы будут выделены из федерального бюджета. Именно так и посчитали аудиторы Счетной палаты РФ, проводившие выборочную проверку результатов реализации программы.

Однако бюджетное финансирование социальных программ, даже если средства на их реализацию закладывались в бюджет целевым назначением, осуществлялось по остаточному принципу. Тем более проблематичным оно становилось, когда их приходилось изыскивать в суммах, предназначенных совсем на другие цели. Относительно малозатратные мероприятия 1997 г. планировалось осуществлять за счет излишков текущих средств органов государственного управления, участвовавших в её реализации. В 1997 г. таких излишков не нашлось. В 1998 г. вновь не было выделено ни копейки. Начало финансирования было приурочено к проведению в Российской Федерации мероприятий в рамках Международного года пожилых людей (1999 г.).

На 1999 г. Федеральным законом «О федеральном бюджете на 1999 год» финансирование программных мероприятий было предусмотрено в сумме 81 млн руб. (с учетом ставки рефинансирования Банка России – 87,97 млн). Эта сумма была выделена Минфином России полностью. Однако в общей стоимости программы она составила всего 10,4%, а срок её реализации заканчивался. В итоге ко второму кварталу 2000 г. «из 45 предусмотренных Программой мероприятий выполнены или находятся в стадии выполнения 23 мероприятия, включая мероприятия, реализуемые в пределах средств, предусмотренных на текущее финансирование федеральных органов исполнительной власти. Из 23 мероприятий полностью выполнены только 6, из них 5 – за счет текущего финансирования федеральных органов исполнительной власти» [5]. В этих условиях Правительству ни оставалось ничего другого, как продлить программу с начала на 2000, а затем и на 2001 г.

Несмотря на скудное финансирование, Минтруд России не стремился к эффективному использованию

полученных средств, которые, как установили аудиторы Счетной палаты, месяцами лежали на счетах министерства без движения. Так, в нарушение требований ст. 425 Гражданского кодекса РФ государственный контракт с Минздравом России № 521-ЮР на сумму 26,02 млн руб. со сроком действия с 5 января по 31 декабря 1999 г. был заключён только 27 декабря 1999 г. Бюджетные средства в сумме 25,3 млн рублей (прочие текущие расходы), предназначенные на приобретение медицинского оборудования и автотранспорта для отделений больниц, обслуживающих ветеранов войн в субъектах Российской Федерации, не имеющих госпиталей ветеранов войн, были перечислены только 29 декабря 1999 г.

Были выявлены и факты нецелевого использования средств федерального бюджета, полученных по лимитам органами социальной защиты населения субъектов РФ. Например, 1 345,34 тыс. руб. были использованы не на финансирование программных мероприятий, а на приобретение холодильного и торгового оборудования, автотранспорта, компьютеров, инвентаря, строительных материалов, кресел-колясок для инвалидов, газового оборудования, кухонной утвари и на капитальный ремонт жилых помещений. 155,87 тыс. руб. вместо оснащения учреждений социального обслуживания пожилых людей техническими средствами, облегчающими уход, были потрачены на закупку телевизоров, магнитол, хозяйственных принадлежностей, кухонной утвари, тканей, ковровых покрытий, сантехнического оборудования, постельного белья, мягкой мебели, приборов и оборудования для парикмахерской.

Минтруд не обеспечил четкий контроль за поставкой автотранспорта в учреждения социального обслуживания населения, в результате чего часть автомашин были получены и поставлены на учет не учреждениями социального обслуживания населения, а органами социальной защиты населения субъектов РФ. Закупки, как правило, производились через посреднические организации, что удорожало стоимость автомобилей.

Анализ поступления финансовых средств на реализацию Программы показывает еще одну характерную особенность. Во-первых, бюджетные назначения не превышали даже половины запланированных расходов. Остальное предполагалось покрывать из внебюджетных источников. Во-вторых, в полном объеме средства не поступали. Так, законами о федеральном бюджете на 1999, 2000 и 2001 гг. на реализацию программ было запланировано соответственно 87,97, 163,8 и 190,0 млн руб. Всего – 441,8 млн руб. (52,1% предусмотренных программой расходов). Общие (внебюджетные и бюджетные) назначения по программе за три года равнялись (по подсчётам аудиторов Счётной Палаты) 1 018,4 млн руб. Фактическое использование средств составило 688,5 млн (67,6% назначенной суммы). А с учетом того, что ежегодная инфляция составляла официально 12–15%, указанную сумму следует сократить

процентов на 40–50. В любом случае программа не была выполнена на 100% [5].

Оценка результатов Программы противоречива. С одной стороны, указывалось на недостаточный объем финансирования и отсутствие единой концепции поддержки старшего поколения, с другой – её называли «первой попыткой комплексного подхода к улучшению положения пожилых людей на общегосударственном уровне», показавшей целесообразность разработки аналогичной программы на ближайшие годы [6]. В ряде документов перечислялись выполненные в рамках Программы работы и построенные объекты. Однако отсутствуют даже точные данные о поступлении и расходовании средств на ее реализацию, что отражает общее состояние финансового учета в стране.

Ясно лишь, что повышения степени социальной защищенности и смягчения социально-экономических последствий переходного периода экономики для граждан старшего поколения, улучшения их социального самочувствия в период реализации программы не произошло. Так, на «круглом столе», проведенном в ноябре 2001 г. Комитетом Совета Федерации по вопросам социальной политики на тему «О реализации государственной социальной политики в отношении граждан старшего поколения и совершенствовании ее правового обеспечения», в котором приняли участие члены СФ, представители Правительства РФ, Пенсионного фонда, органов государственной власти субъектов Федерации, ФНПР, общественных объединений ветеранов, ученые, специалисты в области социальной работы, отмечались совершенно противоположные тенденции. Положение пожилых людей в стране характеризовалось преимущественно негативными характеристиками: снижением уровня жизни, неудовлетворительным состоянием здоровья, социальной невостребованностью, ограниченным доступом к общественным благам и услугам, снижением возможности заниматься посильной трудовой деятельностью, низким уровнем пенсионного обеспечения. Если в 1994 г. (по данным ВЦУЖ) покупательная способность средней пенсии с учетом компенсации равнялась 1,29 величины прожиточного минимума пенсионера, то в 2000 г. – лишь 0,76, а покупательная способность минимальной пенсии (также с учетом компенсации) снизилась с 0,77 до 0,47 ПМП.

В январе 2001 г. еще без подведения итогов реализации предыдущей программы было издано распоряжение

правительства о подготовке нового варианта Федеральной целевой программы «Старшее поколение» на 2002–2004 гг.» [7], а год спустя была утверждена и сама программа [8]. Причиной такой поспешности стало намеченное на 2002 г. проведение 2-й Всемирной ассамблеи по проблемам старения. Требовалось срочно «осуществить подготовку материалов к этому международному форуму, свидетельствующим о комплексном подходе к решению проблем пожилых людей в Российской Федерации» [6. Раздел 4].

Цель относительно предыдущей программы была сформулирована более конкретно: «Создание условий для повышения качества жизни граждан старшего поколения на основе развития сети учреждений социального обслуживания и совершенствования их деятельности, обеспечения доступности медицинской помощи, образовательных, культурно-досуговых и иных услуг, содействия активному участию пожилых граждан в жизни общества» [6. Паспорт программы]. Результатами реализации Программы должны были стать: «улучшение социального положения граждан старшего поколения за счет выравнивания региональных показателей социального обслуживания, приближения состава и объема предоставляемых услуг к потребностям общества; создание учреждений нового типа для предоставления пожилым людям жизненно важных услуг (геронтологические центры, дома малой вместимости, дома временного пребывания, геронтопсихиатрические центры, мобильные социальные службы, больницы медико-социальной помощи, хосписы, центры (клубы) для пожилых людей); повышение уровня социальной адаптации пожилых людей и упрочение социальных связей; усиление координации деятельности органов государственной власти, организаций и общественных объединений по предоставлению гражданам старшего поколения социальных услуг» [Там же]. На реализацию мероприятий Программы из федерального бюджета планировалось в течение трех лет выделить 928 млн руб., из них государственные капитальные вложения – 336,5 млн (36,3%), научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) – 11,5 млн (1,2%), прочие текущие расходы – 580 млн (62,5%). Кроме того, предполагалось привлечь 39,81 млн из бюджетов субъектов РФ и внебюджетные источники.

Реальная картина финансирования (в формате отчета Правительства о реализации федеральных программ) отражена в таблице.

Финансирование федеральной целевой программы «Старшее поколение» на 2002–2004 гг., млн руб. [9–11]

Показатель	Бюджет РФ	Бюджеты субъектов РФ	Внебюджетные средства	Всего
Капвложения	394,4/347,0	–/61,2	–	394,4/408,2
НИОКР	13,3/9,1	–	–	13,3/9,1
Прочие нужды	670,1/565,6	19,2/46,2	–/2522,0	683,9/3133,9
Всего	1077,8/921,7	19,2/107,4	–/2522,0	1091,6/3537,9

Примечание. В числителе – предусмотренные объемы финансирования, в знаменателе – фактическое поступление средств

Как видим, предусмотренные расходы федерального бюджета превысили цифры, заложенные в самой программе.

А реальное финансирование оказалось несколько ниже заложенной в программе суммы. Недостаток был компенсирован

рованы средствами бюджетов субъектов федерации (всего из региональных бюджетов было получено 107,4 млн руб.).

Обращает на себя внимание сумма в 2,5 млрд руб., поступившая единовременно в 2003 г. «по согласованию» из внебюджетных средств по статье «прочие нужды». Эта сумма в 2,7 раза превысила всё заложенное в Программе трехлетнее финансирование. Источник средств в докладе не уточняется, но практика показывает, что основным поставщиком внебюджетных средств на реализацию программ поддержки пожилых людей являлся Пенсионный фонд РФ. Именно из него в начале 2000-х гг. черпались средства на ремонты и поддержание в действующем состоянии домов-интернатов для пожилых людей и инвалидов и другие нужды, включая доплаты персоналу интернатных учреждений [12].

Вместе с тем результаты реализации Программы были достаточно скромными. Согласно докладу Правительства в 2002 г. по направлению «капитальное строительство» были сданы и введены в эксплуатацию 10 объектов, еще 25 объектов, запланированных к сдаче, находились «в низкой технической готовности». В рамках НИОКР осуществлены 24 научных исследования по проблемам пожилых людей, проведены несколько научных конференций. По направлению «прочие нужды» выполнены следующие мероприятия: проведен общероссийский съезд социальных работников в г. Саратове, закуплено 529 путевок и направлены средства для оказания помощи пожилым людям 28 субъектов РФ с целью укрепления материально-технической базы социальных учреждений приобретено 35 комплектов оборудования для столярных мастерских 390 кресел-колясок, 97 комплектов оборудования для кабинетов психологической разгрузки, 30 комплектов оборудования для очистки воды, 63 комплекта оборудования для ремонта, 16 комплектов оборудования реабилитационных психофизиологических комплексов, 45 комплектов оборудования для проведения культурно-оздоровительной работы.

Все эти достижения были бы значимыми в рамках отдельного субъекта федерации, но в масштабах всей страны они ничего не меняли. Как и до начала реализации Программы, в стране насчитывалось около 16 тыс. пожилых граждан, нуждавшихся в получении социальных услуг в стационарных условиях и около 100 тыс. – в нестационарных [9]. В докладе за 2003 г. говорилось, что посещаемость пожилыми людьми учреждений социальной сферы по сравнению с предыдущим годом возросла на 1,5%; очередность на получение мест в стационарах сократилась на те же 1,5%, было создано 12 геронтологических центров. В результате осуществления мероприятий в 2003 г. значительно расширена сеть учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов, их количество увеличилось на 118 учреждений. Количество мест в них возросло на 6,0 тыс. человек. Стационарным обслуживанием дополнительно охвачено 8,4 тыс. человек.

Главный вывод доклада состоял в том, что «завершилось в основном формирование сети учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов, где в течение 2003 г. обслужено 13,1 млн человек» [10].

Однако проведенная в октябре 2003 г. Главным контрольным управлением Президента РФ совместно с работниками аппаратов полномочных представителей Президента проверка деятельности федеральных органов исполнительной власти по реализации Программы показала, что заметных позитивных перемен в создании необходимых условий жизнеобеспечения граждан пожилого возраста не произошло. Очередь на получение мест в домах-интернатах не снижается, превысив 16 тыс. человек, из которых каждый третий ждет места более года. Около трети пожилых людей имеют доходы ниже прожиточного минимума. Лишь наполовину удовлетворяются их потребности в социальных услугах. Медицинскую помощь в стационарах получали лишь 22% в ней нуждающихся. Сами интернаты «располагаются в зданиях производственного назначения постройки XIX века или относящихся к культовым сооружениям, каждое пятое нуждается в капитальном ремонте». В ряде стационаров жилая площадь на одного проживающего составляла 3 кв. м. при нормативе от 7 кв. м. Из 1 185 действующих домов-интернатов свыше 200 нуждались в ремонте, а еще 400 требовали реконструкции.

Минтрудом России не соблюдался порядок перераспределения бюджетных средств, выделенных на реализацию программы, не обеспечивался должный контроль за их целевым и эффективным использованием. Вопреки ничем не подкрепленным утверждениям Правительства об улучшении правового регулирования социальной защиты пожилых людей и упорядочения предоставления гарантированных государством социальных услуг проверка выявила конкретные нарушения нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность учреждений и служб социального обслуживания населения. «Вновь созданные» геронтологические центры на поверку оказались бывшими домами-интернатами, в деятельность которых были внесены некоторые изменения, соответствующие их новому названию.

Проверкой были выявлены две главные проблемы реализации Программы. Первая была заложена еще в ходе поспешного формирования её мероприятий, когда не были учтены новые формы и направления деятельности социальных учреждений и не определен перечень объектов, подлежащих первоочередной сдаче в эксплуатацию. На этом основании был сделан вывод о том, что «фактически она (Программа. – Г.С.) является лишь дополнительным источником финансирования сложившейся системы оказания услуг гражданам старшего поколения» [13].

Вторая проблема была связана с распределением выделявшихся средств федерального бюджета. Треть

запланированной суммы направлялась на капитальные вложения, хотя материально-техническая база свыше половины учреждений находилась в неудовлетворительном состоянии. Это привело к распылению средств, в результате чего вновь строившиеся объекты превращались в «долгострой», а ремонтно-строительные работы на функционировавших стационарных учреждениях не велись из-за недостаточного финансирования. В итоге, по истечению половины запланированного на реализацию Программы срока ни один из возводимых в её рамках объектов в эксплуатацию введен так и не был.

К этому следует добавить факты обычного разгильдяйства, когда при формировании мероприятий Программы на очередной год в них включались объекты без наличия соответствующей документации. По этой причине распоряжением Правительства в августе 2002 г. из перечня финансируемых были исключены 22 объекта из 77, и в начале 2003 г. – еще 4 объекта.

Из-за отсутствия государственного подхода к обеспечению инвалидов автотранспортными средствами часть поставок осуществлялась через посредников, что вело к их удорожанию почти на треть. В 2000 г. закупка автомобилей для инвалидов через посреднические структуры составила 59%, в 2001 г. – 62%, в 2002 г. – 76%.

Закупленное в рамках мероприятий Программы уникальное оборудование для создаваемых в 35 регионах центров-клубов Минкультуры России по решению Минтруда России было направлено для оснащения домов для престарелых и психоневрологических интернатов, несмотря на то что эксплуатировать его могли только специально обученные клубные работники. Приобретённые Минтрудом функциональные кровати оказались непригодными для эксплуатации в условиях домов-интернатов.

Не складывались у Минтруда хорошие взаимоотношения и с Минздравом. Несогласованность их действий привела к невыполнению ряда мероприятий Программы. Не были созданы в частности межрегиональные гериатрические центры на базе учреждений здравоохранения федерального подчинения, не реализован полностью план закупок медицинского оборудования для госпиталей ветеранов войн.

В большинстве учреждений соцзащиты не выполнялись требования Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности». Так, в Пермской области из 130 учреждений системы социальной защиты населения имели лицензию на медицинскую деятельность только 22, из 15 областных стационарных учреждений соцзащиты Московской области – 8. В этих условиях допускались многочисленные нарушения в сфере медицинского обслуживания лиц пожилого возраста.

В ряде субъектов Российской Федерации реализация льгот ветеранам, предусмотренных Федеральным законом «О ветеранах», обеспечивалась не в полной

мере, что вело к снижению уровня их жизни. По расчетам Минздрава России, на реализацию гарантий льготного лекарственного обеспечения необходимо было в 2002 г. не менее 10 млрд руб. Однако на эти цели было выделено за счет средств бюджетов всех уровней только 4,5 млрд руб.

Были высказаны серьезные замечания и в адрес Правительства РФ, которое «не принимает необходимых мер по совершенствованию нормативной базы в целях обеспечения эффективности деятельности социальных учреждений». В частности, Правительством не была принята Концепция государственной социальной политики в отношении граждан старшего поколения на период до 2015 г., разработанная Минтрудом России в соответствии с постановлением самого же Правительства от 28 августа 1997г. № 1090. Не были введены государственные социальные стандарты объема и качества предоставляемых услуг, отсутствовала система независимого контроля предоставления социальной помощи гражданам пожилого возраста [13]. Таким образом, выводы, сделанные на основании анализа реализации программных мероприятий, были гораздо шире самой Программы и, по существу, давали негативную оценку всей государственной политике в отношении пожилого населения страны.

Не произошло коренного перелома в достижении поставленных в Программе целей и в завершающем 2004 г. На 2,7 тыс. (1,15%) увеличилось количество мест в стационарах (не исключено, что в том числе и за счёт дальнейшего «уплотнения»). На 39,5 тыс. (0,3%) возросла посещаемость социальных учреждений. Зато очередь на помещение в интернаты выросла еще на 14,4% относительно предыдущего года, достигнув 18,3 тыс. человек. В то же время из-за отсутствия (по состоянию на 1 апреля 2004 г.) проектно-сметной документации было отменено финансирование строительства ещё 4 домов-интернатов на общую сумму 4 млн руб. [11].

Таким образом, основные цели, поставленные в обоих вариантах программы «Старшее поколение», достигнуты не были. Для этого требовалось дальнейшее укрепление материально-технической базы учреждений социального обслуживания, обновление технологического, реабилитационного оборудования и автотранспортных средств, строительство и ввод новых зданий и сооружений, реконструкция и капитальный ремонт действующих. Выделенных на реализацию мероприятий программы средств федерального бюджета оказались недостаточно даже для удовлетворения текущих потребностей граждан пожилого возраста и инвалидов в социальных услугах. Для этого требовалось создать ещё свыше 30 тыс. мест в стационарных учреждениях социального обслуживания, не менее тысячи отделений социального обслуживания на дому, 200 специализированных отделений социально-медицинского обслуживания на дому. Однако в рамках двух федеральных целевых программ сделано это не было.

Для регулярного гарантированного удовлетворения этих потребностей в условиях роста нуждаемости в социальных услугах требовалось расширение сети стационарных учреждений социального обслуживания; увеличение количества домов-интернатов малой вместимости; развитие сети специальных домов для одиноких престарелых (с комплексом служб социально-бытового назначения); вовлечение в сферу предоставления социальных услуг в условиях стационара организаций негосударственной формы собственности.

Решение этой задачи требовало системного подхода, планомерного распределения материальных и финансовых ресурсов в рамках всей страны. Такой подход можно было осуществить только программно-целевыми методами.

Таким образом, амбициозные цели никак не соответствовали рутинному характеру конкретных мероприятий программы.

По итогам проверки Минтруд России было рекомендовано «внести необходимые изменения в Федеральную целевую программу “Старшее поколение” на 2002–2004 годы с целью определения реальных возможностей и сроков ввода объектов в эксплуатацию, максимально исключив распыление финансовых ресурсов, а также предусмотрев развитие сети учреждений социального обслуживания новых типов, прежде всего геронтологических центров, домов малой вместимости, мобильных социальных служб. Ежегодно на заседании Правительства Российской Федерации рассматривать ход ее выполнения» [13].

Между тем, Правительство РФ решило пойти по иному пути: несмотря на социальную значимость и относительную малозатратность программы «Старшее поколение» (Объем бюджетных ассигнований в расчете на одну программу в 2003 г. составил 3,05 млрд руб.), дальнейшее её осуществление было признано нецелесообразным. После 2004 г. программа не возобновлялась.

Причины такого решения крылись в изменении принципов формирования и реализации федеральных целевых программ. Постановлением Правительства от 20 марта 2003 г. № 165 Минэкономразвития России, Минфину России и Минпромнауки России предписывалось вносить в Правительство предложения о нецелесообразности дальнейшей реализации программ за счет средств федерального бюджета, если государственный заказчик не обеспечил полного и своевременного финансирования мероприятий программы в соответствии с показателями, установленными при утверждении программ за счет внебюджетных источников и бюджетов субъектов РФ.

В 2003 г. общее финансирование всех федеральных целевых программ за счет федерального бюджета составило 13,6%, средств субъектов РФ – 15,8%, внебюджетных источников – 70,6% к общему объёму. На 1 рубль средств федерального бюджета в среднем было привлечено 6,38 рубля средств бюджетов субъек-

тов РФ и внебюджетных источников. Повышение значимости федерального бюджета как стимулятора привлечения средств из других источников для финансирования программных мероприятий являлось одним из важнейших критериев, установленных Правительством РФ для оценки эффективности федеральных программ. Естественно, что привлечь частные инвестиции в сферу социального обслуживания было гораздо сложнее, чем, например, в освоение континентального шельфа. Программа «Старшее поколение» по этому критерию значительно отставала от приведенных выше цифр.

Второй причиной была неудовлетворительная подготовка самой Программы. По итогам проведенного на основе новых принципов программирования анализа она оказалась в последней, четвертой группе программ, которые следовало разработать в новой редакции с учетом новых методологических подходов. Но такая переработка не была осуществлена.

Одним из важнейших итогов уже первой программы (1997–1999) считается разработка на её основе региональных программ социальной защиты пожилых людей в более чем 40 субъектах РФ. После 1998 г., когда были законодательно разделены социальные обязательства федерального и регионального уровней, такие программы были особенно необходимы. В этой связи представляет интерес деятельность региональных органов государственной власти по принятию и реализации региональных программ «Старшее поколение».

Проведенный нами поиск в архивохранилищах субъектов федерации Уральского региона показал, что из шести субъектов лишь один – Челябинская область – разработал соответствующую региональную программу на 1999 г. Степень понимания значимости такой программы здесь была еще ниже, чем на федеральном уровне. В постановлении губернатора области прямо указывалось, что она направлена «...на проведение Международного года пожилых людей в 1999 году» [14]. Такой подход, ориентированный лишь на демонстрацию активного участия в развитии международного сотрудничества по разрешению проблем пожилых людей посредством провозглашения 1999 г. Международным годом пожилых людей в России, вряд ли способствовал «осуществлению комплексного решения вопросов усиления социальной защищенности граждан старшего поколения; улучшению условий функционирования областных и муниципальных систем и служб, осуществляющих деятельность в интересах пожилых людей» [Там же].

Ожидаемые конечные результаты реализации программы (дальнейшее продвижение к более полному обеспечению конституционных гарантий и удовлетворению жизненно важных потребностей граждан старшего поколения; улучшение положения граждан старшего поколения с учетом современной демографической и социально-экономической ситуации; –

развитие социальной инфраструктуры, обеспечивающей предоставление помощи и услуг гражданам старшего поколения) также не отличались конкретностью.

Интересен вопрос об объемах и источниках финансирования Программы. Всего на её реализацию выделялось 967,7 млн руб., примерно столько же, сколько предусматривалось на всю трехлетнюю федеральную программу 2002–2004 гг. Из них 23,1 млн (2,4%) предполагалось перечислить из областного бюджета, 19,3 млн (2,0%) – из федерального и 925,3 млн (96,5%) – из Пенсионного фонда РФ. При этом вся финансовая ответственность за реализацию Программы возлагалась на Пенсионный фонд.

Соответствующим был и перечень предполагаемых к реализации мероприятий. Всю сумму (925,3 млн руб.) региональное отделение ПФР РФ должно было израсходовать на «обеспечение стабилизации финансового положения пенсионной системы области, направив основные усилия на погашение задолженности по выплате пенсий», т.е. в программу были включены текущие расходы по выплате пенсий и образовавшейся задолженности по ним. Невыполнение этого пункта областному руководству ничем не грозило, поскольку пенсионное обеспечение не входило в зону его ответственности. Средства федерального бюджета должны были пойти на реализацию льгот гражданам, подвергнутым радиационному воздействию, существенно расширившихся после принятия новой редакции федерального закона «О ПО «Маяк». Эта деятельность являлась сферой финансовой ответственности федерального бюджета. Собственно региональные мероприятия предполагалось проводить почти исключительно «в пределах средств, предусмотренных на текущее финансирование», т.е. они уже были включены в планы текущего финансирования. Программа, таким образом, оказалась фикцией.

В других субъектах региона мероприятия по социальной защите пожилого населения в отдельные программы и вовсе не выносились, а входили в качестве составной части в более широкие программы социальной поддержки населения или социально-экономического развития региона. Естественно, что в этих случаях теоретическая и организационно-методическая составляющие этой защиты были проработаны слабо. Так, в Оренбургской области были разработаны «Основные направления социальной поддержки населения Оренбургской области на 1998 год» [15].

Целью программы провозглашалось «Создание в Оренбургской области оптимальной сети учреждений, предоставляющих разнообразные социальные услуги наиболее нуждающимся категориям населения. Формирование современной нормативно-правовой, научно-методической, кадровой и материально-технической

базы деятельности учреждений социального обслуживания населения». Из данной формулировки трудно понять, что понимается под оптимальной сетью, какова её модель, параметры и т.д. Не понятно также, каким образом она должна создаваться: заново или путем оптимизации уже существующей. Не ясно, какова связь между созданием оптимальной сети и реализацией второй части цели – формированием современной базы деятельности учреждений соцобслуживания. Возможно ли, например, существование «оптимальной сети» без формирования современной базы деятельности. Вызывает вопросы и срок продолжительностью всего в один год, установленный для достижения такой серьёзной цели, а также предполагаемый объём ее финансирования в 15,7 млн руб. в ценах 1997 г.

Анализ запланированных мероприятий показал, что подавляющее их большинство сводилось к осуществлению текущих мероприятий по поддержке отдельных групп населения, финансировались они «в пределах выделенных средств», а не исходя из действительных потребностей на реализацию поставленной цели. Для «формирования современной кадровой базы деятельности учреждений» составители Программы посчитали достаточным направить 55 человек на курсы обучения специалистов ЦСО в Оренбургский учетно-финансовый техникум и еще 20 сотрудников на курсы при Челябинском юридическом техникуме. А для формирования «оптимальной системы» оказалось достаточным открыть несколько новых отделений при ЦСО.

Из сказанного следует, что в первое десятилетие реформ использование программно-целевого подхода к решению социальных проблем пожилого населения не дало запланированного эффекта. Ни одна из поставленных в программе «Старшее поколение» задач не была решена полностью. Причиной являлось не только недостаточное финансирование. Низким было качество самих программ, цели и задачи которых носили явно декларативный характер и изначально не соответствовали реальным возможностям их реализации. Это сводило на нет преимущества программно-целевого подхода по отношению к традиционным методам управления социальной сферой, основанным на принципе сметного финансирования по остаточному принципу.

Вместе с тем именно в эти годы происходило формирование программно-целевого планирования как одного из ведущих способов реализации социальной политики. С начала 2000-х гг. федеральные целевые социальные программы начинают рассматриваться уже не столько как образец для регионов, сколько в качестве аккумулятора внебюджетных инвестиций в решение конкретных социальных проблем. И программа «Старшее поколение» стала первой «жертвой» этой новой стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рудакова О.С. Управление реализацией социальных программ в российском обществе на примере региональной программы «Старшее поколение» // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 1 (29).
2. О Федеральной целевой программе «Старшее поколение» на 1997–1999 годы. Указ Президента РФ от 13.06.1996 № 883 // Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. № 25.
3. О разработке федеральной целевой программы «Старшее поколение» на 1997–1999 годы. Постановление Правительства РФ от 18 июля 1996 г. № 844 // Российская газета. 1996. 31 июля.
4. О федеральной целевой программе «Старшее поколение» на 1997–1999 годы. Постановление Правительства РФ от 28 августа 1997 года № 1090 // Российская газета. 1997. 18 сен.
5. Отчет о результатах проверки в Министерстве труда и социального развития Российской Федерации отдельных вопросов выполнения федеральной целевой программы «Старшее поколение» (1997–1999 годы) // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2000. № 9 (33).
6. Федеральная целевая программа «Старшее поколение» на 2002–2004 годы. URL: <http://base.garant.ru/184125>, свободный (дата обращения: 15.04.2015).
7. Распоряжение Правительства РФ от 22 января 2001 г. № 79-р. URL: <http://poisk-zakona.ru/156924.html>, свободный (дата обращения: 15.04.2015).
8. О федеральной целевой программе «Старшее поколение» на 2002–2004 годы. Постановление Правительства РФ от 29 января 2002 г. № 70 // Собрание законодательства РФ. 2002. 11 фев. № 6.
9. Доклад о ходе реализации федеральных целевых программ в 2002 году. 635. Программа «Старшее поколение» на 2002–2004 годы. URL: fcr.economy.gov.ru/npd/doklad2002.htm, свободный (дата обращения: 14.04.2015).
10. Доклад о ходе реализации федеральных целевых программ в 2003 году. 635. Программа «Старшее поколение» на 2002–2004 годы. URL: fcr.economy.gov.ru/npd/doklad2003.htm, свободный (дата обращения: 14.04.2015).
11. Доклад о ходе реализации федеральных целевых программ в 2004 году. 635. Программа «Старшее поколение» на 2002–2004 годы. URL: <http://fcr.economy.gov.ru/npd/doklad2004.htm>, свободный (дата обращения: 14.04.2015).
12. О мерах по улучшению условий проживания престарелых и инвалидов в государственных и муниципальных стационарных учреждениях социального обслуживания населения. Указ Президента РФ от 29.01.2000 г. № 115 // Собрание законодательства РФ. 2000. 31. янв. № 5.
13. О результатах проверки выполнения федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации Федеральной целевой программы «Старшее поколение» на 2002–2004 годы. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/22149>, свободный (дата обращения: 14.04.2015).
14. Об областной целевой программе «Старшее поколение», направленной на проведение Международного года пожилых людей в 1999 году. Постановление Губернатора Челябинской области от 23.04.1999 № 163. URL: <http://www.ural-region.net/bchel/positpd/watchpkewc5.htm>, свободный (дата обращения: 15.04.2015).
15. О Постановлении «Об областной программе «Основные направления социальной поддержки населения Оренбургской области» на 1998 год». Решение Законодательного собрания Оренбургской области от 29.12.1997 № 234. URL: <http://docs.cntd.ru>, свободный (дата обращения: 14.04.2015).

Smirnov Gennady S. The Chelyabinsk branch of the Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation (Chelyabinsk, Russia). E-mail: aandg@inbox.ru

FEDERAL PROGRAM "THE SENIOR GENERATION" AS AN INDICATOR OF THE EFFECTIVENESS OF PROGRAM PLANNING IN THE FIELD OF SOCIAL PROTECTION OF POPULATION OF RUSSIA IN THE LATE 1990S – EARLY 2000-IES.

Keywords: performance budgeting; Federal program "the Senior generation"; the sources and amounts of funding; problems of implementation; evaluation of Programme outcomes.

In the context of resource shortages, inconsistent actions of the Federal, regional and local authorities, the weakness of social legislation program-target planning the organization of social protection of the population was objectively the most effective, as it allowed to implement a coherent social policy and to concentrate funding to address the most important issues. There are a number of conditions, without which the program-target approach is ineffective. It is, above all, the ability to develop targeted programs and mandatory compliance with all of their sections. Meanwhile, during the period under study there were not always objective and subjective capabilities to meet these conditions. The study of the quality of the adopted programs, their feasibility, mechanisms and results of the implementation helps to deepen the understanding of specific mechanisms for implementing social policy, and therefore is an important task of modern historical science. Evaluation of the implementation of the Federal program «The Senior Older generation» 1997–1999 is contradictory. On the one hand, insufficient funding and the lack of an unified vision of the older generation did not allow to execute it in full. On the other, it was the first attempt of an integrated approach to improving the situation of elderly persons at the national level. What is clear that there was no increasing of level of social security and mitigate the socio-economic consequences of the transition of the economy for senior citizens, no improving of their social well-being in the period of the program. A new version of the Program (2002–2004) differed from the previous in a better way. However, the results of the Program were quite modest. They would be meaningful as part of a separate Federation subject, but in the entire country practically did not change anything. Two main problems with the implementation of the Program were identified. The first laid in the hasty formation of program activities, when new forms and directions of activity of social institutions were not taken into account and the list of facilities for the primary commissioning was not define. The second problem was related to the distribution of allocated funds of the Federal budget. In the end, after half of the planned Program implementation period, none of the erected in the framework of objects and has not been put into operation. Thus, the main objectives set in both versions of the program «The Senior Older generation» were not achieved. However it was during this period that saw the formation of the program-target approach as one of the leading ways to implement social policy. And bad experience of implementation of the Program served as one of the grounds for change of requirements to the procedure of development and implementation of Federal target programs.

REFERENCES

1. Rudakova, O.S. (2014) Management of the implementation of social programs in the Russian society on the example of the regional program "Senior Generation". *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya – Humanities scientific researches*. 1(29). (In Russian).

2. Russian Federation. (1996) On the Federal Target Program “Senior Generation” for 1997–1999. Presidential Decree № 883 of June 13, 1996. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation]. 25. 17th June. (In Russian).
3. *Rossiyskaya gazeta*. (1996) O razrabotke federal'noy tselevoy programmy “Starshee pokolenie” na 1997–1999 gody. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18 iyulya 1996 g. № 844 [On the development of the Federal Target Program “Senior Generation” for 1997–1999. RF Government Resolution № 844 dated July 18, 1996]. 31st July.
4. *Rossiyskaya gazeta*. (1997) O federal'noy tselevoy programme “Starshee pokolenie” na 1997–1999 gody. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28 avgusta 1997 goda № 1090 [On the Federal Target Program “Senior Generation” for 1997–1999. RF Government Resolution № 1090 dated August 28, 1997]. 18th September.
5. Russian Federation. (2000) Report on the audit of the Ministry of Labour and Social Development of the Russian Federation of certain issues of the Federal Target Program “Senior Generation” (1997–1999). *Byulleten' Schetnoy palaty Rossiyskoy Federatsii – Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation*. 9(33). (In Russian).
6. Russian Federation. (2002) *Federal Target Program “Senior Generation” for 2002–2004*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/184125>. (Accessed: 15th April 2015). (In Russian).
7. Russian Federation. (2001) *Russian Federation Government Decree № 79-p of January 22, 2001*. [Online] Available from: <http://poisk-zakona.ru/156924.html>. (Accessed: 15th April 2015). (In Russian).
8. Russian Federation. (2002) On the Federal Target Program “Senior Generation” for 2002–2004. RF Government Resolution № 70 of January 29, 2002. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation]. 6. 11th February.
9. Russian Federation. (2002) *Report on the implementation of Federal Target Programs in 2002*. 635. “Senior Generation” for 2002–2004. [Online] Available from: fcp.economy.gov.ru/npd/doklad2002.htm. (Accessed: 14th April 2015). (In Russian).
10. Russian Federation. (2003) *Report on the implementation of Federal Target Programs in 2003*. 635. “Senior Generation” for 2002–2004. [Online] Available from: fcp.economy.gov.ru/npd/doklad2003.htm. (Accessed: 14th April 2015). (In Russian).
11. Russian Federation. (2004) *Report on the implementation of Federal Target Programs in 2004*. 635. “Senior Generation” for 2002–2004. [Online] Available from: <http://fcp.economy.gov.ru/npd/doklad2004.htm>. (Accessed: 14th April 2015). (In Russian).
12. Russian Federation. (2000) On measures to improve the living conditions of the elderly and people with disabilities in state and municipal residential institutions for social services. Presidential Decree № 115 of January 29, 2000. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation]. 5. 31st January.
13. Kremlin.ru. (2003) *On the results of the audit of the execution by federal executive bodies and executive bodies of subjects of the Russian Federation of the Federal Target Program “Senior Generation” for 2002–2004*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/transcripts/22149>. (Accessed: 14th April 2015). (In Russian).
14. Chelyabinsk Region. (1999) *On the Regional Target Program “Senior Generation” aimed at the observance of the International Year of Elderly People in 1999. Decision № 163 of the Governor of Chelyabinsk region of April 23, 1999*. [Online] Available from: <http://www.ural-region.net/bchel/positpd/watchpkewc5.htm>. (Accessed: 15th April 2015). (In Russian).
15. Orenburg Region. (1997) *On the regional program “Main directions of social support for the population of the Orenburg region in 1998”. Decision № 234 of the Legislative Assembly of Orenburg Region of December 29, 1997*. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru>. (Accessed: 14th April 2015). (In Russian).

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

УДК 39

DOI: 10.17223/19988613/39/5

Д.А. Трынкина

ГОТИЦИЗМ КАК АНГЛИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ XVII–XVIII вв.

Скандинавская концепция готицизма, т.е. идея о происхождении жителей Северной Европы от готов, появляется в Англии в начале XVII в. в связи с критикой средневековой «легенды о Бруте», которая уже не отвечала критериям эпохи Возрождения о национальной истории, и исчезает к началу XIX в., сменившись доктриной тевтонизма. В середине XVIII в. в Англии происходит расцвет готицизма, который начинает исполнять функцию устоявшегося национального мифа в работах местных антиквариев. В данной статье рассмотрена эволюция английского готицизма и выделены два периода его бытования: связанный с германским богом Туиско, фигурирующим в сочинении Корнелия Тацита, и относящийся к скандинавским богам – асам под предводительством Одина.

Ключевые слова: Англия; национальный миф; готицизм; скандинавская мифология.

Готицизм – это исторический миф, согласно которому скандинавы являются потомками и наследниками готов. Его возникновение относят к 1434 г., когда на церковном соборе в Базеле посланник скандинавского монарха Эрика Померанского, епископ Нильс Рагвальдссон, произнес речь, в которой назвал нынешних жителей Скандинавии прямыми потомками готов, завоевателей Европы [1. С. 59].

Исследование готицизма в отечественной историографии в основном было посвящено анализу материала Скандинавии и Германии, кроме того, проводились параллели в связи со знаменитой норманнской теорией образования древнерусского государства. В науке Великобритании готицизм изучался, в первую очередь, в рамках рассмотрения воззрений британских антиквариев, также отдельное внимание уделялось юридическому аспекту готицизма – распространению и функционированию институтов феодализма, который, однако, был более свойствен Шотландии. Историк нового времени, профессор Колин Кидд в своей книге впервые продемонстрировал серьезное значение концепции готицизма в национальной идентичности англичан нового времени.

Целью данной статьи было проанализировать особенности готицизма в качестве национального мифа Англии, показать процесс его развития на английской почве. В качестве источниковой базы были использованы исторические сочинения английских авторов эпохи Возрождения и Просвещения, а для более полного раскрытия темы были также привлечены хроники и поэмы раннего и высокого Средневековья.

Вплоть до раннего Нового времени в качестве мифа о национальном происхождении англичан циркулировала популяризированная Гальфридом Монмутским (ок. 1100 – 1154/1155) в «Истории королей Британии» (ок. 1136)¹ легенда о Бруте – внуке Энея, который первым, вместе с сопровождавшими его троянцами, поселился на острове Альбион, победив местных велика-

нов. Остров же он назвал в честь себя Британией, а его сторонники стали зваться бриттами [2. С. 6–18].

С конца XII и до начала XVI в. история Гальфрида Монмутского об основании британского государства пользовалась безусловным авторитетом. Её пересказывали в стихах и прозе, переводили на валлийский, староанглийский и англо-нормандский. На основе легенды о Бруте составлялись многочисленные исторические хроники Британии, получившие, благодаря этому сюжету, общее название «хроники о Бруте» [3. Р. 202].

Как замечают Джеймс П. Карли и Джулия Крик, средневековые теории о прошлом неизбежно несут в себе политический компонент [4. Р. 54]. Так и легенда о Бруте использовалась для обоснования притязаний Англии на господство над всеми Британскими островами. Гальфрид Монмутский писал, что после смерти Брута, которому принадлежала вся Британия, его старший сын, Локрин, унаследовал Лоэгрию (Англию), средний, Камбр, – Камбрию (Уэльс), а младший, Альбанакт, – Шотландию, которой он дал название Альбании [2. С. 19]. Таким образом, по принципу майората превосходство Англии над остальными британскими монархиями не вызвало сомнений [5. Р. 62].

При всех достоинствах легенды о Бруте даже её современникам она казалась неполной: отсутствовало начало. Брут и его соратники прибывают в страну, имеющую собственное название, где обитает уже некий народ, пусть даже и не совсем человеческий. В XIV в. легенда была расширена.

В англо-нормандской поэме «Des Grantz Geanz» («О великих гигантах», ок. 1333)² появляется предыстория, объясняющая заселение острова великанами: о дочерях некоего греческого царя, старшей из которых была Альбина, которые были изгнаны с родины за участие в заговоре против собственных мужей. Их выбрасывает на берег Британии, где те, возлежав с демонами, порождают великанов [6. Р. 3–8]³.

Несмотря на то что «Des Grantz Geanz» была написана ещё в период правления Эдуарда I, не зафиксировано никаких свидетельств об её использовании в политических целях в тот момент. Её час пришел позднее – во время войны Эдуарда III с шотландцами (1332–1357), «Des Grantz Geanz» была переведена на латынь под названием «De origine gigantum» (нач. 1330-х гг. – нач. 1340-х гг.). Поэма давала два ощутимых преимущества: помимо объяснения появления великанов в Британии, она выдвигала на первый план фигуру Альбины как первопоселенца и суверена, основателя объединенного государства. Подобное утверждение изначально целостного государства и оперирование в поэме юридической терминологией выявляет не только осведомленность автора в притязаниях английской короны на Шотландию, но и саму цель написания «Des Grantz Geanz» как вклад в англо-шотландский диспут [4. Р. 59–62].

Легенды о Бруте и Альбине служили английской политике и в дальнейшем. В 1401 г. Генрих IV потребовал на её основе оммажа от Роберта III, короля Шотландии. Для подтверждения притязаний английской короны к ней обращались Генрих V и Генрих VI. В 1542 г. перед началом одной из шотландских кампаний Генрих VIII выпустил декларацию, где в очередной раз подчеркнул полное право английских королей на суверенитет над Шотландией, основывая свои требования не только на тех случаях, когда шотландские короли присягали на верность английским, но и на легенде о Бруте и его сыновьях [5. Р. 62–63].

Вышедшая в 1534 г. по заказу Генриха VII «История Англии» италянца Полидора Вергилия положила начало оживленной дискуссии о достоверности легенды о Бруте. Полидор, находясь вне русла английской традиции и будучи, помимо всего прочего, католиком, раскритиковал историю о Бруте, тем самым вызвав шквал негодования со стороны приверженцев традиционной английской истории. Тем не менее у него не было недостатка и в сторонниках, которые, питая ничуть не меньшие патриотические чувства, считали необходимым отказаться от средневековых выдумок и попытаться найти истинное происхождение англичан [7. Р. 89]. В результате, как замечает Артур Б. Фергюсон, сторонники легенды о троянском происхождении британцев в процессе дискуссии насколько запутались в собственных псевдонаучных построениях, что в конечном итоге победили самих же себя [Ibid. Р. 40]. Колин Кидд обращает также внимание на влияние Реформации, благодаря которому сакральная история для ученых в вопросах происхождения стала играть значительно большую роль, нежели средневековые национальные мифы, которые зачастую отбрасывались как папистские суеверия [8. Р. 59].

С утратой доверия к легенде о Бруте английские теологи стали искать истоки своего народа уже напрямую в Священном Писании. Нужно отметить, что в раннее новое время действовала «теория о захватах»: суть её состояла в том, что ранняя история Англии

представляла собой серию завоеваний территории разными народами: римлянами, саксами, данами и норманнами [9. Р. 87].

Ричард Верстеган (ок. 1550–1640), отец-основатель английской готицистской традиции, утверждал, что англичане происходят от германской расы, и поэтому до сих пор их часто называют саксами [10. Р. 1]. Р. Верстеган связывал происхождение германцев с сыном Иафета, Гомером. Его сыном был Аскеназ, а внуком – Туиско, или Туистона, прауродитель всех германцев, который после разрушения Вавилонской башни возглавил их и вывел на нынешние места поселения. В его честь назван вторник (Tuesday) [Ibid. Р. 9–10]. Впервые это имя встречается в труде Корнелия Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии», где сказано, что германцы «славят порожденного землей бога Туистона. Его сын Манн – прауродитель и праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по именам которых обитающие близ Океана прозываются ингевонами, посередине – гермионами, все прочие – истевонами» [11. С. 354]. Р. Верстеган сообщает, что в обычае язычников (коиными были и германцы) было обожествлять после смерти великих правителей и тех, кто заслужил народную любовь своими добрыми делами, будь то женщины или мужчины. Им воздавали божественные почести и почитали за богов [10. Р. 11]. Таким образом, германский бог Туистон становится в представлении Р. Верстегана праправнуком Ноя. Р. Верстеган замечает, что и германцев, и галлов греки называли кельтами [Ibid. Р. 28].

Грэхэм Парри указывает, что Верстеган искусным образом объединил авторитет Тацита и подвергнушую острой критике историю псевдо-Бероса за авторством Анния из Витербо (1432–1502). Последний писал о том, что Туиско потомок Сима, также после разрушения Вавилонской башни возглавил группу людей, получивших позже название «германцы» [12. Р. 56].

Джон Хэйр, выгодно выделяя Верстегана из общей массы писателей, пытающихся осветить прошлое английского народа, продолжает его традицию. В книге «Дух святого Андрея, или Анти-Норманизм» (1647) он пишет, что саксы – это самое благородное из германских племен, и все они происходят от великого Туиско. Однако Дж. Хэйр высказывает сомнения, был ли Туиско сыном Аскеназа или им самим, так как Аскеназ считался первым королем и держателем Европы [13. Р. 95–96]. Эдуард Стиллингфлит, яростный критик теории о преадамитах Исаака Пейрера, также касался происхождения Туиско. Он писал, что под Туиско мог пониматься Адам, а под Манном – Ной; или же под Туиско – сам Бог, а под Манном – Адам [14. Р. 404].

Тем не менее слава Туиско скоро померкла. С переводом на латынь Эдды и Круга Земного английские историки вернулись к традиции, уходящей корнями ещё в Средневековье – проследить происхождение своего народа от Одина [8. Р. 63].

Фрэнк Эдгар Фарли, написавший самую влиятельную монографию о влиянии скандинавской мифологии на английскую культуру, указывает, что ранние английские хронисты и историки часто называли Одина одним из предков англо-саксонских королей, помимо этого также вставляя аллюзии к другим скандинавским божествам, например в качестве объяснения происхождения названий дней недели [15. Р. 15–16]. Беда Достопочтенный в «Церковной истории народа англо-саксов» (731) пишет, что Хенгист и Хорза, вожди англо-саксов и ютов, «...были сыновьями Витгисля, сына Витты, сына Векты, сына Водена, к которому восходят правящие роды многих провинций» (I. 15) [16. С. 21]. Ненний в «Истории бриттов» (ок. 828) последовательно начинает генеалогию королей Нортумбрии, Кента, Восточной Англии, Мерсии и Дейры с фразы «Воден породил» и далее перечисляет местных правителей [17. С. 187–188]. Сам же Воден оказывается сыном «Фрелафа, сына Френдульфа, сына Финна, сына Фодепальда, сына Геты который, как говорят, был сыном бога. Но это не бог богов – аминь – не бог воинств, а один из тех идолов, которым они [бритты. – Д.Т.] поклонялись» [Там же. С. 179]. Ассер (ум. 808/809), епископ Шерборна, в «Жизнь короля Альфреда» проследживает его генеалогию к Водену, а самого Водена – к Гете, «которому язычники долго поклонялись как божеству» [18. Р. 43]. В «Хронике» Этельварда (ум. ок. 909) Хенгист снова оказывается потомком Водена, который «также был королем многих народов, и многие язычники до сих пор почитают его как бога» [19. Р. 11]. В XII в. вышеуказанные сведения неоднократно повторялись в произведениях Иоанна Вустерского, Симеона Даремского, Вильяма Мальмсберийского, Генриха Хантингдонского и Жеффри Гаймара [15. Р. 16].

В «Истории королей Британии» Гальфрид Монмутский вкладывает в уста Хенгиста следующую фразу: «Мы чтим отчих богов – Сатурна, Юпитера и прочих правящих миром, но в особенности Меркурия, которого на своем языке называем Воденом» [2. С. 66]. В «Полихрониконе» Ранульфа Хигдена (посл. чет. XIII в. – 1364 г.) говорится о том, что Хенгист и Хорза в четвертом поколении потомки Водена, от него же происходят все королевские роды языческих народов. Далее Р. Хигден сообщает, что саксы считали Водена богом и называли в честь него третий день недели [20. Р. 263].

Что же поспособствовало возобновлению интереса английских ученых к средневековой традиции? Вероятнее всего, публикация на латыни в XVI–XVII вв. источников по мифологии скандинавского Средневековья, в том числе описывающих легендарную историю. Вплоть до XVI в. источники о религии германцев, доступные английским читателям, были ограничены латинскими авторами: Тацитом, Иорданом, Прокопием Кесарийским и Адамом Бременским [21. Р. 189].

В 1514 г. было выпущено первое печатное издание «Деяний данов» Саксона Грамматика (ок. 1140 – ок. 1216) [22. Р. 17]. Фигура Одина появляется там на про-

тяжении всего повествования, однако чаще всего – в первой и третьей книгах. Для Саксона Грамматика Один – это смертный муж, которому возносились божественные почести во всей Европе, и усерднее всего – в Уппсале, где он жил особенно часто [23. Р. 30]. Тем не менее основным его местом проживания является Византия, которую Саксон Грамматик называет Асгардом, пытаясь таким образом привязать обитель скандинавских богов к реальному географическому местоположению [Ibid. Р. 98]. Несмотря на указание о том, что Один жил в Уппсале, Саксон Грамматик ничего не пишет ни о переселении туда из Византии, ни о том, чтобы он управлял ей. Эта информация появляется в позднейших источниках за авторством Снорри Стурлусона.

Примерно в середине XVI в. появились два важных труда для развития концепции готицизма: «История готов» (1554) Иоанна Магнуса, архиепископа Упсальского, и «История северных народов» (1555) его брата, Олафа Магнуса. Последняя книга была переведена на английский в 1658 г. [15. Р. 3]. В 1633 г. по инициативе датского антиквара Оле Ворма был издан перевод Педера Клауссёна, на тот момент уже вековой давности, «Круга земного» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.), а в 30–50-х гг. XVII в. вышло собрание книг самого Оле Ворма о рунических надписях и датских письменных памятниках. В 1665 г. Педер Х. Резен впервые издал на латыни «Младшую Эдду» Снорри Стурлусона. В том же году также под редакцией Резена появилось переведенное на латынь «Пророчество вельвы», которое было дополнено в 1673 г., и латинский вариант «Речей Высокого» из «Королевского кодекса» конца XIII в. Достаточно долгое время не существовало других переводов этих текстов. В следующий раз «Младшая Эдда» была опубликована только в 1746 г. Йоханом Гёранссоном [24. Р. 42–43]. В её прологе рассказывается об Одине, конунге троянцев, который вместе со своими последователями, асами, заселил Страну Саксов, Страну Франков, а также Ютландию, Швецию и Норвегию. Последователи Одина, асы, расселились по всей Стране Саксов, а оттуда по всему северу, и их язык стал языком всех тех стран. В конце пролога Снорри добавляет, что в Англии есть старинные названия земель, которые происходят от отличного от английского языка [25. С. 10–12].

Первую часть «Младшей Эдды» составляет «Видение Гюльви» – диалог между тремя мужами и Гюльви – конунгом Швеции. В ней Снорри раскрывает мифы древних скандинавов, их пантеон и космогонические представления. В конце текста трое мужей исчезают, и Гюльви отправляется к своему народу и рассказывает об услышанном. Асы же «дали те самые имена, что там упоминались, людям и разным местностям, которые там были, с тем чтобы по прошествии долгого времени никто не сомневался, что те, о ком было рассказано, и те, кто носил эти имена, это одни и те же асы» [Там же. С. 55]. Тем самым Снорри Стурлусон показал, что рас-

сказы Гюльви и перенос асами мифических имен на реальные послужили окончательной эвгемеризации асов [26. Р. 23]. Нужно отметить, что неоднократно упоминаемое завоевание Одином Страны Саксов, расселение там его последователей и правление его сыновей позволили английским историкам раннего Нового времени найти ещё одно доказательство единого происхождения их народа со скандинавами.

На основе эвгемеристической истории о миграции асов, приведенной Снорри Стурлусоном, исландский историк Тормод Торфеус (1636–1719) вместе с другими скандинавскими учеными смогли выработать теорию, по которой Один признавался реально существовавшим историческим персонажем, приведшим переселенцев из Азии в Скандинавию. Согласно этой теории, со временем образ Одина трансформировался в народной традиции, обретя сверхъестественные черты [15. Р. 192].

Эту теорию упоминает Роберт Шерингам (1602–1678) в своей книге о происхождении английского народа и его языка (1670). Он же первым связал английскую историю с данными Эдды [27. Р. 106].

Р. Шерингам полагал, что саксы были ответвлением от древней семьи гетов⁴ (позже стали называться готами), которые были потомками Иафета. Из Скифии⁵ в Европу их привел Воден, правитель города и сопредельных территорий в Азии у реки Танаис, что назывались Асгардом (при этом Р. Шерингам считал, основываясь на данных Иордана, что готы, таким образом, вернулись на свою родину, в Скандинавию). Мечом и дипломатией Воден захватил обширные территории, что впоследствии стали называться Саксонией. После этого Воден оставил править в захваченных территориях своих сыновей и вернулся в Швецию, где после многих странствий он окончил свои дни. Его почитали за великого волшебника и мудрого военачальника, и после смерти его подданные стали почитать его как бога.

Р. Шерингам также ввел в английскую науку проблему существования нескольких Воденов, которая занимала умы датских и шведских авторов. Основное её противоречие состояло в несоответствии временных рамок скандинавского эпоса и мифологической истории Англии. Если Хенгист и Хорза были потомками Водена в четвертом поколении, то между ними было не более двухсот лет, что явно слишком короткий промежуток для того, чтобы готы породили все те народы, что сейчас являются их потомками (среди них Р. Шерингам называл саксов, шведов и данов), и ещё более короткий для того, чтобы начать поклоняться ему как божеству. Тем не менее Р. Шерингам допускал, что часть готов могла просто сменить свое название на «саксы», равно как и на «шведы» и на «даны». Он уверен в том, что Воден существовал на самом деле, так как все перечисленные народы объединяло общее поклонение ему как божеству, и их религиозные традиции в отношении его были одинаковыми [31. Р. 276–294].

Широко цитировавший Р. Шерингама Айлетт Саммс (ок. 1636 – ок. 1679) даже посвятил отдельную главу

Одину в своей работе «Памятники древней Британии» (1676). Идеей для написания этой книги послужила достаточно любопытная мысль о происхождении валлийского языка из финикийского, которую он почерпнул у английского антиквара и преподавателя Джона Твайна, полагавшего, что финикийцы являются предками британцев. А. Саммс пересказывает историю Одина из «Круга Земного» Снорри Стурлусона, отдельно цитируя эпизод о войне с ванами, которых он считает скифами [32. Р. 435]. А. Саммс также поддерживает теорию о том, что под именем «Воден» мог пониматься не один человек, а несколько, которых впоследствии путали между собой. Он цитирует комментарии к труду Саксона Грамматика Бриньольфа Свейнссона, того самого исландского епископа, который в 1643 г. обнаружил рукопись «Королевского кодекса» или, как его стали называть в дальнейшем, «Старшей Эдды» [33. С. 5]. Бриньольф Свейнссон полагает, что всего было три Водена: первый, которого древние звали Асианом, был сыном Сатурна. В честь второго, Уппсальского, шведы выстроили величественный храм. Его также звали Асиан, но он был родом из Скифии. Этих двоих, как считает Свейнссон, часто путают между собой. Третьего же зовут Мид-Один, тот самый, о котором Саксон Грамматик писал, что он занял место Одина во время его изгнания. А. Саммс, в свою очередь, замечает, что невозможно точно сказать, насколько правдиво предположение Бриньольфа Свейнссона, однако тот факт, что, согласно Беде Достопочтенному и Вильяму Мальмсберийскому, Хенгист и Хорза были потомками Водена в четвертом поколении, определенно предполагает наличие хотя бы ещё одного Водена, если не двух, так как в скандинавском эпосе речь идет о более давних временах [32. Р. 448].

Чтобы подвести итог тому, насколько плотно укоренилась скандинавская эвгемеристическая теория в конце XVII в. на английской почве, позволим себе привести полностью выдержку из эссе сэра Уильяма Темпла (1628–1699) «О героической доблести»:

«Один, Воден или Годен (в разных северных диалектах произносится по-разному) был первым и величайшим героем западных скифов; он повел орды гетов, именуемых готами, из азиатской Скифии в самый северный край Европы; там он обосновался, и королевство его разрослось по всему Балтийскому морю. На западе оно простиралось вплоть до океана, а на юге – до Эльбы, которая издревле была границей между скифами и германцами. Эту обширную страну по-готски называли Бьярмией, и из неё вышли все те готы, вандалы, саксы, англй, юты, даны и норманы, что наводнили и подчинили себе западные области Европы. Некоторые даже утверждают, что Один расширил свои владения вплоть до государства франков, и ни у кого не вызывает сомнений, что он был создателем рунической письменности <...>, помимо этого, установил множество законов, ввел в обиход календарь, был непобедимым воином и мудрым законодателем. Подданные боготворили Одина, а после смерти и вовсе причислили его к лику богов,

наравне с Тором, богом грома и ярости, и Фреей, богиней удовольствия, и именами их были названы три дня в неделе» (перевод мой. – Д.Т.) [34. Р. 354–356]. Во «Введении в историю Англии» он указывает, что шотландцы и ирландцы также были скифами [35. Р. 533].

Основное отличие парадигмы Одина от более ранней, связанной с Туиско, заключается в народе, заселившем всю Северную Европу, и стране его происхождения. Джеймс Тиррелл в книге конца XVII в. сравнивает труды Ричарда Верстегана и Роберта Шерингама. Он пишет, что, по Р. Шерингаму, которого поддерживают шведские и датские историки, Европа была заселена готами из Скандинавии, а по Р. Верстегану – германцами из соответственно Германии, несмотря на то что и те и другие не являются первопоселенцами на тех местах. Дж. Тиррелл совершенно явно отдает предпочтение Р. Шерингаму (хотя и пишет, что «не присуще историку слишком много внимания уделять аргументам “за” и “против”») и, представив краткий обзор мнений, предлагает читателю самостоятельно ознакомиться с книгами цитируемых им авторов [36. Р. 123].

К середине XVIII в. происхождение от готов прочно заняло свое место в английской истории. Джон Джексон в своей хронологической работе посвящает небольшой раздел гото-скифскому царству. Он указывает, что Один (уже называя его именно так, а не «Воденом») отправился в путь из скифской Азии в северную Европу в 24-м году до Р.Х. Вместе со своей женой Фриггой и сыном Тором они были впоследствии приравнены к лику богов, и им поклонялись все северные народы: готы, шведы и даны. В своих подсчетах Дж. Джексон руководствовался трудами Олафа Магнуса и Саксона Грамматика [37. Р. 345–346].

Фрэнсис Вайс в опубликованной анонимно работе «Некоторые изыскания о первейших обитателях Европы» (1758) выделял три точки зрения о происхождении готов: некоторые считают, что готы впервые пришли из Скандинавии и расселились в более южных областях, другие говорят, что готы и геты – это один и тот

же народ, а третьи считают, что слово «гот» эквивалентно слову «скиф». Сам же склонялся к идее, что язык готов берет свое начало в скифской Азии, и от него ведут происхождение тевтонский, франкский, саксонский и рунический языки. Отдельно Ф. Вайс подчеркивал, что готский никоим образом не происходит от кельтского языка [38. Р. 82–83]. Путешествие же Одина Вайс связывает с растущей римской угрозой после победы Помпея в Третьей Митридатовой войне (74–63 до н.э.). К этому же фактору Ф. Вайс относит уход Одина (Водена, имена перечислены через запятую, однако привычное нам наименование стоит первым) в самую северную часть Европы, куда не распространялось в то время римское влияние. Самых готов Ф. Вайс считал самым цивилизованным северным народом, так как, помимо прочего, Один ввел у них письменность. Кроме того, он возглавил обширные завоевания и был искусен в магии. После смерти Один стал верховным божеством готов, его же военачальники вошли в историю как «асы», а язык их стал называться «азиатским» [Ibid. Р. 84–85].

К середине XVIII в. готицизм стал общепринятым подходом к анализу собственной истории среди английской образованной публики. После этого пика расцвета готицистская парадигма стала постепенно уступать место викторианскому тевтонизму. Помимо прочего, концепция готицизма сблизала прошлое Англии и стран Северной Европы, даря им общих предков – эвгемеризированных богов из скандинавского пантеона, причем особый упор ставился на Одина как предводителя переселенцев из Азии (чаще всего – из Скифии), согласно прологу Снорри Стурлусона к «Младшей Эдде». Англичане, чей цикл мифов о языческих богах практически не сохранился, охотно разделили отцов-основателей своего народа со скандинавами, так как в условиях господства готицистической парадигмы все германские народы представлялись единым этносом, лишь сравнительно недавно разделившимся на отдельные группы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первоначальный её вариант записан в труде валлийского историка Ненния (VIII–IX вв.) «История бриттов».

² Поэма выступала прологом к некоторым «хроникам о Бруте», причем в их расширенных вариантах сюжет поэмы включался в сам текст повествования.

³ В латинской версии поэмы, названной «О происхождении гигантов», сюжет отличается некоторыми деталями.

⁴ Геты – фракийский народ, родственник дакам, который, согласно Геродоту, жил между Балканами и Дунаем (IV. 93–96) [28. С. 210–211]. Тем не менее средневековые авторы смешивали гетов с готами, и уже Иордан писал о равнозначности этих понятий, ссылаясь на авторитет Павла Орозия (58) [29. С. 72]. В его произведении, основном источнике об истории готов, родиной готов была названа Скандинавия (9). [29. С. 62].

⁵ Родство готов и скифов прописано в труде Исидора Севильского «История готов» (66): «Готы произошли от Магога, сына Иафета, и считаются одного рода со Скифами. Вот почему они не слишком различаются в наименовании: одна буква изменяется, другая исчезает – и из “Getae” получается “Scythae”» [30. Р. 107].

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстикова А.В. «Шведскость» как «готскость»: шведский готицизм XV–XVII вв. // Шведы: Сущность и метаморфозы идентичности / ред. Т.А. Тоштендаль-Салычева. М., 2008. С. 59.
2. Гальфрид Монмутский. История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 5–138.
3. Gransden A. Historical writing in England c. 550 to c. 1307. L., 1974.
4. Carley J., Crick J. Constructing Albion's past: an annotated edition of De origine gigantum // Arthurian Literature XIII. Cambridge, 1995. P. 41–115.
5. Mason R.A. Scotching the Brut: Politics, History and National Myth in Sixteenth-Century Britain // Scotland and England, 1286–1815 / edit. by R. Mason. Edinburgh, 1987. P. 60–84.

6. The Giants of the Island of Albion // *Myths and Legends of the British Isles* / edit. by Barber R. Martlesham, 1999. P. 3–8.
7. Ferguson A.B. *Utter Antiquity: Perceptions of Prehistory in Renaissance England*. Durham and London, 1993.
8. Kidd C. *British Identities before Nationalism: Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800*. Cambridge, 2006.
9. Piggott S. *Ancient Britons and the Antiquarian Imagination: Ideas from the Renaissance to the Regency*. GDR, 1989.
10. Verstegan R. *A Restitution of Decayed Intelligence*. L., 1634 (1st edition – 1605).
11. Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения : в 2 т. Л., 1969. Т. I. С. 353–373.
12. Parry G. *The Trophies of Time: English Antiquarians of the Seventeenth Century*. Oxford, 2007.
13. Hare J. *St. Edward's Ghost, or, Anti-Normanism (1647)* // *The Harleian Miscellany*. Vol. VIII. L., 1811. P. 94–107.
14. Stillingfleet E. *Origines sacrae or, a rational account of the grounds of natural and reveal'd religion*. Cambridge, 1702 (7th edition).
15. Farley F.E. *Scandinavian Influences in the English Romantic Movement*. Boston, 1903.
16. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англвов. СПб., 2001.
17. Ненний. История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 171–194.
18. Asser. *Asser's Life of Alfred* // *Old English chronicles: including Ethelwerd's chronicle, Asser's Life of Alfred, Geoffrey of Monmouth's British history, Gildas, Nennius, together with the spurious Chronicle of Richard of Cirencester*. L., 1906. P. 41–86.
19. Aethelwerd. *Ethelwerd's chronicle* // *Old English chronicles: including Ethelwerd's chronicle, Asser's Life of Alfred, Geoffrey of Monmouth's British history, Gildas, Nennius, together with the spurious Chronicle of Richard of Cirencester*. L., 1906. P. 1–40.
20. Ranulf Higden. *Polychronicon Ranulphi Higden Monachi Cestrensis: together with the English translations of John Trevisa and of an unknown writer of the fifteenth century*. Vol. V. L., 1874.
21. Quinn J., Clunies Ross M. *The image of Norse poetry and myth in seventeenth-century England* // *Northern Antiquity* (ed. by A. Wawn). Enfield Lock, 1994. P. 189–210.
22. Wawn A. *The Vikings and the Victorians: Inventing the Old North in Nineteenth-Century Britain*. Cambridge, 2002.
23. Saxo Grammaticus. *The first nine books of the Danish history of Saxo Grammaticus*. L., 1894.
24. Lundgreen-Nielsen F. *Grundtvig's Norse Mythological Imagery* // *Northern Antiquity* (ed. by A. Wawn). Enfield Lock, 1994. P. 41–67.
25. Стурлусон С. Младшая Эдда. СПб., 2006.
26. Lindow J. *Norse Mythology: A Guide to Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs*. Oxford, 2002.
27. Gibson M. *Imagining the Pagan Past*. N.Y., 2013.
28. Геродот. История. Л., 1972.
29. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001.
30. Isidore de Seville. *History of the Kings of Goths // Conquerors and Chroniclers of Early Medieval Spain* / edit. and trans. by Wolf K.B. Liverpool, 1999. P. 79–111.
31. Sheringham R. *De Anglorum gentis origine disceptatio*. Cambridge, 1670.
32. Sammes A. *Britannia Antiqua Illustrata, or the Antiquities of Ancient Britain, Derived from the Phoenicians*. L., 1676.
33. Мелетинский Е.М. Эдда и ранние формы эпоса. М., 1968.
34. Temple W. *Of Heroic Virtue* // *The Works of Sir William Temple*. Vol. III. L., 1770. P. 313–405.
35. Temple W. *Introduction to the History of England* // *The Works of Sir William Temple*. Vol. II. L., 1731. P. 525–585.
36. Tyrrell J. *The General History of England*. Vol. I. L., 1697.
37. Jackson J. *Chronological Antiquities*. Vol. II. L., 1752.
38. Wise F. *Some enquiries concerning the first inhabitants, language, religion, learning and letters of Europe*. Oxford, 1758.

Trynkinia Daria A. Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: uwwalo@mail.ru

GOTHICISM AS ENGLISH NATIONAL MYTH OF THE XVII – XVIII CENTURIES.

Keywords: England; national myth; Gothicism; Scandinavian mythology.

During the Middle-Ages the so-called Legend of Brutus acted as a national myth in England. According to it, descendants of Brutus who was a grandson to Aeneas, were the first people to colonize British Islands. After Brutus death, his oldest son inherited England, his second son – Wales, and the youngest one received Scotland. So on the principle of majorat, an English monarch was given a superiority over other British rulers. “The Legend of Brutus” was harshly criticized in the “Anglica Historia” written by of Polydore Vergil at the instigation of King Henry VII. The medieval national myth could no longer pass as a glorious prehistory in the Renaissance era and soon it was rejected. The English historians began a quest for the origins of their people searching it directly in the Holy Writing. In the historiography of that time emerges an idea of a German or Goth descent of the Englishmen. It was shaped as a conception, which declares Tuisco, the euhemerized god from Cornelius Tacitus “De Origine et situ Germanorum”, to be a forefather of all the German people, including Saxons, who were considered to be the ancestors of the Englishmen. In the XVI–XVIII centuries were published Latin translations of the sources of Scandinavian mythology, and the Tuisco conception was supplanted by Scandinavian Gothicism, a doctrine, according to which the people of Northern Europe were the direct descendants of Goths. This idea was supported by the prologue in the Prose Edda, where Odin was regarded as a real historical figure who brought his people from Asia to the northern part of Europe. In favor of this theory also stand English medieval tradition, which put Odin as one of the ancestors of the Anglo-Saxon kings, namely Hengist and Horsa, who were the first chieftains of the Angles, Saxons and Jutes. The difference between the Odin conception and the Tuisco one was in the origins of the population of the northern part of Europe. According to the last one Europe was peopled by the Goths of Scandinavia, and the first conception took Asia or Scythia as an ancestral home of Goths. That was also supported by the authority of Holy Writing, where Asia was considered as a threshold of mankind. In the mid-XVIIIth century England Gothicism became an established approach to the examination of the Englishmen origins. Myths of English pagan gods did not endure the Christian Middle-Ages, so the English willingly shared their founding fathers with the Scandinavians, as in case of the Gothicist paradigm all the German peoples were presented as one ethnicity, quite recently divided into single groups.

REFERENCES

1. Tolstikov, A.V. (2008) “Shvedskost” kak “gotiskost”: shvedskiy gotitsizm XV–XVII vv. [“Swedishness” as “Gothicness”: Swedish gotitsizm in the 15th – 17th centuries]. In: Toshental'-Salycheva, T.A. (ed.) *Shvedy: Sushchnost' i metamorfozy identichnosti* [Swedes: The essence and identity metamorphosis]. Moscow: Russian State University for Humanities.
2. Geoffrey of Monmouth. (1984) *Istoriya brittov. Zhizn' Merlina* [History of the Britons. Life of Merlin]. Translated from Latin by A.S. Bobovich & S.A. Osherov. Moscow: Nauka. pp. 5–138.
3. Gransden, A. (1974) *Historical writing in England c. 550 to c. 1307*. London: Cornell University Press.

4. Carley, J. & Crick, J. (1995) Constructing Albion's past: an annotated edition of *De origine gigantum*. In: Carley, J. & Riddy, F. (eds) *Arthurian Literature XIII*. Cambridge: D.S.Brewer. pp. 41-115.
5. Mason, R.A. (1987) Scotching the Brut: Politics, History and National Myth in Sixteenth-Century Britain. In: Mason, R.A. (ed.) *Scotland and England, 1286–1815*. Edinburgh: John Donald. pp. 60-84.
6. Barber, R. (ed.) (1999) *Myths and Legends of the British Isles*. Boydell Press. pp. 3-8.
7. Ferguson, A.B. (1993) *Utter Antiquity: Perceptions of Prehistory in Renaissance England*. Durham and London: Duke Univ. Press.
8. Kidd, C. (2006) *British Identities before Nationalism: Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Piggott, S. (1989) *Ancient Britons and the Antiquarian Imagination: Ideas from the Renaissance to the Regency*. GDR: Thames & Hudson.
10. Verstegan, R. (1634) *A Restitution of Decayed Intelligence*. London: Norton.
11. Cornelius Tacitus. (1969) *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 vols]. Vol. 1. Leningrad. pp. 353-373.
12. Parry, G. (2007) *The Trophies of Time: English Antiquarians of the Seventeenth Century*. Oxford: Oxford University Press.
13. Hare, J. (1811) St. Edward's Ghost, or, Anti-Normanism (1647). *The Harleian Miscellany*. 8. pp. 94-107.
14. Stillingfleet, E. (1702) *Origines sacrae or, a rational account of the grounds of natural and reveal'd religion*. 7th ed. Cambridge.
15. Farley, F.E. (1903) *Scandinavian Influences in the English Romantic Movement*. Boston: University of California Libraries.
16. Bede the Venerable. (2001) *Tserkovnaya istoriya naroda anglov* [Ecclesiastical History of the English People]. Translated by V.V. Erlikhman. St. Petersburg: Aleteiya.
17. Geoffrey of Monmouth. (1984) *Istoriya brittov. Zhizn' Merlina* [History of the Britons. Life of Merlin]. Translated from Latin by A.S. Bobovich & S.A. Osherov. Moscow: Nauka. pp. 171-194.
18. Anon. (1906) Asser. Asser's Life of Alfred. In: *Old English chronicles: including Ethelwerd's chronicle, Asser's Life of Alfred, Geoffrey of Monmouth's British history, Gildas, Nennius, together with the spurious Chronicle of Richard of Cirencester*. London. pp. 41-86.
19. Anon. (1906) Aethelwerd. Ethelwerd's chronicle In: *Old English chronicles: including Ethelwerd's chronicle, Asser's Life of Alfred, Geoffrey of Monmouth's British history, Gildas, Nennius, together with the spurious Chronicle of Richard of Cirencester*. London. pp. 1-40.
20. Higden, R. (1874) *Polychronicon Ranulphi Higden Monachi Cestrensis: together with the English translations of John Trevisa and of an unknown writer of the fifteenth century*. Vol. 5. Cambridge University Press.
21. Quinn, J. & Clunies Ross, M. (1994) The image of Norse poetry and myth in seventeenth-century England. In: Wawn, A. (ed.) *Northern Antiquity: The Post-Medieval Reception of Edda and Saga*. Enfield Lock: Hisarlik Press. pp. 189-210.
22. Wawn, A. (2002) *The Vikings and the Victorians: Inventing the Old North in Nineteenth-Century Britain*. Cambridge: D.S. Brewer.
23. Saxo Grammaticus. (1894) *The first nine books of the Danish history of Saxo Grammaticus*. London: D. Nutt.
24. Lundgreen-Nielsen, F. (1994) Grundtvig's Norse Mythological Imagery. In: Wawn, A. (ed.) *Northern Antiquity: The Post-Medieval Reception of Edda and Saga*. Enfield Lock: Hisarlik Press. pp. 41-67.
25. Sturluson, S. (2006) *Mladshaya Edda* [Younger Edda]. Translated by O.A. Smirnitskaya. St. Petersburg: Nauka.
26. Lindow, J. (2002) *Norse Mythology: A Guide to Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs*. Oxford: Oxford University Press.
27. Gibson, M. (2013) *Imagining the Pagan Past: Gods and Goddesses in Literature and History since the Dark Ages*. New York: Routledge.
28. Herodotus. (1972) *Istoriya* [History]. Leningrad: Nauka.
29. Jordan. (2001) *O proiskhozhdenii i deyaniakh getov* []. Translated by E. Ch. Skrzhinskaya. St. Petersburg: Aleteiya.
30. Isidore of Seville. (1999) History of the Kings of Goths. In: Wolf, K.B. (ed.) *Conquerors and Chroniclers of Early Medieval Spain*. Liverpool: Liverpool University Press. pp. 79-111.
31. Sheringham, R. (1670) *De Anglorum gentis origine disceptatio*. Cambridge.
32. Sammes, A. (1676) *Britannia Antiqua Illustrata, or the Antiquities of Ancient Britain, Derived from the Phoenicians*. London.
33. Meletinskiy, E.M. (1968) *Edda i rannie formy eposa* [Edda and early forms of the epic]. Moscow: Nauka.
34. Temple, W. (1770) *The Works of Sir William Temple*. Vol. III. London. pp. 313-405.
35. Temple, W. (1731) *The Works of Sir William Temple*. Vol. II. London. pp. 525-585.
36. Tyrrell, J. (1697) *The General History of England*. Vol. I. London.
37. Jackson, J. (1752) *Chronological Antiquities*. Vol. II. London.
38. Wise, F. (1758) *Some enquiries concerning the first inhabitants, language, religion, learning and letters of Europe*. Oxford.

В.И. Терентьев

ПОИСКИ МОНГОЛЬСКОЙ НАЦИИ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ 1911–1921 гг.

Освещаются версии происхождения монгольской нации и предлагаются концептуально иные прочтение и осмысление социально-политических событий 1911–1921 гг. Путём акцентирования внимания на имущественной и сословной стратификации монгольского общества начала XX в., а также анализируя оригинальные события в Западной Монголии, демонстрирующие особое состояние этнического самосознания населения региона, делается вывод об отсутствии ощущения общенационального единства у всех монголов, которому только предстоит сформироваться в последующую эпоху социализма. Вместе с этим десятилетие рассматриваемых в статье событий для западных монголов послужило качественным этапом переосмысления своего места в этнокультурном диалоге с халха-монголами.

Ключевые слова: нация; западные монголы; освободительное движение; историографические традиции.

Социально-политические процессы во Внешней Монголии 1911–1912 гг., обозначившие начало «автономного» периода, именовались в советской и социалистической монгольской историографиях «национально-освободительным движением» [1. С. 97–108; 2. С. 32–47; 3. С. 256–259], а в современной российской характеризуются как «национально-освободительная революция» либо «национальное освобождение» [4. С. 25, 28; 5. С. 12]. В таких подходах имплицитно подразумевается наличие в Монголии того времени нации со сформировавшимся самосознанием, что, как известно, не может являться сиюминутным актом. С опорой на рассуждения В.А. Тишкова и несколько расширяя его определение [6. С. 157], под словом «нация» в настоящей статье понимается совокупность людей на основе этничности с наличием чувства гражданской солидарности и общности, т.е. со сформировавшимся национальным самосознанием, являющимся частным случаем этнического. Вместе с тем необходимо понимать, что нация проявляется в «степени консолидированности и степени лояльности своему государству» [Там же. С. 163]. Национализм – это «идеология и практика, основанная на представлении, что основой государственности, хозяйственной и культурной жизни является нация» [Там же. С. 157], также национализмы – это схемы, по которым идёт процесс конструирования и параллельного объяснения нации.

Поиски монгольской нации в событиях 1911–1921 гг. относятся к общей дискуссии о времени её возникновения. В литературе оформилось шесть основных взглядов на проблему происхождения монгольской нации. Начнём хронологически с самого древнего. Согласно наиболее распространённой в современных обыденных представлениях точке зрения, монголы как нация оформились ещё во времена господства хунну в III в. до н.э., что анализируется польским этнологом З. Шмытом [7. С. 114–115]. Отождествление хунну и монголов официально декларируется в современной Монголии и нередко доносится до масс нынешним президентом страны Ц. Элбэгдоржем: «Гунны – это монголы. Монголы – это гунны. То, что история монгольского государства исчисляется как минимум в

2220 лет, является сегодня доказанной истиной» [8. С. 170].

Согласно второй точке зрения, монгольская нация оформилась в 1206 г. во время провозглашения Темучжином Чингисханом и образования Монгольской империи. В трудах монгольских исследователей и в официальной государственной точке зрения эта версия преобладающая. В XIII в. появляется ряд терминов *Монгол улс*, *монгол иргэн*, *монголчин*, что подтверждает данную версию [9. Р. 57]. В единственном монгольском источнике по имперскому периоду «Тайной истории монголов» слово «иргэн», согласно выводам Т.Д. Скрынниковой, встречается в значениях «род, племя, народ, юрта, подданные, крепостные, холопы» [10. С. 24]. Рассматривая варианты перевода средневекового понятия *ulus*, указанный автор склоняется к версии «народ-удел» [Там же. С. 38]. Создание государства, появление единого этнонима или, вернее, политонима *монгол*, замена родового деления на военно-административную «способствовали, по мнению некоторых историков, созданию национальной идентичности» [7. С. 115].

Косвенным сторонником этой версии является Ш.Б. Чимитдоржиев. Противодействия монголов во главе с Амурсаной и Чингужавом завоевательной политике маньчжуров во время покорения ими Южной Монголии, халхаских аймаков и Джунгарского ханства историк именуется «национально-освободительным движением монгольского народа», полагая, что все группы монголов представляли собой единый народ, а отдельные феодальные государства – единую, но раздробленную Монголию [11]. Такой взгляд несёт в себе отголоски методологии классовой борьбы, восходящей к советской историографии, квинтэссенцией которой являются работы академика Б. Ширендыба и коллективная монография «История Монгольской Народной Республики» [2. С. 32–47; 3. С. 216–219]. Вместе с тем бурятский исследователь Ш.Б. Чимитдоржиев отмечает, что в рассматриваемое им время «в стране не было общенационального единства» [11. С. 3].

Такая точка зрения критикуется западными исследователями. Ч. Боудэн напоминает, что «чтение этни-

ческих терминов, в обход событий, может ввести в заблуждение, а в момент завоевания маньчжурами не было никакого сплоченного чувства монгольской нации» [12. Р. 40]. К. Этвуд пишет, что только потомки Чингисхана – тайджи – «были единственными полноправными членами монгольской общины» [13. Р. 507]. Д.А. Снис считает, что «во время эпохи [Чингисхана] трудно определить четкий смысл монгольской этнической идентичности, отличной от благородного или элитного происхождения» [14. Р. 152].

По третьей версии монгольская нация оформилась в период нахождения Монголии в составе империи Цин (середина XVIII в. – 1911 г.). Такое предположение делает К. Каплонски, сам являющийся сторонником формирования нации при социализме: «Может быть, возникновение монгольской нации относится к концу XIX в., [но] национальная идентичность в более широком смысле стала актуальна только с установлением социалистического режима в 1920-е гг...» [15. Р. 35]. Косвенным подтверждением приверженности третьей версии является факт признания Долоннорского съезда князей Халхи (1691 г.), на котором состоялась процедура принятия ими маньчжурского подданства, датой вхождения всей Монголии в состав империи Цин [3; 5. С. 16; 11. С. 48]. По словам историка, академика АН Монголии Ж. Болдбаатара, эта акция, как и ряд мероприятий Ундур-гэгэна Занабазара, помогли «сохранить единство монгольского народа» [16]. В таком случае исследователи игнорируют ойратов Джунгарского ханства, потомки которых являются неотъемлемой частью современных монголов, а история самого ханства – этапом в истории всей Монголии. По мнению Д.А. Сниса, трудно предположить, кто из сословного населения хошунов империи Цин мог идентифицировать себя с монголами, поэтому он полагает, что сложение монгольской нации в современном её понимании произошло в XX в. [14. Р. 150].

Четвёртая версия гласит, что монгольская нация оформилась в начале XX в. Её сторонниками являются Ч. Боудэн, А. Натансон, М. Россаби [7. С. 116]. Отголоски такого подхода слышны в работах тех, кто именует события 1911–1921 гг. национально-освободительным движением. Критика такого именования известных событий с опорой на выявление этнического самосознания западных монголов составляет главную задачу статьи.

Согласно пятой точке зрения, нация оформилась только в период существования МНР (1924–1990 гг.). Этому положению придерживались все советские этнографы и историки. С ним согласен К. Каплонски, специально изучавший проблемы происхождения нации и виды монгольского национализма [15].

К последней, шестой точке зрения, можно отнести работы отдельных исследователей, ставящих под сомнение факт наличия сегодня в Монголии сплочённой нации. Крайних взглядов придерживается А.С. Шмыт, рассматривающая современную монгольскую нацию

как «фантом, в центре которого находится фигура Чингисхана» [17. С. 310]. По мнению А. Динера, ситуация с казахами, составляющими этническое большинство в Баян-Ульгийском аймаке на западе страны и живущими в полуавтономном режиме, тормозит реализацию современного проекта гражданской нации [18].

От историографического обзора переходим непосредственно к анализу характера социально-политических событий 1911–1921 гг. В этой связи примечательны слова В.А. Тишкова, полагающего, что в ряде случаев выступление «всего народа» – это не более, чем миф, закреплённый в метафоре «народной войны» [6. С. 121], поэтому события, предшествующие провозглашению МНР, требуют особого рассмотрения с точки зрения анализа их как фактора, способствующего консолидации монгольских «племён» в предтечу гражданской нации. Особый акцент необходимо делать на восприятие процессов «национальной консолидации» (если они имели место быть) в среде западных монголов.

Современными монгольскими исследователями события 1911 г. однозначно трактуются как «национальная революция» [19. Т. 5. С. 50–59; 20. С. 93]. Вместе с этим имеются противоположные взгляды Е.А. Белова. Провозглашение независимости Монголии, по его мнению, неверно называть «революцией», потому что феодальные руководители процессов ставили главной целью отделение от Китая, а не коренное изменение развития общества, что подразумевается самим определением, «оставив в нетронутом виде архаические общественно-экономические отношения в стране» [21. С. 108]. Некоторые венгерские историки также полагают, что термин «революция» более применим к событиям 1921 г., ибо в 1911 г. не произошло изменение социальной структуры Монголии, поскольку целью движения была независимость [22. Р. 94]. К. Каплонски не отрицает существование у интеллектуалов националистических настроений, которые, однако, не имели массового распространения у рядового населения страны. Исследователь обращает внимание на имущественное расслоение монгольского общества [15. Р. 36–37].

В монгольской науке социалистического периода также считалось, что в истории страны была только одна революция – Монгольская народная 1921 г. Эта традиция, считающая, что в 1911 г. к власти взамен цинских феодалов пришли местные, исключала понимание рассматриваемых событий как революционных, так как в период автономии сохранялся «феодално-колониальный гнёт» [2. С. 38; 23. С. 131]. В связи с этим произошёл дальнейший рост «антифеодального, антиростовщического и антиимпериалистического движения» [24. С. 73–89].

Чтобы в поисках монгольской нации сравнительно близко подойти к истине, необходимо разобраться, что в обществе Внешней Монголии начала XX в. было больше: сплывающих факторов, среди которых, безусловно, ведущую роль играли религия, письменность

и негативное отношение к китайским торговцам, или разъединяющих? Учитывая массовую безграмотность монголов (грамотными было 3–4% населения либо немногим больше [23. С. 107]), две системы письма – халхаская и ойратская – играли большую роль только в среде образованного духовенства и светской аристократии. Причём среди духовенства большее распространение имел тибетский письменный язык (реже – санскрит). Уместно полагать, что в определённой исторической и методологической парадигме исследователи видят то, что желают (или должны?) увидеть: советские историки – классовую борьбу, современные националистически настроенные монгольские учёные – национально-освободительную борьбу монгольского народа. При этом не уделяется должного внимания колоссальному социально-имущественному расслоению монгольского общества рубежа веков, играющему едва ли ни главную роль в «революционных процессах».

49,5% поголовья скота – главного богатства монголов – было в руках 7,8% светской и духовной знати (примерно 50 тыс. человек из 600–650 тысячного населения страны). Соответственно, у 92,2% простолюдинов находилось 50,5% оставшегося скота. 60% из примерно 210 тыс. аратских хозяйств считалось бедняцкими: каждое насчитывало в среднем по 10–20 овец, 2–3 коровы и 1–2 лошади. Средний прожиточный минимум в то время для семьи из 5 человек составлял 13 голов крупного рогатого скота, 90 овец, 3 верблюда и 14 лошадей. Это обстоятельство как монгольскими, так и российскими историками считается серьёзной причиной кризиса, оформившегося в Монголии к 1911 г. [4. С. 13–14].

Борьба с маньчжурами привела в 1915 г. сначала к автономии Монголии, закреплённой Кяхтинским трёхсторонним соглашением, а в последующем к её отмене. Сам бессистемный характер противостояния монгольской элиты и цинской администрации свидетельствует о кризисном состоянии монгольского общества и отсутствии целенаправленного характера действий разных социальных групп монголов, и здесь мы отводим этническую составляющую на второй план. По этим причинам мы, как и И.Ю. Морозова, полагаем, что до знакомства с коммунистическими идеями монголы в 1910-е гг. находились «в состоянии, близком к хаосу» [25. С. 16]. Монгольское общество начала XX в. было более разобщено по имущественно-сословному признаку, нежели «этническому». Рассуждая таким путём, понятие «национальное освобождение» к событиям 1911–1921 гг. вплоть до организации Временного народного правительства можно применять лишь с оговорками.

Любопытно замечание И.Ю. Морозовой о том, что самосознание монголов, как и других народов Центральной Азии, «базируется на образе эпических героев-богатырей... и легендах о великих ханах», вследствие чего этим народам свойственно «стремление к национальной независимости», пронесённое ими через

века маньчжурского господства [Там же. С. 11]. Данный тезис отражается скорее в фольклоре: сказания о былых славных временах и героях у западных монголов всё более распространялись по мере ужесточения китайского гнёта. В реальной ситуации указанное стремление и «единый народный порыв» отсутствовали. Вернее, этот «порыв» был чаще всего направлен против экономической эксплуатации китайцев и не являлся борьбой за общенациональные ценности.

Ещё до событий 1911–1912 гг. население Кобдоского округа и других районов Монголии выступало против усиления китайской колонизации и эксплуатации, превышения должностных обязанностей некоторых хошунных дзасаков и лам [4. С. 26; 19. Т. 4. С. 261–262; 23. С. 60–73]. Отметим, что против лам – в меньшей степени, нежели против князей. Участники Московской торговой экспедиции 1910 г. отмечали, что политика превращения Монголии в обычную провинцию Китая сводилась к ослаблению власти князей и обеднению народа, захвату территории и заселению её китайцами, уменьшению влияния русских, Богдо-гэгэна и лам на монголов, развитию китайского образования и культуры среди населения. Всё это иллюстрировалось яркими примерами, свободными от получившей в дальнейшем распространение марксистской догматики [26. С. 181–186]. Как видим, цинское правительство было хорошо осведомлено о спланированном факторе буддизма у монголов.

По дербетским наблюдениям Б.Я. Владимирцова, летом 1908 г. гнёт китайцев был темой бесконечных дебатов как в среде чиновников и лам, так и среди простого народа. В противовес этому повсеместные рассказы об Амурсане были своеобразной отдушиной, надеждой на скорейшее изменение дел и возвращение к «золотому веку» [27. С. 90]. Имелись вооружённые столкновения: к примеру, движение Тогтохо-тайджи на востоке страны. О подобных недовольствах разведчик Усинского пограничного отряда докладывал: «Дурбеты все – и чиновники, и ламы, и простой народ – восстановлены против китайцев... Чи Ван ездил в Пекин с жалобой на китайских торговцев. Китайские торговцы своей бесцеремонностью обращения, своими дикими процентами, прямо дневными грабежами поселили ненависть в сердцах дурбетов» [28. С. 39]. В канонической работе Б. Ширендыб описал всю тяжесть повинностей, возложенных на податное население [23. С. 42–60].

О ходе событий 1911–1921 гг. имеется обширная литература [3, 4, 29], поэтому нет смысла их детально описывать. Остановимся лишь на наиболее значимых фактах с фокусировкой на Западной Монголии, представляющей особый интерес, поскольку неоспорным считается утверждение О. Латтимора, что народы этого региона играли второстепенные роли в рассматриваемых процессах, когда движущей силой были халха. По его же мнению, у каждого из монгольских народов сформировался свой «национализм» [30.

Р. 5–9]. Российский консул Я.П. Шишмарёв писал в 1895 г.: «Халхы считают себя предводителями среди других многих монгольских наций и народов» [20. С. 93]. В этой связи особенно интересно выявить согласованность интересов и действий западных монголов с халха.

Как известно, вернувшись из Петербурга, где делегация лам и князей заручилась дипломатической поддержкой, 18 ноября 1911 г. в Урге была образована Временная полномочная администрация Халхаского Хурээ, которая, создав ополчение, 29 ноября потребовала от Ургинского наместника Цинской империи и его гарнизона, состоящего из 150 человек, покинуть город, что и было сделано [4. С. 31]. 1 декабря 1911 г. публикуется «Воззвание ханов, ванов, бэйсэ, гунов, дзасаков, а равно хамбо, шанцотбы и да-лам всех четырех халхаских аймаков». В документе сообщалось: «Мы, монголы, искони составляли особую народность. Теперь, согласно древним порядкам, надлежит установить своё национальное, независимое от других, новое государство» [28. С. 42; 31. С. 72]. Это не согласуется с данными К. Каплонски. В рассмотренных им документах нет никакой речи о «национальном» и не фигурируют однокоренные этому слова. Постоянно употребляется фраза *тусгаар улс* «независимое государство» или *тусгаар улс төр* «независимая политика» [15. Р. 42]. Любопытно, что «Воззвание» адресовано только к четырём аймакам Халхи, Кобдоский округ на западе остался вне юрисдикции данного обращения.

29 декабря 1911 г. на престол великого хана Монголии возводится глава буддийской церкви Богдо-гэгэн VIII Джэбцундамба-хутухта и оформляется Монгольское теократическое государство со столицей, гербом, флагом, гимном и правительством [3. С. 265; 4. С. 32]. Позже, в 1914 г., был образован двухпалатный Хурал [23. С. 100] и отдельное, не входящее в Совет министров, подчиняющееся напрямую Богдо-гэгэну министерство по делам религии [24. С. 30].

Г. Кобдо (Ховд) – центр Западной Монголии (административно – Кобдоского округа) был освобождён от китайского гарнизона в августе 1912 г. К концу того же года монголами освобождается Улаангом. Между данными событиями в конце июня на общедербетском сейме в Улаангоме, созванном назначенными Ургой «краевыми министрами», было принято решение о присоединении к Монгольскому государству [23. С. 79].

Фактически прежняя административно-территориальная хошунно-сомонная система деления сохранилась. Только вместо цинских амбаней были назначены сайды – наместники Богдо-гэгэна [28. С. 43]. Кроме введения двухпалатного Хурала, носившего совещательный характер и собиравшегося только по воле Богдо-гэгэна, особых структурных изменений в аппарате управления и государственном строе не произошло. По-прежнему дзасак («князь» – глава хошуна) совмещал судебную, административную и военную

власть, сохранялось цинское законодательство и словесный суд [3. С. 277–278]. Как независимое государство Монголия пыталась установить дипломатические отношения с другими странами, но получилось только с Тибетом [22. Р. 94].

Новая автономная власть в регионе фактически законсервировала старую маньчжурскую систему, основанную на этнородовом делении общества. Это продолжало способствовать генерированию чувства своей самости и дальнейшему сохранению и трансляции территориальной идентичности у западных монголов.

Народные восстания и последовавшее объявление автономии Внешней Монголии в 1911 г. не было единовременным манифестом всего населения, так как известно, что, к примеру, дербеты и баяты некоторое время раздумывали о целесообразности антиманьчжурского выступления вслед за халха-монголами [32. С. 744]. После принятия решения под руководством Джа-ламы они всё равно продолжали колебаться: «В противовес халхасам настроение байтов было неопределённым, многие говорили: “Однако халхасы вовлекут нас в нехорошее дело, потом прикончат всех нас китайцы”» [33. С. 64].

После ареста Джа-ламы в начале 1914 г. в народе в условиях полной анархии и разрухи стали ходить разговоры о скором возвращении китайцев. Поверив в эти слухи, халхаские военные стали обвинять народ Западной Монголии в измене, «укрепляя, тем самым, среди ойратов недовольство халхасами» [34. Х. 118]. Прибывший в Кобдо столичный представитель Со-гун всё накопленное Джа-ламой имущество передал в Ургу. Это было сделано вопреки воле населения, считавшего предметы «достоянием округа». Никто из князей Кобдоского округа не был привлечён в аппарат центрального правительства, самим округом продолжал руководить халхаский князь, а расходы на войну в Кобдо 1912 г. были возложены только на население округа, но не на всю страну – эти обстоятельства способствовали упрочению взаимных антипатий между восточными и западными монголами. В такой атмосфере активизировались князья-китаефилы. В начале лета 1915 г. на р. Ховд был проведён окружной съезд, на котором обсуждались вопросы предоставления налоговых льгот, перспективы перехода на сторону Китая и внутримонгольские проблемы. Только после этих тревожных событий руководителем округа был назначен Далай-хан Тумэн-Дэлгэрджаб, сторонник Халхи. Эта мера успокоила население [33. С. 117, 142–143]. Некоторые историки полагают, что в начале XX в. влияние Богдо-гэгэна не распространялось на территорию Кобдоского округа [12. Р. 196], как мы показали, власть Нийслэл-хурээ здесь была признана, но не одномоментно, что превращалось в довольно специфическое чувство единства запада и востока Монголии. Так, И.М. Майский невозможность проведения в округе первой всеобщей переписи населения и

скота 1918 г. объяснял плохим подчинением региона центральному правительству [35. С. 15].

Параллельно стали появляться идеи отделения от Халхи или предоставления Западной Монголии собственной автономии. По информации разведсводки штаба Приамурского военного округа за март 1912 г. западные монголы «хотели бы иметь собственного хана» [28. С. 57]. Мечты о воссоздании «Великого ойратского государства», безусловно, питал Джа-лама, которого западные монголы считали перерождением Амур-саны. В одном из своих писем А.В. Бурдуков желал Джа-ламе «заставить все монгольские народности» отойти от Китая и направить все усилия на образование независимого и великого ханства [36. С. 146].

Российско-монгольский договор 1912 г. и Кяхтинское тройственное соглашение 1915 г. закрепили территорию Монголии в границах четырёх халхаских аймаков и Кобдоского округа с придачей ей статуса автономии в составе Китая. В этих обстоятельствах трудно рассуждать о «независимости» Автономной Монголии, бюджет которой фактически целиком формировался из миллионных займов, предоставляемых Российской империей. Дипломатическая поддержка, наличие русских военных инструкторов, поставки вооружения и другая реальная военная помощь, как ввод войск в Кобдоский округ летом 1913 г., предотвративший карательный поход китайцев (после чего была произведена демаркация границ между Кобдоским и Алтайским округами), – всё это факты прямой помощи России, без которой автономия страны находилась бы под вопросом [4. С. 40].

С ноября 1917 г. Ургинская управа Сиббюро ЦК РКП(б) начинает революционную работу в Монголии. В апреле 1918 г. была разработана специальная инструкция, среди положений которой предлагалось поддерживать традиционный панмонголизм, использовать противоречия среди князей, «установить в Монголии престиж Советского правительства путём искусной агитации как среди масс, так и влиятельных княжеских кругов». Практическое выражение декларируемых постулатов в условиях Гражданской войны не могло осуществиться [29. С. 78]. Здесь мы вплотную подошли к проблеме социальной стратификации (князья, ламы, народные низы) и противоречий между духовной и светской аристократией, возникшими вследствие обогащения первых в период Автономной Монголии. Особое внимание этому уделяли исследователи периода социализма. Так, число шабинаров Богдо-гэгэна за этот период увеличилось с 55 479 чел. до 89 362 чел. Рост числа «учеников» был присущ и остальным церковным иерархам [3. С. 279]. Иногда араты добровольно переходили в подчинение Богдо-гэгэна. По-видимому, это объясняется тем, что так они получали некоторые льготы: освобождались от воинской повинности, уплаты общих налогов, а безземельные могли свободно кочевать по всему хошуну [35]. Как и прежде, в Кобдоском округе шабинары отсутствовали. Сами князья ещё в

1910 г. за редким исключением были «необразованные, политически неразвитые, приученные к китайскому господству», «жили разрозненно», превратившись «в покорных слуг» цинского правительства [26. С. 181].

В 1918 г. Китай начинает экономическую, военную и политическую «оккупацию» Автономной Монголии. Ярким примером служит суд против баятского князя Пунцуг-гуна и его подданных, обвиняемых в «подстрекательстве монголов против китайцев» в 1911–1912 гг. Сходные процессы прошли по всей Монголии. Таким способом Китай считал освободительную борьбу монголов «преступной деятельностью», что само по себе говорит об образе мыслей республиканских властей, по-прежнему, представляющих Монголию обыкновенной провинцией Китая [29. С. 79–82].

Автономия Монголии была ликвидирована 17 ноября 1919 г. в результате подписания министрами «Коллективной петиции правительства князей и лам Внешней Монголии», подготовленной генералом Сюй Шучженем. Кроме объективных китайских причин в поражении идеи автономии большую роль сыграл субъективный фактор – противоборство духовных и светских группировок в монгольском руководстве и общее кризисное состояние внутри страны. Многие князья склонялись в сторону Китая [Там же. С. 87–89]. Это опять же свидетельствует об отсутствии единства в правительстве Монголии и, соответственно, нельзя полагать, что руководство отражало чаяния «народных масс». Вместе с этим известен высокий духовный авторитет Богдо-гэгэна VIII среди населения, что отражено в его титуле «Многими возведённый», поэтому О. Батсайхан и С.Л. Кузьмин вполне правомерно считают восшествие на престол главы буддийской церкви в Монголии волеизъявлением всего народа [31. С. 73]. Вероятнее всего, только этим и исчерпывается воля всех слоёв монголов.

Если «революция сверху» выглядела вышеизложенным образом, то о господствующей в среде западных монголов атмосфере «народного освобождения» красочно свидетельствуют публикации А.В. Бурдукова. О снабжении войск оружием в ноябре 1912 г. он писал следующее: «Хлопочут в командующих монгольских верхах, в самом же народе не заметно никакого подъёма национального чувства» [34. X. 112]. Поводы массовых китайских погромов были в том, что монголы «соблазнились лёгкой наживой» [33. С. 53]. К этому же сводились причины участия множества западных монголов в штурме Кобдо в августе 1912 г.: они «воодушевлены, однако, не национальным порывом, а надеждой на лёгкую и быструю добычу. После разгрома китайских факторий у них разгорелся аппетит. Добыча же в Кобдо была несравненно больше» [Там же. С. 77].

Подобные высказывания, не укладывающиеся в прокрустово ложе советской исторической науки, были раскритикованы И.Я. Златкиным, комментировавшим собрание воспоминаний и писем А.В. Бурдукова «В старой и новой Монголии». Так, комментатор обви-

нял автора в «поверхностном суждении», «упрощённом толковании важных политических событий», «недооценке размаха... национально-освободительного движения монголов» [33. С. 377, 381].

Мы видим, как реальные исторические события, наблюдаемые, по существу, непосредственным участником, мифологизируются и становятся частью новой истории Монголии, а в последующем влетают в систему мифов, питающих современный монгольский национализм. Безусловно, можно рассуждать о субъективности взглядов обоих процитированных выше исследователей, но факт того, что информация о случившемся почерпнута либо из бесед с участниками, либо засвидетельствована самим А.В. Бурдуковым, придаёт его записям весомость и правдоподобность.

Период кратковременной китайской «оккупации» заканчивается вторжением осенью 1920 г. в Монголию азиатской дивизии барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга и взятием им Урги в феврале 1921 г. Затем последовали возведение на престол Богдо-гэгэна и восстановление теократического государства. Появление «белых» за пределами Советской России обосновало вхождение РККА на территорию Монголии. Этот безусловный факт ныне оспаривается, но он считался само собой разумеющимся в то время. Видный советский дипломат А.А. Иоффе в письме В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому, Г.Е. Зиновьеву и И.В. Сталину отмечал, что «если бы в Монголии не было Унгерна и наши товарищи там не поспешили бы, мы также не советизировали бы Монголию, как не советизировали Восточный Туркестан...» [29. С. 115].

10 июля 1921 г. по поручению Богдо-гэгэна министерства восстановленного теократического правительства Автономной Монголии сдали свои печати Временному народному правительству [31. С. 79]. Началась другая история Монголии, повлекшая за собой дальнейшее становление монгольской нации.

Применение по отношению к событиям 1911–1921 гг. клише «национально-освободительное движение» подразумевает существование нации монголов, что является крайне спорным и неоднозначным вопро-

сом. Очевидно, что при такой постановке проблемы исследователь априори относит возникновение искомой монгольской нации ко времени существования империи Чингисхана. Совсем сводить со счетов «общенациональное» тотальное желание населения избавиться от маньчжурского владычества не стоит, но и превозносить его выше других обстоятельств также не вполне корректно. При анализе рассмотренных событий не стоит забывать о массе причин, формировавших тогдашнюю ситуацию: колоссальное социально-имущественное расслоение общества, находящегося в кризисном состоянии, разобщённость властвующей элиты Монголии, полиэтнический состав страны и внешнеполитические роли Китая и России. Также невозможно применение к событиям 1911–1921 гг. термина «революция», поскольку руководство Автономной Монголии не произвело коренную смену социально-политической системы в стране: формы собственности, структура населения и общественные отношения остались на прежнем уровне, сформированном цинским правительством.

В этой связи, чтобы избежать видения в рассмотренных процессах единой монгольской нации, логичнее именовать события 1911–1921 гг. «освободительное движение». В заявлении западных монголов иметь своего князя ими демонстрировалось ощущение своей инаковости в условиях контакта с халха-монголами. Ультимативный характер этого заявления и угроза (при условии его невыполнения) присоединения к Китаю или России говорят об отсутствии чувства национальной солидарности у всех групп монголов, которому ещё предстоит сформироваться. Освободительное движение в Западной Монголии было ярким проявлением состояния внутренней консолидации народов региона и их территориальной идентичности, а также продемонстрировало наличие у западных монголов представления о своём неотъемлемом и равноправном, наряду с халха, положении внутри страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гонгор Д. Ховдын хураангуй түүх (Краткая история Кобдо). Улаанбаатар : ШУА-ийн хэвлэл, 1964. 229 х. на монгол. яз.
2. Ширендыб Б. Избранные произведения. М. : Наука; Глав. ред. вост. лит., 1973. 339 с.
3. История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : Наука; Глав. ред. вост. лит., 1983. 664 с.
4. История Монголии. XX век / отв. ред. Г.С. Яскина. М. : ИВ РАН, 2007. 448 с.
5. Батунаев Э.В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ : ИМБТ СО РАН, 2013. 24 с.
6. Тишков В.А. Реквием по этносу. М. : Наука, 2003. 543 с.
7. Шмыт З. Нация и этничность в Монголии // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 58–70.
8. Элбэгдорж Ц. Я сын простого арата, научившийся ходить среди высоких гор. Улан-Батор, СПб : [б.и.]. 2014. 202 с.
9. Munkh-Erdene L. The Mongolian Nationality Lexicon: From the Chinggisid Lineage to Mongolian Nationality (From the seventeenth to the early twentieth century) // Inner Asia. 2006. Vol. 8, No 1. P. 51–98.
10. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. Изд. 2-е, перераб. и исправ. СПб. : ЕВРАЗИЯ, 2013. 384 с.
11. Чимитдоржиев Ш.Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 216 с.
12. Bawden C.R. The Modern History of Mongolia. New York : Frederick A. Praeger, 1968. 460 p.
13. Atwood C. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. N.Y. : Facts on File, 2004. 678 p.
14. Sneath D.A. Constructing Socialist and Post-Socialist Identities in Mongolia // Mongolia after Socialism: Politics, Economy, Religion. Ulaanbaatar : Admon Press, 2012. P. 147–164.

15. Kaplonski C. Creating national identity in socialist Mongolia // *Central Asian Survey*. 1998. № 17 (1). P. 35–49.
16. Саруул Д.Ж. Бодбаатар: «Халхинский Ундур Гэгээн был редкостно талантливым человеком» // *Монголия сегодня*. 2015. 7 июня. № 23 (676).
17. Шмыт А.С. Культ Чингисхана в период Монгольской Народной Республики и в современный период как элемент национальной идентичности монголов // *Мир науки, культуры, образования*. 2014. № 4 (47). С. 307–310.
18. Diener A.C. Mongols, Kazakhs, and Mongolian Territorial Identity: Competing Trajectories of Nationalization // *Central Eurasian Studies Review*. Winter 2005. Vol. 4, No. 1. P. 19–24.
19. Монгол Улсын түүх. Дөтгөөр боть (XVII–XX зууны эхэн) / ред. проф. А. Очир, проф. Б. Энхтүвшин. Улаанбаатар хот: МУШУА-н Түүхийн хүрээлэн, 2003. Т. 1–5.
20. Батсайхан О. Независимость Монголии 1911 г. и Богд хаан // *Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука*. Иркутск; Улан-Батор: Изд-во БГУЭП, 2014. Кн. 3, Ч. 1. С. 93–97.
21. Курас Л.В. Синьхайская революция 1911–1913 гг. и Монголия: современная российско-монгольская историография // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2015. № 2 (18). С. 97–111.
22. Szilagyi Z. Revolution or Fight for Independence? Some Remarks on the Theocratic Mongolian State of 1911 // *Mongolian Studies in Europe 2. Proceedings of the Conference Held on the Occasion of the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution for Independence, Budapest, 20 April, 2011 / ed. by Agnes Birtalan*. Budapest: Eotvos Lorand University, Department of Inner Asian Studies, 2012. P. 91–96.
23. Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX–XX веков (история социально-экономического развития). Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. 518 с.
24. Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 года. М.: Наука; Глав. ред. вост. лит., 1971. 400 с.
25. Морозова И.Ю. Социальные преобразования в Монголии в 20–40-х годах XX века: дис. ... канд. ист. наук: М.: МГУ, 2002. 223 с.
26. Московская торговая экспедиция в Монголию. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1912. 353 с.
27. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / редкол.: В.М. Алпатов (пред.) и др.; сост. Г.И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
28. Дацышен В.Г. Монголия в составе Цинской империи в начале XX века и Синьхайская революция // *Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука*. Иркутск-Улан-Батор: Изд-во БГУЭП, 2014. Кн. 3, Ч. 1. С. 25–47.
29. Лузанин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Огни, 2003. 320 с.
30. Lattimore O. Nationalism and revolution in Mongolia. New York: Oxford University Press, 1955. 186 p.
31. Батсайхан О., Кузьмин С.Л. Основания современной монгольской государственности // *Олон улсын судлал*. 2008. № 2. С. 68–86.
32. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л.: [б.и.], 1926. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. 898 с.
33. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М.: Наука; Глав. ред. вост. лит., 1969. 417 с.
34. Бурдуков А.В. XX зууны эхэн үеийн Баруун Хойд Монголын түүхийн чухал сурвалж / пер. Б. Нямдорж, ред. Н. Цэдэв. Улаанбаатар хот: Соёмбо принтинг, 2014. 298 х.
35. Майский И.М. Современная Монголия (Отчёт Монгольской Экспедиции, снаряжённой Иркутской Конторой Всероссийского Центрального Союза Потребительских обществ «Центросоюз»). Иркутск: Иркут. отд. Гос. изд-ва РСФСР, 1921. 470 с.
36. Ломакина И. Голова Джа-ламы. СПб.; Улан-Удэ: Агентство Эко-Арт, 1993. 250 с.

Terentyev Vladislav I. Mongolian National University (Ulaanbaatar, Mongolia); Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia). E-mail: vlad33@bk.ru

THE SEARCH OF THE MONGOLIAN NATION IN THE LIBERATION MOVEMENT IN 1911–1921.

Keywords: nation; western Mongols; liberation movement; historiographical traditions.

Traditional naming of socio-political events that have occurred in Outer Mongolia in 1911–1921 the «National liberation movement» means the existence of united Mongolian nation. The main objective of the article is to criticize such approach with the help of identification of ethnic consciousness of western Mongolia. For these purpose the author analyzed theories about the origin of Mongolian Nation: during the existence of the Hunnu State (3rd century BC); in the era of Chinggis Khaan (13th century); during the period when the territory of Mongolia was a part of the Qing Empire (middle of the 15th century – 1911); at the beginning of the XX century, under socialism (1924–1990). Some scientists have questioned the existence in Mongolia cohesive nation today. The feudal leaders of events of 1911–1912 were not interested in fundamental changes in the development of society and «left the archaic social and economic relations in the country untouched» (E.A. Belov). Therefore we can not use the concept of «revolution» towards these events. Apart the joining factors (religion, writing and negative attitude towards Chinese merchants) there were divisive ones: tremendous social and property stratification of Mongolian society. The nature of confrontation between the Mongolian elite and Qing administration indicated the critical situation in the Mongolian society and the lack of focusing actions of different social groups of the Mongolians. Also the ethnoregional features of western Mongolia played an important role. It is believed that the Khalkhas were the main driving force in the liberation movement so the perception of events in the west of the country is of a great interest. In western Mongolia simultaneously with the main processes began to appear the idea of separation from the Khalkha region or their own autonomy. About the atmosphere of indifferent attitude of most Western Mongolians to so called «National liberation» colorfully report the publications of A.V. Burdukov, who was a direct participant of the described events. His recordings have been criticized by I.J. Zlatkin who accused him of «superficial judgment», «simplistic interpretation of important political events», «underestimate the scope... of the national liberation movement of the Mongols». In order to avoid seeing in the analyzed processes united Mongol nation it is logical to call these events «liberation movement». On the Assembly of Derbet peoples in 1915, the Western Mongolians expressed their desire to have their prince. Such way they demonstrated their sense of otherness in contact with Khalkha Mongols. The ultimate nature of this «desire» and threat (in case of failure to the agreement) to join to China or Russia demonstrate the lack of a sense of national solidarity among all groups of the Mongolians, which has yet to be formed.

REFERENCES

1. Gongor, D. (1964) *Khovdyn khuraanguy түүх* [A Brief History of Kobdo]. Ulaanbaatar: ShUA-iyn khevel. (In Mongolian).
2. Shirendyb, B. (1973) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Translated from Mongolian by B., Shirendyb. Moscow: Nauka.
3. Okladnikov, A.P. (ed.) (1983) *Istoriya Mongol'skoy Narodnoy Respubliki* [History of the Mongolian People's Republic]. 3rd ed. Moscow: Nauka.
4. Yaskina, G.S. (ed.) (2007) *Istoriya Mongolii. XX vek* [History of Mongolia. The twentieth century]. Moscow: RAS.
5. Batunayev, E.V. (2013) *Bor'ba za nezavisimost' Mongol'skogo gosudarstva (1911–1921 gg.)* [The struggle of the Mongolian state for independence (1911–1921)]. Abstract of History Cand. Diss. Ulan-Ude: Sb RAS.

6. Tishkov, V.A. (2003) *Rekviem po etnosu* [Requiem for Ethnos]. Moscow: Nauka.
7. Shmyt, Z. (2011) Natsiya i etnichnost' v Mongolii [Nation and ethnicity in Mongolia]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 6. pp. 58–70.
8. Elbegdorj, Ts. (2014) *Ya syn prostogo arata, nauchivshiysya khodit' sredi vysokikh gor* [I am the son of a simple Arata who learnt to walk in the high mountains]. Ulan-Bator, SPb: [s.n.].
9. Munkh-Erdene, L. (2006) The Mongolian Nationality Lexicon: From the Chinggisid Lineage to Mongolian Nationality (From the seventeenth to the early twentieth century). *Inner Asia*. 8(1). pp. 51–98. DOI: 10.1163/146481706793646792
10. Skrynnikova, T.D. (2013) *Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana* [Charisma and power in the era of Genghis Khan]. 2nd ed. St. Petersburg: EV-RAZIYA.
11. Chimitdorzhiev, Sh.B. (2002) *Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie mongol'skogo naroda v XVII–XVIII vv.* [The national liberation movement of the Mongolian people in the 17th – 18th centuries]. Ulan-Ude: SB RAS.
12. Bawden, C.R. (1968) *The Modern History of Mongolia*. New York: Frederick A. Praeger.
13. Atwood, D. (2004) *Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire*. New York: Facts on File.
14. Sneath, D.A. (2012) Constructing Socialist and Post-Socialist Identities in Mongolia. In: Knauff, B. & Taupier, R. (eds) *Mongolia after Socialism: Politics, Economy, Religion*. Ulaanbaatar: Admon Press. pp. 147–164.
15. Kaplonski, C. (1998) Creating national identity in socialist Mongolia. *Central Asian Survey*. 17(1). pp. 35–49. DOI: 10.1080/02634939808401022
16. Saruul, D. & Boldbaatar, Zh. (2015) Khalkhinskiy Undur Geegen byl redkostno talantlivym chelovekom [The Halki Undur Geegen was an unusually talented person]. *Mongoliya segodnya*. 7th June.
17. Shmyt, A.S. (2014) The cult of Genghis Khan in the period of Mongolian People's Republic and in modern Mongolia as an element of Mongolian national identity. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*. 4(47). pp. 307–310. (In Russian).
18. Diener, A.C. (2005) Mongols, Kazakhs, and Mongolian Territorial Identity: Competing Trajectories of Nationalization. *Central Eurasian Studies Review*. 4(1). pp. 19–24.
19. Ochir, A. & Enkhtyvshin, B. (ed.) (2003) *Mongol Ulsyn түүхх. Дэтгөөр бол' (XVII–XX зууны ехен)* [Mongolian History. In 5 vols (The 17th – 20th centuries)]. Vol. 1–5. Ulaanbaatar khot: MUSHUA-n Түүххиин кhyreen.
20. Batsaykhan, O. (2014) Nezavisimost' Mongolii 1911 g. i Bogd khaan [Independence of Mongolia in 1911 and the Bogd Khaan]. In: Sukhodolov, A.P. (ed.) *Rossiya i Mongoliya v nachale XX veka: diplomatiya, ekonomika, nauka* [Russia and Mongolia in the early 20th century diplomacy, economics and science]. Book 3 (1). Irkutsk-Ulan-Bator: Baikal State University of Economics and Law. pp. 93–97.
21. Kuras, L.V. (2015) Sin'khayskaya revolyutsiya 1911–1913 gg. i Mongoliya: sovremennaya rossiysko-mongol'skaya istoriografiya [Xinhai Revolution of 1911–1913 and Mongolia: The modern Russian-Mongolian historiography]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 2(18). pp. 97–111.
22. Szilagyi, Z. (2011) [Revolution or Fight for Independence? Some Remarks on the Theocratic Mongolian State of 1911]. *Mongolian Studies in Europe* 2. Proceedings of the Conference Held on the Occasion of the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution for Independence. Budapest. 20th April 2011. Budapest: Eotvos Lorand University, Department of Inner Asian Studies. pp. 91–96.
23. Shirendyub, B. (1963) *Mongoliya na rubezhe XIX–XX vekov (istoriya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya)* [Mongolia at the turn of the 20th century (The history of social and economic development)]. Ulan-Bator: Committee for Press.
24. Shirendyub, B. (1971) *Istoriya Mongol'skoy narodnoy revolyutsii 1921 goda* [History of the Mongolian People's Revolution in 1921]. Moscow: Nauka.
25. Morozova, I.Yu. (2002) *Sotsial'nye preobrazovaniya v Mongolii v 20–40-kh godakh XX veka* [Social transformations in Mongolia in the 20–40s of the 20th century]. History Cand. Diss. Moscow: Moscow State University.
26. Popov, V.L. et al. (1912) *Moskovskaya torgovaya ekspeditsiya v Mongoliyu* [Moscow Trade Expedition to Mongolia]. Moscow: P.P. Ryabushinskiy.
27. Vladimirtsov, B.Ya. (2002) *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov* [Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura.
28. Datsyshen, V.G. (2014) Mongoliya v sostave Tsinskoy imperii v nachale XX veka i Sin'khayskaya revolyutsiya [Mongolia as part of the Qing Empire in the early 20th century and Xinhai Revolution]. In: Sukhodolov, A.P. (ed.) *Rossiya i Mongoliya v nachale XX veka: diplomatiya, ekonomika, nauka* [Russia and Mongolia in the early 20th century diplomacy, economics and science]. Book 3 (1). Irkutsk-Ulan-Bator: Baikal State University of Economics and Law. pp. 25–47.
29. Luzyanin, S.G. (2003) *Rossiya – Mongoliya – Kitay v pervoy polovine XX veka. Politicheskoe vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg.* [Russia – Mongolia – China in the early 20th century. Political relations in 1911–1946]. Moscow: Ogni.
30. Lattimore, O. (1955) *Nationalism and revolution in Mongolia*. New York: Oxford University Press.
31. Batsaykhan, O. & Kuz'min, S.L. (2008) Osnovaniya sovremennoy mongol'skoy gosudarstvennosti [Foundations of modern Mongolian statehood]. *Olon ulsyn sudlal*. 2. pp. 68–86.
32. Grumm-Grzhimaylo, G.E. (1926) *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray* [Western Mongolia and Uryankhai edge]. Vol. 2. Leningrad: [b.i.].
33. Burdukov, A.V. (1969) *V staroy i novoy Mongolii* [In the old and new Mongolia]. Moscow: Nauka.
34. Burdukov, A.V. (2014) *XX зууны ехен yeiyn Baruun Khoyd Mongolyn түүххиин chukhal survalzh* [North-West in the early 20th century as an important source of Mongolian history]. Ulaanbaatar: Soembo printing.
35. Mayskiy, I.M. (1921) *Sovremennaya Mongoliya (Otchet Mongol'skoy Ekspeditsii, snaryazhennoy Irkutskoy Kontoroy Vserossiyskogo Tsentral'nogo Soyuza Potrebitel'skikh obshchestv "Tsentrosoyuz")* [Modern Mongolia (Report on Mongolian Expedition, initiated by the Irkutsk Office of All-Russian Central Union of Consumer Societies "Central Union")]. Irkutsk: Irkutsk Dep. Of the RSFSR State Publishing House.
36. Lomakina, I. (1993) *Golova Dzha-lamy* [The Head of Ja Lama]. St. Petersburg-Ulan-Ude: Eko-Art.

С.А. Васильева

ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ «ТЮРЕМНОГО ЭДЕМА»: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОМАСА ЭДДИ НА ПОСТУ ДИРЕКТОРА ПЕРВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕНИТЕНЦИАРИЯ НЬЮ-ЙОРКА НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.

Статья посвящена вопросам организационного оформления первой государственной исправительной тюрьмы в г. Нью-Йорке в конце XVIII – начале XIX в. Рассматриваются деятельность малоизвестного американского предпринимателя и филантропа и его роль в становлении идеологии американской пенитенциарной реформы. На основе англоязычных источников, не переводимых ранее на русский язык, прослеживается путь реформатора от руководителя комиссии штата Нью-Йорк по тюремным преобразованиям до поста первого директора пенитенциария «Ньюгейт».

Ключевые слова: американская тюремная реформа; Томас Эдди; квакеры; пенитенциарное учреждение.

Личность и имя Томаса Эдди – американского банкира, политического деятеля, филантропа и первого директора первой государственной тюрьмы Нью-Йорка – практически не известны в отечественной научной литературе. В кратких биографических справках и указателях, доступных преимущественно на иностранном языке, основной акцент сделан на деловой карьере Томаса Эдди. Сын ирландских эмигрантов, рожденный в 1758 г. в Филадельфии штата Пенсильвания, воспитывался в строгих традициях протестантского религиозного движения квакеров. Стартовый капитал Т. Эдди приобрел в первые годы существования республики на перепродаже импортных товаров, получаемых главным образом из Англии и Ирландии. Коммерческий кризис 1781–1783 гг. вынудил Т. Эдди сменить род деятельности: переехав в Нью-Йорк, молодой предприниматель основал там первую страховую компанию (Mutual Insurance Company), финансировал кампанию по контролю речного судоходства (Western Inland Lock Navigation Company), а в 1803 г. стал одним из основателей первого Нью-Йоркского сберегательного банка. Успехи деловой карьеры Т. Эдди затмевают его социальные проекты, которые, между тем, отличаются прогрессивными идеями, гуманистической направленностью и искренним патриотизмом. В данной статье будут освещены малоизвестные аспекты его реформаторской деятельности в качестве руководителя комиссии по проведению тюремной реформы в штате Нью-Йорк и на посту первого директора государственной тюрьмы.

После окончания войны за независимость 1775–1783 гг. Соединенные Штаты Америки превратились в арену долгосрочных социально-политических и религиозных экспериментов. Перспектива осуществлять реформы в условиях построения новой государственности открывала поистине захватывающие возможности. Европейское просвещение и прогрессивные гуманистические идеи подготовили теоретическую и идеологическую основы американских социальных преобразований. В свою очередь, формирование молодого американского государства, что называется «с чистого листа», представило такой простор для социальных

экспериментов, которого были лишены европейские страны. Одним из результатов подобных новаторских стремлений в Соединенных Штатах, получивших широкую известность и признание в мире, стали реформы системы исполнения уголовных наказаний и создание первых прогрессивных пенитенциарных (исправительных) систем.

Одним из центров пенитенциарного реформаторского движения стал Нью-Йорк. Еще с колониальных времен атмосфера в штате Нью-Йорк характеризовалась высокой степенью социальной напряженности. Этническое и религиозное многообразие населения, более динамичное экономическое развитие, постоянный приток иммигрантов и сопутствующий этому повышенный уровень маргинализации жителей штата – все это серьезно подрывало социальную стабильность и способствовало криминализации населения. Неслучайно Нью-Йорк традиционно отличался более высоким уровнем преступности как в колониальный период, так и в первые годы независимости.

Система уголовного правосудия новообразованного штата Нью-Йорк функционировала на основе еще британских «кровавых кодексов» XVIII в. Так, например, смертная казнь полагалась более чем за 16 видов правонарушений, как-то: убийство, государственная измена, грабеж, фальшивомонетничество, а также за совершенные повторно имущественные преступления, и применялась значительно чаще, чем в других колониях [1. Р. 25]. Следующими по распространенности были «позорящие» наказания: столб, публичная порка, клеймение отдельных частей тела. В то же время система исполнения судебных решений по уголовным делам была не безупречна: по подсчетам известного американского социолога и криминолога, основателя «математической криминологии» Дэвида Гринберга поступавшие для судопроизводства примерно две пятых дел не были доведены до приговора или его исполнения. Более 50 процентов приговоренных к высшей мере наказания преступников в конечном итоге были помилованы. По оценке Д. Гринберга, «уголовное правосудие широко варьировало в зависимости от принадлеж-

ности обвиняемого к определенной социальной категории, как, впрочем, и от других причин» [1. Р. 36, 71].

В конце XVIII в. в Соединенных Штатах старая система исполнения наказаний находилась в кризисе и уже не справлялась с нарастающим количеством «клиентов». А новая система, еще лишь формировавшая свои контуры, испытывала острую нехватку в специализированных пенитенциарных учреждениях и в обученных сотрудниках, готовых нести этот вид государственной службы. Именно в этот период, в 1793–1795 гг., Т. Эдди возглавил комиссию по подготовке пенитенциарной реформы в штате Нью-Йорк.

К тому времени первый прогрессивный опыт кардинальной трансформации системы тюремного содержания был предложен жителями штата Пенсильвания. В 1787 г. активные общественные и политические деятели, преимущественно квакерского вероисповедания, основали «Общество облегчения страданий арестантов» (The Philadelphia Society for Alleviating the Miseries of the Public Prisons). Идеологи общества сформулировали простые принципы новой тюремной дисциплины: одиночное заключение, основанное на строжайшем разделении арестантов, обеспечение полной тишины и условий для чтения Библии и простого труда. Законотворческие инициативы квакеров были поддержаны властью штата: в филадельфийской тюрьме Уолнат Стрит (Walnut Street Jail) полным ходом шел пенитенциарный эксперимент, результат которого вошел в историю тюремоведения как *пенсильванская* (она же филадельфийская, квакерская, келейная) *пенитенциарная система*. Первым куратором и идейным вдохновителем филадельфийской практики стал квакер Калед Лоунс – предприниматель, союзник основателя республиканской партии Т. Джефферсона, создатель современного герба Пенсильвании, первый директор тюрьмы Уолнат Стрит.

Воспитанный в Пенсильвании, в духе квакерских традиций и в лоне маленькой религиозной общины, Т. Эдди полностью разделял идеологию «Общества облегчения страданий арестантов». основополагающий принцип их веры утверждал, что частица Бога, или «Внутренний Свет», существует внутри каждого человека независимо от возраста, пола, социального положения, расовой или национальной принадлежности и нравственного облика. Это обстоятельство, по убеждениям квакеров, предоставляло возможность даже самому закоренелому преступнику, как бы глубоко он ни погряз в грехах и преступлениях, покаяться, обратиться и исправиться. В соответствии с теологией и этикой квакеров такое искупление требовало глубокого и длительного по времени раскаяния, возможного только в условиях одиночного тюремного заключения.

Как и многие просветители XVIII столетия, Т. Эдди верил, что судить о нации можно по состоянию ее тюрем. В связи с этим он подвергал резкой критике современную ему систему наказания: смертную казнь, позорящие столбы и клеймение частей тела. Считая

знаменитого филантропа и реформатора тюремного дела Джона Говарда «величайшим англичанином» и примером для подражания, он сосредоточился на создании законодательной базы для пенитенциарных преобразований. Возглавив комиссию по подготовке пенитенциарной реформы, Т. Эдди представил в 1796 г. сенаторам штата Ф. Шайлеру и А. Спенсеру пакет законопроектов, установивший новые стандарты пенитенциарного содержания в Нью-Йорке. Законопроект отменял смертную казнь за все преступления, кроме убийства и государственной измены. Также упразднялся ряд телесных и позорящих наказаний, например порка у столба и клеймение. Тюремное заключение с организацией работ или одиночное содержание либо сочетание этих режимов становились основными видами уголовного наказания [2. Р. 10].

Идеальной целью и результатом своей деятельности Т. Эдди видел создание такой уголовно-исполнительной системы, которая будет, с одной стороны, охранять общественный порядок, с другой – способствовать снижению уровня преступности. Это станет возможным, писал он, когда обновленная тюрьма представит преступникам возможность «обратить взор внутрь, в свое собственное сердце» и осознать необходимость глубоких нравственных перемен [3. Р. 15–16]. Соглашаясь с французским мыслителем Ш. Монтескье в оценке соотношения гражданских законов и религии, Т. Эдди видел в христианской религии мощный потенциал для стабилизации социального порядка [Ibid. Р. 6, 64].

После законодательного утверждения новых принципов и стандартов тюремного заключения Т. Эдди был назначен ответственным за разработку проекта и строительство первой государственной тюрьмы в Нью-Йорке в местечке Гринвич Виллидж. В первую очередь реформатор обратился к пенсильванскому обществу за практической помощью: посетил тюрьму Уолнат Стрит, встретился с К. Лоунсом, провел исследование особенностей одиночного заключения. Пенсильванские реформаторы, обобщая шестилетний опыт функционирования пенитенциария, были убежденными сторонниками одиночного заключения. «Общество облегчения страданий арестантов» предоставило нью-йоркскому комитету чертежи и планы филадельфийских пенитенциарных строений. К. Лоунс настаивал на том, что одиночное заключение в сочетании с грамотно организованным надзором сведет к минимуму потенциальные проблемы безопасности и охраны: лишенные возможности контактировать друг с другом, заключенные просто не смогут конфликтовать, спланировать коллективное нападение, бунт или побег. Четкие задачи рядового тюремного персонала, ограниченные организацией кормления и келейных работ позволяли не «раздувать» штат пенитенциарного учреждения. Наконец, келейная система давала возможность выстроить индивидуальную шкалу привилегий для заключенного: поощрения в виде посещения родных или расширения круга чтения или, напротив, лишение привилегий нарушителей режима.

Несмотря на то что Т. Эдди заимствовал много идей и чертежей филаделфийцев, особенно в части организации трудовых мест и ритуальных комнат, он постепенно размежевался с ними по вопросу базового принципа пенсильванской системы – одиночного заключения. Т. Эдди разделял убеждение членов «Общества...» относительно губительного воздействия определенной социальной среды на нравственные склонности человека: азартные игры, доступные женщины, невозддержанность в еде и напитках создают непреодолимые соблазны. Однако он был убежден, что в тюрьме эти факторы можно нейтрализовать, не прибегая к полной и обязательной изоляции личности. Квakerская религиозная культура всегда отдавала предпочтение совместным собраниям и встречам, своеобразной «корпоративной дисциплине». Поэтому его идеалом пенитенциарного учреждения был, по определению историков-пенитенциаристов, «закрытый сад» (*enclosed garden*) – модель тюремного земного Эдема, созданная для перерождения личности [4. Р. 28]. По оценке, которую дала нью-йоркскому эксперименту американская исследовательница Гейл Финней, «этот сад предполагал некую идеализированную альтернативу социальной реальности: “высадив целый клубок криминальных элементов” в нью-йоркском “Эдеме”, Т. Эдди надеялся собрать урожай в виде благонравного поведения и дисциплины» [5. Р. 21–22].

Тюрьма, построенная по проекту Т. Эдди в 1797 г., получила название «Ньюгейт» (*Newgate Jail*) – «Новые ворота» – и по замыслу реформатора должна была стать символическими воротами в новый мир. Однако, вполне возможно, что кроме религиозно-нравственного смысла в название было вложена и политическая составляющая. Новая тюрьма должна была стать символом преодоления старых английских традиций исполнения уголовных наказаний, олицетворением которых в то время была печально знаменитая лондонская тюрьма под тем же названием Ньюгейт (*Newgate Prison*).

Здание новой тюрьмы состояло из четырех секторов, крылья которых смыкались с административным корпусом. Разделенное на камеры, в каждую из которых помещались по 8 человек, здание Ньюгейт было рассчитано принимать до 336 заключенных одновременно. В конце каждого крыла были предусмотрены карцеры для одиночного заключения. В северном крыле Ньюгейта находилось большое помещение для проведения совместных воскресных богослужений, в южном крыле – вместительная больница. На закрытой территории, огороженной стеной высотой в 23 английских фута (более 7 метров), располагались хозяйственные постройки и собственный огород. В тюремном комплексе были также предусмотрены производственные мастерские: сапожная, ткацкая, для работ по камню и мрамору. Еще на этапе строительства и планирования Т. Эдди предполагал, что в течение нескольких лет при надлежащей организации труда Ньюгейт мог

бы выйти на самообеспечение [3. Р. 35]. При проектировании новой тюрьмы большое внимание уделялось вопросу обеспечения чистоты и здорового климата: забота о водоочистительных сооружениях и системах циркуляции воздуха, организация прачечной – казалось, от внимания новой администрации не ускользнула ни одна мелочь.

Кроме постройки тюремных стен, к задачам первоочередной значимости относился тщательный отбор тюремного персонала. Воспитанный в квакерской религиозной общине, Т. Эдди невольно переносил ее основные черты – молитвенные встречи, совместный труд – на коллектив создаваемого им пенитенциарного учреждения. В общинах духовным пасторам-лидерам всегда уделялось особое внимание и почтение, их духовный авторитет был непререкаем, а забота о членах общины не заканчивалась с уходом «детей» из-под опеки. Будучи глубоко убежденным в том, что тюремный надзиратель – это прежде всего духовный наставник, Т. Эдди выдвигал к набираемым и специально обучаемым тюремным надзирателям определенные требования. В своих поисках подходящих кандидатур будущий директор Ньюгейта стремился нанимать «солидных господ, убежденных приверженцев какой-либо религиозной конфессии, разделяющих идею исправительной реформы» [*Ibid.* Р. 21, 28]. Система нравственного воспитания, по замыслу реформатора, предполагала использование метода «диффузии познаний»: когда на совместных встречах нравственно-религиозного характера выносились на обсуждение пороки пьянства и лени, проблемы невежества, корысти и праздности. Тюремную библиотеку дополнили достаточным количеством экземпляров Библии и школьных учебников, с безграмотными арестантами были предусмотрены вечерние занятия. По воскресеньям заключенных должны были посещать священнослужители [6. Р. 63].

В ноябре 1797 г. 68 осужденных впервые прибыли в Ньюгейт. Каждый тринадцатый заключенный мужского пола и каждая пятая женщина, поступающие в Ньюгейт, были афроамериканцами, более трети заключенных – иностранные мигранты, преимущественно из Ирландии, Вест-Индии и Англии. Большинство из них были осуждены за имущественные преступления – хищения, кражи, а также за подделку документов. Менее 10% заключенных обвинялись в разбое и насилии, менее 1% прибывших – в убийстве [7. Р. 28–29].

С первых дней работы государственной тюрьмы ее директор Т. Эдди ввел систему статистического учета арестантов. Поэтому обобщение имеющихся данных позволяет составить портрет среднестатистического обитателя Ньюгейта: представитель рабочего класса, преимущественно мигрант, который, за неимением средств к существованию в динамично развивающемся городе, совершал правонарушение, чтобы обеспечить себя «хлебом насущным». По прибытию заключенному полагались баня и чистая одежда. Со следующего дня со звоном колокольчика начинался рабочий день в од-

ной из тюремных мастерских. Еда, отдых, моления, отход ко сну – все сопровождалось звуковым сигналом – единственным разнообразием в монотонной тишине рабочего дня. На ночь надзиратели разводили заключенных по камерам.

Как ни один план сражения не выдерживает первого же столкновения с реальным противником, так мечтателю и идеалисту Т. Эдди пришлось пересмотреть свое видение «тюремного Эдема»: уже в первые месяцы работы тюрьмы он столкнулся с суровой действительностью. К моменту запуска Ньюгейта в 1797 г. строительные и отделочные работы были еще не закончены: наружная стена, часть мастерских и технических помещений были только в стадии фундамента. Это мешало достижению главного замысла творца Ньюгейта – достижения полной изоляции его «сада» от внешнего мира. Недостроенная стена стала непреодолимым соблазном: в 1798 г. произошел побег 15 заключенных, две попытки к побегу были пресечены внешней охраной.

Немалые трудности возникли и с организацией трудового обучения и воспитания. Значительная часть арестантов попадала в Ньюгейт за мелкое воровство, поэтому краткосрочное пребывание не позволяло большинству заключенных освоить даже стадию обучения, не говоря уже о «трудоустройстве» в полной мере. Более того, многие арестанты попадали в Ньюгейт неизлечимо больными, страдающие хроническим алкоголизмом, с обнаружившимися психическими заболеваниями и пр., что делало их изначально неспособными к монотонной механической работе. У большинства отсутствовали минимальные трудовые навыки, что приводило к систематической поломке оборудования и порче конечной продукции.

На грани провала оказалась и программа нравственного перевоспитания заключенных. Совместное пребывание в ночной период в восьмиместных камерах превратилось в те самые «академии преступлений», против которых была настроена филладельфийская система одиночного содержания [3. Р. 38]. Надзиратели не могли контролировать общение между сокамерниками в темное время суток: результатом сговора часто становился демонстративный отказ от работы, что отрицательно влияло на общую дисциплину. Возможность общения между арестантами периодически приводила к попыткам организованных нарушений режима. Летом 1800 г. произошел дерзкий побег, предотвратить который не удалось даже вооруженной охране. А в апреле 1803 г. двадцать арестантов совершили массовый побег, в то время как оставшиеся в тюремных стенах совершили поджог здания и нападение на охрану. В ходе подавления бунта четверо арестантов были убиты.

Борясь с этими недостатками, с 1801 г. Т. Эдди начинает практиковать более детальную классификацию осужденных, группируя «самых закоснелых в преступлении» в отдельном тюремном крыле с усиленным надзором и более строгой дисциплиной. Ньюгейт рас-

полагал 28 карцерами: восемь футов (2,5 м) в длину, шесть футов (менее 2 м) в ширину и четырнадцать футов (более 4 м) в высоту, с высокими окнами, без какой-либо мебели. Рацион питания арестантов, находящихся в одиночном заключении, резко отличался от общего стола: хлеб и вода. Таким образом, для этой категории «закоснелых в преступлении» Т. Эдди переходит к практике применения филладельфийской келейной системы. Карцер, однако, рассматривался им как крайняя мера воздействия на заключенных, оказывающих активное сопротивление режиму и дисциплине. Несмотря ни на что, убежденный филантроп и гуманист Т. Эдди продолжал считать, что не более 10% осужденным действительно необходимо такое «духовное испытание одиночеством», и то лишь для того, дабы в полном уединении заключенный мог «поразмыслить над своими грехами», «почувствовать угрызения совести» и «духовную муку».

Первые годы статистического учета поступающих в Ньюгейт и мониторинг преступности в г. Нью-Йорке пошатнули еще одну утопичную мечту реформатора: надежду на сокращение преступности в городе и штате. С 1797 г., т.е. с момента открытия Ньюгейта, рост преступности в Нью-Йорке продолжился. Это было связано с постоянным увеличением количества мигрантов и нищих-бродяг. Поэтому вскоре в развитие своих филантропических проектов Т. Эдди выступил с гуманистической инициативой «оздоровления социальной среды» в «порочном городе Нью-Йорк». Систематическое наблюдение за арестантами Ньюгейта, личные беседы с каждым сформировали у Эдди свое видение ситуации, которое он изложил в петиции к администрации штата. Он призвал «отцов города» к закрытию публичных домов и питейных заведений, предложил сократить количество магазинов, продающих ром и гог. «Конные скачки, петушиные бои и дома с дурной славой» поощряют порок и развращают народ, – говорилось в петиции. По подсчетам Т. Эдди, Нью-Йорк предлагал своим жителям более двенадцати сотен таверн; в связи с этим он обратился к законодателям с риторическим вопросом: «почему город не предложит столь же обширную сеть трудоустройства для бедных, вместо того, чтобы активно опьянять их» [6. Р. 94].

Вопрос этот остался без ответа, а карьера самого Т. Эдди на посту директора тюрьмы завершилась вскоре после смены политической власти в стране в 1801 г. Победа республиканцев привела к изменениям в политическом ландшафте штата и замене административной команды. Многие ключевые посты в социальной и политической сферах были перераспределены между чиновниками новой волны. Назначение нового директора в корне изменило всю концепцию первых лет функционирования Ньюгейта. Если Т. Эдди, выстраивая свой «тюремный Эдем», руководствовался принципами религиозного общинного воспитания и задавался главной целью – вернуть в общество нравственно пе-

перожденного гражданина, то новое тюремное начальство смотрело на Ньюгейт более утилитарно, как на составную часть государственной машины с четкой функцией: просто исполнять уголовное наказание.

Несмотря на то что идеальная модель «сада» и ее реальное воплощение оказались на деле весьма далекими друг от друга, первые годы функционирования Ньюгейта все же принесли свои плоды. Выступая в 1803 г. с отчетом в магистрате, Т. Эдди в качестве положительного результата приводил суждения освобождающихся из Ньюгейта: «...благодарность Провидению за то, что колесо преступного ремесла остановилось... Ньюгейт дал шанс задуматься о прошлом и будущем, оценить преимущества трезвости, силу и мощь религиозной веры» [Ibid. P. 87].

Венцом же его карьеры на посту руководителя первого исправительного учреждения штата Нью-Йорк стала книга «Повествование о государственной тюрьме, или первом пенитенциарии города Нью-Йорк», ставшая одним из самых ранних трудов в американской пенологии [3].

Размышляя на страницах этой книги о сути просвещенного государства, Т. Эдди еще раз продемонстрировал свою убежденность в том, что она состоит в гуманности и просвещенности каждого его гражданина. Такое государство не стремится уничтожить непокорных граждан, но содействует их перевоспитанию и прогрессу. Задавшись такой целью, «систему можно все-таки привести в действие», – заключает гуманист-реформатор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Greenberg D. *Crime and Law Enforcement in the Colony of New York*. Ithaca ; N.Y. : Cornell University Press, 1976.
2. Lewis W.D. *From Newgate to Dannemora: The Rise of the Penitentiary in New York, 1797–1848*. Ithaca ; N.Y. : Cornell University Press, 1965.
3. Eddy T. *An Account of the State-Prison or Penitentiary House in the City of New-York*. N.Y., 1801.
4. Graber J. *The Furnace of Affliction: Prisons & Religion in Antebellum America*. The University of North Carolina Press, 2011.
5. Finney G. Garden Paradigms in 19th Century Fiction // *Comparative Literature*. Vol. 36, no. 1 (Winter 1984). P. 20–33.
6. Knapp S. *The Life of Thomas Eddy; Comprising an Extensive Correspondence with Many of the Most Distinguished Philosophers and Philanthropists of This and Other Countries*. New York : Conner & Cooke, 1834.
7. Hearn, Daniel Allen. *Legal Executions in New York State: A Comprehensive Reference, 1639–1963*. Jefferson, N.C. : McFarland, 1997.

Vasileva Svetlana A. Academy of Penal Service of Russia (Ryazan, Russia). E-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru

THE ATTEMPT TO CREATE «EDEN PRISON»: THE WORK OF THOMAS EDDY AS THE DIRECTOR OF THE FIRST STATE PENITENTIARY OF NEW-YORK AT THE TURN OF XVIII – XIX CENTURIES.

Keywords: American prison reform; Thomas Eddy; Quakers; penitentiary.

The article summarizes materials on the activities of Thomas Eddy – the American entrepreneur, philanthropist and the first Director of the first state prison of New York. The personality of Thomas Eddy is unknown to the Russian researcher. The article is based on the study of English-language sources, the author focuses on the detailed study of Eddy's humanistic and religious views, which he tried to bring in American prison reforms. There is a clear connection between Eddy's Quaker faith and upbringing and his program of correctional criminal punishment. Having headed the Commission on preparation for penal reform in the state of New York, Eddie has developed a package of bills that set new standards in prison: the death penalty as a form of criminal punishment for everything but murder and treason was restricted. Corporal punishments, such as pillory, whipping and branding, were abolished. Criminals faced imprisonment, which could be accompanied by "hard labor or solitary confinement, or both. In the implementation of its penal ideas and practices Thomas Eddy turned to the expertise and practical assistance of recognized leaders and pioneers of the American prison reform – The Philadelphia Society for Alleviating the Miseries of the Public Prisons. The ideologists of that society formulated the principles of correctional imprisonment, based on the system of solitary confinement and the treatment of sources of religious content. Thomas Eddy borrows conceptual idea of corrective punishment, however, argues against Philadelphia's colleagues on the issue of solitary confinement. The reformer wished to make a prison unit in which it could have a beneficial effect on the mental and moral nature of the prisoner. Designing the first state correctional prison of New York «the Newgate», Eddy put the task of creating an «enclosed garden» – a special way of the organized places of detention, which, according to his plan, would have been neutralized by harmful effects of a certain social environment on the moral propensities of the offender and leads to his moral rebirth by labor and religious education. The article summarizes some results of the first five years of operation of Newgate: it shows how utopian Eddy's beliefs were, it deals with the main problems faced by the reformer and humanist, while building his «Eden Prison». In conclusion, the author analyzes the humanistic views of T. Eddy in the assessment of a state's right to punish and execute justice. Beliefs and principles of T. Eddy anticipated the modern understanding of the social purposes of criminal punishment.

REFERENCES

1. Greenberg, D. (1976) *Crime and Law Enforcement in the Colony of New York*. New York: Cornell University Press.
2. Lewis, W.D. (1965) *From Newgate to Dannemora: The Rise of the Penitentiary in New York, 1797–1848*. New York: Cornell University Press.
3. Eddy, T. (1801) *An Account of the State-Prison or Penitentiary House in the City of New-York*. New York: Isaac Collins and Son.
4. Graber, J. (2011) *The Furnace of Affliction: Prisons & Religion in Antebellum America*. The University of North Carolina Press.
5. Finney, G. (1984) Garden Paradigms in 19th Century Fiction. *Comparative Literature*. 36(1), pp. 20-33.
6. Knapp, S. (1834) *The Life of Thomas Eddy; Comprising an Extensive Correspondence with Many of the Most Distinguished Philosophers and Philanthropists of This and Other Countries*. New York: Conner & Cooke.
7. Hearn, D.A. (1997) *Legal Executions in New York State: A Comprehensive Reference, 1639–1963*. Jefferson, N.C.: McFarland.

С.А. Шевченко

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА ЗАКЛЮЧЁННЫХ ПО «СИСТЕМЕ ДОВЕРИЯ» НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ДОРОГ В ШТАТЕ ВАШИНГТОН (1913–1916 гг.)

*Исследование выполнено при поддержке
«Программы повышения международной конкурентоспособности
Томского государственного университета на 2013–2020 гг.».*

Исследуется применение новаторской для уголовно-исполнительной системы США начала XX в. исправительно-трудовой меры – «системы доверия». Автор полагает, что нововведённый вид организации труда заключённых представлял собой обоюдовыгодный договор между администрацией тюрьмы, администрацией штата и арестантами. Автор выявляет актуальность использования и правовую основу «системы доверия», формат и методы работы дорожных строительных лагерей, а также объясняет причины отказа от идеи использования труда заключённых на строительстве дорог в штате Вашингтон.

Ключевые слова: США; Вашингтон; пенитенциарная система; лагеря доверия; тюрьмы; заключённые.

Трудовая повинность как важный элемент уголовно-исполнительной политики была законодательно признана на Территории Вашингтон ещё на первой ассамблее легислатуры в 1854 г. В принятых тогда «Уставах» указывалось, что «при каждом случае осуждения преступника форма заключения должна быть такой, чтобы он наказывался каторжными работами» [1. Р. 124].

Вопрос о труде заключённых проговаривался и в конституции штата Вашингтон, которая была ратифицирована в 1889 г., перед вхождением Территории в состав США. В 29-м параграфе второй статьи говорилось: «После первого января тысяча восемьсот девяностого года труд осужденных этого штата не должен сдаваться в аренду любому лицу, ассоциации, компании или корпорации, а законодательная власть должна принять закон о работе осужденных на пользу штата» [2. Art. II. § 29].

Таким образом, данный параграф декларировал отказ от «лизинговой системы»¹ труда заключённых, распространённой в то время на американском Юге, и определял занятость арестантов одним из важных механизмов экономического развития штата.

Однако до начала XX в. не было выработано каких-либо существенных законов, которые бы касались трудовой занятости заключённых. Арестанты продолжали работать в пределах тюремных учреждений – изготавливали зерновые мешки на джутовой фабрике [3. Р. 25] и кирпичи на небольшом заводе [4. Nov.] в штатной тюрьме (пенитенциарии) «Уолла-Уолла» или строили лодки и небольшие речные суда на верфи федеральной тюрьмы «МакНил Айленд» [5. 14 Jan.]. Заключённые тюрем графств и городов могли быть задействованы за пределами тюремных учреждений [3. Р. 185, 203; 6. Р. 397; 7. Р. 107; 8. Р. 264] в качестве так называемых «цепных бригад» (Chain Gangs) [3. Р. 150, 196, 213; 7. Р. 166; 9. Р. 636] – скованные цепью заключённые убирали улицы или выполняли другую общественную работу.

В начале XX в. штат бурно развивался, сильным импульсом в его развитии явились увеличивающиеся

темпы внутригосударственной миграции и иммиграции населения из зарубежных стран. Если в 1890 г. население штата составляло 357 тыс. человек, то к 1910 г. оно увеличилось практически в три раза и достигло 1 140 тыс. человек [10. Р. 33], что привело к стремительному развитию городов и деревень. В свою очередь, развивались промышленность, сельское хозяйство, увеличивался и бюджет штата.

Для стабильно развивающейся экономики молодого штата были необходимы хорошие дороги, которые распределили бы жизненные потребности от источника производства к месту потребления. Хорошие дороги должны были стимулировать рост не только сельского хозяйства, но и индустриальное, а значит, и финансовое развитие.

Экономия и скорость транспортировки товаров являлись главными факторами, определяющими необходимость строительства новых дорог. Несмотря на особую популярность автомобилей, развитие речного судоходства и железных дорог, самым распространённым видом транспорта в штате на тот момент оставалась лошадь. В условиях плохих дорог, которые не могли осилить автомобили, лошадь являлась оптимальным средством передвижения.

Необходимость новых качественных дорог вскоре осознали власти штата Вашингтон. Поэтому первой законодательной инициативой, которая должна была решить проблему некачественных дорог, явилось создание в 1905 г. специального финансового фонда штата «для строительства, улучшения и ремонта общественных шоссе и мостов» [11. Р. 252], который формировался за счёт налоговых поступлений.

Создание такого фонда, наравне с социально-экономическими изменениями в штате, позволили расширить возможности трудовой занятости заключённых и задействовать их на строительных работах.

Принятие соответствующего закона не заставило себя долго ждать. Через два года, в 1907 г., был принят закон «Об использовании заключённых на дорогах

штата», по которому все преступники, отбывающие наказание в тюрьме, должны были использоваться на строительстве общественных дорог с разрешения «Комиссии штата по контролю» (State Board of Control) и начальника тюрьмы «Уолла-Уолла». Все расходы должны были оплачиваться из созданного в 1905 г. фонда. Места и характер выполняемых заключёнными работ должны были определяться штатной комиссией дорог [9. P. 173], в которую входили губернатор, аудитор, казначей штата, член комиссии общественной службы, назначаемый губернатором, и начальник управления по дорогам [12. 5 Aug.]. Второй параграф данного закона говорил о том, что этот акт должен немедленно вступить в силу из-за «крайней необходимости» [9. P. 173].

В 1913 г. в третьем чтении палатой представителей был принят закон, представленный специальным комитетом по дорогам, предусматривающий работу заключённых на магистралях штата [13. P. 530, 1055, 1150, 1185–1186]. В соответствии с ним заключённые тюрьмы штата «Уолла-Уолла» могли использоваться на строительстве и улучшении общественных дорог при условии их хорошего физического здоровья и отсутствии другой работы [14. P. 347]. Отбор заключённых и контроль над ними входили в компетенцию Комиссии штата по контролю [Ibid.], а выполняемая арестантами работа находилась в ведении комиссара по дорогам штата. Расходы на содержание, обслуживание и транспортировку заключённых должны были оплачиваться из средств, которые выделялись из штатного фонда управлению по дорогам на строительство конкретной дороги [Ibid.].

Таким образом, законы, принятые в 1907 и 1913 гг., позволяли организовывать труд заключённых за пределами тюремного учреждения на строительстве общественных дорог. В штате Вашингтон реализация этих законов воплотилась в двух видах – «охранной системе» (Guard System) [15] и «системе доверия» (Honor System).

По условиям «охранной системы» труд заключённых использовался в дорожных лагерях, отделённых от внешнего мира частоколом и колючей проволокой, заключённые находились под круглосуточной охраной и ограничивались в передвижении, формах досуга и пр. Использование «охранной системы» в штате в 1909–1910 гг. показало её экономическую неэффективность – затраты на содержание лагеря и зарплату охранникам делали невыгодным привлечение в качестве рабочей силы заключённых [16. 7 Feb.]. Поэтому в конечном итоге власти штата были вынуждены отказаться от неё в угоду новой, разработанной системе – «доверия», о которой и пойдёт речь ниже.

«Система доверия» (также «система чести») – это исправительно-трудова модель, введённая в пенитенциарную практику ряда штатов США в начале XX в., подразумевавшая использование труда заключённых за пределами тюремных учреждений без охраны, при от-

сутствии явных ограничений в свободе их передвижения. Главным сдерживающим фактором от побегов и нарушения дисциплины являлось данное осуждёнными «честное слово» – документальное соглашение, заключённое между арестантами, начальником тюрьмы и представителем администрации штата. Таким образом, «система доверия» явилась новым исправительным методом, ориентированным не на такие признанные в пенитенциарной политике «полицейские механизмы, как сегрегация, классификация, изоляция» [17. P. 127], а на морально-нравственные качества самих заключённых.

Субъектами законов 1907 и 1913 гг. являлись заключённые штатной тюрьмы «Уолла-Уолла». Осуждённые, отбывающие наказание в федеральном исправительном учреждении «МакНил Айленд», которое тоже находилось в штате Вашингтон, не могли быть задействованы на строительстве общественных дорог из-за подчинения этого учреждения не штатной, а федеральной юрисдикции – Тюремному бюро США. Вопрос о привлечении заключённых федеральных тюрем к строительству дорог в штатах, кстати, решался на федеральном уровне. Так, в январе 1915 г., Палата Представителей Конгресса США рассматривала законопроект № 18167, выдвинутый по инициативе конгрессмена У. Нили из Западной Вирджинии, позволяющий использовать федеральных заключённых на различных работах в графствах и штатах в соответствии с их собственными законами. Однако этот законопроект был отклонён [18. 26 Jan.].

Заключённых городских тюрем и тюрем графств (округов) также не задействовали на строительстве дорог, ввиду нескольких причин:

- контингент этих тюрем был значительно меньше, чем тюрьмы штата;
- комиссии штата по контролю было легче организовать заключённых в одной крупной тюрьме, под ответственностью одного человека;
- заключённые отбывали в городских и окружных тюрьмах короткие сроки – от нескольких дней до нескольких месяцев, поэтому их было невыгодно привлекать к таким видам работ, которые занимали большое количество времени.

Помимо заключённых штатной тюрьмы «Уолла-Уолла» на строительстве дорог задействовались (хотя об этом прямо не указывалось в законе) работающие на каменоломнях штата арестанты [19]. Дело в том, что на работу в каменоломни отправляли заключённых из этой же тюрьмы, которые заслужили такую «привилегию» своим хорошим поведением².

Важную роль в функционировании «системы доверия» играла распространённая в судопроизводстве США практика *неопределённых приговоров*.

Неопределённый приговор (Indeterminate sentence) – правовой процессуальный акт суда, в результате которого подсудимому назначается наказание в виде лишения свободы на «неопределённый» срок. Судьей устанавливаются минимальный и максимальный сроки

нахождения осуждённого в исправительном учреждении (например, от 3 до 20 лет). Реальный срок напрямую зависел от поведения заключённого в тюрьме.

Неопределённые приговоры появились и получили наибольшее распространение в судопроизводстве ряда штатов США с конца XIX в. [20. Р. 36], при этом до 1910 г. не получая международного признания [21. Р. 54].

По закону «О неопределённых приговорах» штата Вашингтон условно-досрочное освобождение (УДО) могло быть предоставлено заключённому, отбывшему минимальный срок своего наказания [9. Р. 343]. Однако ходатайствовать о рассмотрении дела комиссией по условно-досрочному освобождению арестант мог за несколько месяцев или даже за год до наступления установленного минимального срока.

Именно среди тех заключённых, кто подавал прошение о рассмотрении дела комиссией по УДО и проводился отбор в дорожные строительные лагеря – «лагеря доверия». Сначала начальник тюрьмы «Уолла-Уолла» проводил отбор среди них самостоятельно, посредством сбора информации с последнего места работы, от родственников или их соседей [22. 26 May]. Однако чаще всего его решение основывалось на поведении заключённого за время нахождения последнего в тюремном учреждении. После этого в пенитенциарии собиралась специальная комиссия, которая интервьюировала назначенных начальником тюрьмы заключённых. В комиссию на 1913 г. входили: начальник тюрьмы – Генри Драм, начальник тюремной охраны – Джозеф Грэм, начальник управления по дорогам штата – Уильям Робертс и назначенный на должность коменданта первого «лагеря доверия» Фрэнк Рэндольф [18. 21 Aug.].

Интервью состояло из двух разделов: описание условий работы «лагеря доверия» (проживание, питание, работа, распорядок дня и т.д.) и собственно интервьюирование заключённых. Описание давалось специально для того, чтобы заключённые поняли, что их ожидает, поскольку многие из них критично относились к новому эксперименту, считая «лагеря доверия» плохо организованными [Ibid. 7 Aug.]. Во второй части интервью задавались абсолютно разные вопросы: от биографических до общефилософских, к примеру: «Находите ли вы себя счастливым человеком?». Однако основная масса вопросов была «ситуативной», арестанту рассказывалось событие, которое может произойти в лагере, и задавался вопрос о том, что бы он делал в той или иной ситуации. Иногда вопросы были индивидуальными и задавались согласно преступлению, за которое отбывал наказание заключённый [Ibid. 20 Aug.]. Тем самым, рассматривалась возможность конкретного человека работать в коллективе, его благонадёжность, способности и навыки, возможность побега, нанесение ущерба или причинения вреда себе и окружающим.

После прохождения интервью отобранные заключённые осматривались врачом, далее их кандидатуры

утверждались Комиссией штата по контролю [Ibid. 28 Aug.], после чего губернатор штата предоставлял каждому из них так называемое «Временное помилование» (Conditionally Pardon).

По условиям этого документа заключённый не мог покидать границ штата Вашингтон без разрешения губернатора; был обязан воздерживаться от употребления алкогольных напитков; избегать подозрительных лиц; не посещать непристойные места развлечений; вести себя как хороший, законопослушный гражданин; оставаться под наблюдением и прямой ответственностью начальника департамента по дорогам штата или его представителей; выполнять такую работу, которая может ему вменяться. Заключённому также разъяснялось, что «временное помилование» могло быть отменено губернатором и это являлось достаточным основанием для ареста заключённого и возвращения в тюрьму штата для продолжения отбытия наказания, наложенного судом [Ibid.].

Предоставление временного помилования являлось необходимой мерой, поскольку работа заключённых в лагере должна была оплачиваться, а штат не мог «платить заключённому зарплату, пока он не отбудет минимальный установленный срок своего наказания» [Ibid. 28 Aug.]. Учитывая, что подавляющее большинство заключённых отбиралось в «лагеря доверия» ещё до отбытия минимального срока, нужна была юридическая лазейка, для того чтобы платить им зарплату. Поэтому штат решил предоставлять им помилование временно. Таким образом, получилась интересная ситуация: юридически заключённые заключёнными не были, но фактически ими оставались.

Перед тем как покинуть учреждение каждый заключённый был обязан подписать специальный документ: «Обещание о добросовестном выполнении обязательств» (Pledge for Faithful Performance of Trust) [Ibid. 16 Aug.], в котором давал «честное слово» о том, что будет хорошо исполнять возложенный на него труд, положительно вести себя в лагере, не нарушать дисциплину и не пытаться совершить побег. Начальник тюрьмы, подписывающий этот документ, в свою очередь гарантировал «окончательное освобождение» (Final Discharge) заключённого к указанной в нём дате. Отдельные пункты «Обещания» касались финансовых затрат на табак и транспортировку заключённого, которые должны были вычитаться из его зарплаты [Ibid.].

В виде исключения некоторым заключённым могли установить относительно неопределённую дату окончательного освобождения, используя формулировку «на или до» [23. 11 Dec.]. Это делалось для того, чтобы освободить заключённого от выполнения работ в том случае, если работа лагеря уже была закончена, а другой не предвиделось (к примеру, «на или до 1 февраля 1915 г.»). Тем самым штат отказывался содержать неработающих заключённых и мог предоставить окончательное освобождение даже раньше установленного срока, как это сделал губернатор Эрнест Листер, под-

писав приказ об освобождении 4 заключённых к 1 февраля 1915 г., хотя установленные сроки их освобождения были назначены на 1 апреля, 1 мая и 1 июня соответственно [24. 14 Jan.].

Таким образом, «Обещание» и «Временное помилование» являлись главными составляющими введённой «системы доверия» и представляли собой обоюдovýгодный договор. В данном договоре с одной стороны выступали представители исполнительной власти штата разных уровней, эксплуатирование дешёвого рабочего труда для которых было важной составляющей в проводимой политике по улучшению и строительству инфраструктуры в штате. С другой стороны выступал заключённый, которому работа в «честном лагере» представлялась выгодной по нескольким причинам:

- юридически оформленное помилование, пускай временное, позволяло проводить время на свежем воздухе, не за решёткой. Работа была достаточно трудной, однако в выходные дни и в послерабочее время заключённые реально ничем не ограничивались. Могли заниматься своими делами, покидать территорию лагеря (после уведомления коменданта), графства и даже штата (после получения согласия губернатора);

- занятость в трудовом лагере обеспечивала «окончательное освобождение» при соблюдении условий «Обещания». Все арестанты, отобранные в «лагеря доверия», как было указано выше, подавали заявления на рассмотрение своих дел комиссией по условно-досрочному освобождению, сессии которой собирались дважды в год – в октябре и январе. Поданное заявление ещё не гарантировало освобождения, так как оно могло быть отклонено. В этом случае приходилось ждать созыва следующей комиссии целый год. В случае утверждения заявлений заключённый в среднем в течение года должен был находиться под наблюдением специального уполномоченного агента по условно-досрочному освобождению, ежемесячно отчитываться об условиях своего проживания, работы, уровне зарплаты. Поэтому ускоренная возможность получения окончательного освобождения, по всей видимости, являлась для заключённых главным фактором, влиявшим на их выбор;

- работа оплачивалась. Зарплата была минимальной, однако при необходимой экономии, отсутствии пропусков, работе сверхурочно в выходные дни заключённые могли накопить до 15 долларов в месяц, что за полгода могло составить сумму в 90 долларов и больше. Деньги они могли тратить на ограниченные виды товаров – вещи, табак, еду. Могли отправить накопленные средства иждивенцам или использовать их после освобождения, пока не найдут работу. Для полноты картины следует отметить, что зарплата выдавалась на руки заключённым только после их окончательного освобождения, до этого она накапливалась в специальном фонде, которым ведал начальник тюрьмы. В вопросе личных трат они также были ограничены, поскольку официально могли делать покупки только с согласия коменданта и после предоставления средств

от начальника тюрьмы [25], которые составляли не более 3 долларов в месяц [26. 28 May. P. 2].

В «Уолла-Уолла» к моменту прохождения интервью (август 1913 г.) было подано 32 заявления от заключённых на октябрьскую сессию комиссии по условно-досрочному освобождению и 35 – на январскую [18. 7 Aug.]. Из 60 опрошенных 24 были отобраны для работы в «лагере доверия», в дополнение к этому двое заключённых поступили из каменоломни «Мескилл», трое – из каменоломни «Селлах».

После проведения всех надлежащих юридических процедур начальник тюрьмы уведомлял Комиссию по контролю о том, что заключённые готовы к отправлению в лагерь. После получения разрешения комиссии или приказа губернатора арестанты этапировались в «лагеря доверия» [Ibid. 27 Aug.]. Конвоирование заключённых из тюрьмы или каменоломни в «лагеря доверия» возлагалось на охранников тюремного учреждения или маршалов штата [27. 16 Aug.].

«Лагеря доверия» в штате Вашингтон представляли собой ряд временных хижин и палаток, расположенных недалеко от непосредственного места работы, которые не огораживались частоколом и колючей проволокой [28]. Как уже было отмечено, заключённые в лагере проживали без охраны круглосуточно, иногда в качестве сторожа мог быть задействован один из арестантов [Ibid.]. Одной из особенностей «честных лагерей» был их мобильный, кочующий характер. После завершения работ в одном месте лагерь сворачивался и переезжал в другое графство, за десятки или даже сотни миль [29. 6 Jul.].

Количество заключённых, задействованных в таких лагерях в разные годы, составляло от 49 до 120 человек [16. 7 Feb.; 12. 20 Jun.]. Однако общее население лагерей было больше за счёт того, что в них, наравне с тюремным, задействовался и труд свободных граждан [28]. Последний обычно ограничивался должностями коменданта лагеря, а также одного или двух инженеров [30. 11–12 Nov.]. Помимо них в лагере могли работать секретарь, прораб, доктор, землемеры, речники, инспекторы и «другие технические работники» [18. 13 Nov.]. Повара, кузнецы, портные, извозчики, сапёры и разнорабочие составляли тюремный контингент [31].

Работа в лагере по поддержанию его в надлежащих санитарных условиях являлась для заключённых второстепенной, основное время они проводили на строительстве дорог штата. Строительные работы включали в себя уборку «мусора» – горных пород и брёвен, которые образовывались в результате многочисленных оползней, далее проводилась расчистка территории от кустарников, деревьев и пней, затем шли земляные работы [12. 30 Mar.], которые включали в себя подрыв горной породы [29. 17 Jun], раскопки, настил дорожного полотна щебнем [22. 3 Jan.] и установку водосточных канав [27. 31 Aug.].

Как уже было упомянуто, продолжительность работы «лагерей доверия» зависела от финансовых ассиг-

нований. Из финансового фонда штата, который пополнялся налоговыми поступлениями, средства, необходимые для строительства конкретной дороги, направлялись в Департамент дорог штата (Department of Highways) [16. 7 Feb.]. Департамент занимался закупкой товаров, строительных материалов и инструментов, а также снабжением лагеря провиантом и медикаментами. Помимо этого он предоставлял деньги непосредственно в лагерь в так называемый «возобновляемый фонд», который составлял в среднем около 2 тыс. долларов и носил характер «неприкосновенного запаса на чёрный день» [32. 11 Dec.]. Деньги из лагерного фонда использовались в крайних случаях: предоставление аванса зарплаты свободному труду при необходимости, покупка небольшого количества необходимых вещей, товаров или продуктов, особенно в том случае, когда штат не мог оплатить покупку товаров у продавца и т.д. [Ibid.].

Таким образом, план выполняемых работ составлялся до их начала и соотносился с выделяемыми финансами на строительство конкретной дороги из фонда штата. Лагерь переставал получать финансирование к указанной в плане дате и переезжал на другое место независимо от того, были выполнены работы полностью или частично. Во втором случае оставшаяся работа завершалась при помощи привлечения труда свободных работников и частных подрядчиков [33].

В 1913–1914 гг. в штате Вашингтон были основаны два дорожных строительных лагеря, которые использовали труд заключённых по «системе доверия». 10 сентября 1913 г. начал свою работу Лагерь № 1 «Худспорт»³ в графстве Мейсон [25. 7 Mar.], 3 декабря 1913 г. – лагерь № 2 «Калама» в графстве Коулитц [12. 28 Apr.]. В середине июля 1914 г. оба лагеря закончили свои работы и были объединены в местечке «Стивенсон» графства Скамания [22. 22 Jul.; 29. 3 Jul.] под номерами 3 и 4 соответственно, откуда к 12 мая 1915 г. заключённые были перевезены в последний, пятый лагерь «Уотервилль» в графстве Дуглас, который функционировал до марта 1916 г. [26].

«Система доверия» явилась своеобразным «пенитенциарным ноу-хау», которому тогда ещё не было аналогов в мире. Она объединила в себе идею северо-восточной американской «региональной политической технологии», выражавшуюся в отказе от использования подневольного труда в рыночных отношениях⁴, идею социально-экономического прогресса, финансовую выгоду и исправительное воздействие на заключённого.

Не затрагивая вопрос об исправительном воздействии «системы доверия», которое она могла оказывать на заключённых, следует отметить важный факт: небольшое количество побегов, особенно в сравнении с «охранной системой». Поразительно, но отсутствие охраны в «лагерях доверия» положительно повлияло на снижение числа побегов. Почти за три года работы «системы доверия» из строительных лагерей сбежал всего лишь 21 заключённый, 16 из которых были пой-

маны или вернулись *самостоятельно* отбывать своё наказание в тюрьме [16. 7 Feb.]. Количество побегов из охраняемых лагерей только за единственный год работы «охранной системы» превышал этот показатель вдвое и равнялся 40 [Ibid.].

Помимо этого являлась очевидной финансовая выгода «системы доверия». В условиях, когда средняя стоимость свободного рабочего труда на строительстве дорог в штате Вашингтон в 1913–1915 гг. составляла 2 доллара 50 центов на человека за один рабочий день [28. 7 Feb.], заключённые получали на два доллара меньше. Следует учитывать также тот факт, что арестанты занимались наиболее тяжёлым трудом круглый год – в осеннее и зимнее время, выполняя работу, находились по колено в воде и грязи [12. 30 Mar.]. На такие условия работы ни один свободный работник не соглашался даже за указанную зарплату в 2,50 доллара [Ibid.]. Следует также помнить, что у заключённых в штате Вашингтон не было профсоюзов, касс взаимопомощи и каких-либо других общественных организаций или правовых институтов, которые могли отстаивать их права, требуя улучшения условий проживания, повышения зарплаты и т.д.⁵ Всевозможные компенсации за травматизм при работе юридически были запрещены заключённым [29. 14 Nov.], что было также выгодно штату.

За 944 дня работы [16. 7 Feb.] в «лагерях доверия» были задействованы 318 заключённых [Ibid.], трудом которых было расчищено и обработано около 22 га земли [Ibid.], на которых было построено более 20 км дорог [Ibid.]. Приблизительные чистые затраты штата без учета затрат на покупку еды, медикаментов, вещей и инструментов составили не менее 242 500 долларов [Ibid.], что только посредством зарплаты заключённым сэкономило штату по самым скромным подсчётам около 600 000 долларов. Успех «системы доверия» постоянно отмечался в штате на разных административных уровнях от коменданта лагеря до губернатора [18. 28 Oct.].

Почему же, несмотря на такую успешность, система не получила дальнейшего распространения?

Этому есть ряд причин:

1. Начало Первой мировой войны, с одной стороны, привело к незначительным сокращениям финансовых ассигнований «системы доверия», что отразилось в 1914–1916 гг. на уменьшении поставок товаров в лагерь [27. 31 Aug.; 32. 1, 12, 19 Dec.]. С другой стороны, война показала, что неудовлетворительное состояние дорог в США является потенциальной угрозой безопасности страны. Поэтому в 1916 г. Конгрессом США был одобрен «Федеральный акт дорожной помощи» (Federal Aid Road Act) [34], по которому федеральное правительство создавало специальный финансовый фонд (75 млн долларов) для строительства междуштатных и 6% внутриштатных дорог в каждом штате, рассчитанный на 5 лет. По условиям акта к строительству инфраструктуры должны были привлекаться свобод-

ные граждане. В 1917 г., согласно указанным в законе задачам, в штате Вашингтон началось строительство отрезка «Тихоокеанское шоссе» (сейчас – федеральная трасса № 5 от канадского Ванкувера до Сан-Диего). В 1921 г. акт был доработан и одобрен Конгрессом как «Федеральный акт поддержки автомагистралей» (Federal Aid Highway Act) [35].

2. Стремительное экономическое и промышленное развитие штата в послевоенные годы привело к механизации строительства путём использования на работах электрических, паровых и дизельных экскаваторов [32. 2 Nov.], тракторов и другой техники.

3. Высокая миграционная мобильность населения в военные и послевоенные годы, конверсия военной промышленности и увольнение рабочих с заводов, а также возвращение демобилизованных солдат с фронта диктовали необходимость привлечения этих «взрывоопасных» категорий населения на общественные работы. Важную роль в консервации «лагерей доверия» сыграл профсоюз «Индустриальные рабочие мира», который был ярким противником «системы доверия» [36. P. 14, 16].

4. Положительные результаты «системы» за 1913–1914 гг. привели к идее увеличить показатели работы дорожного лагеря № 5 «Уотервилль» [26. 10 Aug. P. 1]. Это требовало большего количества рабочих рук, поставку которых уже не могла покрывать тюрьма «Уолла-Уолла».

5. Необходимость в большом количестве работников привела к трём отрицательным последствиям: а) распространению привилегии работать в лагере на тех заключённых, которые для такой работы не подходили вследствие своих физических, эмоциональных, морально-нравственных данных; б) увеличению контингента лагеря за счёт набора в него свободных рабочих, которые должны были трудиться наравне с заключёнными, но за большую зарплату; в) высокой плотности населения в лагере⁶.

б. Вследствие этого «эксперимента» обострились конфликты между двумя группами работников. Коменданту лагеря приходилось решать назревавшие конфликты путём ужесточения правил и условий проживания заключённых в лагере, что ещё более не устраивало арестантов [26. 10 Aug. P. 2]. Из-за этого участились побег, а также другие пассивные и активные формы протеста, которые оказали отрицательное влияние на главное звено «системы» – доверие: отказ от работы, агитация против установленного режима, драки и даже подрыв динамита в лагере, произошедший осенью 1915 г. [36].

В совокупности эти факторы снизили значимость заключённых как дешёвой рабочей силы, необходимой штату для экономического развития, и привели к постепенному отмиранию идеи использовать их труд на строительстве общественных дорог.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лизинговая (откупная) система (Lease system) – законодательно закреплённый вид организации труда заключённых, распространённый в ряде штатов Юга США с последней четверти XIX в. до конца Второй мировой войны. По условиям «откупной системы» власти штата и начальство тюремного учреждения сдавали «в наём» или труд осуждённых, или их самих, преимущественно афроамериканцев, частным компаниям или физическим лицам, получая за это финансовую прибыль.

² Работа заключённых на каменоломнях осуществлялась по «охранной системе».

³ Название лагерю давалось в соответствии с названием места его расположения.

⁴ В «лагерях доверия» в штате Вашингтон не работал ни один афроамериканец.

⁵ Общественные организации, помогающие заключённым, имелись в других штатах, ближайшая – «Орегонское общество помощи заключённым» – находилась в Портленде (штат Орегон), её функции и возможности работы в штате Вашингтон были ограниченными.

⁶ Свободные рабочие и заключённые жили отдельно друг от друга, но постоянно пересекались на работах или в послерабочее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Statutes of the Territory of Washington: being the code past by the Legislative Assembly at their first session begun and held at Olympia, February 27th 1854. Olympia : Geo.B.Goudy Public Printer, 1855.
2. Constitution of the State of Washington.
3. Session Laws of the State of Washington, enacted by the First State Legislature, 1889. Manufacture of grain sacks at penitentiary. Olympia (Wa) : O.C. White State Printer, 1890.
4. Washington State Archives (WSA). Central Branch at Olympia. Department of Corrections. State Penitentiary. Daily Record Employment of Convicts 1891–1912. Box № 1. 1891.
5. National Archives and Records Administration at Seattle, Pacific Alaska Region (NARA-PAR). Records of the Bureau of Prisons (Record Group 129). McNeil Island Penitentiary. Daily Journals 1877–1930. Box № 3, 1902.
6. Session Laws of the State of Washington, session of 1891. Olympia (Wa) : O.C. White State Printer, 1891.
7. Session Laws of the State of Washington, session of 1893. Olympia (Wa) : O.C. White State Printer, 1893.
8. Session Laws of the State of Washington, eighth session, 1903. Tacoma (Wa) : Allen & Lamborn Printing Company, 1903.
9. Session Laws of the State of Washington, tenth session, 1907. Olympia (Wa) : C.W. Gorham, Public Printer, 1907.
10. Statistical Abstract of the United States, 1920. Washington : Government Printing Office, 1921. P. 33.
11. Session Laws of the State of Washington, ninth session, 1905. Olympia (Wa) : C.W. Gorham, Public Printer, 1905.
12. WSA. Department of Highways. Administration, Central Files, Subject Files. Box. № 36. Convict Labor, 1914. (далее – WSA. DoH. B. №. Subject, year).
13. House Journal of the thirteenth legislature of the State of Washington begun and held at Olympia, the State Capital, January 13, 1913. Olympia, Wash : Frank M. Lamborn public printers, 1913.
14. Session Laws of the State of Washington, thirteenth session, 1913. Olympia (Wa) : Frank M. Lamborn public printers, 1913.
15. WSA. DoH. B. №7. State Road Camp № 1. Methow, 1909–1910.
16. WSA. DoH. B. №60. Honor Camp, general, 1916.
17. Cosson Geo. The Courts and Prison Labor // Annals of the Academy of Political and Social Science. Vol. 46, Prison Labor (March. 1913).

18. WSA. DoH. B. № 29. Honor Camp № 1, Hoodspport, 1913.
19. The Seattle Times. 4 Sept., 1913.
20. House of Representatives, 2nd Session. The Sixth International Prison Congress Held at Brussels, Belgium, August 1900. Report of Its Proceedings and Conclusions by Samuel Barrows. Referred to the committee on the Judiciary – February, 10, 1903. Washington: Government Printing Office.
21. Conclusions of the International Prison Congress, held at Washington, 2–8 Oct. 1910. Sacramento (Ca) : Putnam Sons; 1910.
22. WSA. DoH. B. № 38. Honor Camp № 2. Kalama, 1914.
23. WSA. DoH. B. № 38. Honor Camp № 3. Stevenson, 1914.
24. WSA. DoH. B. № 48. Honor Camp № 3. Stevenson, 1915.
25. WSA. DoH. B. № 38. Honor Camp № 1. Hoodspport, 1914.
26. WSA. DoH. B. № 49. Honor Camp № 5. Waterville, 1915.
27. WSA. DoH. B. № 39. Honor Camp № 3. Stevenson, 1914.
28. WSA. DoH. B. № 27. Convict Labor, 1913.
29. WSA. DoH. B. № 38. Honor Camp № 1. Lilliwaup, 1914.
30. WSA. DoH. B. № 30. Honor Camp № 2. Kalama, 1913.
31. Seattle Tribune. 1916. 3 March.
32. WSA. DoH. B. № 38. Honor Camp № 3. Stevenson, 1914.
33. Tacoma Tribune. 1914. Aug. 1
34. Rules and Regulations of the Secretary of Agriculture for carrying out the Federal Aid Road Act. Washington : Government printing office, 1917. 22 p.
35. Rules and Regulations of the Secretary of Agriculture for carrying out the Federal Aid Highway Act and Amendments thereto, 1927. Washington : Government Printing office. 30 p.
36. WSA. DoH. B. № 49. Honor Camp № 5, Waterville, explosion 1915.

Shevchenko Sergey A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: Shevchenkovskrs@yandex.ru

ORGANIZATION OF CONVICTS' LABOR BASED ON THE "HONOR SYSTEM" AT THE ROAD CONSTRUCTION IN WASHINGTON STATE (1913–1916).

Keywords: USA; Washington; penal system; honor camps; prisons; prisoners.

At the beginning of the XX century, the state of Washington was rapidly developing, one of the strongest reasons for that being the increasing rate of domestic migration and immigration of people from other countries, which led to the rapid development of towns and villages. In turn, industry and agriculture were developing and the state budget was increasing. Good roads were needed for the stable development of the young state economy. The first legislative initiative that was supposed to solve the problem of poor-quality roads was the creation of a special financial state fund "for the construction, improvement and maintenance of public roads and bridges" in 1905. Creation of such a fund, along with social and economic changes in the state, improved employment opportunities of prisoners and use them for construction works. In 1907 and 1913, the state legislature adopted corresponding laws which allowed organizing the prisoners' labor outside the prison facility on the construction of public roads. In Washington these laws were implemented in two forms – "Guard system" and "Honor system". "Honor system" is a correctional method introduced to the penal practice of several US states at the beginning of the XX century; it involves the use of prisoners' labor outside the prison facilities without guarding in the absence of explicit restrictions of freedom of prisoners' movement. The main constraint on breaks and misconduct was the prisoners' "word of honor" – documented agreement between the prisoners, the prison director and a representative of the state administration. Selection for special road construction camps ("Honor camps") was made among the state prison inmates who filed a petition for consideration of the case by the Committee on Parole. The selected prisoners were given "Conditional pardon" by the governor of the state. Before leaving the institution, each prisoner was obliged to sign a special document entitled – "Pledge for faithful performance of Trust". In this document prisoners gave the "word of honor" to perform their work and have a good behavior in the camp, not to violate discipline and not try to escape. The "Pledge" and "Conditional pardon" – were the main components of "Honor system" and represented a mutually beneficial agreement between the administration of the prison, administration of the state and prisoners. "Honor Camps" in Washington State consisted of temporary huts and tents, without stockade fence and barbed wire. The prisoners at the camp lived without guard around the clock. One of the features of "honor camps" was their mobile nomadic character. After the completion of the work in one place, the camp moved to another county tens or even hundreds of miles away. The number of prisoners involved in such camps in different years ranged from 49 to 120 people. However, the total population of the camps was larger due to the fact that along with the prisoners' labor the labor of free citizens was used. "Honor system" was a kind of penal "know-how", which at that time was unique in the world. It combined the idea of the northeastern American "regional political technology" expressed in the rejection of the use of forced labor in market relations, idea of social and economic progress, financial benefits and corrective treatment of prisoners.

REFERENCES

1. USA. (1855) *Statutes of the Territory of Washington: being the code past by the Legislative Assembly at their first session begun and held at Olympia, February 27th 1854.* Olympia: Geo.B.Goudy Public Printer.
2. USA. (n.d.) *Constitution of the State of Washington.*
3. USA. (1890) *Session Laws of the State of Washington, enacted by the First State Legislature, 1889. Manufacture of grain sacks at penitentiary.* Olympia (Wa): O.C. White State Printer.
4. Washington State Archives (WSA). *Central Branch at Olympia. Department of Corrections. State Penitentiary. Daily Record Employment of Convicts 1891–1912.* Box №1. 1891.
5. National Archives and Records Administration at Seattle, Pacific Alaska Region (NARA-PAR). *Records of the Bureau of Prisons (Record Group 129). McNeil Island Penitentiary. Daily Journals 1877–1930.* Box № 3, 1902.
6. USA. (1891) *Session Laws of the State of Washington, session of 1891.* Olympia (Wa): O.C. White State Printer.
7. USA. (1893) *Session Laws of the State of Washington, session of 1893.* Olympia (Wa): O.C. White State Printer.
8. USA. (1903) *Session Laws of the State of Washington, eight session, 1903.* Tacoma (Wa): Allen & Lamborn Printing Company.
9. USA. (1907) *Session Laws of the State of Washington, tenth session, 1907.* Olympia (Wa): C.W. Gorham, Public Printer.
10. USA. (1921) *Statistical Abstract of the United States, 1920.* Washington: Government Printing Office.
11. USA. (1905) *Session Laws of the State of Washington, ninth session, 1905.* Olympia (Wa): C.W. Gorham, Public Printer.
12. WSA. Department of Highways. Administration. (1914) *Central Files, Subject Files.* Box. №36. Convict Labor, 1914.

13. USA. (1913) *House Journal of the thirteenth legislature of the State of Washington begun and held at Olympia, the State Capital, January 13, 1913*. Olympia, Wash: Frank M. Lamborn public printers.
14. USA. (1913a) *Session Laws of the State of Washington, thirteenth session, 1913*. Olympia (Wa): Frank M. Lamborn public printers.
15. WSA. Department of Highways. Administration. (1909–1910) *B.№7. State Road Camp №1, Methow*.
16. WSA. Department of Highways. Administration. (1916) *B.№60. Honor Camp, general*.
17. Cosson, G. (1913) The Courts and Prison Labor. *Annals of the Academy of Political and Social Science*. 46.
18. WSA. Department of Highways. Administration. (1913) *B.№ 29. Honor Camp №1, Hoodspport*.
19. *The Seattle Times*. (1913) 4th September.
20. USA. (1903a) *House of Representatives, 2nd Session. The Sixth International Prison Congress Held at Brussels, Belgium, August 1900. Report of Its Proceedings and Conclusions by Samuel Barrows*. Referred to the committee on the Judiciary – February, 10, 1903. Washington: Government Printing Office.
21. USA. (1910) *Conclusions of the International Prison Congress, held at Washington, 2-8 Oct. 1910*. Sacramento (Ca): Putnam Sons.
22. WSA. Department of Highways. Administration. (1914a) *B.№38. Honor Camp № 2, Kalama*.
23. WSA. Department of Highways. Administration. (1914b) *B.№38. Honor Camp № 3, Stevenson*.
24. WSA. Department of Highways. Administration. (1915) *B.№48. Honor Camp № 3, Stevenson*.
25. WSA. Department of Highways. Administration. (1914c) *B.№38. Honor Camp № 1, Hoodspport*.
26. WSA. Department of Highways. Administration. (1915a) *B.№49. Honor Camp № 5, Waterville*.
27. WSA. Department of Highways. Administration. (1914d) *B.№39. Honor Camp № 3, Stevenson*.
28. WSA. Department of Highways. Administration. (1913a) *B.№27. Convict Labor, 1913*.
29. WSA. Department of Highways. Administration. (1914e) *B.№38. Honor Camp № 1, Lilliwaup*.
30. WSA. Department of Highways. Administration. (1915b) *B.№30. Honor Camp № 2, Kalama*.
31. *Seattle Tribune*. (1916) 3rd March.
32. WSA. Department of Highways. Administration. (1914f) *B.№38. Honor Camp № 3, Stevenson*.
33. *Tacoma Tribune*. (1914) 1st August.
34. USA. (1917) *Rules and Regulations of the Secretary of Agriculture for carrying out the Federal Aid Road Act*. Washington: Government printing office.
35. USA. (1927) *Rules and Regulations of the Secretary of Agriculture for carrying out the Federal Aid Highway Act and Amendments thereto, 1927*. Washington: Government Printing office.
36. WSA. Department of Highways. Administration. (1914g) *B.№49. Honor Camp №5, Waterville, explosion 1915*.

С.С. Колмакова

ЯДЕРНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: СТАБИЛЬНОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РЕАЛИЗМА

Статья посвящена оценке перспективы распространения ядерного оружия в регионе Ближнего Востока с точки зрения группы представителей теории политического реализма. В первой части статьи представлен взгляд реалистов на ядерное оружие в целом, во второй – позиция последователей данной теории, которые считают, что ядерное оружие приведёт к стабилизации ситуации на Ближнем Востоке. Особое внимание уделяется критике данного подхода и соответственному опровержению таковой.

Ключевые слова: Ближний Восток; ядерное оружие; реализм.

В контексте введущихся с 2013 г. длительных и напряжённых переговоров «шестёрки» (пять ядерных держав + Германия) с Ираном по поводу его ядерной программы вопрос о распространении ядерного оружия (ЯО) на Ближнем Востоке уже долгое время не теряет своей актуальности. Теория политического реализма сохраняет свой вес отчасти потому, что приверженцы этой теории прямо или косвенно участвуют в формировании внешней политики США, находясь на государственной службе или работая в исследовательских центрах [1]. Поэтому интересно проанализировать современный подход реалистов к вопросу ядерного распространения на Ближнем Востоке.

США и мировое сообщество обеспокоены перспективой ядерного Ирана, однако некоторые последователи структурного реализма, или неореализма, считают такую перспективу наилучшим вариантом развития событий. Задачей данного исследования было представить именно эту точку зрения, собрать воедино и подробно разобрать ключевые аргументы её приверженцев.

Реализм о ядерном оружии. Реализм – достаточно проработанная и ясная теория, берущая начало задолго до нашей эры, со времён греческого историка Фукидида и его труда «История Пелопонесской войны». основополагающие работы теории были написаны в период с 1932 по 1948 г. (Р. Нибур, 1932; Дж. Кеннан 1946; Г. Моргентау, 1948) и не отражали тему ЯО в международных отношениях. Теория основывается на следующих принципах: международные отношения анархичны, т.е. не существует легитимного центра власти, управляющего поведением акторов; единственными акторами международных отношений признаются рационально действующие суверенные государства; поведением государств на международной арене движет национальный интерес, определённый в терминах власти; неизменный национальный интерес заключается в выживании государства. При этом моральные оценки отходят на второй план, и любые действия, направленные на обеспечение военной безопасности, государственного суверенитета и экономического благосостояния населения, могут быть полностью оправданы.

Отношение реализма к ЯО было сформировано в последующих работах тех же учёных (Нибур, 1957; Моргентау, 1960; Кеннан, 1983–1985), и эволюция их взглядов происходила по мере изменений международной обстановки. Д.И. Победаш выделяет следующие этапы эволюции роли ЯО в работах реалистов: во время фактической ядерной монополии США ЯО воспринималось как ещё один вид вооружений, не влияющий на суть международной политики; после достижения Советским Союзом способности нанести ответный ядерный удар реалисты заговорили о тотальном характере ядерного оружия и об абсолютной недопустимости ядерной войны; во время периода «разрядки» те же ученые стали признавать стабилизирующую роль ЯО в международных отношениях [Там же. С. 4].

Так, Дж. Кеннан в 1985 г. писал, что возможность нанесения ядерного удара сделала необходимым не только принимать в расчет собственные интересы безопасности, но и признавать столь же легитимными требования других государств по обеспечению своей безопасности. Г. Киссинджер считает парадоксом ЯО то, что рост ядерного потенциала неизбежно сопровождается снижением желания его использовать [Там же]. Согласно К. Уолцу, медленное распространение ЯО только укрепляет мир и международную стабильность, и государства неизбежно будут стремиться к обладанию ядерным оружием [2].

Тем не менее, несмотря на такой прогноз, за 50 лет существования ядерного оружия распространение достигло наивысшей точки – 12 государств в 1991 г., когда при распаде СССР ЯО оказалось у Казахстана, Украины, Белоруссии и ЮАР. Но впоследствии эти страны отказались от него, и на сегодняшний день насчитывается девять ядерных государств: пять официальных, статус которых закреплён в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г. – США, Россия, КНР, Франция, Великобритания; три неофициальных, находящихся вне режима распространения (не подписавшие ДНЯО), – Индия, Пакистан и КНДР; и Израиль, не признающий и не отрицающий факт обладания ядерным оружием, который также не подписал ДНЯО.

На данном этапе ядерная программа Ирана вызывает опасения США и стран ЕС, хотя помимо ИРИ достаточными возможностями для разработки ЯО обладают несколько стран – Германия, Нидерланды, Аргентина и Бразилия. Тем не менее они, в отличие от Ирана, не вызывают опасений мирового сообщества [3. С. 5]. Необходимо отметить, что Иран совершает все шаги по сотрудничеству и проявляет мирные намерения: он ратифицировал ДНЯО и предоставил свои объекты для инспекций МАГАТЭ. Кроме того, в 2003 г. Иран подписал Дополнительный протокол (INFCIRC/540), расширяющий полномочия МАГАТЭ по контролю за иранскими исследованиями в этой области [4], и даже объявил, что будет соблюдать его до ратификации [5]. Сейчас условиями Ирана для ратификации этого документа являются снятие экономических санкций и возвращение ядерного досье из повестки СБ ООН в МАГАТЭ [6].

Такое отношение обусловлено высокой конфликтностью региона. В наше время Ближний Восток называют «новыми мировыми Балканами» [7. С. 648]. Тому есть несколько причин: затянувшийся острый региональный конфликт – арабо-израильский; конфликты между многими мусульманскими государствами; здесь находятся крупнейшие опорные базы международного терроризма; регион, как мировая энергетическая кладовая, является средоточием интересов глобальных игроков; Израиль находится вне режима ДНЯО и, возможно, обладает ядерным оружием [3. С. 8]. Однако, по мнению некоторых реалистов, нуклеаризация Ирана может привести к стабильности в регионе Ближнего Востока.

Стабилизация на Ближнем Востоке. Первое, чего опасается мировое сообщество в случае приобретения Ираном ядерного оружия, – неконтролируемая гонка ядерных вооружений на Ближнем Востоке. Стивен Уолт оспаривает такую возможность. Он ставит в пример Северную Корею: ни Япония, ни Южная Корея не решились обзавестись ЯО, когда КНДР провела испытания; а также Израиль – ни одно арабское государство не начало разработку ЯО, когда в 1960-х гг. у Израиля появилось ЯО [8]. Он объясняет это тем, что ядерное оружие никак не повышает статус государства, а лишь обеспечивает невмешательство в его внутренние дела, уменьшает внешнее давление на страну. Это подтверждает простой факт: против стран с ядерным арсеналом не ведутся войны [Ibid.].

Кеннет Уолтц и Дж. Миршеймер в 2012 г. на фоне переговоров США, ЕС и Ирана о введении экономических санкций в ответ на развитие ядерной программы последнего считают, что приобретение ядерной бомбы Ираном приведёт к стабильности на Ближнем Востоке [9–11]. А нестабильность в регионе Ближнего Востока создаёт именно Израиль с его длительной монополией на ядерное оружие. И этот дисбаланс требует установления равновесия [9].

Другое опасение противников распространения ЯО состоит в следующем: у новых ядерных держав не бу-

дет ответственного отношения к ядерному оружию, что может привести к случайным пускам, краже или другим происшествиям с ЯО. Этот довод Кеннет Уолтц опровергает тем, что, во-первых, за 50 лет существования ЯО подобные инциденты случались, но не привели к жертвам или большому материальному ущербу. Во-вторых, в случае с США и СССР речь шла об огромных количествах ядерного оружия и материалов, за которыми действительно сложно уследить, – их слишком много. Напротив, новые ядерные страны будут располагать небольшим количеством оружия и материалов, достаточным для сдерживания, за которым уследить не так сложно. А для них это будет ещё и необходимо, так как это – всё, что у них есть [12].

Ещё один риск – возможность сотрудничества государства-нарушителя с террористами. Однако правительство Ирана, как и любое другое, будет стремиться сохранить своё положение, свою власть, следовательно, нет смысла передавать настолько дорогостоящее и опасное оружие силам, которые невозможно контролировать. Они должны понимать, что нет никаких гарантий, что в случае передачи террористам ЯО не будет использовано против того, кто его предоставил [9, 13].

Также реалисты опровергают доводы о нерациональности, опасности и потенциальной жестокости Ирана. Р. Такей подчёркивает, что в большинстве прямых столкновений с врагами Иран вёл себя осторожно. Например, в Ирано-иракской войне Иран воздержался от использования химического оружия, в то время как Ирак его применял. Такей объясняет желание Ирана приобрести ЯО тем, что враждебные силы буквально взяли его в кольцо: в странах Персидского залива находятся американские войска (при этом Дж. Буш-мл. отнёс Иран к «оси зла»), Афганистан и Ирак представляют постоянную угрозу безопасности Ирана, в то время как Израиль в 1981 и 2007 гг. безнаказанно наносил превентивные удары по реакторам Ирака [11] и Сирии соответственно. Р. Такей считает, что США, вводя экономические санкции и оказывая давление на Иран, могут лишь спровоцировать его к разработке ЯО [12].

Стивен Уолт и Джон Миршеймер отвергают неоконсервативное положение о том, что ядерный Иран представляет угрозу безопасности США, и называют главным мотивом США в предотвращении нуклеаризации Ирана нежелание позволить ему стать региональным гегемоном [14. С. 9]. Уолтц в дебатах с Сэйганом разоблачает истинные мотивы США следующим образом: обладающие ЯО государства-изгои будут способны сдерживать сильных, но сами будут несдерживаемыми. Это приведёт к тому, что США уже не смогут «просто взять и вмешаться», как это произошло в Ираке [12]. Данный аргумент вновь подтверждает оборонительный характер ядерного оружия.

В заключение напомним, что в рамках реализма государства рассматриваются как *рационально действующие* акторы, стремящиеся к *выживанию*. Итак, при отсутствии реальных угроз безопасности, отсут-

ствии значительных «лишних» бюджетных средств более рациональным поведением будет подчинение режиму нераспространения и получение соответственных выгод. С другой стороны, неподчинение влечёт за собой экономические санкции и запрет на поставку определённых материалов. При этом безопасность большинства стран обеспечивается посредством договоров о коллективной безопасности (например, договор НАТО, ст. V) или двусторонних соглашений о «ядерном зонтике» (США – Япония).

С другой стороны, в ситуации конфликта вполне рациональным будет неподчинение режиму с целью обеспечить свою безопасность (Индия – Пакистан). Такую же линию действий в ситуации нестабильности внутреннего режима выбрала Северная Корея: правительство довольно успешно использует шантаж мирового сообщества ядерной бомбой с целью защитить своё существование, а также получить экономическую помощь.

Таким образом, ядерное оружие, согласно реализму, является наивысшей гарантией безопасности, а также «оружием мира» (weapons of peace) [10], и страны, бу-

дучи рациональными акторами, должны и будут к нему стремиться. При этом ядерное оружие не придаёт стране особого статуса, а лишь уменьшает давление извне и, будучи скорее средством устрашения, нежели нападения, снижает вероятность войны. Следовательно, на Ближнем Востоке, в случае приобретения ядерного оружия Ираном, ситуация может стабилизироваться, так как военная мощь Израиля будет уравновешена и положение антагонистов зафиксировано на этапе неприемлемости военных действий. Единственным путём урегулирования споров останется переговорный процесс. Данный вывод подтверждает история: между Индией и Пакистаном после приобретения ими ядерных арсеналов сформировались отношения ядерной стабильности [9, 15, 16]. Анализируя историю, реалисты приходят к выводу, что каждая новая ядерная держава укрепляла стабильность международных отношений. При том, что каждый раз при распространении ядерного оружия риски повышаются, акторы международных отношений всё же склонны делать более рациональный выбор – выбор в пользу выживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Победаш Д.И. Роль ядерного оружия в работах американских политических реалистов. URL: https://www.academia.edu/1123824/Роль_ядерного_оружия_в_работах_американских_политических_реалистов, свободный (дата обращения: 16.03.2015).
2. Kenneth N. Waltz. The Spread of Nuclear Weapons: More May be Better. Adelphi Papers, Number 171 (London: International Institute for Strategic Studies, 1981). URL: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/waltz1.htm>, свободный (дата обращения: 16.03.2015).
3. Арбагов А., Наумкин В. Угрозы режиму нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке. М., 2005.
4. Типовой дополнительный протокол к соглашению(ям) между государством(ами) и международным агентством по атомной энергии о применении гарантий. INF/CIRC/540, 1997. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/infcirc540_rus.pdf, свободный (дата обращения: 20.03.2015).
5. Newsru.com: Иран подписал дополнительный протокол к ДНЯО. URL: <http://www.newsru.com/arch/world/18dec2003/dnpyao.html>, свободный (дата обращения: 20.03.2015).
6. РИА НОВОСТИ: Иран не ратифицирует Доппротокол, пока не решится ядерная проблема URL: <http://wap.ria.ru/world/20080115/96958087.html>, свободный (дата обращения: 20.03.2015).
7. Бжезинский З. Ещё один шанс // Великая шахматная доска. М.: Астрель, 2013. 702 с.
8. Walt S. Iran, arms races, and war // Foreign Policy. 2009. October 1. URL: <http://foreignpolicy.com/2009/10/01/iran-arms-races-and-war>.
9. Kenneth N. Waltz. Why Iran Should Get The Bomb / International Affairs July/August 2012. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/137731/kenneth-n-waltz/why-iran-should-get-the-bomb>, свободный (access data: 16.03.2015).
10. Mearsheimer J. Nuclear-Armed Iran Would bring 'Stability' but Risks. URL: http://www.pbs.org/newshour/bb/world-july-dec12-iran2_07-09.
11. Уничтожение иракского ядерного реактора: Как это было. URL: <http://www.jewiverse.ru/biher/AShulman/38.htm>, свободный (дата обращения: 16.03.2015).
12. Takeyh R. Iran's Nuclear Calculations // World Policy Journal. 2003. Vol. 20, No. 2. URL: <http://www.worldpolicy.newschool.edu/wpi/journal/articles/wpj03-2/takeyh.html>, свободный (дата обращения: 16.03.2015).
13. Scott Sagan and Kenneth Waltz: The Spread of Nuclear Weapons: A Debate Renewed, UC Santa Barbara. 2005. 5 Sept. URL: <http://www.uctv.tv/shows/Scott-Sagan-and-Kenneth-Waltz-The-Spread-of-Nuclear-Weapons-A-Debate-Renewed-9491>, свободный (дата обращения: 16.03.2015).
14. Harrison Smith Diamond. Reinterpreting Nuclear Consequences: Realism, Constructivism, and the Iranian Crisis, 2012. URL: http://soundideas.pugetsound.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1007&context=ipe_theses, свободный (дата обращения: 16.03.2015).
15. Российская Газета: Индия и Пакистан обменялись списками ядерных объектов. 2012. URL: <http://www.rg.ru/2012/01/01/obmen-anons.html>, свободный (дата обращения: 16.03.2015).
16. Российская Газета: Индия и Пакистан после трёхлетнего перерыва возобновили переговоры о нормализации отношений. 2011. URL: <http://www.rg.ru/2011/03/28/india-pakistan-anons.html>, свободный (дата обращения: 16.03.2015).

Kolmakova Svetlana S. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia). E-mail: kolmsvetlan@gmail.com

NUCLEAR PROLIFERATION IN THE MIDDLE EAST: SOME REALISTS FORECAST STABILITY.

Keywords: Realism; Middle East; Iran; Nuclear weapons.

The article is devoted to the realist view on the matter of proliferation in the Middle East and in particular the prospect of Iran becoming a nuclear power. The research confines itself to the assertion that nuclear Iran would bring stability to the region, and therefore is based on works of advocates of this argument, such as K. Waltz, S. Walt, J. Mearsheimer, R. Takeyh and others. This subject matter is pertinent in context of the on-going negotiations over Iran's Nuclear Program, and the realist analysis of this issue is interesting due to the fact that followers of this theory directly or indirectly take part in formulating foreign policy of the US – one of the protagonists of nowadays nuclear agenda. Shaping of realist view on Nuclear Weapons (NW) went gradually. At first realism considered nuclear forces only as a new sort of weaponry, but more powerful and destructive. Later on realists admitted the fatal character of the exchange of nuclear attacks and the inadmissibility of a nuclear war. And by the end of XXth century realism admitted stabilizing role of NW and many adherents of the theory called it “weapons of peace”. The Middle East is a conflict region. One of the destabilizing factors is Israel

and its lasting monopoly on nuclear force. The wish of Iran to acquire a nuclear bomb is a reaction to perceived encirclement by enemies: American troops in the Persian Gulf, Afghanistan, and Iraq represent constant threats to Iranian security, while a hostile Israel has already carried out with impunity preemptive strikes on supposedly nuclear sites in Iraq in 1981 and Syria in 2007. Moreover, economic sanctions and political pressure on Iran are more likely to provoke it to acquire the bomb than to prevent it. According to such realists as K. Waltz, S. Walt, J. Mearsheimer, R. Takeyh and some others, Nuclear Weapons is an ultimate guaranty of security as well as “weapons of peace”. Therefore countries, being rational actors of international relations seeking survival, have to and will tend to acquire it. Albeit, possessing nuclear weapons doesn't endow a country with any higher status, but reduces external pressure and lowers the probability of war. Thereby, according to a group of realists, in case of Iran going nuclear, the Middle East might attain to stability.

REFERENCES

1. Pobedash, D.I. (n.d.) *Rol' yadernogo oruzhiya v rabotakh amerikanskikh politicheskikh realistov* [The role of nuclear weapons in the works of American political realists]. [Online] Available from: https://www.academia.edu/1123824/Rol'_yadernogo_oruzhiya_v_rabotakh_amerikanskikh_politicheskikh_realistov. (Accessed: 16th March 2015).
2. Kenneth, N.W. (1981) The Spread of Nuclear Weapons: More May be Better. *Adelphi Papers*. 171. London: International Institute for Strategic Studies. [Online] Available from: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/waltz1.htm>. (Accessed: 16th March 2015).
3. Arbatov, A. & Naumkin, V. (2005) *Ugrozy rezhimu nerasprostraneniya yadernogo oruzhiya na Blizhnem i Srednem Vostoke* [Threats to non-proliferation of nuclear weapons in the Middle East]. Moscow: Moscow Carnegie Centre.
4. IAEA. (1997) *Model Protocol Additional to the Agreement (s) between State (s) and the International Atomic Energy Agency for the Application of Safeguards. INFCIRC /540, 1997*. [Online] Available from: https://www.iaea.org/sites/default/files/infirc540_rus.pdf. (Accessed: 20th March 2015). (In Russian).
5. Newsru.com. (2003) *Iran podpisal dopolnitel'nyy protokol k DNYaO* [Iran signed an additional protocol to the NPT]. [Online] Available from: <http://www.newsru.com/arch/world/18dec2003/dnpyao.html>. (Accessed: 20th March 2015).
6. RIANOVOSTI. (2008) *Iran ne ratifitsiruet Dopprotokol, poka ne reshitsya yadernaya problema* [Iran will not ratify the Additional Protocol as long as the nuclear issue is not solved]. [Online] Available from: <http://wap.ria.ru/world/20080115/96958087.html>. (Accessed: 20th March 2015).
7. Bzhezinskiy, Z. (2013) *Velikaya shakhmatnaya doska* [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]. Translated from English by O. Ural'skaya, E. Narochnitskaya, Yu. Kobayakov, Yu. Firsov Moscow: Astrel'.
8. Walt, S. (2009) Iran, arms races, and war. *Foreign Policy*. 1st October. [Online] Available from: <http://foreignpolicy.com/2009/10/01/iran-arms-races-and-war>.
9. Waltz, K.N. (2012) Why Iran Should Get The Bomb. *International Affairs*. July/August 2012. [Online] Available from: <http://www.foreignaffairs.com/articles/137731/kenneth-n-waltz/why-iran-should-get-the-bomb>. (Accessed: 16th March 2015).
10. Mearsheimer, J. (2012) *Nuclear-Armed Iran Would bring 'Stability' but Risks*. [Online] Available from: http://www.pbs.org/newshour/bb/world-july-dec12-iran2_07-09.
11. Shulman, A. (n.d.) *Unichtozhenie irakskogo yadernogo reaktora: Kak eto bylo* [The destruction of the Iraqi nuclear reactor]. [Online] Available from: <http://www.jewniverse.ru/biher/AShulman/38.htm>. (Accessed: 16th March 2015).
12. Takeyh, R. (2003) Iran's Nuclear Calculations. *World Policy Journal*. 20(2). [Online] Available from: <http://www.worldpolicy.newschool.edu/wpi/journal/articles/wpj03-2/takeyh.html>. (Accessed: 16th March 2015).
13. Sagan, S. & Waltz, K. (2005) *The Spread of Nuclear Weapons: A Debate Renewed, UC Santa Barbara, 5/9/2005*. [Online] Available from: <http://www.uctv.tv/shows/Scott-Sagan-and-Kenneth-Waltz-The-Spread-of-Nuclear-Weapons-A-Debate-Renewed-9491>. (Accessed: 16th March 2015).
14. Harrison Smith, D. (2012) *Reinterpreting Nuclear Consequences: Realism, Constructivism, and the Iranian Crisis*. [Online] Available from: http://soundideas.pugetsound.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1007&context=ipe_theses. (Accessed: 16th March 2015).
15. *Rossiyskaya Gazeta*. (2012) *Indiya i Pakistan obmenyalis' spiskami yadernykh ob"ektov* [India and Pakistan exchanged lists of nuclear facilities]. [Online] Available from: <http://www.rg.ru/2012/01/01/obmen-anons.html>. (Accessed: 16th March 2015).
16. *Rossiyskaya Gazeta*. (2011) *Indiya i Pakistan posle trekhletnego pereryva vozobnovili peregovory o normalizatsii otnosheniy* [India and Pakistan after a three-year hiatus to resume talks on normalizing relations]. [Online] Available from: <http://www.rg.ru/2011/03/28/india-pakistan-anons.html>. (Accessed: 16th March 2015).

УДК 327.2 (510) + 327.2 (520) + 327.2 (519) + 327.37 (1–11)
DOI: 10.17223/19988613/39/10

К.Г. Муратшина

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ, ЯПОНИИ И ЮЖНОЙ КОРЕИ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ

Исследуется проблема наметившегося взаимодействия в сфере безопасности трех ведущих государств Восточной Азии – КНР, РК и Японии. Страны сотрудничают в рамках трех типов форматов – двустороннем, трехстороннем и многостороннем. Рассматриваются проекты, особенности сотрудничества в каждом из них, проблемы и перспективы взаимоотношений государств в данном контексте. Исследование выполнено с использованием значительного количества источников, включая дипломатические документы и актуальные материалы китайских, японских, южнокорейских, российских и западных СМИ.

Ключевые слова: Япония; Китай; Республика Корея; сотрудничество в области безопасности.

Развитие сотрудничества в области безопасности между Китаем, Японией и Республикой Корея – тенденция давно ожидаемая, но трудно воплощаемая на практике. Взаимодействие трех ведущих азиатских держав между собой в этой сфере проходит в двустороннем, трехстороннем и многостороннем форматах. Наиболее перспективным, с точки зрения развития взаимоотношений государств и укрепления стабильности в Восточной Азии, да и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе, представляется трехсторонний формат при условии равной вовлеченности всех его участников, доверия и прозрачности в работе. Однако на практике расстановка сил и направленность интересов сторон создают иную картину.

С 1999 г. в рамках трехстороннего интеграционного формата запускаются многочисленные проекты в экономической и гуманитарной сферах, организованы консультативные механизмы на различных уровнях. О потенциале сотрудничества в области безопасности стало возможным говорить после того, как «тройка» стала активно развивать такое направление взаимодействия, как ядерная безопасность. В 2008 г. был создан механизм ежегодных встреч высокопоставленных представителей трех стран в сфере контроля за ядерной безопасностью [1]. Страны подписали также Совместное заявление о сотрудничестве в области преодоления чрезвычайных ситуаций, связанных с природными катастрофами [2]. В мае 2011 г. во время трехстороннего саммита глав государств Япония, КНР и РК подписали декларацию о создании сети быстрого оповещения на случай чрезвычайных ситуаций с АЭС [3], при этом Токио обязывался поделиться с Пекином и Сеулом своим опытом в борьбе с последствиями аварии на АЭС «Фукусима-1» [4]. В ноябре того же года на четвертой встрече высокопоставленных представителей трех стран была подписана совместная Инициатива по сотрудничеству в сфере ядерной безопасности, стороны «договорились, что создадут рамки для сотрудничества, примут скоординированные совместные меры, чтобы играть руководящую роль в региональном и международном сотрудничестве, а также обязались развивать сотрудничество в сфере региональных стан-

дартов ядерной безопасности, региональных механизмов экстренного реагирования и контроля за ядерной безопасностью» [1].

В 2012 г. Министерством иностранных дел КНР была выпущена «Белая книга по сотрудничеству между Китаем, Японией и РК в 1999–2012 гг.», в которой были обозначены такие направления сотрудничества, как «создание механизма обмена визитами и встреч, совместных визитов в районы бедствий; информирование друг друга о законодательстве, системе и политике в сфере управления ликвидацией последствий катастроф, обмен информацией о бедствиях и результатах исследований возможных рисков крупных катастроф, совместное создание системы предупреждения угрозы бедствий... развитие подготовки персонала в сфере управления ликвидацией последствий катастроф, создание эффективного сотрудничества по ведению спасательных работ и защите населения в районах бедствий; укрепление спутникового мониторинга, обмен глобальными данными, имеющими отношение к минимизации последствий катастроф» [5]. В 2013 г. стороны договорились проводить раз в год совместные учения по ядерной безопасности, отрабатывающие сценарии противодействия ядерным катастрофам [6]. О планах первых таких учений было предварительно сообщено в 2014 г. [Там же], однако никакой информации об их проведении и результатах в мировых СМИ не появилось, и в календаре событий 2014 г., приводимом на интернет-сайте секретариата «тройки», такое мероприятие отсутствует [7].

Летом 2014 г. президент РК Пак Кын Хе выступила с предложением создать консультативную структуру по обеспечению ядерной безопасности в Северо-Восточной Азии. Однако планируемый состав структуры, включающий противоборствующие стороны Корейской проблемы и все государства, соперничающие между собой за лидерство в АТР, позволяет сделать вывод о противоречиях, заранее, по сути, заложенных в ее работе. Как заявила Пак Кын Хе, «центральными участниками будут Южная Корея, Китай и Япония. США, Россия, КНДР и Монголия также примут участие» [8].

Следует отметить, что перечисленные трехсторонние инициативы, в общем-то, немногочисленны, а с самого начала взаимодействия стран в интеграционном формате «тройки» (1999 г.) до 2008 г. вопросы сотрудничества в области безопасности находились, по сути, за рамками повестки дня. В совместные документы они либо не включены вовсе (см., напр.: [9, 10]), либо упоминаются лишь в общих чертах, да и то среди последних в списке пунктов сотрудничества (см., напр.: [11, 12]). Это свидетельствует об отсутствии как механизма, так и желания обсуждать эти вопросы в принципе, о сохраняющемся недостатке доверия между сторонами, несмотря на многообещающую торжественную риторику и обилие экономических и гуманитарных совместных инициатив. В Совместной декларации 2011 г. понятие «безопасность» в совместных документах было сведено к вопросам ядерного нераспространения [13], а в Совместную декларацию 2012 г., помимо этого, вошли такие аспекты, как борьба с пиратством, кибер-угрозами, терроризмом и последствиями стихийных бедствий [14]. С тех пор трехсторонних встреч на высшем уровне не проводилось, а лидеры государств встречались только в двусторонних форматах. Таким образом, то, что могло показаться «первой ласточкой» в укреплении доверия между странами и сотрудничестве, возможно, это самое сотрудничество и ограничит. Более того, отсутствие подвижек в развитии данной сферы сотрудничества на деле скорее заставляет приглядеться и выявить проблемы в «тройке», в некотором смысле – реальную картину взаимоотношений в, казалось бы, перспективном когда-то формате.

Каковы факторы и значение возможного развития сотрудничества «тройки» в сфере безопасности? Безусловно, такое сотрудничество выглядело бы логичным следствием укрепления связей трех государств. В Северо-Восточной Азии, да и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе, достаточно угроз международной безопасности, как «традиционных», так и «новых», борьба с которыми требует объединения усилий и взаимодействия на региональном и глобальном уровнях. Сотрудничество в трехстороннем формате могло бы, в идеале, способствовать росту взаимопонимания и доверия между Китаем, Японией и Республикой Корея и снизить остроту противоречий между ними. Однако именно эти противоречия – территориальные конфликты, наряду с историческими «счетами» стран друг к другу, тормозят не только развитие взаимодействия в сфере безопасности, но и сотрудничество трех ведущих стран региона в принципе. В 2013 г. Республика Корея, несмотря на проблемы в своих собственных отношениях с Японией, попыталась выступить посредником для примирения между Японией и КНР, конфликтующих из-за островов Восточно-Китайского моря хотя бы ради проведения очередной намеченной встречи глав государств в трехстороннем формате, однако результатов это не принесло [15].

Практика показывает, что единственный более-менее эффективный и действующий на сегодня формат взаимодействия в области безопасности среди всех участников этого «трио», но уже находящийся за его рамками, двусторонний – это сотрудничество Японии и РК, в рамках которого проводятся регулярные консультации министров обороны [16], обмен наблюдателями в период военных учений [17], ведется многолетнее сотрудничество в урегулировании проблемы ядерной и космической программы КНДР. Между странами даже планировалось подписание двух специализированных соглашений по взаимодействию в военной сфере, включающих обмен разведанными, доступ РК к данным японских спутников-шпионов, регулирование вопросов снабжения топливом, продовольствием и водой для военных нужд в ходе миротворческих операций, а также вопросов борьбы с последствиями стихийных бедствий. Примечательно, что эта инициатива исходила от Японии [18], однако тогдашний президент РК Ли Мен Бак в 2012 г. отказался от подписания таких соглашений из-за протестов оппозиции, обвинившей его в чрезмерной мягкости в сотрудничестве с Японией как историческим врагом [19]. Заместитель министра обороны РК Пэк Сын Чжу в интервью центральной японской газете «Асахи» заявил, что соглашение не было заключено, поскольку ему «должно было предшествовать установление доверия между странами», а без этого «идея оказалась преждевременной» [20].

В итоге единственной страной, активно агитирующей за углубление военного сотрудничества Японии с РК, остались США [17], поскольку американские политики и эксперты рассматривают альянс Японии и РК как инструмент своего влияния в регионе и активного противостояния не только угрозе в лице Северной Кореи, но и растущему потенциалу Китая.

Именно, как представляется, из-за неудавшегося подписание специализированных соглашений между Японией и РК так и не был налажен полноценный обмен данными по ядерной и космической программе КНДР, что показали ставшие для японцев неожиданностью северокорейские ракетные испытания 2012 г. [16]. Только в конце декабря 2014 г. была достигнута договоренность о подписании трехстороннего (с участием США) пакта об обмене разведанными по ракетно-ядерной программе КНДР, однако данное соглашение будет носить не межгосударственный характер, поскольку заключение его было проведено лишь на уровне министерств [21].

Документ вступил в силу 29 декабря 2014 г. и позволяет сторонам обмениваться любыми секретными данными по военной активности КНДР. Виды данных включают документы, устную информацию, результаты визуального и электронного наблюдения. Стоит отметить, что Китай заключение такого соглашения не приветствовал. Официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин лишь выразила надежду, что соглашение «не приведет к дестабилизации ситуации на Ко-

рейском полуострове». «Мы видим, что ситуация на Корейском полуострове нестабильна. Мы надеемся, что все стороны приложат больше усилий для укрепления взаимного доверия и не будут совершать действия, дестабилизирующие ситуацию» [22].

Несомненно, участие США в трехстороннем пакте заметно меняет расклад сил в регионе и смысл такого сотрудничества. Однако следует отметить, что и совместные регулярные учения Японии и РК также проводятся под эгидой США [16], как военные, так и гуманитарно-спасательные [23], да и за стол переговоров после усиления разногласий между странами их также пытается усадить американский президент [24]. Как отмечают японские аналитики, США «беспокоятся» и, «требуя» сближения сторон, таким образом реагируют на «ухудшение отношений своих азиатских союзников» [25]. По сути, на фоне исторических противоречий, уходящих корнями во времена колониальной экспансии Японии на полуострове, а также периодических обострений конфликта вокруг принадлежности островов Токто (яп. – Такэсима) объединить в альянсе Японию и РК становится все сложнее.

О развитии эффективного взаимодействия в области безопасности между Японией и Китаем говорить и вообще проблематично в силу серьезности препятствий такому взаимодействию, постоянно находящемуся на грани перехода к вооруженному противостоянию (см., напр.: [26, 27]) конфликта вокруг принадлежности островов Восточно-Китайского моря и других периодически обостряющихся исторических противоречий, связанных прежде всего с отсутствием должной оценки Японией военных преступлений Квантунской армии в Китае и наращиванием милитаристской риторики обеими сторонами.

Что касается, наконец, сотрудничества между Китаем и Республикой Корея, то оно тоже при ближайшем рассмотрении оказывается отнюдь не беспроблемным. В 2013 г. после начатого по инициативе КНР продолжительного обмена спецпредставителями с новоизбранным президентом РК Пак Кын Хе состоялся (опять же по приглашению китайской стороны) визит в Китай председателя южнокорейского Объединенного комитета начальников штабов [28]. По результатам визита сторонами была достигнута договоренность о расширении взаимодействия, обменах военными специалистами и сотрудничестве в деле укрепления безопасности и денуклеаризации Корейского полуострова [29]. Однако очевидно, что в данном сотрудничестве Китай ведет что-то вроде двойной игры или, во всяком случае, следует двойным стандартам. Учитывая его прочные связи и военно-политический союз с КНДР, постоянное оказание ей помощи, вплоть до поставок продукции двойного назначения [30], регулярный обмен визитами представителей высокого ранга и благосклонную риторику в ее адрес [31], при которой Пекин как будто лишь свысока журит северокорейский режим [32], – сотрудничество в области безопасности с Юж-

ной Кореей представляется скорее видимостью, чем потенциальным рабочим механизмом. Оно может использоваться Китаем разве что с одной целью: постараться «вбить клин» между Южной Кореей и Японией. Одновременно, немного «приближая» РК к себе, Китай имеет возможность внести разлад в американо-корейское взаимодействие.

Японские аналитики справедливо отмечают, что Южная Корея в «тройке» стремится к некой «срединной позиции». Объяснение этому прозаично: Китай – ее главный торговый партнер [33]. В 2012 г. вскоре после упомянутого выше отказа подписать два соглашения о военном сотрудничестве с Японией появилась информация о переговорах РК с КНР о возможности проработки аналогичного документа [34]. В итоге, правда, соглашение так и не появилось, но в 2013 г. стороны договорились о совместной борьбе против сомалийских пиратов и сотрудничестве в рамках миротворческих операций ООН [35].

Что же касается такого, казалось бы, перспективного и важного многостороннего формата взаимодействия, как переговоры 6 государств («тройка» плюс Россия, США и сама Северная Корея) по проблеме ракетно-ядерной программы КНДР и денуклеаризации Корейского полуострова, то можно отметить, что объективно своей задачи они не выполнили. Впервые делегации 6 стран сели за стол переговоров в таком формате 27 августа 2003 г., однако с того момента ядерные разработки КНДР не прекратились. Северокорейский режим провел серию ядерных испытаний, укрепил свою обороноспособность и активно развивал космическую программу. По словам южнокорейского эксперта по данной проблеме, профессора Сеульского национального университета Чун Чхэ Суна, «единственная цель шестисторонних переговоров заключалась в разрешении ядерной проблемы Северной Кореи, однако диалог зашел в тупик, когда страны-участницы уяснили, что ядерная проблема напрямую связана с более широкими попытками Севера обеспечить себе гарантии со стороны соседних государств в выживании существующего режима» [36]. Возможно, шестисторонние переговоры сыграли роль в недопущении значительной эскалации межкорейских противоречий и в принципе являют собой пример мирного разрешения споров (или хотя бы обсуждения спорных вопросов путем диалога), отвечающий принципам международного права.

В 2009 г. переговоры были приостановлены по инициативе Пхеньяна. Впоследствии конфликтующие стороны лишь обменивались взаимными обвинениями и отказывались продолжать встречи под разными предлогами. Мнение о необходимости скорейшего возобновления переговоров неоднократно высказывала российская сторона. По словам посла РФ в Республике Корея А. Тимонина, «шестисторонние переговоры являются оптимальным и уже апробированным форматом, позволяющим собрать за столом переговоров все

заинтересованные стороны, обсуждать и решать острые вопросы, относящиеся к ядерной проблематике... Сейчас для всех становится очевидным, что затянувшаяся пауза контрпродуктивна и чревата лишь дальнейшим ростом напряженности и дестабилизации обстановки в регионе... Именно поэтому российская сторона в контактах с другими участниками акцентирует актуальность скорейшего возобновления шестисторонних переговоров на принципах, зафиксированных в Совместном заявлении Китая, КНДР, России, Республики Корея, США и Японии от 19 сентября 2005 г.» [37].

По словам председателя КНР Си Цзиньпина, формат шестисторонних переговоров представляет собой «оптимальный» механизм, способный обеспечить «устойчивый, эффективный и необратимый» процесс денуклеаризации КНДР. «Проблема Корейского полуострова не может быть решена в одиночку», – отметил китайский лидер [38]. О готовности возобновить переговорный процесс заявляла сама КНДР, однако США, Япония и Южная Корея подчеркивали, что не видят весомых оснований для перезапуска переговоров. В частности, министр иностранных дел Японии Фумио Кисида обозначил в 2014 г. такую позицию: «КНДР продолжает испытания ракет. Мы полагаем, что возобновление переговоров в шестистороннем формате на данном этапе было бы преждевременным» [39]. Предложение КНДР провести прямые переговоры с США для обсуждения возможности приостановки ядерных испытаний при условии временного отказа США и РК от проведения совместных учений японская сторона назвала «неприемлемым» [40]. Об отказе принять предложение Пхеньяна заявила и президент Южной Кореи Пак Кын Хе [41].

На фоне приостановки шестисторонних переговоров определенное развитие получил другой формат – совещание заместителей министров обороны стран Северо-Восточной Азии в Сеуле, однако его работа пока также не принесла заметных результатов. Хотя, с другой стороны, стоит отметить, что этот диалог продолжается, даже несмотря на проблемы в отношениях сторон: например, заместитель министра обороны Японии в 2013 г. участвовал в его работе, невзирая на очередное обострение в японско-южнокорейских отношениях [42].

В 2014 г. состоялась двусторонняя встреча заместителей министров обороны двух стран [43].

Если рассматривать участие Японии, КНР и РК в многостороннем урегулировании проблем Корейского полуострова с точки зрения их партнерского взаимодействия, то очевидным становится серьезное расхождение задач и интересов трех стран в рамках этого процесса. Как уже упоминалось выше, позиция Китая по отношению к Северной Корее существенно отличается от японской и южнокорейской. В связи с этим вряд ли можно прогнозировать заметные положительные сдвиги в данной сфере в обозримом будущем.

Таким образом, договоренности между Японией, Китаем и Южной Кореей в области ядерной безопасности и борьбы с последствиями стихийных бедствий можно считать единственным в настоящий момент успешным, развивающимся и в равной степени вовлекающим все стороны проявлением сотрудничества этих трех государств в области безопасности. Другим более-менее значимым примером можно было бы назвать переговоры Южной Кореи с Японией и Китаем по созданию механизма предотвращения случайных столкновений в море в пределах своей расширенной зоны ПВО и пересечения с зонами ПВО соседей, а также обмену информацией соответствующего характера, однако Китай ранее объявил о расширении своей зоны ПВО в одностороннем порядке, и консультации не привели ни к какому компромиссу [44]. Все это дает основания даже самим государствам «тройки» выражать беспокойство по поводу ослабления трехстороннего сотрудничества [45].

Подведем итог. Несмотря на то что развитие сотрудничества в сфере безопасности в большой азиатской «тройке» – между Китаем, Японией и Южной Кореей – отвечало бы интересам стабильности в регионе и могло бы способствовать росту взаимопонимания между этими государствами, пока опыт такого сотрудничества крайне мал, а более-менее эффективные форматы взаимодействия являются, по сути, направленными друг против друга и даже частично вовлекают сторонних акторов, а именно США, что не идет на пользу региональной безопасности и взаимоотношениям между странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Белая книга»: встречи на высоком уровне Китая, Японии и РК по ядерной безопасности вносят позитивный вклад в ядерную безопасность в регионе // Жэньминь Жибао. 10.05.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7813345.html>, свободный (дата обращения: 11.02.2015).
2. Trilateral Joint Announcement on Disaster Management Cooperation. 13.12.2008 // Trilateral Cooperation Secretariat. URL: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/%282008.12.13%29Trilateral%20Joint%20Announcement%20on%20Disaster%20Management%20Cooperation.pdf, free (access data: 11.02.2015).
3. Япония, КНР и Корея подписали декларацию по атомной безопасности // РИА Новости. 22.05.2011. URL: <http://ria.ru/business/20110522/378306559.html>, свободный (дата обращения: 11.02.2015).
4. Китай, Япония и РК пообещали форсировать сотрудничество в сфере ядерной безопасности и противодействия бедствиям // Жэньминь Жибао. 22.05.2011. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7387632.html>, свободный (дата обращения: 11.02.2015).
5. Белая книга: Китай, Япония и РК впервые проведут штабные учения по сотрудничеству в ликвидации последствий катастроф // Жэньминь Жибао. 10.05.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7813320.html>, свободный (дата обращения: 11.02.2015).
6. Сотрудничество Японии, КНР и РК в сфере ядерной безопасности // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 2014. 3 сен.
7. Events and Schedule. 2014 // Trilateral Cooperation Secretariat. URL: <http://tcs-asia.org/dnb/member/yearschedule.php?year=2014>, free (access data: 11.02.2015).
8. Президент Южной Кореи предложила создать консультативный орган по ядерной безопасности в Северо-Восточной Азии // Коммерсант. 15.08.2014. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2545209>, свободный (дата обращения: 11.02.2015).

9. Joint Press Statement of the Seventh Summit Meeting among the People's Republic of China, Japan and the Republic of Korea // Trilateral Cooperation Secretariat. 14.01.2007. URL: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/%282007.01.14%29Joint%20Press%20Statement%20of%20the%20Seventh%20Summit%20Meeting%20among.pdf, free (access data: 11.02.2015).
10. Japan-China-ROK Trilateral Summit Joint Statement for Tripartite Partnership // Trilateral Cooperation Secretariat. 13.12.2008. URL: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/%282008.12.13%29Joint%20Statement%20for%20Tripartite%20Partnership.pdf, free (access data: 11.02.2015).
11. The Action Strategy on Trilateral Cooperation among People's Republic of China, Japan and the Republic of Korea // Trilateral Cooperation Secretariat. 27.11.2004. URL: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/%282004.11.27%29The%20Action%20Strategy%20on%20Trilateral%20Cooperation.pdf, free (access data: 11.02.2015).
12. Joint Declaration on the Promotion of Tripartite Cooperation among the People's Republic of China, Japan and the Republic of Korea // Trilateral Cooperation Secretariat. 7.10.2003. URL: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/%282003.10.07%29Joint%20Declaration%20on%20the%20Promotion%20of%20Tripartite%20Cooperation.pdf, free (access data: 11.02.2015).
13. Tokyo Summit Declaration // Trilateral Cooperation Secretariat. 22.05.2011. URL: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/%282011.05.22%29Summit%20Declaration.pdf, free (access data: 11.02.2015).
14. Joint Declaration on the Enhancement of Trilateral Comprehensive Cooperative Partnership // Trilateral Cooperation Secretariat. 13.05.2012. URL: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/%282012.05.13%29Joint%20Declaration%20on%20the%20Enhancement%20of%20Trilateral%20Comprehensive%20Cooperative%20Partnership.pdf, free (access data: 11.02.2015).
15. Воронцов А.В. Позиция Китая по «корейскому вопросу» // Российский совет по международным делам. 11.10.2013. URL: http://russianscouncil.ru/inner/?id_4=2471#top, свободный (дата обращения: 8.01.2014)
16. New 'Military Cooperation' Unveiled Between Korea and Japan // Korea Bang. 24.05.2012. URL: <http://www.koreabang.com/2012/stories/new-military-cooperation-unveiled-between-korea-and-japan.html>, free (access data: 5.01.2015).
17. Klingner B. Washington Should Urge Greater South Korean–Japanese Military and Diplomatic Cooperation // The Heritage Foundation. 24.09.2012. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2012/09/washington-should-urge-greater-south-korean-japanese-military-and-diplomatic-cooperation>, free (access data: 5.01.2015).
18. Testing times for Japan-South Korea ties // Asia Times. 12.01.2011. URL: <http://www.atimes.com/atimes/Japan/MA12Dh01.html>, free (access data: 5.01.2015).
19. Hess A.A.C., Warden J.K. Japan and Korea: Opportunities for Cooperation // The National Interest. 19.03.2014. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/japan-korea-opportunities-cooperation-10076>, free (access data: 5.01.2015).
20. Соуру ампо тайва ни Китатё:сен но санка китай Канкоку кокубо:сё:дзикан / на яп. яз. (Заместитель министра обороны Южной Кореи: мы ожидаем участия Северной Кореи в переговорах по вопросам безопасности в Сеуле) // Асахи симбун. 18.10.2014. URL: <http://www.asahi.com/articles/ASGBK36SRGBKUHBI00G.html>, свободный (дата обращения: 11.02.2015).
21. К подписанию трехстороннего пакта об обмене разведанными // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 2014. 26 дек.
22. О военном союзе Вашингтон – Сеул – Токио // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 14 янв.
23. РК, США и Япония 21 июля начнут совместные гуманитарно-спасательные учения на море // Китайский информационный Интернет-центр. 10.07.2014. URL: http://russian.china.org.cn/international/txt/2014-07/10/content_32910554.htm, свободный (дата обращения: 11.02.2015).
24. Obama brokers Japan, South Korea talks as Pyongyang fires missiles // Reuters. 26.03.2014. URL: <http://www.reuters.com/article/2014/03/26/us-north-korea-missiles-idUSBREA2O1XM20140326>, free (access data: 5.01.2015).
25. Нитибэйкан сюно: га Китатё:сен мондай дэ рэнкей какунин, микка коку но гундзи кё:рёку мо кё:дзи / на яп. яз. (Главы Японии, США и Южной Кореи продолжают взаимодействие в решении северокорейской проблемы и консультации по военному сотрудничеству) // Асахи симбун. 26.03.2014. URL: <http://www.asahi.com/international/reuters/CRWTYEA2O08N.html>, свободный (дата обращения: 11.02.2015).
26. Китай осуждает вторжение японских военных самолетов в опознавательную зону ПВО в Восточно-Китайском море // Китайский информационный Интернет-центр. 30.05.2014. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-05/30/content_32528498.htm, свободный (дата обращения: 14.12.2014).
27. Патрульные катера КНР зашли в зону спорных островов Сэнкаку в Восточно-Китайском море // ИТАР-ТАСС. Пульс планеты – Азия. 2015. 6 февр.
28. Korea and China to expand strategic defense cooperation // Korea.net News Focus. 5.06.2013. URL: <http://www.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=108772>, free (access data: 5.01.2015).
29. ANALYSIS: China, S. Korea have different reasons to strengthen military cooperation // The Asahi shimbun. 5.06.2013. URL: <http://ajw.asahi.com/article/asia/china/AJ201306050095>, free (access data: 5.01.2015).
30. Гонконгский эксперт о ракетной технике // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 2012. 2 мая.
31. China's Support for Kim Jong Il Drives Japan, South Korea to Bolster Ties // Bloomberg News. 10.01.2011. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2011-01-09/china-and-kim-jong-il-help-japan-s-korea-forge-military-ties.html>, free (access data: 5.01.2015).
32. Чаосянь ду сивэй бяньхуа е ин шоудяо гули / на кит. яз. (Следует поощрять даже малейшие изменения в Северной Кореи) // Хуаньцзо шибао. 16.04.2012. URL: <http://opinion.huanqiu.com/1152/2012-04/2617702.html>, свободный (дата обращения: 11.02.2015).
33. South Korea makes waves with China pacts // Asia Times. 12.01.2011. URL: <http://www.atimes.com/atimes/Japan/NE26Dh01.html>, free (access data: 5.01.2015).
34. S. Korea working to forge military cooperation pact with China: defense ministry // Yonhap News. 21.05.2012. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2012/05/21/64/0301000000AEN20120521002800315F.HTML>, free (access data: 5.01.2015).
35. S. Korea, China Pledge to Expand Military Cooperation // The Chosun Ilbo. 5.06.2013. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2013/06/05/2013060501135.html, free (access data: 5.01.2015).
36. К 10-летию шестисторонних переговоров // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 2013. 28 авг.
37. Россия призывает возобновить работу шестисторонних переговоров по Кореи во избежание дестабилизации в регионе – посол РФ в Сеуле // ИТАР-ТАСС. Пульс планеты – Азия. 2015. 9 фев.
38. Перспектива возобновления шестисторонних переговоров // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 2014. 15 окт.
39. МИД о возобновлении шестисторонних переговоров // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 2014. 4 июля.
40. Япония: реакция на предложение КНДР // ИТАР-ТАСС. Пульс планеты – Азия. 2015. 15 янв.
41. Реакция США и РК на предложение КНДР // ИТАР-ТАСС. Пульс планеты – Азия. 2015. 12 янв.
42. «Катто: но кайкэцу э икэн ко:кан» Канкоку кокубо:сё:дзикан интабю: / на яп. яз. («Обмен мнениями по урегулированию конфликта»). Интервью заместителя министра обороны Южной Кореи // Асахи симбун. 18.10.2014. URL: <http://www.asahi.com/articles/ASGBK3C9QGBKUHBI00N.html>, свободный (дата обращения: 11.02.2015).
43. Заместители министров обороны Южной Кореи и Японии проведут переговоры // Рамблер Новости. 17.10.2014. URL: <http://news.rambler.ru/28397351>, свободный (дата обращения: 11.02.2015).
44. О переговорах по зоне ПВО // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 2014. 25 авг.
45. Встреча дипломатов РК, КНР и Японии // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 2014. 12 сен.

Muratshina Ksenia G. Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia). E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

ON THE QUESTION OF CHINA – JAPAN – SOUTH KOREA SECURITY COOPERATION.

Keywords: Japan, China; Republic of Korea; security cooperation.

The article is devoted to the analysis of security cooperation between the People's Republic of China, the Republic of Korea and Japan, as the three most powerful East Asian states. The cooperation is carried out in the framework of bilateral, trilateral and multilateral formats. The trilateral format is outlined first, as the most promising one, provided that all three states are equally presented. Earlier it had been involving mostly economic and cultural ties, but in 2008 the parties expanded their links to the sphere of nuclear security. They agreed to carry out information exchange and share the experience in the field of nuclear security and disaster management. However, the first joint exercises, scheduled for 2014, were called off. Furthermore, ROK claimed that a more multinational nuclear security institution should be founded in Northeast Asia. Considering the official documents of trilateral format, the above-mentioned initiatives are the only example of distinctive joint projects, that demonstrates the limits of security interaction and the lack of trust. The latter is primarily caused by severe territorial conflicts between the parties, along with the historical "debts" of Japan – the inhuman crimes of World War II and colonial rule in Korea. These "hurdles" prevent the states from close security interaction in bilateral formats. Japan and South Korea do exchange observers and hold military and non-military joint exercises, but in 2012 ROK refused to sign joint military agreements, and an agreement on exchanging information on DPRK nuclear program was signed only in 2014 with the USA as the third party. The security cooperation between China and South Korea was initiated by PRC and demonstrated a bright start, but, taking into account PRC – DPRK close ties, it looks a bit more like double dealing. China seems to be seeking the opportunity to affect South Korean relations with Japan and the US. Finally, multilateral formats include the Six-party talks on DPRK nuclear program and the meeting of deputy ministers of defense of Northeast Asian states. The latter has not provided any prominent results yet, however, it has at least become an important meeting point to discuss urgent questions regardless any current tensions. And the first started in 2003, but suspended in 2009 at the initiative of Pyongyang. The talks prevented Koreans from large-scale military conflict, although nothing did stop DPRK from carrying on with its nuclear and space programs. Thus, nuclear security and disaster management cooperation turn out to be the only example of relatively successful, dynamic and equal ties between China, Japan and ROK. Although trilateral security ties would help to bridge the misunderstanding gap between them, being essential for regional stability, the current situation is different. The cooperation experience is low, the bilateral interaction formats oppose each other, that does not contribute to regional security and mutual understanding.

REFERENCES

1. *Zhen'min' Zhibao*. (2012) "Belaya kniga": vstrechi na vysokom urovne Kitaya, Yaponii i RK po yadernoy bezopasnosti vnosyat pozitivnyy vklad v yadernuyu bezopasnost' v regione [The "White Book": high-level meetings of China, Japan and South Korea on nuclear safety make a positive contribution to nuclear safety in the region]. 10th May. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/31521/7813345.html>. (Accessed: 11th February 2015).
2. Trilateral Cooperation Secretariat. (2008) *Trilateral Joint Announcement on Disaster Management Cooperation*. 13.12.2008. [Online] Available from: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/%282008.12.13%29Trilateral%20Joint%20Announcement%20on%20Disaster%20Management%20Cooperation.pdf. (Accessed: 11th February 2015).
3. RIA Novosti. (2011) *Yaponiya, KNR i Koreya podpisali deklaratsiyu po atomnoy bezopasnosti* [Japan, China and Korea have signed a declaration on nuclear safety]. 22nd May 2011. [Online] Available from: <http://ria.ru/business/20110522/378306559.html>. (Accessed: 11th February 2015).
4. *Zhen'min' Zhibao*. (2011) Kitay, Yaponiya i RK poobeshchali forsirovat' sotrudnichestvo v sfere yadernoy bezopasnosti i protivodeystviya bedstviyam [China, Japan and South Korea pledged to boost cooperation in the field of nuclear safety and resilience]. 22nd May. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/31520/7387632.html>. (Accessed: 11th February 2015).
5. *Zhen'min' Zhibao*. (2012) Belaya kniga: Kitay, Yaponiya i RK v pervye provedut shtabnye ucheniya po sotrudnichestvu v likvidatsii posledstviy katastrof [The White Book: China, Japan and South Korea for the first time to hold a tabletop exercise on cooperation in disaster]. 10th May. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/31521/7813320.html>. (Accessed: 11th February 2015).
6. *Vestnik Aziya ITAR-TASS*. (2014) Sotrudnichestvo Yaponii, KNR i RK v sfere yadernoy bezopasnosti [Cooperation of Japan, China and South Korea in the field of nuclear safety]. 3rd September.
7. Trilateral Cooperation Secretariat. (2014) *Events and Schedule*. 2014. [Online] Available from: <http://tcs-asia.org/dnb/member/yearschedule.php?year=2014>. (Accessed: 11th February 2015).
8. *Kommersant*. (2014) Prezident Yuzhnoy Korei predlozila sozdat' konsul'tativnyy organ po yadernoy bezopasnosti v severo-vostochnoy Azii [The President of South Korea proposed the establishment of an advisory body on nuclear security in Northeast Asia]. 15th August. [Online] Available from: <http://www.kommersant.ru/doc/2545209>. (Accessed: 11th February 2015).
9. Trilateral Cooperation Secretariat. (2007) *Joint Press Statement of the Seventh Summit Meeting among the People's Republic of China, Japan and the Republic of Korea*. 14th January. [Online] Available from: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/%282007.01.14%29Joint%20Press%20Statement%20of%20the%20Seventh%20Summit%20Meeting%20among.pdf. (Accessed: 11th February 2015).
10. Trilateral Cooperation Secretariat. (2008) *Japan-China-ROK Trilateral Summit Joint Statement for Tripartite Partnership*. 13th December. [Online] Available from: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/%282008.12.13%29Joint%20Statement%20for%20Tripartite%20Partnership.pdf. (Accessed: 11th February 2015).
11. Trilateral Cooperation Secretariat. (2004) *The Action Strategy on Trilateral Cooperation among People's Republic of China, Japan and the Republic of Korea*. 27th November. [Online] Available from: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/%282004.11.27%29The%20Action%20Strategy%20on%20Trilateral%20Cooperation.pdf. (Accessed: 11th February 2015).
12. Trilateral Cooperation Secretariat. (2003) *Joint Declaration on the Promotion of Tripartite Cooperation among the People's Republic of China, Japan and the Republic of Korea*. 7th October. [Online] Available from: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/%282003.10.07%29Joint%20Declaration%20on%20the%20Promotion%20of%20Tripartite%20Cooperation.pdf. (Accessed: 11th February 2015).
13. Trilateral Cooperation Secretariat. (2011) *Tokyo Summit Declaration*. 22nd May. [Online] Available from: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/%282011.05.22%29Summit%20Declaration.pdf. (Accessed: 11th February 2015).
14. Trilateral Cooperation Secretariat. (2012) *Joint Declaration on the Enhancement of Trilateral Comprehensive Cooperative Partnership*. 13th May. [Online] Available from: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/%282012.05.13%29Joint%20Dec

- laration%20on%20the%20Enhancement%20of%20Trilateral%20Comprehensive%20Cooperative%20Partnership.pdf. (Accessed: 11th February 2015).
15. Vorontsov, A.V. (2013) Pozitsiya Kitaya po "koreyskomu voprosu" [China's position on the "Korean question"]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam – Russian International Affairs Council*. 11th October. [Online] Available from: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2471#top. (Accessed: 8th January 2014)
  16. *Korea Bang*. (2012) New 'Military Cooperation' Unveiled Between Korea and Japan. 24th May. [Online] Available from: <http://www.koreabang.com/2012/stories/new-military-cooperation-unveiled-between-korea-and-japan.html>. (Accessed: 5th January 2015).
  17. Klingner, B. (2012) Washington Should Urge Greater South Korean–Japanese Military and Diplomatic Cooperation. *The Heritage Foundation*. 24th September. [Online] Available from: <http://www.heritage.org/research/reports/2012/09/washington-should-urge-greater-south-korean-japanese-military-and-diplomatic-cooperation>. (Accessed: 5th January 2015).
  18. *Asia Times*. (2011) Testing times for Japan-South Korea ties. 12th January. [Online] Available from: <http://www.atimes.com/atimes/Japan/MA12Dh01.html>. (Accessed: 5th January 2015).
  19. Hess, A.A.C. & Warden, J.K. (2014) Japan and Korea: Opportunities for Cooperation. *The National Interest*. 19th March. [Online] Available from: <http://nationalinterest.org/commentary/japan-korea-opportunities-cooperation-10076>. (Accessed: 5th January 2015).
  20. *Asakhi simbul*. (2014) Souru ampo tayva ni Kitate: sen no sanku kitay Kankoku kokubo:se:dzikan [Deputy Minister of Defense of South Korea: we expect the participation of North Korea in talks on security in Seoul]. 18th October. [Online] Available from: <http://www.asahi.com/articles/ASGBK36SRGBKUHBI00G.html>. (Accessed: 11th February 2015).
  21. *Vestnik Aziya ITAR-TASS*. (2014) K podpisaniyu trekhstoronnego pakta ob obmene razveddannymi [On signing the Tripartite Pact on the intelligence data exchange]. 26th December.
  22. *Vestnik Aziya ITAR-TASS*. (2015) O voennom soyuze Washington – Seul – Tokio [On the military alliance of Washington – Seoul – Tokyo]. 14th January.
  23. *China Internet Information Center*. (2014) RK, SShA i Yaponiya 21 iyulya nachnut sovместnye gumanitarno-spatatel'nye ucheniya na more [Kazakhstan, the USA and Japan on July 21 will begin joint humanitarian and rescue exercises at sea]. 10th July. [Online] Available from: http://russian.china.org.cn/international/txt/2014-07/10/content_32910554.htm. (Accessed: 11th February 2015).
  24. *Reuters*. (2014) Obama brokers Japan, South Korea talks as Pyongyang fires missiles. 26th March. [Online] Available from: <http://www.reuters.com/article/2014/03/26/us-north-korea-missiles-idUSBREA2O1XM20140326>. (Accessed: 5th January 2015).
  25. *Asakhi simbul*. (2014) Nitibeykan syuno: ga Kitate:sen monday de renkey kakunin, mikka koku no gundzi ke:reku mo ke:dzi [Heads of Japan, the US and South Korea continued cooperation in resolving the North Korean problem and consultations on military cooperation]. 26th March. [Online] Available from: <http://www.asahi.com/international/reuters/CRWTYEA2O08N.html>. (Accessed: 11th February 2015).
  26. *China Internet Information Center*. (2014) Kitay osuzhdaet vtorzhenie yaponskikh voennykh samoletov v opoznavatel'nuyu zonu PVO v Vostochno-Kitayskom more [China condemns the invasion of the Japanese military in the identification of aircraft air defense zone in the East China Sea]. 30th May. [Online] Available from: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-05/30/content_32528498.htm. (Accessed: 14th December 2014).
  27. *ITAR-TASS. Pul's planety – Aziya*. (2015) Patrul'nye katera KNR zashli v zonu spornykh ostrovov Senkaku v Vostochno-Kitayskom more [Chinese patrol boats enter the zone of disputed Senkaku Islands in the East China Sea]. 6th February.
  28. *Korea.net News Focus*. (2013) *Korea and China to expand strategic defense cooperation*. 5th June. [Online] Available from: <http://www.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=108772>. (Accessed: 5th January 2015).
  29. *Asahi shimbun*. (2013) ANALYSIS: China, S. Korea have different reasons to strengthen military cooperation. 5th June. [Online] Available from: <http://ajw.asahi.com/article/asia/china/AJ201306050095>. (Accessed: 5th January 2015).
  30. *Vestnik Aziya ITAR-TASS*. (2012) *Gonkongskiy ekspert o raketnoy tekhnike* [Hong Kong expert on rocket technology]. 2nd May.
  31. *Bloomberg News*. (2011) China's Support for Kim Jong Il Drives Japan, South Korea to Bolster Ties. 10th January. [Online] Available from: <http://www.bloomberg.com/news/2011-01-09/china-and-kim-jong-il-help-japan-s-korea-forge-military-ties.html>. (Accessed: 5th January 2015).
  32. *Khuan'tsyu shibao*. (2012) Chaosyan' dy sivey huan'khua e in shoudao guli [It should encourage even the slightest change in North Korea]. 16th April. [Online] Available from: <http://opinion.huanqiu.com/1152/2012-04/2617702.html>. (Accessed: 11th February 2015).
  33. *Asia Times*. (2011) South Korea makes waves with China pacts. 12th January. [Online] Available from: <http://www.atimes.com/atimes/Japan/NE26Dh01.html>. (Accessed: 5th January 2015).
  34. *Yonhap News*. (2012) S. Korea working to forge military cooperation pact with China: defense ministry. 21st May. [Online] Available from: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2012/05/21/64/0301000000AEN20120521002800315F.HTML>. (Accessed: 5th January 2015).
  35. *The Chosun Ilbo*. (2013) S. Korea, China Pledge to Expand Military Cooperation. 5th June. [Online] Available from: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2013/06/05/2013060501135.html. (Accessed: 5th January 2015).
  36. *Vestnik Aziya ITAR-TASS*. (2013) K 10-letiyu shestistoronnikh peregovorov [10th anniversary of the Six-Party Talks]. 28th August.
  37. *ITAR-TASS. Pul's planety – Aziya*. (2015) Rossiya prizyvaet vozobnovit' rabotu shestistoronnikh peregovorov po Koree vo izbezhanie destabilizatsii v regione – posol RF v Seule [Russia calls to resume six-party talks on Korea in order to avoid destabilization in the region – Russian Ambassador to Seoul]. 9th February.
  38. *Vestnik Aziya ITAR-TASS*. (2014) Perspektiva vozobnovleniya shestistoronnikh peregovorov [The prospect of the resumption of six-party talks]. 15th October.
  39. *Vestnik Aziya ITAR-TASS*. (2014) MID o vozobnovlenii shestistoronnikh peregovorov [The Foreign Ministry on the resumption of six-party talks]. 4th July.
  40. *ITAR-TASS. Pul's planety – Aziya*. (2015) Yaponiya: reaktsiya na predlozhenie KNDR [Japan: North Korea's reaction to the proposal]. 15th January.
  41. *ITAR-TASS. Pul's planety – Aziya*. (2015) Reaktsiya SShA i RK na predlozhenie KNDR [The reaction of the US and South Korea to the DPRK proposal]. 12th January.
  42. *Asakhi simbul*. (2014) "Katto: no kayketsu e iken ko:kan" Kankoku kokubo:se:dzikan intabyu: [Exchange of views on the conflict settlement. Interview of South Korean Deputy Minister of Defense]. 18th October 2014. [Online] Available from: <http://www.asahi.com/articles/ASGBK3C9QGBKUHBI00H.html>. (Accessed: 11th February 2015).
  43. *Rambler Novosti*. (2014) *Zamestiteli ministrov oborony Yuzhnoy Korei i Yaponii provedut peregovory* [The Deputy Minister of Defense of South Korea and Japan will hold talks]. 17th October. [Online] Available from: <http://news.rambler.ru/28397351>. (Accessed: 11th February 2015).
  44. *Vestnik Aziya ITAR-TASS*. (2014) O peregovorakh po zone PVO [Negotiations on the air defense zone]. 25th August.
  45. *Vestnik Aziya ITAR-TASS*. (2014) Vstrecha diplomatov RK, KNR i Yaponii [The meeting of diplomats of Kazakhstan, China and Japan, Asia]. 12th September.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 929.52+(092)

DOI: 10.17223/19988613/39/11

П.И. Романов

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ В.К. ЖАНДРА

Характеризуются исторические источники для изучения неизвестных ранее страниц биографии одного из основателей Новосибирска инженера-железнодорожника В.К. Жандра. Новые материалы включают в себя архивные документы, найденные в ходе работы исследовательской группы новосибирского музея-лаборатории «У истоков города» в Томске и Санкт-Петербурге. Источниковедческому анализу в ходе работы были подвергнуты архивные документы, свидетельствующие о новых фактах жизни инженера-путейца, дополняющие и расширяющие биографию не только В.К. Жандра, но и всего дворянского рода Жандр в целом.

Ключевые слова: Новониколаевск; станция Обь; В.К. Жандр; делопроизводственные исторические источники.

Недавно Новосибирск отпраздновал свой 120-летний юбилей, что вызвало небывалый интерес его жителей к истории родного города. Краеведы и профессиональные историки начали работу по компетентной оценке краеведческих публикаций советского периода, выявив значительные «белые пятна» в истории Новосибирска. В числе таких «белых пятен» – судьба одного из основателей нашего города, инженера Владимира Константиновича Жандра, путейца – первого начальника дистанции и строителя железнодорожной ветки станция «Обь» (Новосибирск) – Красноярск. Человека, внесшего посильный вклад в образование будущего мегаполиса, принявшего деятельное участие в административном, культурном и просветительском становлении западной Сибири.

Первым исследователем, осуществившим попытку восстановить жизненный путь Жандра, стала ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН Г.А. Бочанова. В статье «Инженер-путеец Владимир Жандр» историк приводит сведения из «центральных и местных архивов страны», согласно которым стало известно о происхождении и характере образования путейца [1]. Описываются также должностные обязанности инженера, работавшего в качестве руководителя строительства участка железной дороги, и его вклад в организацию культурно-просветительской деятельности на станции Обь. Ставится вопрос о судьбе инженера после 1900 г., выражается надежда на успех дальнейших изысканий, связанных с именем Жандра. В сокращенном виде эта информация включена Г.А. Бочановой в энциклопедию «Новосибирск» [2. С. 390]. Н.М. Федер в статье «Начальник строительства» тоже кратко пересказала содержание статьи Г.А. Бочановой и подняла тот же вопрос о малоизученности личности инженера и неизвестности его дальнейшей судьбы [3]. Имя инженера также упоминалось в статье К.А. Голодяева [4]. В ней краевед поднимает

еще один насущный вопрос – об увековечивании памяти отцов-основателей Новосибирска.

Целью нашего исследования стало восстановление более полной биографии В.К. Жандра и судеб членов его семьи. Для продвижения к этой цели насущными задачами стал поиск в архивах страны информации, связанной с судьбой выдающегося инженера и его потомков, а также источниковедческий анализ этой информации. Предстояло выяснить происхождение, описать и охарактеризовать каждый выявленный источник в отдельности.

Важным шагом в решении этих задач стала в марте 2013 г. работа в Государственном архиве Томской области (ГАТО) исследовательской группы новосибирского музея-лаборатории «У истоков города». Согласно нашему предположению, там должна была находиться часть документов, связанных с инженером-путейцем, так как управление Средне-Сибирской железной дороги находилось в свое время в Томске.

Из находящихся на хранении в ГАТО дел в ходе экспедиции мы установили, что кроме общеизвестных обязанностей Жандра как начальника 1-го восточного участка пути от ст. Обь до Красноярска он заведовал отдельной веткой от ст. Обь до Томска, значительно расширявшей сферу его влияния на Сибирскую железную дорогу.

В фонде Томского губернского управления ГАТО обнаружилось дело «О проведении всенародных чтений на станции Обь» [5. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4287]. Данные о культуртрегерской деятельности Жандра содержатся в ряде документов, подшитых в этом деле: в ходатайстве директора училищ Томской губернии «О проведении народных чтений в железнодорожном училище на станции Обь»; в уведомлении начальника губернского жандармского управления «О политической благонадежности подписавших ходатайство»; в ответе епископа Томского и Барнаульского Макария «Об отсутствии

препятствий к проведению всенародных чтений». Эти документы уже были использованы Г.А. Бочановой при написании статьи, но нам они помогли в понимании всей трудности и важности занимавшего В.К. Жандра вопроса о проведении чтений в контексте политической ситуации конца XIX в.

Необходимую для нас информацию содержит также дело «Об увольнении В.К. Жандра», обнаруженное в фонде «Управления Томской железной дороги» ГАТО [Там же. Ф. 214. Оп. 22. Д. 42]. Серия документов здесь относится к тематике прошения инженера о предоставлении ему двухмесячного отпуска с пребыванием в Европейской России. Следующий раздел относит нас непосредственно к вопросу об увольнении (переводе) Жандра со Средне-Сибирской железной дороги. Мы стали первыми исследователями, запросившими это дело, что доказывает тот факт, что истинная причина и время отъезда Жандра из поселка мостостроителей на станции Обь не были известны ранее историкам. Документы содержат делопроизводственную переписку между начальниками различных ведомств железной дороги, которая начинается рапортом Жандра о предоставлении ему отпуска в связи со смертью отца: «Ввиду смерти отца, для устройства домашних дел, начальник первого восточного участка пути Жандр просит двухмесячный отпуск в европейскую Россию» [5. Ф. 214. Оп. 22. Д. 42. Л. 2]. Этому рапорту фактически никто из вышестоящих чинов не возражал, но соблюдение порядка отпуска требовало постоянных согласований различных управлений между собой. Так, начальник управления железных дорог в декабре 1900 г. просит уведомить управление о возвращении из только что выданного отпуска: «Препровождая при сем, для выдачи по принадлежности свидетельства за № 57787 об увольнении в отпуск надворного советника Жандра имею честь просить Ваше Высокоблагородие о времени явки г. Жандра из разрешенного ему отпуска к месту служения своевременно сообщить управлению, с возвращением прилагаемого свидетельства» [Там же. Л. 15]. На что управление среднесибирской железной дороги 30 декабря ответило письмом с удовлетворением прошения. Вследствие подобных переписок Жандр, запросив отпуск еще осенью 1900 г., уехал лишь с наступлением нового 1901 г.

К делу также прикреплены прошение инженера о переводе на Николаевскую железную дорогу, составленное во время его пребывания в Санкт-Петербурге в марте 1901 г.: «Имея сильное желание перейти на службу на вверенную Вам дорогу на должность начальника участка, имею честь покорнейше просить Вас не отказать мне в моей просьбе» [Там же. Л. 7], и переписка начальников Николаевской и Сибирской железной дороги по решению этого вопроса. В апреле 1901 г. начальник Николаевской железной дороги запрашивает начальника Сибирской железной дороги «о возможных препятствиях данного перевода»: «Начальник первого восточного участка службы пути вверен-

ной Вам дороги инженер В.К. Жандр в бытность свою в С-Петербурге в марте сего года обратился ко мне с просьбой о переводе его, по семейным обстоятельствам, на должность начальника участка пути Николаевской дороги. Вследствие сего и в дополнение телеграммы моей от 31 марта с.г. № 4388 имею честь покорнейше уведомить меня в возможно скорейшем времени, не встречается ли с Вашей стороны препятствий к переводу инженера Жандра на вверенную мне дорогу» [Там же. Л. 8]. Начальник Сибирской дороги ответил уже через неделю: «Представляя при сем прошение инженера В.К. Жандра об увольнении его от службы на дороге, имею честь доложить, что освободить его от занимаемой должности полагаю возможным лишь с 15 июня, а в крайнем случае с 1 июня с.г.» [Там же. Л. 10].

Таким образом, ни с той, ни с другой стороны препятствий не обнаружилось, и уже в июне 1901 г., согласно телеграмме самого Жандра, он приступил к аналогичным обязанностям на Николаевской железной дороге.

Следующим этапом поиска источников для изучения биографии В.К. Жандра и судьбы его рода стала работа исследовательской группы в Санкт-Петербурге в июне 2013 г. По нашему мнению, в Российском государственном историческом архиве (РГИА) должна была храниться обширная информация по тематике исследования, поскольку Жандры – выдающийся дворянский род. Действительно, в фонде канцелярии железных дорог РГИА была найдена единица хранения «Владимир Константинович Жандр», содержащая в себе более 160 листов [6]. В силу кратковременности работы и высоких расценок на копирование пристальному изучению нами были подвергнуты лишь основные документы указанного дела. В большинстве своем они касаются жизни инженера после 1900 г. В центре изучения оказался «Краткий формулярный список» Жандра. По нему можно проследить всю карьеру инженера. Самой интересной является точная информация о переводах по службе. Например, мы узнали о переводе Жандра на более высокую должность на Привислинские железные дороги. Любопытным фактом выглядит опечатка составителя, который пишет, что в Варшаву инженер переезжал уже в VII чине коллежского советника, хотя VII чин – это надворный советник, и умер Жандр, являясь именно надворным советником.

Ценной стала информация из прошения В.К. Жандра «О внесении в дворянские родословные книги» его детей Георгия, Константина, Владимира: «Представляя при сем метрическое свидетельство сыновей моих: Георгия, родившегося 25 февраля 1894 года, Константина, родившегося 30 июня 1895 года и Владимира, родившегося 21 августа 1896 года, честь имею покорнейше просить управление записать вышеозначенных детей моих в мой формулярный список, коего копию выдать мне в возможно не-продолжительное время, на предмет записи сыновей

моих в дворянские родословные книги. Метрические свидетельства прошу выдать мне по миновании в них надобности» [Там же. Ф. 229. Оп. 18. Д. 3102. Л. 28]. Отсюда мы не только узнаём даты и места рождения сыновей Жандра, но также из прошения «О внесении в дворянские родословные книги» дочери Владимира Константиновича – Ольги – отмечаем, что в марте 1901 г. Жандр просил Виленского, Гродненского и Ковенского генерал-губернатора выдать ему право на приобретение имений: «Честь имею покорнейше просить управление записать мою дочь в мой формулярный список и выдать мне две копии с оного: одну на предмет записи меня в дворянские родословные книги, а другую на предмет исходатайствования от Виленского, Гродненского и Ковенского генерал-губернатора свидетельства на право покупки имений» [б. Ф. 229. Оп. 18. Д. 3102. Л. 153 об]. Можно сделать вывод, что к 1901 г. Жандр стал обладателем значительного состояния, в которое входили полученные им наследство и деньги, заработанные в Сибири.

Далее мы выделили документы последних лет жизни инженера. В частности, из рапорта было отмечено, что Жандр в 1914 г. награжден медалью «В честь 300-летия Дома Романовых»: «При сем имею честь представить для внесения в послужной список начальника отделения службы пути – инженера Жандра свидетельство за № 28122 на право ношения светло-бронзовой медали, учрежденной в память 300-летия царствования Дома Романовых» [Там же. Л. 28, 159]. Этот факт подтверждает его статус как одного из самых опытных и значительных специалистов железной дороги. Основу же дела представляют уникальные документы «О смерти инженера Жандра». Из них следует, что путеец с началом Первой мировой войны был переведен в военное ведомство и, по всей видимости, отвечал за техническую пригодность использования железных дорог в военных условиях, т.е. выполнял привычные для него обязанности, но уже в распоряжении военных властей. Как следует из делопроизводства начальника Привисленских железных дорог, инженер Жандр был представлен к высочайшей награде 23 октября 1914 г., умер через два дня: «Имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что начальник отделения службы пути вверенных мне дорог, состоящий штатным по министерству путей сообщения VII класса, надворный советник В.К. Жандр, представленный рапортом моим от 23 октября с.г. за № 19562 к высочайшей награде, 25 октября умер» [Там же. Л. 162]. Мы изучили «Свидетельство о смерти», составленное старшим врачом Привислинских железных дорог, где указывается, что 21 октября 1914 г. путеец заболел рожистым воспалением лица и был немедленно прооперирован, но скончался в ночь с 24 на 25 октября: «Свидетельство сие дано мной в том, что военный инженер, надворный советник Владимир Константинович Жандр, состоявший на службе Привислинских казенных железных дорог в должности начальника первого отделения службы пути, 21 октября 1914 года заболел рожистым

образованием гноевиков в толще верхней губы. Несмотря на безотлагательную хирургическую помощь, больной с 24 на 25 октября 1914 года скончался от заражения крови и воспаления мозговых оболочек, что удостоверяю собственноручной подписью с приложением печати» [Там же. Л. 166].

Охарактеризованные документы дополняются прошением начальника отделения службы пути Привисленских железных дорог «По вопросу назначения усиленной пенсии семье покойного начальника отделения службы пути инженера Жандра». В нем говорится, что заболевший Жандр не желал оставить своего служебного поста и уехал с работы только тогда, когда болезнь приняла настолько угрожающий оборот, что и врачебная помощь не могла его спасти: «Представляя при сем прошение вдовы бывшего начальника отделения службы пути – инженера Жандра, с приложением метрического свидетельства о смерти, свидетельства полиции о благонадежности, свидетельств учебных заведений, в коих обучаются дети покойного, а также гербовых марок на сумму 2 рубля, имею честь просить о назначении семье Жандр усиленной пенсии, принимая во внимание то обстоятельство, что инженер Жандр заболел во время работ, будучи откомандирован в распоряжение военных властей, и, не желая оставить своего служебного поста, уехал с работ только тогда, когда болезнь его /рожистое воспаление/ приняла такой угрожающий оборот, что и сделанная операция не могла его спасти. Ввиду вышеизложенного было бы справедливым и весьма желательным назначить семье покойного пенсии в усиленном размере» [Там же. Л. 165]. Видимо, именно поэтому 23 октября инженер был представлен к высочайшей награде.

Таким образом, в ходе работы в архивах мы продвинулись в поиске ответов на вопросы, поставленные первыми исследователями жизни В.К. Жандра, и вслед за этим сформулировали несколько новых проблем, требующих дальнейшей разработки. Где находится место захоронения Жандра? Как сложилась судьба его рода после революции и гонений на дворян? Где находились имения, купленные Жандром?

Чтобы найти место, где похоронен Владимир Константинович, требовалось установить его вероисповедание, что не представляло особой трудности, ведь об этом было заявлено практически во всех архивных документах. Самым вероятным городом казалась Варшава, где скончался инженер-путеец, но, согласно данным Новосибирского военно-исторического клуба, В.К. Жандр на Варшавском православном кладбище не похоронен. Следовательно, нужно искать новые источники для установления имений, принадлежавших Жандру, но решение этой задачи требует новых командировок и смены методологии исследования.

В ходе источниковедческого исследования автор оставляет ряд собственноручно поставленных вопросов без ответа и отмечает, что поиски ответов будут нелегкими. Во-первых, в архивах России, возможно, отсут-

стует нужная информация. Во-вторых, для успешной реализации поставленной цели предстоит связаться с потомками инженера Жандра, живущими за границей. Очевидно, судьба его детей была насыщена тяжелыми испытаниями, что могло повлечь за собой безвозврат-

ную утерю важных документов, связанных с историей рода. Выдающийся инженер-путеец оставил нам такие загадки, связанные уже с судьбой его потомков, которые еще предстоит разгадать историкам и новосибирскому краеведческому сообществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочанова Г.А. Инженер-путеец Жандр // Советская Сибирь. 1990. 23 ноя.
2. Бочанова Г.А. Жандр Владимир Константинович // Новосибирск : энциклопедия. Новосибирск, 2003.
3. Федер Н.М. Начальник строительства // Транссиб. 2003. 10 июня.
4. Голодяев К.А. 120 близится, а памяти всё нет // Комсомольская правда. 2011. 25 марта.
5. Государственный архив Томской области.
6. Российский государственный исторический архив.

Romanov Pavel I. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: Pol777tip@yandex.ru

SOURCES OF INVESTIGATION OF THE BIOGRAPHY OF V.K. GENDRE.

Keywords: Gendre; station Ob; Novonikolaevsk; historical documents.

Vladimir Konstantinovich Zhandr is only one of many Russian engineers who started working up "building of century" – construction of the Trans-Siberian Railway for Russia – in 1893. Despite his high noble origin, he didn't differ from other engineers and only carried out the official functions – on a crossing of freights, construction of transport knot (Ob station) and the objects adjoining to it, but he carried out his duties in a special place. Where railway tracks is crossed with the mighty Ob River there was cropped up the largest trans-Ural megalopolis of Russia – Novosibirsk. Despite this, there is no information in a historiography about the founder of this city – V.K. Zhandr. The research group of the museum laboratory "At City Sources" carried out work on search of the archival files connected with the identity of this engineer. This article was written on the base of these documents and represents a source study analysis. It includes historical sources for studying of unknown pages of the biography of V.K. Zhandr and new facts about his life. While studying this article, it is important to understand that the author writes it within a concept, on preparation of the monograph which describes the entire period of Vladimir Konstantinovich Zhandr's life as elite engineer whose life journey shows many aspects of Russia's life at the beginning of the XX century. Article has to become a good base and show objectivity and features of these office work documents. So, the main goal of this research – to find out an origin, to describe and characterize each revealed source separately. During this research the author raises a number of questions, where is a place of burial of Zhandr? What was with Zhandr and his relatives after revolution? Where manors situated that he bought? This searching for answers will not be so easy. At first, there is no necessary information in archives of Russia. Secondly, it is necessary to contact with Zhandr's descendants, which live abroad, for successful realization of a goal. Obviously, the destiny of his children was sated with heartrending experiences that could cause irrevocable loss of the important documents connected with history of generation. Thus, research isn't finished yet and we face with new historical riddles, which decision will represent huge interest for Novosibirsk local history community.

REFERENCES

1. Bochanova, G.A. (1990) Inzhener-puteets Zhandr [Railway engineer Zhandr]. *Sovetskaya Sibir'*. 23rd November.
2. Bochanova, G.A. (2003) *Zhandr Vladimir Konstantinovich* [Vladimir K. Zhandr]. Novosibirsk: Entsiklopediya.
3. Feder, N.M. (2003) Nachal'nik stroitel'stva [The Head of Construction]. *Transsib*. 10th June.
4. Golodyaev, K.A. (2011) 120 blizitsya, a pamyati vse net [‘Twill soon be 120 now, and memory not here]. *Komsomol'skaya pravda*. 25th March.
5. *The State Archives of Tomsk Region* (GATO).
6. *Russian State Historical Archives* (RGIA).

Л.А. Кутилова

ПРОБЛЕМЫ УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В УКРАИНСКОЙ СРЕДЕ В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КРАСНОЯРСКИХ ИСТОРИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

На материале украинских исследований в Приенисейской Сибири раскрыты этапы изучения проблем переселения и трансформации этнокультурной идентичности украинских переселенцев в Красноярском крае, основные вопросы, разрабатываемые в рамках этой темы, и результаты такого рода исследований. Публикация носит синтетический характер, связывая как историографическую, так и собственно историческую проблематику в рамках одной из тем сибирской украинистики. Сделан вывод об отсутствии комплексного исследования по истории украинских переселений и адаптации украинских переселенцев в Сибири в целом.

Ключевые слова: украинцы в Приенисейской Сибири; миграции; этническая идентичность; украинистика; история; историография.

Конец XX – начало XXI в. продемонстрировали всплеск исследовательского интереса к проблеме трансформации этнической идентичности в среде украинских переселенцев в Сибири, однако она нашла свое отражение главным образом в исследованиях по истории Западной Сибири и Дальнего Востока, Восточно-Сибирский регион в этом плане изучен недостаточно.

Одним из первых к украинской тематике среди красноярских исследователей обратился Иван Андреевич Прядко, сам по происхождению украинец, выпускник исторического факультета Томского государственного университета. Он родился в селе Переяславка Рыбинского района Красноярского края в крестьянской семье выходцев из Полтавской и Киевской губерний, которые в конце XIX в. поселились в Рыбинской волости Канского округа Енисейской губернии. Заинтересованность историей своей семьи, родной деревни и района привела Прядко к украинской тематике. Впрочем, в центре внимания его исследований всегда была именно локальная история и судьбы людей родного края. Иван Андреевич сформировался как классический краевед. В публикации «Из истории переселения крестьян в Енисейскую губернию (80-е гг. XIX в. – 1917 г.)» 1962 г. им был поставлен вопрос об украинском компоненте в составе переселенцев в Енисейский край [1].

Начало личной карьеры профессора И.А. Прядко было связано с работой в Госархиве Красноярского края, он возглавлял отдел использования и публикации документальных материалов, поэтому неудивительно, что документальные источники, материалы архива стали основой его работ по украинской тематике [1–5]. Иван Андреевич неизменно указывал на свое родное село Переяславку как на основанное украинцами в 1893 г. поселение в Канском уезде по обе стороны от тракта неподалеку от волостного центра села Рыбинское. В истории Енисейского региона оно стало одним из примеров компактного расселения украинских переселенцев в основном из Полтавской, Черниговской и Киевской губерний.

Обратившись к анализу переселенческих процессов столыпинской поры, на конкретном материале историк

сделал вывод о том, что украинские переселенцы второй волны практически не создавали собственных поселений, а приселялись в уже обустроенные украинские поселки [2]. По его подсчетам, только за 1906–1910 гг. в Енисейскую губернию из Украины переселилось 6 354 чел. мужского пола, а в период с 1890 по 1914 г. в Приенисейской Сибири было основано 50 населенных пунктов компактного поселения украинцев, получивших статус поселков, сел и даже ставших волостными центрами [5. С. 119–120]. В публикациях описаны хозяйственно-бытовые подробности процесса обустройства переселенцев на новом месте, сделан вывод о том, что обустройство на новом месте у украинцев шло по образцу старожильческих поселений Сибири [Там же]. Подчеркну, что исследовательский интерес профессора Прядко сформировали обстоятельства личного характера, тема в его публикациях представлена в краеведческом ключе, иногда скорее в популяризаторском, но тогда на рубеже 1990–2000-х гг. он выражал уверенность, что украинская тематика станет объектом для пристального исторического анализа следующими поколениями историков. В целом характер его работ – это скорее очерки по истории, первые попытки обратиться к украинской тематике и привлечь внимание исследователей к украинскому компоненту в истории переселений и освоения Сибири.

Тема была поддержана в публикациях одного из лучших региональных музеев в России – Мартыановского музея в г. Минусинске. Он был создан еще в 1877 г. и на сегодняшний день располагает уникальными коллекциями, является безусловным научным центром юга Сибири по изучению локальной истории. С 1990 г. здесь проходят Мартыановские краеведческие чтения, публикуются результаты деятельности сотрудников и специалистов по локальной истории, в том числе по истории переселенцев на юге Сибири. В работах Е.В. Леонтьева по истории Минусинского округа характерной чертой этнического состава региона признано наличие большой группы украинцев; после русских и аборигенов региона – хакасов – украинцы были

здесь третьей этноязыковой группой [6. С. 98]. Леонтьевым исследовано заселение украинцами именно юга Красноярского края. По мнению автора, начало процесса связано с появлением группы так называемых кавказцев – украинцев, выходцев из Курской губернии, которые после неудачных попыток поселиться на южной границе России ввиду немирного соседства с горцами вынуждены были перебраться в Сибирь и основали собственную деревню Кавказская в 1805 г. В последующем это поселение стало крупнейшим податным центром Минусинской волости. По данным исследователя, треть ее жителей носила украинские фамилии. В 1825 г. деревня получила статус села, в материалах ревизии 1859 г. отмечалось, что жители по преимуществу живут отдельно от русского старожильского массива [Там же].

Е.В. Леонтьев внимательно исследовал ревизские сказки, другие материалы ревизий, дела Минусинского волостного правления и описал не только процесс заселения региона украинцами, но также пофамильный состав жителей по данным метрических книг приходов, их брачно-семейные связи; рассказал о появлении элементов южнорусской традиции в регионе, например в сфере домостроения. Подробно изучил патронимы с украинскими корнями. Важным стало замечание автора, что в старожильском восприятии украинцы и русские из южных и юго-западных районов России обычно не различались, представляя как бы одну общность под названием «хохлы» [Там же]. О таком же отношении к выходцам из южно-русских губерний свидетельствуют примеры из Омского Прииртышья [7. С. 47]. Исследователь проанализировал внутреннюю мобильность населения в Енисейском регионе и пришел к выводу, что в Минусинском крае в первой половине XX в. столкнулись два миграционных потока: переселенцы из России (частично украинцы), выходцы из Пермско-Вятского региона и уральцы, формирующие первый поток, и выходцы из северных районов Приенисейского края, переселяющиеся в южные районы, формирующие второй поток. Анализ внутренних миграций позволил констатировать, что украинцы демонстрировали меньшую склонность к переходам внутри региона, чем старожилы, ввиду ограниченности ресурсов (рабочая сила, скот и др.), которые уменьшали потребности в захвате новых земель, поскольку именно это обстоятельство выступало стимулом внутренней сибирской мобильности [8. С. 101–103].

На сегодняшний день существует также целый пласт исследований сибирских ученых, в котором украинские переселения рассматриваются в общем ключе переселенческой политики Российского государства, что видело в Сибири главным образом исправительную колонию и ресурсный источник. Украинская тематика в таких работах рассматривается на фоне общей проблемы переселений и освоения Сибири, когда речь идет о характерных чертах процесса переселений, о численности переселенцев, о процессах обустройства на новом месте, о хозяйственной деятельности в

целом, о бытовых и культурных отличиях. Особенности миграций украинцев рассматриваются через призму общих, уже ставших классическими, выводов: резкое усиление украинского переселенческого потока исследователи связывают со стремлением решить проблему аграрного перенаселения в Европейской части Российской империи, главным образом на юго-западе, путем массовых переселений в Сибирь. Начиная с 80–90-х гг. XIX в. важнейшим катализатором признается строительство Сибирской железной дороги, в последующем – Столыпинская аграрная реформа [9–16 и др.].

Однако в отличие от исследований предшествующей поры в последнее время акцент делается на анализе механизмов адаптации на новом месте, на проблемах сосуществования межэтнических сообществ, их взаимодействия с государственной властью, речь в публикациях идет о сохранении этнической, соционормативной культуры, образования на родном языке. В процессе эволюции вектора исследований, которая связана и с концептуальным осмыслением этносоциальной ситуации в Сибири, и с накоплением документального материала, его систематизацией и вдумчивым анализом, появились исследования, посвященные полиэтническому переселенческому сообществу в целом, в которых выявлены общие принципы адаптации переселенцев к новым условиям. Чаще всего указанный процесс описывается без выделения собственно украинской линии, об украинцах речь идет наряду с немцами, белорусами, латышами, литовцами и др. [12, 15, 17].

В то же время выделяются некоторые особенности, касающиеся украинцев. Так, исследователь из Томска Л.И. Шерстова отмечает, что важнейшая проблема взаимоотношений с коренным автохтонным населением Сибири не была актуальна для переселенцев украинцев, поскольку они не сталкивались с ними, выбирая другие территории для вселения [18. С. 239–240].

Действительно, не имея опыта повседневного общения с таким населением, украинцы относились к нему с опаской, иногда с пренебрежением, и всегда старались выбирать места, где минимизирована возможность общения с автохтонами региона. Рассмотрено и подтверждено, в том числе и на украинском материале, утверждение о важности самоуправления в таком отдаленном регионе, как Сибирь, большие пространства которой диктовали необходимость предоставления переселенцам самоуправления [2–4, 6, 8, 12].

С другой стороны, не находит подтверждения тезис Л.И. Шерстовой о том, что переселенцы второй волны (начала XX в.), в том числе украинцы, испытывали страх перед необъятной неведомой страной и труднее вписывались в сибирскую природно-климатическую среду, сложнее приспосабливались к ней. Еще одна безусловная ошибка считать, что украинцы в значительной степени расселились в городах, работали на стройках и золотых приисках [19. С. 13], напротив, именно крестьянский характер украинского переселенческого потока является его важнейшей характеристикой.

Серьезную роль в формировании этнических групп в Сибири, проживающих как компактно, так и дисперсно, сыграли разного рода недобровольные и принудительные миграции первой половины XX в., например беженство, переселения в ходе «зачистки границ», волны массового раскулачивания, другие спецпереселения и т.д. Выяснение вопроса о том, в какой мере они повлияли на украинское сообщество в Сибири, является и сегодня актуальной, практически не исследованной темой. Так, этнический компонент в исследованиях красноярских историков о беженстве не выделен, в том числе из-за ограниченности статистических данных. Данные об украинцах действительно не могут быть полными потому, что особенности государственной статистики Российской империи приводили к использованию обобщающего термина «русские» как для украинцев, так и белорусов. Однако в работах А.Н. Курцева, В.С. Утгоф предпринята попытка хотя бы частично ответить на вопрос об этническом составе недобровольных мигрантов, например на основе сведений регистрационных карточек беженцев статистического отдела Татьянинского комитета, которые составлялись в местах водворения [20, 21].

А.Н. Курцев утверждает, что «реальную картину этнической принадлежности эвакуированного населения рисуют сохранившиеся материалы первичной регистрации, которую в основном заполняли беженцы из полосы Юго-Западного фронта». Он использовал такого рода документы по Белгородскому уезду Курской губернии и пришел к выводу, что по состоянию на 1916 г. российские подданные украинской национальности здесь преобладали [20. С. 106]. Задача определения этнического состава мигрантов-беженцев в Приенисейской Сибири, выявления украинского компонента среди них, безусловно, сложная, но ее решение не только даст достоверную статистику, но и поможет определить качественные характеристики недобровольных мигрантов-украинцев. Примером работы такого рода может стать исследование В.С. Утгоф, которая на примере белорусских беженцев показала, что помещение их в другую этническую среду стало мощным фактором мобилизации этничности, основным признаком которого оказался родной язык [21].

Концептуальным выводом современных исследований по истории Сибири и ее колонизации в XIX – начале XX в., который касается украинцев, в первую очередь, стал тезис о том, что в стратегической перспективе политика власти ориентировалась на постепенную хозяйственно-культурную ассимиляцию разных этносов в Сибири, восприятие русской культуры и языка выступало в качестве императива российской государственности. М.В. Шиловский подтверждает, что «одним из последствий колонизации стала русификация самих переселенцев (украинцев, немцев, чувашей, белорусов, мордвы и др.) с утверждением общерусской идентичности» [16. С. 36]. Исследователь из Омска А.В. Ремнев, анализируя имперскую политику в

Сибири, не только соглашался с тем, что она имела целью «географии придать русскую физиономию» (Н.И. Надеждин), но продвижение за Урал рассматривал как целенаправленный процесс «конструирования империи» «однородным единоверным населением» [19. С. 8]. Описывая славянский мир Сибири, Ремнев отмечал, что «украинцы и белорусы, хотя и сохраняли довольно долго свой язык, черты бытовой культуры в условиях Сибири», будучи расселены среди по большей части русских переселенцев и старожилов, оказались более «восприимчивы к культурным заимствованиям и проявляли более высокий уровень этнической и конфессиональной толерантности, демонстрировали большую, чем на исторической родине, приверженность идее общерусской идентичности» [Там же. С. 13]. Документы зачастую подтверждают тенденцию, согласно которой население украинских анклавов в Сибири и на Дальнем Востоке переходило на русский язык, а к 1930-м гг. в большинстве случаев утратило этническое самосознание [22. С. 125, 161]; в то же время нужно подчеркнуть, что власть не предпринимала активных попыток насильственно ускорить этот процесс.

Другой характерной особенностью современного этапа изучения этносоциальных процессов в Сибири конца XIX – начала XX в. стало появление комплексных исследований по отдельным этническим группам, дисперсно расселенным в иноэтническом сообществе: немцам, прибалтам, евреям, полякам, белорусам [23, 24 и др.]. С сожалением приходится констатировать, что такого исследования по истории украинского сообщества конца XIX – начала XX в. нет не только в нашем регионе, но и в Сибири в целом.

Украинская тематика лишь частично нашла свое отражение в документальных публикациях. В 2007 г. в Красноярске был издан двухтомный сборник документов «Межэтнические связи Приенисейского региона» [22], который стал итогом 9-летней совместной работы красноярских ученых и архивистов. Авторский коллектив преследовал цель стимулировать научные изыскания историков, краеведов, студентов и школьников. В первом томе собран материал о коренных народах региона, о формировании межэтнических отношений в связи с приходом русских землепроходцев и др. Документы второго тома сборника повествуют о становлении советской системы национальных отношений, учреждений национальной культуры и образования и т.д. В годы войны и послевоенный период приоритетное внимание уделяется вопросам размещения беженцев и спецпоселенцев различных национальностей. Сборник документов был анонсирован как попытка документально представить всю палитру межэтнических отношений в регионе. Задача непосильная даже для шестисотстраничного двухтомника, поэтому равномерно показать национальную проблематику, тем более за большой временной период (начиная с XVII в.), не получилось. Документов по украинской проблематике немного: один – в первом томе, чуть

больше десяти – во втором. Они достаточно случайно отобраны из всего многообразия хранящихся в красноярских архивах и посвящены, например, недочетам в статистике национальностей (1928 г.); несколько документов содержат общий статистический материал по национальностям, рассказывают о процессе и результатах русификации в регионе (о нежелании открывать школы на украинском языке в украинских селах) несмотря на то, что «советская власть не ограничивает права нацменьшинств» [22. С. 47, 125, 128, 161 и др.]. Показательна «Выписка из протокола общего собрания граждан села Ольгина Уярского района Красноярского округа» (1926 г.) о решении не открывать школу на родном языке [Там же. С. 125]. Из документа ясно, что в селе Ольгино треть населения – украинцы. Власть спрашивает их согласие на открытие школы на родном языке, чтобы «дать полную возможность росту украинской нации». Но в постановлении речь идет о нежелании населения отделяться от русских и нежелании в связи с этим открывать собственную школу на родном языке. По данным исследователя И.В. Черказьяновой, те же немцы в Сибири упорно сопротивлялись русификации и пытались всеми средствами и силами сохранить немецкоязычную школу [25].

Документы архивов Красноярского края хранят достаточно информации по разным аспектам украинской тематики, например 1920-х гг., когда активно в регионе работала украинская секция губотдела нацменьшинств, но эти документы редко привлекают местных архивистов и исследователей. Между тем внимательное изучение массива документальных источников позволит создать масштабную картину именно украинских переселений в Сибирь, проанализировать степень адаптационных возможностей переселенческого украинского сообщества, процессы адаптации к новым условиям в украинской среде через характеристику этапов, форм адаптации и факторов, повлиявших на развитие процесса, особенно в сопоставлении с другими переселенческими группами (сравнительный анализ), т.е. позволит выявить особенности процесса, имеющего следствием утверждение общерусской идентичности; подтвердить в целом (или опровергнуть) эту тенденцию, проанализировать, насколько прямолинейным был процесс русификации украинцев в Сибири, выявить роль насильственных рычагов в этом процессе, а также, например, роль церкви в нивелировании или сохранении этнокультурных различий в Сибири (при понимании того, что в иерархии идентичностей конфессиональность явно уступала национальному фактору).

Перечисленные исследовательские проблемы можно считать важнейшими в плане развития исторической украинистики в Приенисейской Сибири. Как отмечалось, алгоритм такого рода исследований уже апробирован с разной степенью успешности на примере других регионов или других групп переселенцев [23–25 и др.].

Также важно отметить, что исследование такого рода непременно должно носить интегральный характер,

используя возможности как социокультурного, этносоциального подходов, так и историко-этнографического (например, при анализе динамики адаптации важнейших компонентов в культуре жизнеобеспечения) и психологического подходов. Интересными в этом плане могут стать исследования историков Б.Е. Андюсева (Красноярск) и О.Н. Шелегиной (Новосибирск) о процессах адаптации русского населения Сибири, которыми выстроена и на конкретном материале проиллюстрирована многомерная модель адаптации русских в Сибири, и Приенисейском крае в частности, с тремя равнозначными составляющими – материальной, социокультурной и ментальной [26, 27]. Необходимо также подчеркнуть, что такого рода работа даст комплексное представление о жизни и быте украинцев в Сибири и станет вкладом в разработку проблем истории сибирской повседневности с учетом украинского этнического компонента.

Малоизученной, но, безусловно, важной является тема миграций советского времени, как принудительных, так и добровольных трудовых потоков (оргнаборы первых и послевоенных пятилеток). Переселения середины XX в. не были столь масштабны, как на исходе XIX и в начале XX в. Однако ссылка, безусловно, сказалась на росте славянских этнических групп в Сибири.

Дуализм идентичностей на Украине, на который указывает, например, А.И. Миллер, условное разделение на западных и восточных украинцев [28] отразилось в поведении групп украинских переселенцев конца XIX – начала XX в. и переселенцев 1930–1950-х гг. Протекание этнических процессов в этих последних группах украинцев – принудительных мигрантов – исследовано абсолютно не достаточно. Так, важнейшим фактором сохранения этнической границы в группах депортированных западных украинцев стал иной исторический опыт на протяжении веков. Их динамичная национальная жизнь в Австро-Венгрии, а затем в Польше, «навыки национальной мобилизации», по словам Миллера, которые усиливало униатское духовенство, фактор принудительного водворения в Сибири, репрессивный характер переселений, отрицательное отношение к советской власти играли этноконсолидирующую роль. Особенно спланивала антисоветскость. Например, именно украинцы были в числе инициаторов восстания 1953 г. в Норильлаге, которое может рассматриваться как один из примеров национальной мобилизации. Украинцы-спецпоселенцы демонстрировали также иную картину отношения к языку и традициям. Красноярский исследователь Е.Л. Зберовская отмечает, что при отсутствии сферы функционирования родного языка, репрессивных усилиях власти в отношении «неблагонадежных» главную роль в сохранении украинского языка стала играть семья: «Носителем этнокультурных ценностей, как правило, выступало старшее поколение» [29. С. 253].

Приспосабливаясь к суровым природным условиям Сибири, депортированные западные украинцы сохра-

няли свой язык и культуру. В сообществах репрессированных западных украинцев внутриэтническая сплоченность цементировалась также их религиозной принадлежностью к греко-католической церкви. Греко-католическая вера стала одним из главных маркеров этнического самосознания и стимулом защиты этнической границы, причем защищали ее особенно рьяно. Исполнение религиозных обрядов (крестины, венчание, похороны) способствовало консолидации группы и приобрело особый смысл. Большую роль играли священники как символы, персонифицирующие украинскую этничность.

Е. Зберовская отмечает: «В 1950-х гг. для переселенцев из Западной Украины исполнение религиозных обрядов (несмотря на запреты властей) воспринималось как способ национальной консолидации». В отчетах партийных руководителей сообщалось, что «отправление украинцами обрядов принимает форму массовых национальных действий» [29. С. 253]. Вполне резонно в этом плане рассматривать спецпоселенцев не только как виктимную группу, но как социоэтническую общность, способную к самоорганизации и консолидации на местном и региональном уровнях.

Принудительные миграции особенно отразились на составе населения северных территорий и Заполярного края Приенисейской Сибири, которые в значительной степени оказались заселены украинцами. «Поддавшее большинство раскулаченных были русскими, 1/3 высланных – с территории Украины», – подчеркивает томский исследователь Е.В. Карих. Она же отмечает, что «потомки этих переселенцев из Украины и Белоруссии... и сейчас помнят свое происхождение, но считают себя уже русскими» [11. С. 75].

Украинское и белорусское население в северных районах Приенисейской Сибири продолжало стабильно расти в 1970–1980-е гг.: процесс был связан с активным промышленным освоением региона, развитием металлургической и золотодобывающей промышленности (Норильский промышленный район). Изучение процесса формирования этнического облика самого города Норильска – также важная исследовательская задача, в составе жителей заполярного города всегда велико было число украинцев. После распада Советского Союза произошло почти наполовину сокращение доли украинцев на севере Азиатской России. Главной причиной стала обратная миграция, поскольку, по мнению Е.В. Карих, резерв, предоставленный аграрной колонизацией края, в 1970–1980-е гг. уже закончился. Однако экономическое развитие региона продолжает требовать квалифицированных рабочих рук, только, по верному предположению той же Е.В. Карих, «заселение севера будет продолжаться, но это уже не будет славянской и финно-угорской колонизацией. Значительную часть новых переселенцев составят народы Средней Азии, Кавказа, Китая и Кореи» [Там же. С. 85].

Важная роль в презентации анализируемой темы принадлежит сотрудникам красноярского краевого об-

щества «Мемориал». Среди собранных ими материалов значительная часть посвящена украинцам. Отмечу роль бывшего сотрудника музея Норильского промышленного района в г. Норильске А.Б. Макаровой, которая на стыке 1980–1990-х гг. начала собирать материал о восстании в Норильлаге. Норильчане покидали свой северный город и напоследок заходили в музей, записывали свои истории. Макарова начала сбор воспоминаний тех, кто участвовал в восстании и еще жил в 1990-е гг. в Норильске, записывала также воспоминания других жертв репрессий и их родственников. Впоследствии исследовательский поиск распространился далеко за пределы заполярного города. Исследовательница стала публиковать в местной прессе, главным образом в газете «Заполярная правда», свои заметки; затем вернулась к этой теме в 2003 г. Работа такого рода уже активно шла в других регионах России, на Украине, в других странах, но у Аллы Борисовны была возможность проводить исследование в архивах информационного центра УВД Красноярского края и в архивах соответствующего ведомства в Норильске. Эта работа помогла воссоздать историю не только Норильлага, но и других подразделений Краслага, где тоже велика была роль украинских групп. Макарова отмечала, что, по подсчетам бывшего узника Норильлага Б.А. Шамаева, в 3-м каторжном отделении Горлага почти 90% заключенных были украинцами, по свидетельствам самих участников восстания, в 6-м женском отделении Горлага украинки составляли 70% [30, 31].

Работа в специализированных архивах позволила исследовательнице восстановить хронику событий весной – летом 1953 г., в том числе в женской зоне Норильлага, фамилии участников переговоров с комиссиями из Москвы в июне 1953 г., подробности пересмотров приговоров и другие вопросы [32].

Женская тема Норильлага стала важнейшей для А.Б. Макаровой, она эмоционально и искренне писала о самоотверженности молодых девушек и женщин, не смирившихся с чудовищными условиями пребывания в заполярном крае.

Красноярский исследователь В. Сиротинин также воссоздавал биографии тех, чьи страницы жизни были связаны с Норильском. В лагерях на Енисее тогда горестно шутили, что если какая-то нация еще не представлена в Норильске, то ее нет в природе; украинцев же здесь было наибольшее число, они составляли костяк и контингента Норильлага, и восстания в 1953 г. Макарова подчеркнула тот факт, что в восстании в этом подразделении Гулага большую роль сыграли западные украинцы, которые никогда не жили при советской власти.

Отмечу также исследование В. Биргера, который анализирует политическую ссылку и другие принудительные миграции, в том числе с оккупированных территорий в ходе Второй мировой войны. Рассматривая социальный состав ссылки 1930-х гг., автор утверждает, что крестьяне преобладали, «но немало было тор-

говцев, учителей, инженеров, ремесленников... [при этом] по этническому составу преобладали, конечно, украинцы» [32].

Отдельно в депортационном потоке автор исследует историю так называемых украинских немцев из юго-западного Причерноморья. Эшелон с ними прибыл в Красноярск в декабре 1945 г., в составе украинских немцев было много собственно украинцев. Ссылка по указу 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников на отбытие наказания в ссылку на поселение в отдаленные места СССР», в числе которых назван был Красноярский край, также привела к увеличению украинского компонента в составе населения Приенисейского края. Речь идет о так называемой послелагерной ссылке, которая для многих из ссыльных «превратилась в вечное поселение».

Частично ссыльные из этапов, выгруженных в Красноярске, остались на местных лесозаводах. Других отправили из Красноярска или на юг в предгорья Саян (например, в труднодоступные поселки по р. Сисим), или вниз по Енисею в г. Енисейск и в «Ярцевский субрегион», который располагался по Енисею и его притокам вблизи села Ярцево. Это традиционное место ссылки называли Туруханским краем, причем население здесь настолько увеличилось за счет ссыльных, что власти вынуждены были образовать новый Ярцевский район. Многих оставляли в ссылке рядом с лагерем после освобождения из Норильлага: «...соответственно в Норильске, Дудинке, Курейке, Подтёсово, в совхозе (подхозе Норильлага) “Таёжный”, в Красноярске... Часть “освобождённых” узников Норильлага и Горлага отправляли в ссылку, как тогда говорили, “в тундру”: по таймырским посёлкам или в геологоразведочные партии» [Там же]. Причем автором не отмечены случаи отправки в ссылку из норильских лагерей за пределы Красноярского края.

Внимательно изучая потоки недобровольных мигрантов с оккупированных территорий в ходе Второй мировой войны, В. Биргер подчеркивает, что депортации иностранных граждан в данном случае нельзя определять по национальному принципу – «грубая ошибка говорить о “депортациях поляков”, “депортациях латышей” потому, что отряды депортированных составлялись по социальным признакам и “особенно по общественному положению”» [Там же].

Проведенный анализ публикаций в Красноярске и крае позволяет сделать вывод о слабом развитии украинской тематики в историческом исследовательском пространстве. Представляется, что связано это с разными факторами:

1. Свое влияние на состояние гуманитарного знания в регионе оказывает общая направленность научно-образовательного кластера – прикладная естественно-научная и техническая; гуманитарное образование и наука никогда не были приоритетными, достаточно вспомнить, что историческое образование в классическом университете берет свое начало лишь с 1999 г.

2. Красноярск выделяется среди сибирских городов – он промышленный, рабочий; это не Томск – «Сибирские Афины» и не Новосибирск с его Академгородком.

3. Слабость самого исторического сообщества, отсутствие крупных исследовательских школ, разобщенность на научно-образовательном пространстве, отсутствие прочной связи с другими историческими исследовательскими центрами также играют свою роль.

4. Ввиду наличия больших групп нерусского автохтонного населения главное внимание в этноисторических исследованиях в регионе всегда уделялось хакасам, ненцам, кетам, энцам и др. Переселенческие сообщества лишь в последнее время привлекли внимание историков, однако в первую очередь польские, еврейские, немецкие, но не украинские.

5. Близость региона с Китаем заставляет обратить внимание на огромный дисбаланс демографического потенциала России и Китая, на проблему китайской миграции на восток нашей страны и в том числе в Красноярский край. Неудивительно, что актуализируется востоковедная тематика работ, темы, связанные с историей и современным состоянием российско-китайских отношений и китайской миграцией.

Отмечу, что в последнее время акценты смещаются в сторону изучения миграций из стран Средней Азии. Славянская проблематика, напротив, уходит из исследовательского пространства. Выход в этой ситуации может быть найден в координации усилий с коллегами из Томска, Новосибирска, Омска; плодотворным может стать интегративный и междисциплинарный уровень совместного комплексного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прядко И.А. Из истории переселения крестьян в Енисейскую губернию (80 гг. XIX в. – 1917 г.) // К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX – нач. XX вв. : сб. ст. и док. Красноярск, 1962. С. 202–229.
2. Прядко И.А. Некоторые особенности переселения и землеустройства в Енисейской губернии в начале XX века // XX век : исторический опыт аграрного освоения Сибири. Красноярск, 1993. С. 95–99.
3. Прядко И.А. Переселение и обустройство украинцев в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX веков // Этнос Сибири. История и современность. Красноярск, 1994. С. 174–180.
4. Прядко И.А. Украинцы в Сибири : некоторые вопросы переселения, особенности культуры и быта украинской диаспоры // Славянский мир на рубеже веков : матер. Междунар. симпозиума. Красноярск : Изд-во КГУ, 1998. С. 14–18.
5. Прядко И.А. Украинская диаспора в структуре населения Приенисейского края : исторический аспект // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. Вып. 3. С. 117–125.
6. Леонтьев Е.В. К истории формирования украинского населения на юге Приенисейского края в XIX веке // Мартыновские краеведческие чтения : сб. докладов и сообщений. Минусинск, 2010. Вып. VI. С. 98.
7. Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX вв.) : историко-этнографические очерки / отв. ред. М.Л. Бережнова. Омск : ООО «Издатель-Полиграфист», 2002. 236 с.

8. Леонтьев Е.В. Переселения крестьян юга Енисейской губернии по материалам податной ревизии 1850 года // Мартыановские краеведческие чтения : сб. докл. и сообщ. Минусинск, 2010. Вып. VI. С. 101–103.
9. Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX – 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3. С. 74–93.
10. Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – XX в. // История СССР. 1979. № 3. С. 22–38.
11. Карих Е.В. Восточнославянские народы в процессе освоения Сибири // «Славянский мир» Сибири : новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск : Изд-во ТГУ, 2009. С. 51–105.
12. Коровушкин Д.Г. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2006. 200 с.
13. Миллер А.И. Русификация : классифицировать и понять // *Ab imperio*. 2002. № 2.
14. Сибирский плавильный котел : социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – XX века / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004.
15. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М. : Наука, 1978.
16. Шиловский М.В. Этносоциальные процессы в Сибири на рубеже XIX–XX в. в современной историографии (1991–2004 гг.) // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность) : сб. науч. тр. Омск : Омск. ун-т, 2005. Вып. 3. С. 30–48.
17. Липин А.М. Славяне на Дальнем Востоке : проблемы истории и культуры. Южно-Сахалинск, 1994.
18. Шерстова Л.И. Факторы обострения межэтнических отношений в Южной Сибири в начале XX века // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. С. 239–240.
19. Ремнев А.В. Славянские народы как колониционный ресурс имперской политики в Сибири и на Дальнем Востоке во второй половине XIX начале – XX // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. Вып. 3.
20. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.
21. Утгоф В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
22. Межэтнические связи Приенисейского региона : в 2 ч. / под ред. Р.Г. Рафикова. Красноярск, 2007. Ч. 2.
23. Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Топчиха, 1995. Ч. 1–2.
24. Лоткин И.В. Прибалтийская диаспора в Сибири : история и современность. Омск : ОмГУ, 2003.
25. Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. – 1938 г.). М. : ОАНРН, 2000. 308 с.
26. Андюсов Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в. : опыт реконструкции. Красноярск : РИО КГПУ, 2004. 247 с.
27. Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX века. Новосибирск : Сиб. науч. книга, 2005. 192 с.
28. Миллер А.И. Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine>, свободный (дата обращения : 13.11.2014).
29. Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы из Западной Украины в Красноярском крае (1945 – начало 1960-х) : процесс социокультурной адаптации // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. № 5. С. 250–254.
30. Макарова А.Б. Эти имена достойны памяти потомков // Сайт «Красноярское общество “Мемориал”». URL: <http://www.memorial.krsk.ru>, свободный (дата обращения : 13.11.2014).
31. Макарова А.Б. Норильское восстание. Май – август 1953 г. // Сайт «Красноярское общество “Мемориал”». URL: <http://www.memorial.krsk.ru>, свободный (дата обращения : 13.11.2014).
32. Биргер В. Обзор ссыльных потоков и мест ссылки в Красноярском крае и Республике Хакасия // Сайт «Красноярское общество “Мемориал”». URL: <http://www.memorial.krsk.ru>.

Kutilova Larisa A. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: kutiloval@rambler.ru

PROBLEMS OF RESETTLEMENT AND UKRAINIAN ETHNO-CULTURAL TRANSFORMATIONS IN THE UKRAINIAN ETHNIC ENVIRONMENT IN YENISEI SIBERIA IN REGIONAL STUDY KRASNOYARSK HISTORIANS IN THE SECOND HALF XX – BEGINNING XXI CENTURIES.

Keywords: Ukrainians in Siberia; migration; Krasnoyarsk region; ethnic identity; adaptation; Ukrainian studies; history; historiography. The article analyzes the development of the theme dedicated to Ukrainian migration to Siberia, Yenisei adaptation of immigrants in the region, on the transformation of ethno-cultural identity in the Ukrainian resettlement environment, research scientists of Krasnoyarsk. Problems of Ukrainian migrations, adaptation of immigrants and the preservation of ethnic and cultural identity are considered in the historical and historiographical manner. Collect and systematize material on the history of Ukrainian studies in the Yenisei Siberia. Analysis of publications held by the characteristic stages of the evolution of the representation of topics and issues, and described some of the most important publications (I. Pryadko, E. Leontiev, A. Makarova et al.), highlighting their main provisions. It is emphasized that the most important factor for the understanding of these problems is the phenomenon of dualism of identity in the Ukrainian media. Problems of preservation of ethnic identity groups conventionally considered in the Eastern and Western Ukrainians. It is noted that it is absolutely not enough studied the flow of ethnic processes in groups deported Ukrainians (exiles and Exiles). Moreover, it is reasonable to consider the special settlers, not only as a group of victimization, but socioethnic community, capable of self-organization and consolidation of the local and regional level. The conclusion about the absence of a comprehensive study on the history of Ukrainian Resettlement and adaptation of Ukrainian immigrants in Siberia as a whole. The article notes that most of Ukrainians it is in line with general studies. therefore as a promising analyzed the task of creating a comprehensive study on the history of Ukrainians in Eastern Siberia, which should be comprehensive integrative nature of using opportunities of socio-cultural, ethno-social approaches, and the historical and ethnographic (for example, when analyzing the dynamics of adaptation of the most important components in the culture of life support) and psychological approaches. The problem is a comprehensive study of Ukrainian migration to Siberia, the analysis of adaptation options resettlement Ukrainian community, the processes of adaptation to the new conditions in the Ukrainian media through characteristic stages and forms of adaptation factors that influenced the development of the process, especially in comparison with other resettlement groups (comparative analysis) is shown as current. The consequence of the adaptation process of immigrants in Siberia, was the approval of an all-Russian identity, but the logic of complex analysis requires a specification and the process and the role of the factors that influence it.

REFERENCES

1. Pryadko, I.A. (1962) Iz istorii pereseleniya krest'yan v Eniseyskuyu guberniyu (80 gg. XIX v. – 1917 g.) [From the history of peasant resettlement in the Yenisei province (1880s–1917)]. In: *K izucheniyu ekonomiki Eniseyskoy gubernii kontsa XIX – nach. XX vv.* [Economics of the Yenisei province in the late 19th – early 20th centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing, pp. 202–229.

2. Pryadko, I.A. (1993) Nekotorye osobennosti pereseleniya i zemlestroystva v Eniseyskoy gubernii v nachale XX veka [Some peculiarities of the resettlement and land development in the Yenisei province in the early 20th century]. In: Grishaev, V.V. (ed.) *XX vek : istoricheskiy opyt agrarnogo osvoeniya Sibiri* [The 20th century: The historical experience of Siberian agricultural development]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 95-99.
3. Pryadko, I.A. (1994) Pereselenie i obustroystvo ukrainsev v Eniseyskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vekov [The resettlement of Ukrainians in the Yenisei province in the late 19th – early 20th centuries]. In: Gosteva, R.L. & Ruksha, G.L. (eds) *Etnosy Sibiri. Istoriya i sovremennost'* [Ethnicity in Siberia. History and modernity]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Cultural-Historical Museum Complex. pp. 174-180.
4. Pryadko, I.A. (1998) Ukraintsy v Sibiri : nekotorye voprosy pereseleniya, osobennosti kul'tury i byta ukrainской diaspory [Ukrainians in Siberia: Some issues of resettlement, peculiarities of culture and everyday life of the Ukrainian diaspora]. In: *Slavyanskiy mir na rubezhe vekov* [The Slavic world at the turn of the century]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 14-18.
5. Pryadko, I.A. (2005) Ukrainskaya diaspora v strukture naseleniya Prieniseyskogo kraja: istoricheskiy aspekt [The Ukrainian diaspora in the population of the Yenisei region: The historical aspect]. In: Ermekbaev, Zh. A. & Tolochko, A.P. (eds) *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazey stran Sodruzhestva* [Traditions of economic, cultural and social ties of the Commonwealth Countries]. Omsk: Omsk State University. pp. 117-125.
6. Leont'ev, E.V. (2010) K istorii formirovaniya ukrainского naseleniya na yuge Prieniseyskogo kraja v XIX veke [To the history of formation of the Ukrainian population in the south of the Yenisei region in the 19th century]. *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya*. 6. p. 98.
7. Berezhnova, M.L. (ed.) (2002) *Russkie v Omskom Priirtysh'e (XVIII–XX vv.): Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Russians in Omsk Irtysh (the 18th – 20th centuries.): Historical and ethnographic essays]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist.
8. Leont'ev, E.V. (2010) Pereseleniya krest'yan yuga Eniseyskoy gubernii po materialam podatnoy revizii 1850 goda [Resettlement of peasants of the south of the Yenisei province according to the assessor audits in 1850]. *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya*. 6. pp. 101-103.
9. Bruk, S.I. & Kabuzan, V.M. (1980) Dinamika i etnicheskii sostav naseleniya Rossii v epokhu imperializma (konets XIX – 1917 g.) [The dynamics and the ethnic composition of Russia in the era of imperialism (the end of the 19th – 1917)]. *Istoriya SSSR*. 3. pp. 74-93.
10. Kabuzan, V.M. (1979) Zaselenie Sibiri i Dal'nego Vostoka v kontse XVIII – XX v. [Colonization of Siberia and the Far East at the end of the 18th – 20th centuries]. *Istoriya SSSR*. 3. pp. 22-38.
11. Karikh, E.V. (2009) Vostochnoslavjanskije narody v protsesse osvoeniya Sibiri [Eastern Slavic peoples in the process of Siberian colonization]. In: Bakhtina, O.N., Syrov, V.N. & Dutchak, E.E. (eds) *"Slavyanskiy mir" Sibiri: novye podkhody v izuchenii protsessov osvoeniya Severnoy Azii* [The Siberian "Slavic world": New approaches to the processes of North Asia development]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 51-105.
12. Korovushkin, D.G. (2006) *Ocherki emokul'turnoy adaptatsii pozdnykh pereselentsev v Zapadnoy Sibiri* [Essays about the ethno-cultural adaptation of the late migrants in Western Siberia]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography.
13. Miller, A.I. (2002) Rusifikatsiya: klassifikatsiya i ponyat' [Russification: To classify and understand]. *Ab imperio*. 2.
14. Rezun, D.Ya. (ed.) *Sibirskiy plavil'nyy kotel: sotsial'no-demograficheskie protsessy v Severnoy Azii XVI – XX veka* [The Siberian melting pot: The social and demographic processes in the North Asia in the 16th – 20th centuries]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
15. Tikhonov, B.V. (1978) *Pereseleniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX v. Po materialam perepisi 1897 g. i pasportnoy statistiki* [Migration in Russia in the late 19th century. According to the materials of the 1897 census and the passport statistics]. Moscow: Nauka.
16. Shilovskiy, M.V. (2005) Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri na rubezhe XIX–XX v. v sovremennoy istoriografii (1991–2004 gg.) [Ethno-social processes in Siberia in the 19th–20th centuries in modern historiography (1991–2004)]. In: Ermekbaev, Zh. A. & Tolochko, A.P. (eds) *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazey stran Sodruzhestva* [Traditions of economic, cultural and social ties of the Commonwealth Countries]. Omsk: Omsk State University. pp. 30-48.
17. Lipin, A.M. (1994) *Slavyane na Dal'nem Vostoke: problemy istorii i kul'tury* [Slavs in the Far East: Problems of history and culture]. Yuzhno-Sakhalinsk.
18. Sherstova, L.I. (2003) Faktory obostreniya mezhetnicheskikh otnosheniy v Yuzhnoy Sibiri v nachale XX veka [Factors aggravating interethnic relations in Southern Siberia in the early 20th century]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri* [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 239-240.
19. Remnev, A.V. (2005) Slavyanskije narody kak kolonizatsionnyy resurs imperskoy politiki v Sibiri i na Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX nachale – XX [Slavic peoples as the resource of imperial colonization policy in Siberia and the Far East in the late 19th – early 20th centuries]. In: Ermekbaev, Zh. A. & Tolochko, A.P. (eds) *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazey stran Sodruzhestva* [Traditions of economic, cultural and social ties of the Commonwealth Countries]. Omsk: Omsk State University.
20. Kurtsev, A.N. (1999) Bezhentsy pervoy mirovoy voyny v Rossii (1914–1917) [The refugees of the First World War in Russia (1914–1917)]. *Voprosy istorii*. 8. pp. 98-113.
21. Utgof, V.S. (2003) *Belorusskie bezhentsy Pervoy mirovoy voyny v 1914–1922 gg.* [Belarusian refugees of World War I in 1914–1922]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
22. Rafikov, R.G. (ed.) (2007) *Mezhetnicheskije svyazi Prieniseyskogo regiona: v 2-kh ch.* [Interethnic connections in the Yenisei region. In 2 vols]. Krasnoyarsk.
23. Brul', V.I. (1995) *Nemtsy v Zapadnoy Sibiri* [Germans in West Siberia]. Topchikha: Topchikha Typography.
24. Lotkin, I.V. (2003) *Pribaltiyskaya diaspora v Sibiri: istoriya i sovremennost'* [The Baltic diaspora in Siberia: History and modernity]. Omsk: Omsk State University.
25. Cherkaz'yanova, I.V. (2000) *Nemetskaya natsional'naya shkola v Sibiri (XVIII v. – 1938 g.)* [German national school in Siberia (The 18th – 1938)]. Moscow: OANRN.
26. Anduysev, B.E. (2004) *Traditsionnoe soznanie krest'yan-starozhilov Prieniseyskogo kraja 60-kh gg. XVIII – 90-kh gg. XIX v.: opyt rekonstruktsii* [Traditional consciousness of peasant-old-timers of the Yenisei Territory in the 1760s – 1890th centuries: Experience of reconstruction]. Krasnoyarsk: RIO KGPU.
27. Shelegina, O.N. (2005) *Adaptatsionnye protsessy v kul'ture zhizneobespecheniya russkogo naseleniya Sibiri v XVIII – nachale XX veka* [Adaptation processes in the life-support culture of the Russian population in Siberia in the 18th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Siberian Scientific Book.
28. Miller, A.I. (2007) Dualizm identichnostey na Ukraine [Dualism of identities in Ukraine]. *Otechestvennye zapiski*. 1. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine>. (Accessed: 13th November 2014).
29. Zberovskaya, E.L. (2014) Special settlers from the Western Ukraine in the Krasnoyarsk Territory (1945 – early 1960): The process of sociocultural adaptation. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – The Bulletin of KrasGAU*. 5. pp. 250-254. (In Russian).
30. Makarova, A.B. (n.d.) *Eti imena dostoyiny pamyati potomkov* [These names should remain in the memory of generations]. [Online] Available from: www.memorial.krsk.ru. (Accessed: 13th November 2014).
31. Makarova, A.B. (n.d.) *Noril'skoe vosstanie. May-avgust 1953 g.* [The Norilsk uprising. May–August, 1953]. [Online] Available from: www.memorial.krsk.ru. (Accessed: 13th November 2014).
32. Birger, V. (n.d.) *Obzor ssyl'nykh potokov i mest ssylki v Krasnoyarskom krae i respublike Khakasija* [The flows of exiles and exile places in the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Khakassia]. [Online] Available from: www.memorial.krsk.ru. (Accessed: 13th November 2014).

П.А. Бояринова

МУЖЧИНЫ И ФЕМИННОСТЬ В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Рассматривается такая специфическая черта японской маскулинности, как использование феминного гендерного дисплея. Описываются пути и варианты легитимизации использования феминного перформанса мужчинами в японском обществе и культуре и то, как при этом сохраняется мужская идентичность. Обратившись к практикам сюдо, традиции японского театра кабуки и современной массовой культуре, можно проследить ретроспективу развития этого явления. Специфика подхода состоит в том, что феномен рассматривается не в контексте гомосексуального гендера (в разрезе квир-теории), а через специфику японского конструирования норм маскулинной гетеросексуальной гендерной идентичности.

Ключевые слова: японская культура; маскулинность; феминный дисплей.

Такие категории, как женственность и мужественность, подчас в обыденном сознании воспринимаются как аскриптивные категории, характеристики которых предписаны исходя из биологической природы человека. В каждом обществе существуют представления о том, как должен вести себя настоящий мужчина, какими характеристиками он должен обладать, к чему он должен стремиться по своей природе. Если какой-то мужчина не вписывается в эти культурные стереотипизированные параметры, то чаще всего окружающим приходит в голову идея, что с этим мужчиной «что-то не так».

Однако для научного знания очевидно различие культурных традиций и норм, из чего логически вытекает разница и в конструировании категорий гендера. Специфичность гендера (социально-культурного выражения пола) в отдельной культуре высвечивает стереотипы, нормы, качества человека, которые считались ранее естественными и «нормальными» проявлениями. Исследование особенностей различных гендерных конструкторов в других культурах дает нам возможность не только глубже понять характерные черты изучаемой культуры, но и найти общие закономерности, применяя полученный материал в сравнительном ключе.

Изучение гендерных конструкторов на японском материале предоставляет возможность разобрать и проанализировать наиболее нетипичные для европейской культуры модели.

В целом западный образ мужчины в сравнении с японским можно назвать более «брутальным», на наш, «европейский» или российский, взгляд, сама японская мужественность уже может оцениваться как «менее маскулинная». Но вдобавок ко всему этому в Японии есть еще одна особенность: использование мужчиной феминного гендерного дисплея в социуме не только не возбраняется, но и является абсолютно приемлемым.

Такие ярко выраженные особенности японской маскулинности неизбежно попали в фокус внимания ряда исследователей – Алеардо Зангелини (статья «Секс и романтика с несовершеннолетними в японских гомоэротических манге и аниме» и «Любовь между юношами в аниме и манга: продукция японской субкульту-

ры и ее потребители»), Тсуноэ Ватанабэ и Джуничи Ивата (монография «Любовь среди самураев: тысяча лет японской гомосексуальности»). Но феминность и феминный дисплей неизбежно рассматривались исследователями в первую очередь в связи с традициями мужской гомосексуальности в социальной жизни и искусстве. В данной же статье тема использования мужчинами феминного гендерного дисплея рассматривается вне связи с квир-идентичностью. Для нас важно понять, как японское общество легитимизирует и оценивает подобные практики, не лишая при этом мужчину его маскулинности.

И в западной, и в японской культурах маскулинность воспринималась как доминантная и привилегированная модель поведения. Но в западном мире отказ от мужественности, а значит – от социального статуса (так как гендер – это одна из систем стратификации общества). До сих пор использование феминного гендерного дисплея не поощряется в западной культуре и воспринимается как нарушение естественного порядка вещей. Более того, для мужчин в большинстве культур «жизненный императив состоит в доказательстве того, что они навсегда и решительно не похожи на женщин» [1. С. 26], потому что социально легитимная возможность и желание использовать феминный дисплей без потери мужской идентичности – любопытный культурный феномен.

Вероятно, в Японии все еще действует представление о том, что красота – понятие универсальное, а феминность включает в себя «обязательство» быть красивой. Женская красота – это не определенный тип красоты, а одна из ее высших форм. На создание таких представлений работают не только андроцентричное воздействие, но и чувствуется историческое влияние гиноцентричной культуры Хэйан и представлений о красоте и стиле той эпохи.

Ожидаемо, когда в патриархальном обществе, построенном на основе линз гендерной поляризации и андроцентризма, феминное в мужчине будет резко отвергаться как недостойное или низменное. Тем не менее из-за существования такого явления, как «сюдо»

(яп. – путь юноши; в самурайском сословии гомосексуальные отношения между взрослым мужчиной и юношей), наличие «феминного типажа» среди молодых людей высших сословий не возбранялось. Практика сюдо считалась полезной и даже поощрялась (особенно в самурайской среде). Считалось, что сюдо благотворно действует на юношей, уча их достоинству, честности, чувству прекрасного. Сюдо противопоставлялось женской любви, которую обвиняли в «размягчении» мужчины [2. Р. 86]. Эта традиция перекликается не только с древнегреческой традицией перерасти, но и с традициями других племен, в которых гомосексуальный половой акт или оральные секс использовались для символической передачи мужской силы другому мужчине [3. С. 20] (т.е. мужчину делал мужчина).

Алеардо Зангеллини считает, что именно самурайский архетип стал основой для развития современной художественной гомосексуальной культуры [4. Р. 160]: манги, аниме, дорам в стиле яой (эротические гомосексуальные отношения между мужчинами) и сёнен-ай (романтические гомосексуальные отношения между мужчинами). Сюжет в таких произведениях крутится вокруг двух типов персонажей – «семэ» и «уке» [5. Р. 289–290]. Понятия были позаимствованы из боевых искусств, где позиции делились соответственно на «атакующего» и «защищающегося» (в современном гомосексуальном японском сленге эти понятия обозначают доминирующую и пассивную роль в однополем контакте).

Традиционно персонаж «уке» всегда младше (как и в самурайской традиции), имеет более хрупкое телосложение, мягкие, феминные черты характера. Тем не менее образ «уке» представляет собой именно квин-гендер, но без осознания важности влияния сюдо на японскую культуру невозможно понять причины использования феминного гендерного дисплея мужчинами.

Связь в социально приемлемом использовании женского гендерного дисплея мужчинами можно найти в истории театра кабуки, который зародился в период Эдо в начале XVII в. В период зарождения все роли исполнялись женщинами. Пьесы были грубые и неприличные, а актрисы не отличались благонравным поведением и часто вступали в интимную связь со своими поклонниками [6. С. 45–46]. Вскоре в 1629 г. власть сёгуната Токугава запретила женщинам принимать участие в постановках, дабы сохранить нравственность [Там же. С. 47]. Сам театр кабуки уже стал достаточно популярным явлением, потому место женщин-исполнительниц заняли актеры-юноши.

Отличительная черта кабуки – «оннагата» – мастерство нежных и красивых юношей исполнять роли женщин и девушек. Так как по феминности и привлекательности эти юноши ничем не уступали женщинам, то вскоре театр юношей («васюкасю-кабуки») так же был признан аморальным и вредным для общественных нравов как раз из-за распространенности такого явления, как сюдо.

Васюкасю-кабуки тоже пришлось запретить. Однако женщинам путь в кабуки был уже заказан, а, между тем, во время реставрации Мэйдзи власть стала покровительствовать традиционным искусствам. Театр переживает взлет популярности, а также меняется отношение к актерам – больше это занятие не воспринимается как недостойное, так как даже император посещал театр [7. С. 88].

Актеры (исполнители женских ролей) в театре не только использовали женские одежды, но и грим, аксессуары для причесок, учились танцевать с веером, играть на традиционных инструментах, а также пластично и женственно двигаться и танцевать [8. С. 155–157].

Наличие традиции «оннагата», обусловленной приемлемостью сюдо в обществе, и возросший социальный статус актеров сделали возможность для мужчин использовать феминный гендерный дисплей не только непредосудительной, но и в некотором смысле достойной восхищения. В обществе использование мужчиной женского дисплея не обозначает гомосексуальность. Напротив, многие девушки находят переодевания в женскую одежду и умелое использование женского образа сексуальным [9. Р. 213], о чем свидетельствует популярность у молодых девушек таких явлений, как: художественные произведения в жанрах яой и сёнен-ай, музыканты стиля *visual kei* и официанты *she-men*. При этом если в европейском обществе трансвеститы представляют гипертрофированный образ, все делается чересчур, то японцы стараются создать феминный гендерный дисплей, наиболее близкий к реальности.

В настоящее время такой образ составляет значительную часть японской культуры, широко представлен в СМИ и массовой культуре.

В первую очередь сюда можно отнести продолжение сценической традиции – певцов, выступающих в стиле *visual kei*. *Visual kei* буквально означает «визуальный стиль». Основная идея этого направления – донести сообщения до зрителя не только через музыку, но и через внешний вид. Для этого используются яркие, иногда шокирующие, но всегда привлекательные и притягательные феминные образы, характеризующиеся использованием макияжа, сложных причёсок и дизайнерских костюмов. Идеал мужской красоты соответствует андрогинной эстетике. С точки зрения японца, женственный мужчина, пользующийся макияжем, не обязательно гомосексуалист, а, скорее всего, наоборот – дамский угодник [10. Р. 188]. Вне сцены вокруг *visual kei* сформировалась своя субкультура: фанатские группы, использующие имидж любимых музыкантов. Это могут быть как девушки, повторяющие полубившиеся образы готических лолит, так и мужчины, использующие женский макияж и одежду [Ibid. Р. 256].

Необходимость использовать большое количество декоративной косметики, средств по уходу за волосами, аксессуаров привели к созданию целой индустрии

по производству декоративной косметики для мужчин. По приобретению декоративной косметики для мужчин Япония уже давно занимает одно из лидирующих мест, на данный момент уступая только Южной Корее [11].

В Японии также создается множество дорам, аниме, манги, где фигурируют мужчины, использующие женский гендерный дисплей. Один из самых популярных продуктов – манга «Princess, Princess» (2002–2007), по которой сначала сделали аниме (2006), а затем еще и экранизировали («Princess Princess D», 2006) и сделали игру («Princess Princess: Himetachi no Abunai Hokago», 2006), что характерно только для самых рейтинговых проектов.

Сюжет повествует о жизни трех студентов элитной старшей школы для мальчиков, переодевающихся в женские платья в образе готических лолит. Выбирать из числа учеников принцесс – традиция школы, призванная разнообразить жизнь учеников, находящихся в окружении одних только мужчин. Студенты сами выбирают принцесс, которые, одеваясь в женские платья, присутствуют на школьных мероприятиях (например, в качестве группы поддержки для спортивных команд). Принцессы имеют огромное влияние на жизнь школы и решения студенческого совета (в японских школах распространено самоуправление). Кроме того, они невероятно популярны и почитаемы, а преподаватели в школе не только не относятся негативно к такой традиции, но считают ее благотворной и всячески помогают новому ученику освоиться в роли принцессы.

Насколько надуманным и смешным кажется подобный сюжет? С 2006 г. в старшей школе для мальчиков Университета Комабы (Цукуба) проводится ежегодный конкурс красоты «Мисс Цукукома» (название происходит от слияния слов Цукуба и Комаба). Эта школа – одно из самых элитных учебных заведений в Японии, а ее выпускники ежегодно поступают в лучшие японские и заграничные вузы [12]. Конкурс красоты давно прижился в школе и стал одним из самых посещаемых

праздников, а победители прошлых лет с удовольствием участвуют в роли ведущих.

Вне школы и университета так же существует культура уже вышеупомянутых she-men или otoko-no-ko (девушка-парень) – молодых парней, занятых в сфере обслуживания, использующих в своей деятельности женский образ. Чаще всего, это официанты в кафе и специализированных ресторанах, зазывающие возле магазинов или модели [13]. В интервью эти парни говорят, что следование женскому образу внешне доставляет им удовольствие: им нравится переодеваться в одежду, которую они считают красивой, говорить более высоким голосом и изображать девушку-официантку. Многие из них постоянно посещают косметолога, парикмахера, наращивают и расписывают ногти, чтобы соответствовать образу современной японки. При этом трое интервьюируемых ответили, что состоят в отношениях с девушками и считают себя главами семьи.

Таким образом, японцы, использующие в своей работе феминный гендерный дисплей, чаще всего не относятся к квир-идентичности (это не является обязательным условием или даже распространенной тенденцией) и не воспринимаются подобным образом самим обществом. В Японии важнее, чтобы человек, выполняя свою работу, делал это профессионально и на высоте, поэтому такое щепетильное следование феминности, желание отобразить наиболее точно женские черты и характеристики не только не осуждается, но и приветствуется как показатель мастерства и серьезного подхода к делу. В то же время в личных и семейных отношениях такие мужчины могут занимать совсем иное место, исполнять функцию отца и главы семьи. Для Запада необходимость и значимость такого разделения ролей в разных сферах жизни стали очевидными только с середины XX в., для Японии уже многие века подобное разделение не новость, а норма жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киммел М. Гендерное сообщество. М. : Рос. полит. энцикл., 2006. 464 с.
2. Watanabe T., Iwata J. The Love of the Samurai: A Thousand Years of Japanese Homosexuality. GMP, London, 1989. 158 p.
3. Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. М. : Время, 2009. 704 с.
4. Zanghellini A. Underage sex and romance in Japanese homoerotic manga and anime // Social and Legal Studies. 2009. № 18 (2). P. 159–177.
5. Zanghellini A. «Boys love» in anime and manga: Japanese subcultural production and its end users // Journal of Media & Cultural Studies. 2009. № 23 (3). P. 279–294.
6. Масакацу Г. Японский театр кабуки. М. : Рипол Классик, 2013. 234 с.
7. Гришелёва Л.Д. Театр современной Японии. М. : Искусство, 1977. 237 с.
8. Гундзи М. Японский театр кабуки. М. : Прогресс, 1969. 232 с.
9. Aoyama T., Hartley B. Girl Reading, Girl in Japan. Routledge, 2012. 256 p.
10. Buckley Encyclopedia of Contemporary Japanese Culture. Taylor & Francis, 2009. 634 p.
11. Tan C. Of Senses and Men's Cosmetics: Sensory Branding in Men's Cosmetics in Japan. European Journal of Social Sciences. 2008. 6 (1). URL : <http://lib.znate.ru/docs/index-148663.html>.
12. Danshikōdearu “Misu Tsukukoma” no reberu ga taka sugirito wadai ni josei seiyū mo kyōgaku shōsan tūto // Уровень конкурса «Мисс Цукукома» в школе для мальчиков слишком высок, – заявляют девушки в своих твитах. URL: <http://news.livedoor.com/article/detail/8227226>.
13. The cutest she-men in Japan. We sneaked into a dragged-up cafe in Akihabara. URL : <http://youtu.be/rGfFv1GwOCc>.

Boyarinova Polina A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sampo-holder@ya.ru

MEN AND FEMINITY IN JAPANESE CULTURE: TRADITION AND MODERNITY.

Keywords: Japanese culture; masculinity; feminine display.

Feminist theory has questioned the nature of ascriptive categories such as masculinity and femininity. Gender history and anthropology, in its turn, on the example of studying of different cultures, confirmed the theoretical conjectures using specific sources. Especially strongly stereotypes of masculinity and femininity are displayed in the investigation of phenomena, which is not specific to European

culture. Such phenomenon in Japanese culture is the usage of feminine gender display by men. At the same time a men who are using feminine gender display does not necessarily perceived as a representative of queer culture. While in Western culture using feminine gender display by men not only causes decrease in social status, but also the loss of male identity, as well as bring on traditionally negative ratio on the part of both men and women. In Japanese culture, there is a long tradition which legitimizes the usage of the feminine gender display by men. Firstly gynocentric influence of the Heian period culture with specific notions of beauty as an absolute standing beyond gender categories played its role. In general it has led to the fact that the Japanese masculinity is softer, more “feminine” in comparison with the European one. Secondly the practicees of “syudo” in the samurai class and “tyudo” among the monks which have not defined as “homosexual” and were the norm of social life, led to the fact that young men longed to be attractive to older companions (to raise their status hereinafter). Thirdly a big role was played by the tradition of medieval Japanese kabuki theater, in which women's roles were played by young men. Growth of popularity of the theater and the profession of the actor in the Meiji period made actors honorable members of society. Kabuki actors had great success among women. Currently, in the media and popular culture, there are many areas, the central figure of which are men who are realizing the feminine gender display. There are such images in manga, anime, dramas (where the central theme is gender masquerade), music (visual kei style) and everyday life (she-men or otoko-no-ko culture). The Japanese men who are using the feminine gender display for work or hobby are generally very popular among the girls (who are the main visitors of such thematic cafes). It shows that these men do not lose their gender identity, as well as the usage of the feminine gender display doesn't lower their social status.

REFERENCES

1. Kimmel, M. (2006) *Gendernoe soobshchestvo* [The Gender Society]. Translated from English by O.A. Oberemko & I.N. Tartakovskaya Moscow: ROSSPEN.
2. Watanabe, T. & Iwata, J. (1989) *The Love of the Samurai: A Thousand Years of Japanese Homosexuality*. GMP, London.
3. Kon, I.S. (2009) *Mal'chik – otets muzhchiny* [The boy as the father of the man]. Moscow: Vremya.
4. Zanghellini, A. (2009) Underage sex and romance in Japanese homoerotic manga and anime. *Social and Legal Studies*. 18(2). pp. 159-177. DOI: 10.1177/0964663909103623
5. Zanghellini, A. (2009) “Boys love” in anime and manga: Japanese subcultural production and its end users. *Journal of Media & Cultural Studies*. 23(3). pp. 279-294. DOI: 10.1080/10304310902822886
6. Masakatsu, G. (2013) *Yaponskiy teatr kabuki* [Japanese Kabuki theater]. Moscow: Ripol Klassik.
7. Grisheleva, L.D. (1977) *Teatr sovremennoy Yaponii* [The theater of modern Japan]. Moscow: Iskusstvo.
8. Gunji, M. (1969) *Yaponskiy teatr kabuki* [Japanese Kabuki theater]. Translated from Japanese by B.V. Raskin. Moscow: Progress.
9. Aoyama, T. & Hartley, B. (2012) *Girl Reading Girl in Japan*. Routledge.
10. Buckley, S. (ed.) (2009) *Encyclopedia of Contemporary Japanese Culture*. Taylor & Francis.
11. Tan, C. (2008) Of Senses and Men's Cosmetics: Sensory Branding in Men's Cosmetics in Japan. *European Journal of Social Sciences*. 6(1).
12. Livedoor NEWS. (2013) *Danshikōdearu “Misu Tsukukoma” no reberu ga taka sugiruto wadai ni josei seiyū mo kyōgaku shōsan tūto* [The level of the competition “Miss Tsukukoma” school for boys is too high – say a girl in her tweets]. [Online] Available from: <http://news.livedoor.com/article/detail/8227226>.
13. *YouTube*. (2013) The cutest she-men in Japan. We sneaked into a dragged-up cafe in Akihabara. 6th February 2013. [Online] Available from: <http://youtu.be/rGfFv1GwOCC>.

Е.К. Маслова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ СОЦИОЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НА ПРИМЕРЕ Э.С. КУЛЬПИНА И Л.Н. ГУМИЛЕВА

Развитие современной науки в сторону междисциплинарности ставит проблему релевантности использования нетрадиционных для гуманитарного познания методологий. Рассматриваются два подхода авторов, использующих междисциплинарные методы: Л.Н. Гумилева, чьи взгляды подвергаются критике по критериям научности с момента первых его публикаций, и Э.С. Кульпина, который создал новое направление научных исследований, назвав его «социоестественная история» и противопоставив «традиционной истории». Выбор именно этих авторов обусловлен их схожестью в концепциях и методологии – акцент ставится на природные факторы в истории, методология опирается на междисциплинарность. В то же время реакция научного сообщества на их творчество сильно различается.

Ключевые слова: социоестественная история; Э.С. Кульпин; Л.Н. Гумилев; междисциплинарность.

Междисциплинарные подходы становятся все более актуальными в современной гуманитарной науке, они находят отражение не только в работах историков, но даже в создании научных школ, как, например, школы социоестественной истории, основным принципом которой является изучение истории человечества неотрывно от истории природы. Социоестественная история (СЕИ) опирается на традиционную историю, она и есть прежде всего история, предмет, назначение которого – изучение взаимосвязей и взаимозависимости явлений, процессов и событий в жизни людей и в жизни природы как в настоящем, так и в прошлом [1. С. 17]. Наиболее известным представителем российской социоестественной истории является Эдуард Сальманович Кульпин – кандидат экономических наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии и Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой истории Московского физико-технического института.

СЕИ как наука сформировалась относительно недавно. Связи между обществом и природой ученые называют социоестественными, так как в этом названии отражена взаимозависимость человека и природы, а также подчеркивается междисциплинарность как основное условие изучения. СЕИ возникла вследствие необходимости разрешить те вопросы, на которые не удалось найти ответ в рамках традиционных научных дисциплин, не отказываясь от прежнего знания, а только добавив новое.

Изучить историю природы совместно с историей человечества пытался и Л.Н. Гумилев. В созданной им теории этногенеза также использовалась методология разных научных дисциплин, что позволило поставить иные вопросы и, соответственно, дать на них иные, нетипичные для исторической науки ответы.

Однако реакция научного сообщества на эти два подхода существенно различается: Гумилева часто обвиняют в ненаучности его идей, в недоказуемости выводов, а СЕИ воспринимается вполне толерантно. Почему же одна из теорий оказывается по факту выведена за «рамки научности», а другая воспринимается вполне

толерантно в российской и зарубежной науке – ответов на эти вопросы нет, хотя историография теории Л.Н. Гумилева представлена в большом объеме. Его концепция этногенеза относится к числу наиболее спорных теорий, вызывающих широкий, не всегда научный интерес. Резко негативно к Гумилеву относится Юлиан Бромлей. Полемика Л.Н. Гумилева с Ю.В. Бромлеем продолжалась долгие годы. Суть спора коренилась в отношении к природе этноса. Бромлей обвинял Гумилева в излишнем биологизаторстве, не принимал его теорию химер. Решительно не согласны с концепцией Гумилева Б. Кедров, И. Григулевич и И. Крывелёв. Отрицает научные достижения Гумилева В.А. Шнирельман.

Однако наряду с авторами, отрицающими научность идей Гумилева, есть большое число и тех, кто считает себя приверженцем этих теорий. Так, например, абсолютным приверженцем концепции Л.Н. Гумилева является Ю.М. Бородай. В первую очередь, Бородай доказывает, что теория этногенеза – сугубо марксистская, что, в свою очередь, оспаривают некоторые его оппоненты. Подробно анализировали работы Гумилева также Г.С. Померанц, Л. Клейн, М.И. Чемерисская.

Историография СЕИ в основном внутренняя, у социоестествоведов хорошо развита рефлексия. Например, Т.Ф. Столярова весьма подробно разбирает социоестественную историю с точки зрения мировоззренческой парадигмы. Исследует СЕИ и сам Э.С. Кульпин. Поскольку школа СЕИ – современный феномен, еще не формализованный, официальных и неофициальных рецензий не выходило, а обширной историографии еще не сложилось.

Для того чтобы разобраться в поставленной проблеме, нужно сравнить практическое применение методов данных теорий.

Основным методом исследования в СЕИ является междисциплинарность. И в первую очередь это не означает прямого перенесения методов исследования из естественных наук, изучающих живую и неживую природу, в область гуманитарных наук, изучающих

общество – гораздо более сложную систему. Наоборот, на основании естественнонаучных подходов разрабатывается новая методология.

Серьезным отличием Гумилева от СЕИ является то, что в СЕИ четко прописана и проработана методология, это позволяет избежать механического соединения множества отдельных факторов (географических, биологических и т.п.). На это указывает Т.Ф. Столярова в докладе на III конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории» [2]. В частности, прописано особое значение использования методологии и данных естественных наук: используются характеристики климатических зон, точные географические измерения, уровень воды мирового океана, градусы температур и т.п. Например, в книге «Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства» приводятся данные максимальных значений температур во время распада Золотой Орды: в Причерноморье –6 градусов по Цельсию, против –35 градусов в Восточном Казахстане, а также длительность безморозного периода (260 дней против 193) и сумму годовых осадков (330 мм против 235) [3. С. 92].

Большинство из подобных методов использует и Л.Н. Гумилев: «Изучая этногенез, исследователь применяет методы географии» [4. С. 178–179]. Так, например, при изучении истории Хазарии он большое внимание уделяет уровню Каспийского моря в разные исторические периоды. По его данным, в XX в. этот уровень состоял на отметке минус 28 м, в X в. – на отметке минус 28,5–29,5 м [5. С. 27]. Гумилев говорит, что это практически современный уровень или немного ниже [Там же. С. 93].

Э.С. Кульпин выделяет типичную ошибку гуманистов – в отличие от естественников, они, не имея исчерпывающих данных, но приводя колоссальное количество фактов, не делают на основании их обобщения [6]. Он не отрицает тот факт, что Гумилев это обобщение использовал в гуманитарной сфере, но использовал эмпирическое обобщение – новый реальный факт, обнаруженный не прямым, а косвенным наблюдением [Там же]. Эмпирическое обобщение используется и в СЕИ.

Помимо этого, одним из главных принципов анализа в СЕИ является принцип дополнительности, который сформулирован так: «Одно и то же событие мы можем охватить с помощью двух различных способов рассмотрения. Оба способа взаимно исключают друг друга, но также дополняют друг друга, и лишь сопряжение двух противоречащих друг друга способов рассмотрения полностью исчерпывает наглядную суть явления» [Там же]. Принцип разработан физиками Н. Бором, Б. Паули и В. Гейзенбергом. Но Кульпин не просто копирует метод, он перерабатывает его под свой предмет исследования: в анализе, с одной стороны, используются закономерности из истории людей, а с другой – истории природы.

В отличие от Л.Н. Гумилева, который в качестве основного вида доказательства использует приведение

всевозможных фактов, Кульпин считает, что принцип, принятый у гуманистов, – приведение большого количества фактов и остановка перед выводением общего правила до тех пор, пока накопленное количество фактов не покажет их всеобщность, – не рационален [Там же].

Исходя из значимости свидетельств естественных наук, СЕИ не изучает поступки отдельной личности, в отличие от Гумилева, который считал, что личность способна влиять на ход истории. Но социоестественники не отрицают факт такого влияния, они просто не считают это предметом своего изучения, поскольку поступки отдельного человека не выявляют глобальной взаимосвязи между обществом и природой. Однако в сентябре 2010 г. и марте 2011 г. в журнале «История и современность» под редакцией Кульпина в разделе «Теоретические проблемы истории» были опубликованы две статьи Л.Е. Гринина: «Личность в истории: эволюция взглядов» [7. С. 3–44] и «Личность в истории: современные подходы» [8. С. 3–41]. В данных статьях доказывается, что в век глобализации есть серьезная необходимость уделить внимание исследованию этой проблемы. Конечно, в журнале есть сноска, сообщающая о том, что публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции [9. С. 2], однако редакция самостоятельно отбирает актуальные и подходящие под тематику¹ журнала статьи. Это характеризует редактора, Э.С. Кульпина, как толерантного к любому виду научного знания, если оно помогает открыть новые методы, показать лакуны уже имеющихся знаний и позволяет дать прирост новых.

Еще одним методом СЕИ является составление синхронистической таблицы. Разумеется, синхронистическая таблица не может заменить текста, в котором события изложены подробно, а связи между ними обоснованы. Но таблица на это и не претендует; она лишь дополняет текст и служит фундаментом. Синхронистическая таблица выявляет значимость процессов, а значит, и направления – объекты конкретных исследований. Она же показывает «узкие места» – те, где известных фактов для понимания процессов недостаточно и необходимо либо дополнительное специальное исследование, либо, если таковое невозможно, искусственная реконструкция – моделирование. В сборниках СЕИ [10. С. 269] всегда печатаются синхронистические таблицы, есть они и в книгах Гумилева [11. С. 467–506]. Однако Гумилев синхронизирует процессы в жизни этноса с процессом нарастания-угасания пассионарности, тогда как Кульпин – процессы в жизни общества и природы.

Как видно из таблиц, Э.С. Кульпин заносит в таблицу огромные временные отрезки. Это особая макроистория, иная, чем в марксизме, из-под рамок которого вышел Кульпин. У Л.Н. Гумилева более традиционная для марксизма периодизация, принятая в исторической науке длительное время: эллинизм, Рим и т.д. К тому же Кульпин делает акцент на археологическую периодизацию: неолит, энеолит и т.д., а Гумилев ставит в

центре исследования этнос, и именно поэтому его таблица построена по культурно-историческим общностям, тогда как Кульпин не разделяет культуры, основа его таблиц – типология событий.

В таблице Л.Н. Гумилева в основном упор делается на политические события, природный фактор представлен гораздо меньше: увлажнение-усыхание, кли-

матический оптимум и уровень моря, плюс он относит к климатическому фактору пассионарный толчок (табл. 1). В таблице Э.С. Кульпина есть и климатический оптимум, и похолодание, и смена гидрорежима, и эрозия почв, и влажность, и температура, но большее внимание уделяется экологическому кризису (табл. 2).

Таблица 1

Пример синхронистической таблицы из книги Л.Н. Гумилева [12. С. 289]

Дата до н.э.	Рим	Эллинизм	Туран	Хунну и хань	Природные условия
1	2	3	4	5	6
230–221	Покорение италийских галлов	Великая Сирия	Парфяне против греков	Ослабление хуннов; преобладание дунху. Победа Цинь	Повышенное увлажнение степи
220–210	Ганибал в Италии	Отделение Греко-Бактрии от Сирии	Гегемония согдов в Восточной Азии	Завоевание Ордоса и строительство Великой стены китайцами	Климатический оптимум, пассионарный толчок
209–200	Победа Рима над Карфагеном	Антиох оттеснил парфян из Мидии и осадил Бактры	Поражение хуннов: жестокая война усуней и согдов с хуннами	Модэ организовал державу Хунну. Покорение соседей. Провозглашение Хань империей	Низкий уровень Каспия (абс. отм. минус 32 м)

Таблица 2

Отрывок таблицы СЕИ из книги Э.С. Кульпина [10. С. 256–269]

Природные		Социоестественные		Социальные, экономические, политические и культурные	
IV–III тыс. до н. э. – мифический «золотой век»					
Процессы	Явления и события	Процессы	Явления и события	Процессы	Явления и события
Климатический оптимум голоцена. На Средне-Китайской равнине – устойчивый теплый и влажный климат, флора и фауна субтропиков и тропиков	Климатический оптимум голоцена	Неолит и энеолит. Переход от охоты, рыболовства и собирательства к мотыжному земледелию на аллювиальных и лесовых почвах верхнего и среднего течения Хуанхэ		Первые поселения на территории Китая. Производство керамических сосудов	Возникновение космических мифов
II тыс. до н. э. – эпоха бронзы					
Медленное похолодание и аридизация климата с соответствующей сменной биоты	Резкое похолодание к концу тысячелетия, сокращение вегетационного периода		Сокращение массы прибавочного продукта	Формирование первых протогосударств с письменной историей. Сложение конструктивных основ деревянной архитектуры. Культ предков. Культ неба	Государство Шан-Инь (ок. XVI в.). Создание Шуцзин – книги преданий (ок. XIV–VIII вв.). Политический кризис, падение Шан-Инь, возникновение государства Чжоу (XI в.)

Если провести параллели между двумя таблицами, то можно увидеть, что у авторов есть пересечения в рассмотрении природных процессов: оба рассматривают в качестве таковых климатический оптимум, а также аридизацию/гумидизацию. Однако Гумилев не выходит дальше, не выстраивает события и процессы в области совместной деятельности человека и природы, что делает Кульпин.

Вновь обратимся к статье М.А. Бойцова, который говорил, что генерализирующие исследования становятся неактуальными в науке [13. С. 17–41]. Его критики (А.Я. Гуревич, И.С. Свенцицкая) писали о том, что нельзя рассматривать часть без представления о целом [14]. Но дробление предметов изучения на все более и более узконаправленные приводит к тому, что специалист становится менее сведущ в изучении целого. По-

этому, чтобы составить генерализирующую картину, СЕИ привлекает разных специалистов, чтобы как раз и собрать из частей – целое. Тем более что междисциплинарное исследование требует знаний в разных отраслях науки. Если всеми нужными знаниями обладает исследователь, тогда он может один решить задачу. Такой вариант не правило, а исключение, с точки зрения Э.С. Кульпина.

Гумилев являет собой упомянутое исключение, он сам пытался быть специалистом сразу во всем, что и затрудняло его работу, а также оценку его работ. А. Савченко пишет, что познания Гумилева были энциклопедическими, а память феноменальная, причем не только в истории, но и во многих других науках, в поэзии и даже в религиозной догматике [15. С. 24].

Социоестественное исследование же является комплексным и, как правило, требует коллектива разных специалистов. Задачу может поставить любой член коллектива, но руководитель или все участники коллектива должны определить, что требуется для решения задачи. Этот метод Кульпин называет методом «Апполо», т.е. делаться все должно подобно программе «Апполон» – высадке человека на Луне. Поэтапно выясняется, какие проблемы должны быть решены, чтобы была выполнена поставленная задача. Далее, что нужно сделать для решения проблем, – это выявить проблемы первого и второго ярусов. Затем, если необхо-

димо, – третьего и дальнейшего ярусов. Так определяется круг проблем, а следовательно, и круг специалистов, порядок работы. Это позволяет привлекать узких специалистов для создания единой концепции, а следовательно, минимизировать риски ошибок из-за недостаточности знаний ученого в какой-либо из областей.

Графики и схемы в книгах СЕИ, в отличие от некоторых графиков у Гумилева, содержат необходимые для анализа данные. В книге Д.Б. Прусакова «Древний Египет: почва цивилизации» представлен график аномалий среднегодовой температуры Северного полушария в голоцене по В.В. Клименко [16. С. 26] (рис. 1).

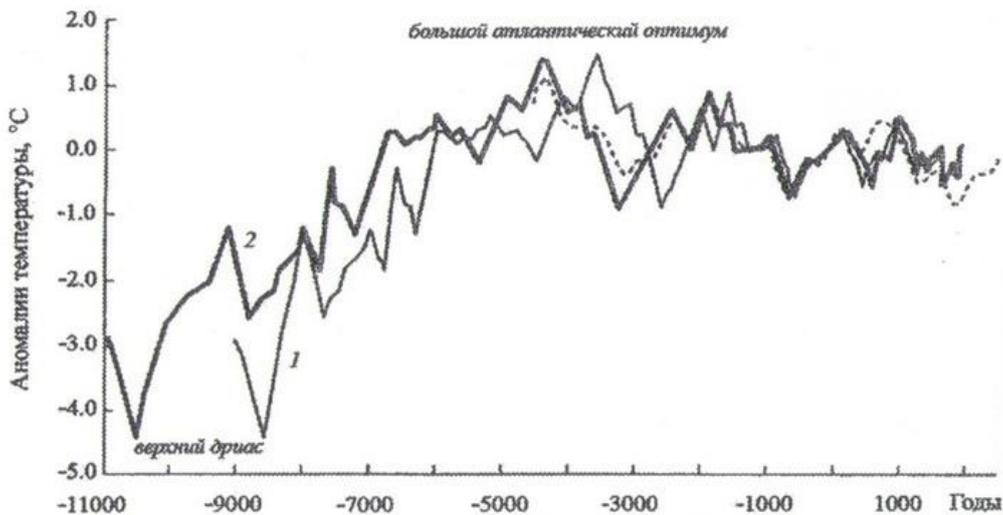

Рис. 1. График аномалий среднегодовой температуры Северного полушария в голоцене по В.В. Клименко

В отличие от графиков из книги Л.Н. Гумилева, на этом графике по осям отложены измеримые величины: на оси абсцисс – время в годах, на оси ординат – температуры в градусах по Цельсию.

Кривые построены исходя из вычисленных обозначений: 1 – радионуклидные даты, 2 – календарные да-

ты. Показательно, что Прусаков, будучи доктором исторических наук, не берется самостоятельно прорисовать график аномалий температур, а берет его у В.В. Клименко – доктора технических наук. Для сравнения – один из самых спорных графиков Гумилева (рис. 2).

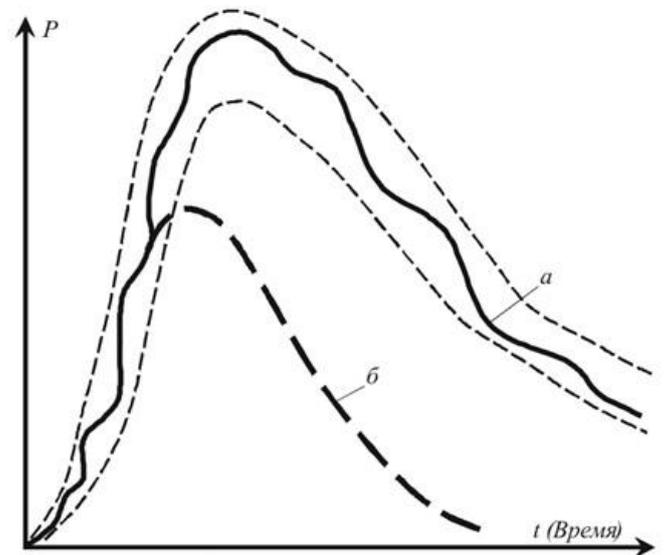

Рис. 2. Идеализированный ход функции P, характеризующий ход процесса этногенеза

Использование Л.Н. Гумилевым терминов из неисторических сфер часто критиковалось его оппонентами. Применяя термины естественных наук («излучение», «аннигиляция», «импульс инстинкта», «индукция»), он превращал социокультурные явления в явления физические. Напротив, Э.С. Кульпин пишет, что понятия пограничных научных дисциплин могут использоваться только в тех случаях, когда возникает необходимость в более точных (узких) дефинициях, если же такой необходимости нет, «социоестествовед должен руководствоваться принципом: не создавать без нужды новые сущности» [6]. Обычно новая научная дисциплина влечет за собой появление нового научного языка, но междисциплинарность порождает особую проблему. Необходимость сохранения языка наук, на стыке которых рождается новая, усложняется необходимостью овладения терминологиями таких далеких друг от друга гуманитарных и естественных наук.

Основные термины СЕИ, например бифуркация, суперэтнос, цивилизация, социально-экологический кризис и т.д., общеизвестны и также употребляются Львом Гумилевым. Естественнонаучные термины, действительно, используются редко и в необходимом контексте, например: «динамика показывает стабильность условий климатического оптимума» [17. С. 44] или «соотношение сил факторов “выталкивания-притяжения” <...> показывают, что не только внутренние пружины развития этноса <...>, но и внешние обусловили массовое переселение» [Там же. С. 52]. Сам язык написания работ Кульпина сложно назвать завораживающим, в отличие от стиля языка Л.Н. Гумилева, однако содержательность и информативность текста не отменяют его стилистическую красоту и читательский интерес. Отсутствие шокирующих метафор не будет лишним раз смущать критиков и ставить под сомнение научность текста, что как раз и случилось с работами Гумилева.

В целом сложно сказать, что методология СЕИ является новой в науке, она признана во многих областях знаний (например, принцип дополнительности используется в квантовой механике), однако для исторических исследований она еще не применялась в таком масштабе. Но и непризнанными методами истории это назвать нельзя: можно встретить подобное в археологии или социальной антропологии, однако не всегда в качестве основных методологических установок. Еще в 1920-е гг. была разработана программа функционального исследования археологического материала с применением методов естественных наук, большое значение стали придавать показаниям четвертичной геологии и палеоботаники [18. С. 38]. А при анализе результатов процесса раскалывания галечных форм археологом П.В. Волковым была использована типология, основанная на принципе, который можно было бы назвать тригонометрическим: типология галечных артефактов основывалась на восприятии процесса первичного расщепления как процесса деления эллипсоидных форм на абстрактные доли, сектора и прочие части геометрической фигуры [19. С. 9].

И Гумилев, и Кульпин стремились находить новые объяснения старых и нерешенных проблем в рамках междисциплинарного исследования. Однако используемые методы, которые Гумилев приписывает к естественнонаучным, не всегда таковыми являются. Критики находят вольно построенные таблицы и графики, а термины из других научных дисциплин не всегда оправданы и приспособлены для гуманитарного исследования. Но это лишь еще одна «защепка» против научности теории Гумилева, тогда как кардинальной разницы в методологиях СЕИ и Гумилева не наблюдается (скорее, в их применении). Следовательно, существенное основание для разведения данных двух теорий следует искать в другом поле.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Основные темы журнала «История и современность»: история цивилизаций и народов, теоретические проблемы истории, основные проблемы современности, связь общества и природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прусаков Д.Б. Природа и человек в Древнем Египте. М. : Московский лицей, 1999. 240 с.
2. Столярова Т.Ф. Социоестественная история как одно из оснований мировоззренческой парадигмы XXI века. URL: http://www.kulpin.ru/?page_id=471, свободный (дата обращения: 26.09.2012).
3. Кульпин Э.С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. Изд. 2-е, испр. М. : КомКнига, 2006. 176 с.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : АСТ, 2002. 560 с.
5. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М. : Айрис-пресс Рольф, 2001. 411 с.
6. Кульпин Э.С. Бифуркация Запад – Восток. Введение в социоестественную историю. URL: http://www.kulpin.ru/?page_id=101, 20012, свободный (дата обращения: 27.02.12).
7. Гринин Л.Е. Личность в истории: эволюция взглядов // История и современность. 2010. № 2.
8. Гринин Л.Е. Личность в истории: современные подходы // История и современность. 2011. № 1 (13).
9. История и современность. 2011. №1 (13).
10. Кульпин Э.С. Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке. (Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России» / под ред. Э.С. Кульпина. Вып. XII). М. : Московский лицей, 1998. 272 с.
11. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М. : Товарищество Клышников, Комаров и К^о, 1992. 520 с.
12. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М. : Айрис-пресс, 2003. 384 с.
13. Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту! // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М. : Изд-во РГТУ, 1999. С. 17–41.
14. Есть ли будущее у науки о прошлом? (дискуссия по поводу статьи М. Бойцова «Вперед, к Геродоту!»). 1999. URL: <http://archive.svoboda.org/programs/td/1999/td.030399.asp>, свободный (дата обращения: 25.03.2015).

15. Савченко А. Семь лет рядом со Львом Гумилевым // Новый мир. 1996. № 2. С. 240–250.
16. Прусаков Д.Б. Древний Египет: почва цивилизации (Этюд о неолитической революции) / отв. ред. Э.С. Кульпин. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 152 с.
17. Кульпин Э.С. Русь между Западом и Востоком. Серия «Социально-естественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. XVIII. М. : Институт востоковедения РАН, 2001. 232 с.
18. Викторова В.Д. Научный поиск в археологии. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 152 с.
19. Волков П.В. Методика технологического исследования и типологии галечных артефактов : учеб.-метод. пособие. Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, Институт археологии и этнографии СО РАН, 2009. 76 с.

Maslova Ekaterina K. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ekaterina_maslova@sibmail.com

COMPARATIVE ANALYSIS OF METHODOLOGICAL APPROACHES SOCIAL-NATURAL HISTORY (THE CASE OF E.S. KULPIN) AND L.N. GUMILEV.

Keywords: social-natural history; E.S. Kulpin; L.N. Gumilev; interdisciplinary.

The development of modern science toward interdisciplinary puts a problem of relevance of using unconventional methodologies for humanitarian knowledge. This article considers two authors using interdisciplinary methods: L.N. Gumilev, whose views have been criticized by scientific criterions since his first publications, and E.S. Kulpin, who created the new direction of scientific researches called "Social-natural history" and who opposed that to «traditional history». The choice of these authors is caused by their similarity in conceptions and methodology – the accent is put on natural factors in history, the methodology bases on interdisciplinarity. At the same time the reaction of scientific community to their studies widely varies. Why is one of the theories in fact is beyond the "scope of science" and the other theory is perceived quite tolerantly? The answer to a question is not found in the Russian and foreign science, although the historiography of the theory of L.N. Gumilev is presented in large volume. We will try to answer this question, using comparative analysis of methodological approaches of both theories. The interdisciplinary research requires knowledges in the different branches of science. The researcher can solve the problem by himself, if he has all necessary knowledges. According to E.S. Kulpin this variant is not rule, but the exception. Gumilev is an exception, he tried to be an expert in everything that made his work and an assessment of his papers difficult. The Social-natural research is complex and usually requires a team of different specialists. Any member of the team can set the task, but the head or all team members must determine what is needed to solve the problem. It is difficult to say that the methodology of Social-natural history is new in science, it is recognized in many areas of knowledges (for example, the principle of a complementarity which is used in quantum mechanics), but it was not applied for historical researches in such numbers yet. Also it is difficult to call the methodology of Social-natural history unrecognized methods of history: it can met in archeology or in social anthropology, but not always as the main methods. L.N. Gumilev and E.S. Kulpin tried to find a new explanations of old and unsolved problems in interdisciplinary research. However, the methods which L.N. Gumilev attributes to the natural sciences, not always those are. Critics find freely created tables and schedules, and terms of other scientific disciplines are not always justified and adapted for humanitarian research.

REFERENCES

1. Prusakov, D.B. (1999) *Priroda i chelovek v Drevnem Egipte* [Nature and Man in Ancient Egypt]. Moscow: Moskovskiy litsey.
2. Stolyarova, T.F. (1994) *Sotsioestestvennaya istoriya kak odno iz osnovaniy mirovozzrencheskoy paradigmy XXI veka* [Sotsionatural history as one of the foundations of a world outlook paradigm of the 21st century]. [Online] Available from: http://www.kulpin.ru/?page_id=471. (Accessed: 26th September 2012).
3. Kul'pin, E.S. (2006) *Zolotaya Orda: problemy genezisa Rossiyskogo gosudarstva* [The Golden Horde: The genesis of the Russian state]. 2nd ed. Moscow: KomKniga.
4. Gumilev, L.N. (2002) *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. Moscow: AST.
5. Gumilev, L.N. (2001) *Otkrytie Khazarii* [Opening of the Khazars]. Moscow: Ayris-press Rolf.
6. Kul'pin, E.S. (1996) *Bifurkatsiya Zapad-Vostok. Vvedenie v sotsioestestvennyuyu istoriyu* [The West-East Bifurcation. Introduction to the Social-Natural history]. [Online] Available from: http://www.kulpin.ru/?page_id=101, 20012. (Accessed: 27th February 2012).
7. Grinin, L.E. (2010) Lichnost' v istorii: evolyutsiya vzglyadov [Personality in History: Evolution of opinions]. *Istoriya i sovremennost'*. 2.
8. Grinin, L.E. (2011) Lichnost' v istorii: sovremennye podkhody [Person in History: Modern approaches]. *Istoriya i sovremennost'*. 1(13).
9. Kul'pin-Gubaydullin, E.S. (ed.) (2011) *Istoriya i sovremennost'*. 1(13).
10. Kul'pin, E.S. (1998) *Vostok. Chelovek i priroda na Dal'nem Vostoke* [East. Man and Nature in the Far East]. Moscow: Moskovskiy litsey.
11. Gumilev, L.N. (1992) *Drevnyaya Rus' i Velikaya Step'* [Ancient Rus and the Great Steppe]. Moscow: Tovarishchestvo Klyshnikov, Komarov i K^o.
12. Gumilev, L.N. (2003) *Tysyacheletie vokrug Kaspiya* [Millennium around the Caspian Sea]. Moscow: Ayris-press.
13. Boytsov, M.A. (1999) Vpered, k Gerodotu! [Ahead, to Herodotus!]. In: Bessmertnyy, Yu.L. & Boytsov, M.A. (eds) *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii* [Casus. Individual and unique in history]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 17-41.
14. *Radio Svoboda*. (1999) Est' li budushchee u nauki o proshlom? (diskussiya po povodu stat'i M. Boytsova "Vpered, k Gerodotu!") [Is there a future for the science about the past? (Discussion on the article by M. Boytsov "Ahead, to Herodotus!").] [Online] Available from: <http://archive.svoboda.org/programs/td/1999/td.030399.asp>. (Accessed: 25th March 2015).
15. Savchenko, A. (1996) *Sem' let ryadom so L'vom Gumilevym* [Seven years next to Lev Gumilev]. *Novyy mir*. 2. pp. 240-250.
16. Prusakov, D.B. (2010) *Drevniy Egipt: pochva tsivilizatsii (Etyud o neoliticheskoy revolyutsii)* [Ancient Egypt: The soil of civilization (An essay about of the Neolithic revolution)]. Moscow: LIBROKOM.
17. Kul'pin, E.S. (2001) *Rus' mezhdz Zapadom i Vostokom* [Rus between East and West]. Moscow: Institute for Oriental Studies RAS.
18. Viktorova, V.D. (1989) *Nauchnyy poisk v arkhologii* [Scientific research in archeology]. Sverdlovsk: Urals State University.
19. Volkov, P.V. (2009) *Metodika tekhnologicheskogo issledovaniya i tipologii galechnykh artefaktov* [Methods of technological research and typology of pebble artifacts]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

УДК 930.1

DOI: 10.17223/19988613/39/15

А.С. Черепанов

МИФ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М. ЛАЙТМАНА

Затрагиваются некоторые аспекты исторических взглядов Михаэля Лайтмана. Рассматривается проблема мифотворчества в историческом повествовании мыслителя. В качестве методологической основы выступает концепция мифа М. Элиаде.

Ключевые слова: Лайтман; исторические взгляды; мифология; современный миф.

Прошлое человечества и его судьба интересуют широкий круг людей. В настоящее время насчитывается множество разных по уровню научности исторических концепций. Особый интерес представляют исторические и историософские взгляды различного рода религиозных и духовных лидеров. Одним из таких является наш современник, популяризатор каббалистического знания Михаэль Лайтман. Не являясь профессиональным историком, он излагает весьма оригинальную историческую модель. Одной из характерных черт его повествования является мифологичность.

Под мифом, опираясь на работы Мирчи Элиаде (см.: [1–3]), мы будем понимать особый тип мировосприятия, для которого характерны следующие черты.

Во-первых, миф является реальным и истинным событием для носителя мифа. При этом истинность мифа не нуждается в доказательствах, его правота подтверждается самим фактом существования мира. В исторической концепции Лайтмана упоминаются такие понятия, как Творец, духовные миры и силы, божественный свет, шестой орган чувств и пр. Для мыслителя они являются не столько воображаемыми, сколько реальными объектами (см.: [4. С. 290–292]). Излагая каббалистическую схему мироздания, он пишет: «Не существует ничего, кроме мира Бесконечности и нас в нем. Все остальное – суть фильтры, установленные на наших органах восприятия» [Там же. С. 27].

Во-вторых, миф содержит рассказ о творении, он имеет отношение к созданию. Этим рассказом в концепции Лайтмана является каббалистическое описание акта сотворения мира, создание единой души *Адам Ришон* и разрушение ее целостности.

В-третьих, миф является сакральным повествованием, это рассказ о вторжении сакрального в профанный мир.

Сакральное означает нечто предельно реальное, не в смысле чего-то осязаемого вещественно, скажем, лист бумаги, на котором напечатан данный текст, а своеобразная сосредоточенность неопровержимого, истинного, всего того, что обуславливает существование остального. Этим сакральным для Лайтмана является духовная сила – Творец (в другом варианте он использует такие слова, как Природа и альтруизм). Эта сила определяет структуру Вселенной и наполняет мир содержанием. Лайтман говорит: «Реальность происхо-

дит от Высшей силы, от Творца, от света. Высший свет строит кли. Вначале Он создает миры, а вслед за ним приходит творение – душа Адам Ришон. Эта душа разделяется на множество частей, спускающихся в плоскость нашего мира» [Там же. С. 77].

Профанное есть нечто обыденное, застывшее и даже в какой-то степени мертвое. Только сакральное вносит в профанное активность, творчество, динамизм жизни. Инструментом привлечения в мир сакрального является каббала. Занимаясь ей, человек, по мнению мыслителя, открывает новые горизонты в познании мира, пути преодоления глобального кризиса человечества, способы улучшения жизни и общества и т.п. (см.: [5. С. 81–82; 6. С. 15–16]).

В историческом повествовании Лайтмана можно выделить две линии: профанную (или мирскую) историю и сакральную историю. Первая описывает историю человечества, развивающегося под влиянием эгоизма. Цивилизация, технологический прогресс, войны, миграция и пр. – все вызвано ростом желания получить наслаждение. Стараясь удовлетворить растущий эгоизм, человек, тем не менее, не достигает своей цели, наоборот, вместо радости приходят страдание и разочарование, вместо гармонии – разрушение и глобальный кризис.

Стоит сказать, что человек здесь – не столько создатель истории, сколько пассивное орудие. У человека нет свободы воли. Он действует под влиянием эгоизма. Свобода воли, согласно Лайтману, возникает лишь при наличии духовной работы, в движении человека по приобретению свойств Творца, в стремлении быть подобным Ему (см.: [4. С. 285–286; 6. С. 213–214]). Другими словами, самостоятельность в поступках и мыслях начинается благодаря вмешательству сакрального в профанное (развиваясь с помощью каббалы, человек притягивает в мир божественную силу).

История каббалы и еврейская история составляют сакральную часть истории. Это история преодоления эгоизма, преобразования человека и исправления мира. Сами евреи рассматриваются Лайтманом не как этническая группа, а как последователи духовной методики (см.: [7, 8; 9. С. 7]), и в этом плане сакральная история находится вне национальных границ.

В сакральной истории действует сакральное время. Период египетского изгнания, 40 лет скитаний по пу-

стине, 7 дней творения и прочее мало имеют общего со временем в обычном понимании этого слова. Это не временные интервалы, а периоды исправления и состояния, ощущаемые в ходе духовной работы. Время как таковое в сакральной области не существует. Во время беседы с Владимиром Красновым Лайтман сказал, что в Высшей силе время отсутствует, оно развернуто лишь по отношению к человеческому сознанию (см.: [10]). Прошлое, настоящее и будущее дается в единстве. Это обстоятельство, согласно Лайтману, позволяет каббалистам, достигшим высокого духовного уровня, видеть весь процесс развития творения и человечества в его абсолютной полноте, нерасчлененности на временные этапы (см.: [11]).

В-четвертых, миф несет религиозно-магическую силу. Ритуально переживая миф, овладевая его знанием, человек познает «происхождение» и суть вещей и тем самым получает возможность оказать воздействие на мир. Так, Лайтман пишет, что каббалист своими усилиями «притягивает в наш мир Высший свет, несущий благо и изобилие» [12. С. 224].

В-пятых, миф сообщается в определенных условиях и определенному кругу лиц. Историческая концепция Лайтмана базируется на каббалистическом материале, а каббала на протяжении длительного времени оставалась уделом избранных. Первоначально, согласно мыслителю, она была занятием последователей Авраама – «народа Израэль», который составлял меньшинство человечества. Позже, когда он претерпел метаморфозу и превратился в обычный народ (евреев), каббалой продолжили заниматься единицы.

Характерной в связи с проблемой передачи знания является история каббалистической книги «Зогар». Лайтман придерживается мнения, что эта книга была написана во II в. н.э. рабби Шимон бар Йохаем, но была скрыта и лишь спустя несколько столетий обнародована. Лайтман объясняет это тем, что содержащиеся в ней сведения были предназначены для поколения далекого будущего. Человечество начала первого тысячелетия было не готово их воспринять, оно просто бы не поняло содержание книги (см.: [5. С. 28–29; 12. С. 17–20, 41–42; 13. С. 60]).

Однако в настоящее время каббала получает широкое распространение. Сам Лайтман выступает с популяризацией каббалистического знания. Это знание адресовано каждому и уже не имеет большого значения, является ли человек евреем, религиозным или образованным. Чтобы понять, почему данное обстоятельство не противоречит нашей характеристике мифа, необходимо учесть следующее. С одной стороны, Лайтман утверждает, что человечество находится в глобальном кризисе, с другой – указывает на потребность у части общества в духовном знании, объясняющем смысл жизни. Лайтман как бы говорит, что человечество больно и нуждается в интенсивной терапии, а каббала является *чудо-лекарством*. Другими словами, состояние болезни (глобальный кризис) является тем необхо-

димым условием для сообщения каббалы (и исторического мифа) широким массам.

В исторической схеме Лайтмана содержатся два больших мифа, которые можно обозначить как *Нисходящий* и *Восходящий*. Нисходящий миф – это рассказ о вселенской трагедии: удалении от первоисточника, порче идеала и гибели мира. Восходящий миф – это миф о спасении, исправлении мира и возвращении к первоисточнику.

Эти два больших мифа просматриваются в лайтмановской логике изложения исторического процесса: развитие человечества разделено на две стадии – нисхождение и восхождение. Так, история человечества на стадии нисхождения – это развитие человечества под влиянием эгоизма, когда оно «сползает» до глобального кризиса, а еврейская история – разрушение под влиянием растущего эгоизма целостности «народа Израэль», превращение его в обычный народ (евреев) и уход в изгнание (галут). За нисхождением должно последовать восхождение: евреи должны стать каббалистами и духовными учителями народов мира и вместе со всем человечеством достичь совершенства.

Одновременно с этим стадии нисхождения и восхождения характерны для описания эволюции мироздания: нисхождение – сам процесс творения, когда из альтруистической природы Творца образуется эгоистическое творение; восхождение – это процесс, когда творение (человек) самостоятельно развивает в себе качества Творца и становится *со-творцом*.

Нисходящий миф включает в себя два взаимосвязанных мифа: *миф о первоначальной всемирной катастрофе* и *эсхатологический миф*.

Миф о первоначальной всемирной катастрофе, или *швират га-келим* («разбиение сосудов»), заимствован Лайтманом из каббалы. Этот миф объясняет причину ущербности нашего мира. Суть швират га-келим, в следующем. В ходе сотворения мира была разрушена первоначальная целостность, в результате чего произошло смешение противоположных свойств – альтруизма и эгоизма. Произойдя в духовном мире, катастрофа проявилась и на нашем уровне бытия, собственно говоря, с момента разбиения сосудов стал возможен наш мир с его страданиями и суетой. Единая душа человечества – Адама Ришон – также подверглась разрушению, в результате чего возникла разобщенность людей, что, в свою очередь, стало причиной конфронтации между отдельными людьми и народами. Образ катастрофы проявляется в описании развития человечества. Каждое столетие конфликтной предыдущего, в нем острее ощущаются разобщенность и враждебность людей друг другу. Развитие человечества сопровождается страданиями, революциями, войнами, кризисами и т.п. Из сказанного выше отметим, что в концепции Лайтмана исторические события тесно связаны с процессами в высших мирах. Земная история есть отражение процессов высших миров. Так, развитие человечества под влиянием эго-

изма, падение «народа Израэль» являются земными аналогами швират га-келим.

Эсхатологический миф является продолжением мифа о всемирной катастрофе, произошедшей в начале мира. Так, кажется, что весь ход развития человечества предопределен к тому, чтобы завершить историю крахом культуры и гибелью человечества. Апокалипсическая картина истории ярко проявляется в высказываниях Лайтмана о глобальном кризисе (см.: [4. С. 383–388; 9. С. 9–10; 12. С. 239–240; 14. С. 205–251; 15. С. 79–122]), о потенциально возможной катастрофе в образе III и IV мировых войн, о возможном появлении в будущем государств фашистского и нацистского толка (см.: [4. С. 138; 9. С. 98–99]). Эсхатологические нотки усиливаются обращением внимания мыслителя на ускорение темпов развития человечества в сторону катастрофы. Так, во время интервью с Александром Никоновым Лайтман предостерегает: «Я скажу только одно: у человечества в запасе осталось немного времени» [9. С. 38].

Однако гибель мира не предопределена. Лайтман развивает другой миф – Восходящий. Из состояния упадка, усталости и безысходности человек и мир освобождаются от всего пагубного, порочного и поднимаются ввысь, к состоянию гармонии.

Восходящий миф основан на убеждении в спасительной функции каббалы и особой роли каббалистов. Этот миф по своему содержанию напоминает то, что М. Элиаде обозначил как *миф о вечном возвращении*.

Суть мифа сводится к стремлению человека вернуться к состоянию изначальной гармонии и совершенству первоначального мира, это ностальгия по утраченному раю и страстная жажда вернуться в него обратно.

В какой-то степени утраченным раем в концепции Лайтмана является состояние единства Творца и творения, а также целостность структуры Адам Ришон. Свообразным прообразом рая (или более или менее идеальным состоянием) в истории является период Первого Храма, когда «народ Израэль», занимаясь каббалой, находился в согласии и единстве с самим собой. Упрощая, можно сказать, что в первом случае речь идет о космическом рае, а во втором – о земном. Оба состояния были утрачены. В одном случае рай был потерян в результате космической катастрофы (швират га-келим), в другом – в результате роста эгоизма и неспособности «народа Израэль» справиться с ним.

Миф о возвращении просматривается в осмыслении, согласно Лайтману, роли евреев и их судьбы. По его мнению, сегодняшние евреи являются искаженной формой идеала. Не справившись с растущим эгоизмом и перестав заниматься духовной работой, они ушли в изгнание. На протяжении двух тысяч лет они испытывали притеснения, гонения и страдания. Это изгнание закончится, когда евреи исправят сами себя. Лайтман пишет: «Этот народ должен вернуться к состоянию, о котором говорил Авраам. Должна быть группа каба-

листов, которая вернется в то исправленное состояние, в котором она была во время духовного возвышения у горы Синай. После того как она смешалась с народами мира, группа должна вернуться к статусу получения Торы, присоединив к себе души всех народов мира, должна вновь стать готовой к получению Торы. Должна возобновить связь с Высшей силой, чтобы духовный уровень раскрылся для всех» [16. С. 58]. Другими словами, евреи должны вернуться к состоянию утраченной гармонии (стать каббалистами) и начать реализовывать свою миссию в мире, т.е. стать духовными учителями всего человечества.

Миф о возвращении прочитывается в оценках Лайтмана состояния современного общества. Он говорит о глобальном кризисе, общей усталости и безысходности положения: «Ощущение небывалой усталости и отчаяния пронизывают духовную жизнь современного человечества. Мы разуверились в будущем: оно приближается к нам как нежеланный гость» [15. С. 273]. И: «...мы словно заблудились, потеряв дорогу» [Там же. С. 274]. Кроме того, он указывает на обеспокоенность частью общества вопросами смысла жизни (см.: [4. С. 10, 137]). Другими словами, общество как бы озабочено утраченной целостностью и нуждается в обновлении.

Согласно Лайтману, степень обретения целостности, гармонии и удовлетворенности зависит от подобия свойствам Творца. Являясь творением, человек по своим качествам находится в противоположной от Творца стороне. Следовательно, человеку необходимо исправить себя, т.е., образно говоря, он должен начать двигаться в сторону Творца. Так как Творец является первопричиной всего, то движение человека, по сути, является возвращением творения к своему истоку. Кроме того, заметим, что, как пишет Элиаде, к истокам можно вернуться, повторяя акт сотворения мира или имитируя действия Бога. Приобретая свойства Творца (имитируя действия Бога) каббалист обретает целостность (возвращается к истокам).

В идее спасения и той роли, которую отводит М. Лайтман каббале, прослеживается еще один миф, который можно обозначить как *гностический*.

Суть мифа в следующем. Существуют два мира: идеальный духовный и ущербный, греховный. В ущербном мире мучается частичка мира идеального – душа человека. Будучи заложником греховного мира душа не может беспрепятственно вернуться в идеальный высший мир. При этом память об идеальном мире также является заложником греховного мира и душа не может вспомнить об идеальном. Однако в греховном мире существует знание, принадлежащее высшему миру, с помощью которого можно спастись от оков ущербного мира. Получение этого знания и его применение сопровождаются тяжелыми испытаниями и большими духовными усилиями.

Гностический миф связан с феноменом гностицизма. Можно выделить шесть основных признаков гно-

стицизма (см.: [17. С. 417–444; 18. С. 112–147]). Во-первых, это платонизм, или тяга к иным мирам. Во-вторых, дуализм: смерть и жизнь, дух и плоть, спасение и рабство и т.д. В-третьих, идея нехватки, отсутствия чего-то важного. В-четвертых, представление о демиурге, боге-творце, который вместе со своими помощниками (архонтами) испортил первоначальную гармонию. В-пятых, идея того, что человек – вне мира, что он чужак хаосу, что его родина – чистый истинный мир гармонии. Из этой идеи вытекает другая – человек превосходит созданный мир, он может исправить то, что было нарушено демиургом и его помощниками. В-шестых, идея возвращения домой и доктрина гнозиса, спасительного мистического знания.

Применим эти признаки к концепции Лайтмана. Он говорит о двух пластах реальности, один из которых неидеален, и это наш мир. Есть человек, который состоит из: альтруистической частички высшего мира и эгоизма неидеального мира. Находясь под влиянием эгоизма (низшего мира), человек мучается и страдает. Иногда у него всплывает «воспоминание» о другом мире и желание освободиться: в концепции Лайтмана это «точка в сердце», или вопрос смысла жизни. Когда человек не понимает, куда ему идти, и задается вопросами, зачем он существует, у него открывается возможность для восприятия другой реальности.

Каббала в концепции Лайтмана предстает тем знанием, которое может спасти человека, освободить его от оков низшего мира. Утверждение Лайтмана, что каббала неким образом не связана с иудейской и еврейской традицией или с какой-либо другой этнической или культурной (евреи как последователи духовной методики), означает, что, по сути, каббала имеет вненациональный и внекультурный контекст. Другой тезис, что каббала – это наука (см.: [4. С. 24]), свидетельствует о претензии каббалы на обладание объективным знанием о мире.

Кроме всего прочего, особое внимание заслуживает история каббалы. История каббалы связана, прежде всего, с усовершенствованием методики получения знания. Лайтман пишет: «Предназначение каббалистов любой эпохи заключается в том, чтобы адаптировать, корректировать эту науку и предлагаемую ею методику постижения Творца в соответствии с характером душ данного поколения» [Там же. С. 23]. Иначе говоря, каббалистическое знание остается неизменным, в отличие от способов его получения. В какой-то степени можно предположить, что каббала не связана с контекстом этого мира. Это знание исходит от Высшего мира, т.е. это трансцендентальное знание. Другими словами, подход Лайтмана к каббале очень близок к подходу гностика.

Гнозис – это знание для всех. Потенциально любой человек может им воспользоваться, овладеть и достичь спасения. Каббала в этом отношении аналогична гнозису. Для постижения каббалистического знания, согласно Лайтману, не обязательно знать специальный

язык, например иврит, принадлежать к какой-то этнической или религиозной группе.

Действия гностиков – это освободительная борьба. Их цель – спасение от нечистот мира, возвращение домой в высший мир. Отсюда стремление гностика игнорировать нормы и институты общества и культуры, в котором он живет. Ему чуждо даже свое физическое тело. И спастись можно только через знание.

Михаэль Лайтман, который, как и гностики, говорит о спасении и об особой роли знания, однако, не считает нужным уходить от мира и не подчиняться его законам. Он говорит: «Человек не имеет права отрывать от этого мира. <...> Ты обязан быть задействован в этом мире, потому что этот мир создан не зря. Он специально организован таким, так что именно изнутри ты можешь одновременно постичь, кроме него, еще и Высший мир и совместить их оба» [9. С. 90–91]. Проблемой является искаженное мироощущение человека. В основе искажения – эгоизм. Именно от него надо освободиться, подняться над ним. И каббала является тем знанием, которое позволяет освободиться от рабства своего эгоизма.

Заметим, что, согласно Лайтману, наш мир является результатом нашего искаженного восприятия. Исправив себя, мы исправим мир (точнее, мы будем воспринимать его иначе). В этой связи приведем две цитаты. Лайтман пишет: «Материальный мир – это лишь отпечаток нашего внутреннего состояния. Каббала утверждает, что вне человека ничего нет» [4. С. 145]. И вторая: «Нет миров вне человека. Миры – это внутренние ступени, по которым он поднимается или спускается в ощущение самого себя и окружающей среды. По мере исправления ступени и миры исчезают. Остается человек в виде желания, уподобленного по свойствам своему наполнению – свету. После исправления человек существует в простой форме, не включающей в себя другие части, не разделенной на них и не состоящей из них» [Там же. С. 78].

Обобщая сказанное выше, стоит пояснить: мы не утверждаем, что учение Лайтмана гностическое по своей сути. Но некоторые элементы гностицизма (дуализм, идея спасительного знания) присутствуют в его концепции. И когда мы говорим о гностическом мифе, то имеем в виду идею скрытого спасительного и трансцендентного знания, которое открывает перед любым человеком путь к обретению самого себя (действовать в согласии с высшим замыслом). Другими словами, открывает человеку его предназначение. В данном случае мы в какой-то степени согласны с теми учеными, которые считают, что гностицизм – это не столько единое учение, сколько некие тенденции в духовной жизни.

Подведем итоги. Историческая концепция М. Лайтмана покоится на двух больших мифах, каждый из которых, в свою очередь, связан с другими созвучными мифами и идеями. Во-первых, это Нисходящий миф, включающий в себя миф о первоначальной катастрофе и эсхатологический миф, и, во-вторых, это

Восходящий миф, связанный с мифом о вечном возвращении и гностическим мифом. Если Нисходящий миф имеет ярко выраженную эсхатологическую проблематику (тема конца мира и судьба человечества), то Восходящий миф – сотериологическую (идея духовного воспитания и возрождения человека).

Являясь своеобразной матрицей, эти мифы прослеживаются в историческом повествовании мыслителя. Так, вся история человечества рассматривается

с позиции нисхождения: трансформация «народа Израэль» в евреев, развитие человечества под влиянием эгоизма до состояния глобального кризиса и т.п. А с позиции Восходящего мифа декларируется еврейский национальный и общечеловеческий проект будущего развития: возвращение евреев к своим истокам, преобразование общества согласно каббале, духовное воспитание и возрождение (или даже рождение) человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В. П. Большакова. М. : Академ. Проект, 2010. 251 с.
2. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М. : Изд-во МГУ, 2013. 142 с.
3. Элиаде М. Ностальгия по истокам / пер. с фр. В.П. Большакова. М. : ИОИ МОДЕРН-А, 2012. 272 с.
4. Лайтман М. Каббала для начинающих : в 2 т. М. : АСТ: Астрель, 2007. Т. 1. 437, [3] с. URL: http://files.kabbalahmedia.info/files/rus_o_ml-sefer-kabbala-dlia-nachinautichih-1.pdf.
5. Лайтман М., Розин В. Каббала в контексте истории и современности / предисл. Л.П. Буевой. М. : ЛЕНАНД, 2010. 304 с.
6. Лайтман М. Духовное возрождение. Издательская группа kabbalah.info, 2008. 453 с. URL: http://files.kabbalahmedia.info/files/rus_o_ml-sefer-duhovnoe-vozhrozhdenie.pdf.
7. Лайтман М. Евреям может быть каждый! // Персональный блок Михаэля Лайтмана «Каббала, наука и смысл жизни». URL: <http://www.laitman.ru/questions-answers/160201.html>.
8. Лайтман М. Свиток Эстер: духовная наследственность // Персональный блок Михаэля Лайтмана «Каббала, наука и смысл жизни». URL: <http://www.laitman.ru/israel-and-nations-of-world/154982.html>.
9. Шесть пристрастных интервью с каббалистом Михаэлем Лайтманом / отв. ред. М. Палатник. М. : АСТ: Астрель, 2008. 167, [9] с. URL: http://files.kabbalahmedia.info/download/files/rus_o_ml-sefer-6-pristrastnych-intervyu.pdf.
10. ТВ программа «Формула» интегрального общества. Ч. 2 [Видеозапись] // Персональный блок Михаэля Лайтмана «Каббала, наука и смысл жизни». URL: <http://www.laitman.ru/crisis/92254.html>.
11. Лайтман М. Коммунизм: утопия или реальность. Ч. 10 // Персональный блок Михаэля Лайтмана «Каббала, наука и смысл жизни». URL: <http://www.laitman.ru/education/160572.html>.
12. Лайтман М. Каббала для начинающих : в 2 т. М. : Астрель, 2007. Т. 2. 440 с. URL: http://files.kabbalahmedia.info/files/rus_o_ml-sefer-kabbala-dlia-nachinautichih-2.pdf.
13. В поисках счастья. Издательская группа «Каббала сегодня», 2008. 292 с. URL: http://files.kabbalahmedia.info/download/files/rus_o_ml-sefer-v-poiskah-schastya_light.pdf.
14. Лайтман М., Хачатурян В. Всемирная история в зеркале каббалы. М. : ЛЕНАНД, 2012. 304 с.
15. Лайтман М., Хачатурян В. Перспективы XXI века: Рождение интегрального мира. М. : ЛЕНАНД, 2013. 304 с.
16. Лайтман М. Время действовать. Иерусалим: Издательская группа kabbalah.info, 2006. 192 с. URL: http://files.kabbalahmedia.info/download/mekorot/rus_o_ml-sefer-vremya-deistvovat.pdf.
17. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От Гаутамы Будды до триумфа христианства / пер. с фр. Н.Б. Абалаковой, С.Г. Балашовой, Н.Н. Кулаковой, А.А. Старостиной. М. : Академический Проект, 2012. 676 с.
18. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / пер. с англ. С. Кормильцева, Е. Бачиной, В. Харитонов. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2008. 480 с.

Cherepanov Aleksandr S. Tomsk State University (Tomsk, Russia) ; Lesosibirsk's Pedagogical Institute – Branch of Siberian Federal University (Lesosibirsk, Russia). E-mail: alexcherr@mail.ru

MYTH IN THE HISTORICAL CONCEPT OF MICHAEL LAITMAN.

Keywords: Laitman; historical views; religion historicism; mythological consciousness.

The article is devoted to some aspects of the historical ideas of Michael Laitman. Laitman is not historian. He is popularizer of Kabbalah. In some of his books and articles he comments on events of the past. In the end, we can talk about original conception of history. One of aspects concept of the thinker is mythological narrative. The author of article adheres to the Eliade's theory of myth. Myth is special world view. Firstly, myth is true event, because it deals with real objects. Secondly, myth is story about creation. There are kabbalistic description of the act of creation world and system Adam Rishon in Laitman's concept. Thirdly, the invasion of the sacred in the profane is central idea myth. Myth tells the sacred history. So, the Creator (or divine light, higher force, altruism) is sacred force in historical concept of Laitman. Author of the article believes that the historical narrative of Laitman includes two story lines: profane history and sacred history. Fourthly, myth has religious and magical power. Activity kabbalists attract in our world divine light that improve world and man according Laitman. Fifthly, myth is told at certain condition for specific people. The Laitman's historical concept contain two global myths: Descending myth and Rising myth. The first myth tells about universal catastrophe. The second myth is myth of salvation. There are saving of man and revival of the world as main ideas of the Rising myth. Each of the myths is mated with similar ideas and myths. There are myth of the original catastrophe (shvirat ha-kelim) and eschatological myth (global crisis of humanity) in the content Descending myth. There are eternal return and Gnostic meth as components of the Rising myth. These myths can be traced in historical narrative of the thinker. So, development of humanity is divided into two stages: descending and rising. There are transformation of the group "Israel" to the Jews, development of humanity under the influence of egoism, global crisis in the first stages of history. The Rising myth forms national (Jewish) and planetary plan future development of humanity. The second stages of history will be transformation Jews in kabbalists, radical reform of society, kabbalistic education, etc.

REFERENCES

1. Eliade, M. (2010) *Aspekty mifa* [Aspects of the myth]. Translated from French by V.P. Bol'shakov. Moscow: Akademicheskij Proekt.
2. Eliade, M. (2013) *Svyashchennoe i mirskoe* [Sacred and secular]. Translated from French by N.K. Garbovskiy. Moscow: Moscow State University.
3. Eliade, M. (2012) *Nostal'giya po istokam* [Nostalgia for roots]. Translated from French by V.P. Bol'shakov. Moscow: IOI MODERN-A.
4. Laitman, M. (2007) *Kabbala dlya nachinayushchikh: v 2 t.* [Kabbalah for Beginners. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: AST: Astrel'.
5. Laitman, M. & Rozin, V. (2010) *Kabbala v kontekste istorii i sovremennosti* [Kabbalah in the context of history and modernity]. Moscow: LENAND.
6. Laitman, M. (2008) *Dukhovnoe vozrozhdenie* [Spiritual Renewal]. [Online] Available from: http://files.kabbalahmedia.info/files/rus_o_ml-sefer-duhovnoe-vozrozhdenie.pdf.
7. Laitman, M. (2015) *Evreem mozhet byt' kazhdyy!* [Everyone can be Jew!]. [Online] Available from: <http://www.laitman.ru/questions-answers/160201.html>.
8. Laitman, M. (2015) *Svitok Ester: dukhovnaya nasledstvennost'* [The Book of Esther: Spiritual Heritage]. [Online] Available from: <http://www.laitman.ru/israel-and-nations-of-world/154982.html>.
9. Palatnik, M. (ed.) (2008) *Shest' pristrastnykh interv'yu s kabbalistom Mikhaelem Laytmanom* [Six interested interviews with a cabbalist Michael Laitman]. Moscow: AST: Astrel'.
10. *Formula integral'nogo obshchestva* [Formula of the Integral Society]. TV Programme. (2012) Part 2. [Online] Available from: <http://www.laitman.ru/crisis/92254.html>.
11. Laitman, M. (2015) *Kommunizm: utopiya ili real'nost'* [Communism: Utopia or reality]. Part 10. [Online] Available from: <http://www.laitman.ru/education/160572.html>.
12. Laitman, M. (2007) *Kabbala dlya nachinayushchikh: v 2 t.* [Kabbalah for Beginners. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Astrel'.
13. *Kabbala segodnya.* (2008) *V poiskakh schast'ya* [In the pursuit of happiness]. [Online] Available from: http://files.kabbalahmedia.info/download/files/rus_o_ml-sefer-v-poiskah-schastya_light.pdf.
14. Laitman, M. & Khachaturyan, V. (2012) *Vsemirnaya istoriya v zerkale kabbaly* [World history reflected by Kabbalah]. Moscow: LENAND.
15. Laitman, M. & Khachaturyan, V. (2013) *Perspektivy XXI veka: Rozhdenie integral'nogo mira* [Perspectives of the 21st century: The Birth of the Integral World]. Moscow: LENAND.
16. Laitman, M. (2006) *Vremya deystvovat'* [Time to act]. Ierusalim: Kabbalah.info.
17. Eliade, M. (2012) *Istoriya very i religioznykh idey: Ot Gautamy Buddy do triumfa khristianstva* [History of faith and religious ideas: From Gautama Buddha to the Triumph of Christianity]. Translated from French by N.B. Abalakova, S.G. Balashova, N.N. Kulakova, A.A. Starostina. Moscow: Akademicheskij Proekt.
18. Davis, E. (2008) *Tekhnognozis: mif, magiya i mistitsizm v informatsionnyu epokhu* [Techgnosis: Myth, Magic, and Mysticism in the Age of Information]. Translated from English by S. Kormil'tsev, E. Bachinina, V. Kharitonov. Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 903.023

DOI: 10.17223/19988613/39/16

М.А. Холкина

СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЛИНЯНЫХ СОСУДОВ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ФИНСКОГО ЗАЛИВА В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА (КОН. IV – III ТЫС. ДО Н.Э.)

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 15-06-05548 А).

В регионе восточной части Финского залива в эпоху раннего металла (кон. IV–III тыс. до н.э.) распространяются различные традиции пористой и асбестовой керамики, что является следствием происходящих в это время сложных культурно-исторических процессов. Целью исследования был анализ навыков древних гончаров, носителей этих традиций, в конструировании сосудов – наиболее консервативной ступени гончарства. На основании 146 рассмотренных сосудов с 26 памятников было зафиксировано два основных типа конструирования сосудов: ленточный и лоскутный. Первый способ присущ поздней гребенчато-ямочной керамике, а второй встречается исключительно у шнуровой. Выявлены аналогии этих способов конструирования на сопредельных территориях.

Ключевые слова: Восточная Балтика; эпоха раннего металла; керамика; технология.

Эпоха раннего металла (кон. IV–III тыс. до н.э.) в регионе Восточной Балтики представляет большой интерес для изучения, так как в это время здесь распространяются зачатки металлопроизводства и производящего хозяйства [1–3], а также различные керамические традиции, связанные, возможно, с приходом сюда групп нового населения.

Цель исследования состоит в характеристике навыков древних гончаров восточной части Финского залива по конструированию глиняной посуды. Конструирование сосудов является одной из наиболее консервативных ступеней в гончарстве и менее всего подвержено адаптации к местным природным или социальным условиям [4. С. 130]. Изучение навыков конструирования позволяет выделить элементы, лежащие в основе керамических традиций, которые представляют особую важность для реконструкции контактов между отдельными группами населения – носителями этих традиций.

Конструирование включает в себя две начальные ступени созидательной стадии создания сосуда: изготовления начина («первой ступени непосредственного конструирования керамики, работа на которой выполняется как один непрерывный технологический акт создания той или иной части будущего сосуда» [5. С. 114]) и изготовления полого тела [Там же. С. 14; 6. С. 9]. В задачи исследования входит анализ следов, свидетельствующих о тех или иных способах лепки, реконструкция этого аспекта керамических традиций для рассматриваемой территории и интерпретация полученных результатов в контексте культурно-хронологической атрибуции керамики.

При описании и культурно-хронологической атрибуции керамического материала исследователи памят-

ников неолита и эпохи раннего металла в Восточной Балтике, как правило, преимущественное внимание уделяли особенностям орнаментации, профилю венчика и типу примеси в составе формовочной массы [7–10]. Прочие звенья процесса создания глиняных сосудов, в частности способ конструирования, подвергались анализу значительно реже и практически не рассматривались как признак, важный для определения культурной принадлежности древней керамики.

В рассматриваемом регионе подобные наблюдения над способами конструирования были сделаны для керамики неолита – эпохи раннего металла памятников в районе р. Нарва [11–13]. Для кон. IV–III тыс. до н.э. на сопредельных территориях можно отметить описания конструирования, сделанные для пористой и асбестовой керамики Карелии [14. С. 46–53], фатьяновской керамики Волго-Окского междуречья [15. С. 49–50], ямочной и шнуровой керамики Швеции и Западной Финляндии [16]. В указанных работах исследователи обращают внимание прежде всего на такие признаки, как размеры и способы крепления структурных элементов (лент, жгутов), в редких случаях выстраивается полная цепочка технологии конструирования глиняного сосуда [15–16].

Данное исследование преследует, кроме прочего, методическую цель, попытку рассмотреть и описать все доступные для визуальной и бинокулярной фиксации следы способов конструирования на пористой и асбестовой керамике восточной части Финского залива. В рамках изучения программы конструирования сосудов ставилась задача проанализировать следующие основные признаки: тип начина и способ формовки донца, способ конструирования полого тела (жгутовой, ленточный или лоскут-

ный), тип крепления конструктивных элементов. Были также получены некоторые данные о способе обработки отдельных элементов и мест их стыковки.

Источником для исследования послужила коллекция керамики эпохи раннего металла с 26 памятников

Карельского перешейка и юго-запада Ленинградской области (рис. 1) – всего были рассмотрены 1 774 фрагмента от 146 сосудов. Достоверные данные по способу конструирования удалось получить для 60 из них.

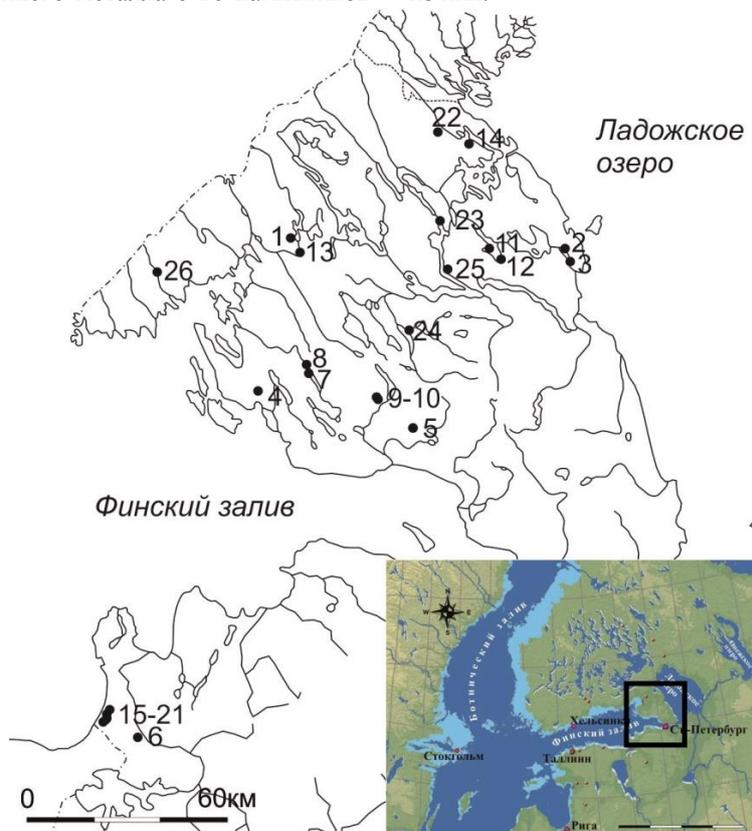

Рис. 1. Памятники восточной части Финского залива, материалы которых использовались для исследования (1 – Гвардейское-1, 2–3 – Гусиное-3 и 6, 4 – Ермилово-4, 5 – Заливное-1, 6 – Извоз-3, 7 – Каменка-1, 8 – Камышевка-1, 9–10 – Каннельярви-1-2, 11–12 – Комсомольское-3 и 9, 13 – Озерное-3, 14 – Проточное-4, 15–21 – Россонь-1, 3, 5, 6–9, 22 – Севастьяново п. 8, 23 – Новоселки-5, 24 – Силино, 25 – Совинлахти, 26 – Холмогорское-2)

Тип начина определялся в случаях сохранности фрагментов донцев. Следов использования форм-емкостей или форм-основ на рассматриваемом материале выявлено не было. Предполагается, что сосуды изготавливались методом скульптурной лепки. Донца среди рассматриваемого материала сохранились в 19 случаях. Среди них 8 плоских и 11 округлых. Фрагменты округлых донцев рассматриваемых сосудов, как правило, сохранились лишь на незначительную часть, поэтому в данном случае можно лишь предположительно говорить о лепке сосуда емкостно-донным способом, когда сосуд лепился вверх дном начиная с венчика [5. С. 131]; эксперименты показывают, что такой способ наиболее удобен для этой посуды [12. С. 103; 17. С. 65]. На фрагментах плоскодонных сосудов сделаны наблюдения по особенностям течения глиняной массы и конфигурации пор в ней. Для таких сосудов удалось выделить донный (три случая – рис. 2, 2, 3) и донно-емкостный (пять случаев – рис. 2, 1) начина, в зависимости от того, вылепилось ли сначала только донце в виде плоской «лепешки» или донце вместе с нижней частью стенок. При этом почти всегда плоское донце

имеет выделенный «наплыв» снаружи, который можно рассматривать и как способ придания такому сосуду устойчивости при лепке на плоской поверхности (рис. 2, 2).

Выделены два способа конструирования полого тела: ленточный (46 сосудов) и лоскутный (13 сосудов); так же одна маленькая чашечка была, вероятно, сформована путем выдавливания из целого комка глины.

Ленточный способ конструирования отмечался в тех случаях, когда в изломе фрагмента четко обнажался заглаженный край ленты (рис. 2, 4–7). Изредка использовались и дополнительные диагностические признаки: например, наличие четких параллельных горизонтальных утолщений стенок фрагментов в местах перекрытия лент (рис. 3).

Ширина лент, четко установленная для пяти сосудов, составила от 2,5–3 до 5–6 см.

Относительно способов крепления лент выявлено значительное разнообразие. Во-первых, следует отметить, что описанный для керамики региона Восточной Балтики «U-образный» способ крепления (когда ленты «налепляются друг на друга, соприкасаясь лишь по го-

ризонтали» [11. С. 34]) на рассмотренном материале не был зафиксирован ни в одном случае. Для 21 сосуда определено N-образное соединение лент (рис. 2, 5). В оставшихся случаях (21 сосуд) один край ленты был закруглен, однако он сильно утоньшался, равно как и край соседней соединяемой с ней ленты (рис. 2, 4). Таким образом, ленты соединялись не встык, но со значительным нахлестом. От такого типа соединения остаются как следы закругленного края ленты и характерного желоб-

ка от него, так и следы, напоминающие N-образное крепление, когда, к примеру, желобок не сохранился и читается только сам факт перекрывания лент. Такой способ крепления можно условно обозначить как промежуточный между N- и U-образной техникой. Интересно, что в единственном случае сохранность фрагмента позволяет говорить о комбинации двух способов крепления – U-образное завершение ленты с одной стороны и N-образное – с другой (рис. 2, 7).

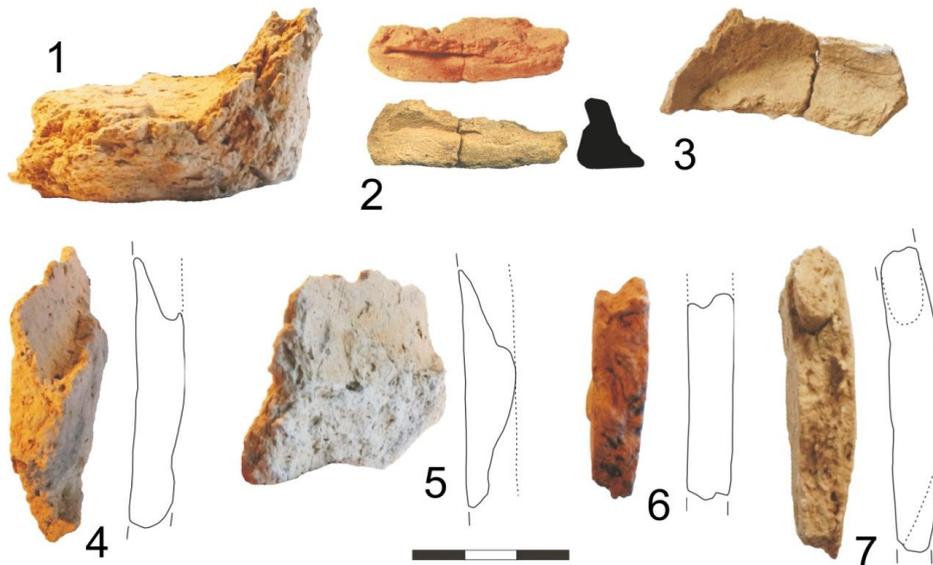

Рис. 2. Типы начинов (1–3) и следы ленточной техники (4–7) на сосудах эпохи раннего металла в восточной части Финского залива:
1 – донно-емкостный начин, 2–3 – донный начин, 4–7 – следы различных способов крепления лент
(1, 4, 5 – Комсомольское-3; 2 – Россошь-9; 3, 7 – Гвардейское-1; 6 – Заливное-1)

Таким образом, можно заключить, что резкой границы между двумя рассмотренными типами крепления нет. Разница заключается лишь в большем или меньшем взаимном перекрывании краев соединяемых лент. Используя предложенную А.А. Бобринским терминологию, здесь можно говорить о соединении лент «преимущественно по желобчатому торцу предыдущей с деформацией края ленты в результате придавливания и примазывания их друг к другу» [5. С. 174].

Следы N-образного крепления по боковому краю ленты читаются достаточно хорошо. При использовании такого типа крепления, как правило, можно говорить о большой ширине стыка: 1,5–3 см. Хотя в отдельных редких случаях она может не превышать и 2–3 мм.

Интересен единственный случай, когда можно говорить об определенной обработке лент перед их соединением. У одного из фрагментов (рис. 3: 2) на сломе на перекрытой части ленты читаются следы расчесов или интенсивного заглаживания.

Более уверенно можно говорить о намеренной обработке мест стыков лент после их соединения. На отдельных фрагментах читаются упомянутые выше параллельные утолщения, на внутренней стороне которых видны расчесы (рис. 3: 1, 3).

При этом на остальной части сосуда такие расчесы не прослежены. Этот признак может как служить свидетельством самой ленточной техники, так и говорить о специальных приемах обработки стыков лент, вероятно, для их уплотнения.

Каких-либо особых способов лепки венчика зафиксировано не было. Зачастую край верхней ленты загибался или утолщался. Для одного из сосудов, вылепленного лоскутами, можно предполагать, что венчик был сформован из дополнительной ленты.

Лоскутная техника выявлена у 13 сосудов. При определении лоскутного способа лепки внимание обращалось на конфигурацию стыков деталей (рис. 4). Во всех зафиксированных случаях лоскутная техника на керамике эпохи раннего металла в восточной части Финского залива соотносится с «двухслойностью» фрагментов (рис. 3, 4) – представляется, что лоскуты соединялись с большим перекрыванием [см., напр.: 5. С. 176. Рис. 68, 4]. Проявляется это в виде отсутствия у большинства фрагментов внешней или внутренней поверхности как полностью, так и на отдельных участках (рис. 4, 1, 3, 5).

В зафиксированных случаях сами лоскуты небольшие – до 5–7 см в диаметре и 3–5 мм толщиной. Следы

крепления лоскутов, которое можно назвать N-образным, по боковому краю, отличаются от лент тем,

что обнаженная внутренняя часть спая не так тщательно заглажена и не так четко читается.

Рис. 3. Особенности ленточной техники лепки на сосудах эпохи раннего металла в восточной части Финского залива:
1, 3, 4 – следы утолщений и расчесов по стыкам лент; 2 – следы расчесов на внутренней части ленты
(1, 3 – Гвардейское-1; 2 – Гусиное-6; 4 – Каннельярви-1)

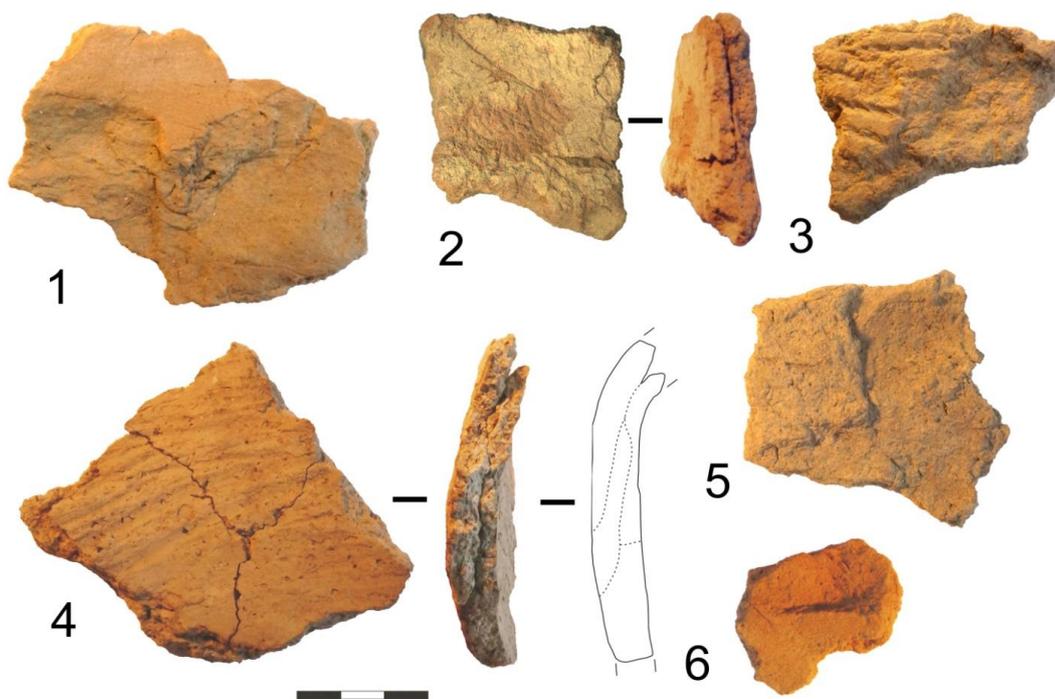

Рис. 4. Следы лоскутной техники конструирования на сосудах эпохи раннего металла в восточной части Финского залива
(1 – Россонь-7; 2–3, 5–6 – Россонь-9; 4 – Комсомольское-3)

Таким образом, если по конструированию начина сведения на рассматриваемом материале получены достаточно отрывочные, то по способам лепки полого тела навыки древних гончаров удалось реконструировать достаточно полно. По итогам проведенного исследования можно говорить о существовании в восточной части Финского залива двух технологических традиций конструирования сосудов, основанных на ленточной и лоскутной технике лепки.

Все сосуды, относящиеся к первой технологической традиции, имеют среднюю ширину лент 3–5 см и тип соединения внахлест с перекрыванием. Небольшие вариации встречены лишь в ширине стыка лент и способах подготовки их краев (закругление или уплощение).

Ленточная техника неоднократно выделялась исследователями как характерный признак гребенчатоямочной керамики [11, 12], что соответствует полученным данным. Большинство рассмотренных сосудов, сформированных в ленточной технике, можно отнести к позднему этапу существования этой традиции благодаря наличию таких признаков, как гребенчатая и ямочная орнаментация, примесь органики или асбеста, срезанный внутрь орнаментированный венчик и др. [9, 18, 19].

Лоскутная техника во всех рассмотренных случаях сочетается с морфологическими и орнаментальными признаками, характерными для шнуровой керамики (памятники Ермилово-4, Комсомольское-3, Россошь-7 и

9); примесь шамота и органики, S-образная профилировка, отпечатки шнура. Сходный способ формовки сосудов отмечен исследователями и для фатьяновской шнуровой керамики [15. С. 48–56].

Говоря о двух отмеченных традициях формовки полого тела, отметим, что для одного хорошо сохранившегося «гибридного» сосуда культуры шнуровой керамики с памятника Россошь-9 можно, вероятно, определить комбинацию лоскутной и ленточной техники. Фрагменты тулова несут следы лоскутной техники, но венчик отколот в виде плотной полосы шириной 2–3 см. Такие случаи комбинирования техники встречаются также у фатьяновских сосудов и у гибридной шнуровой керамики Швеции [15. С. 52; 16. С. 242].

Представляется, что именно способ конструирования сосудов как наиболее консервативный элемент в гончарном производстве следует рассматривать в качестве начального основного критерия разделения керамических традиций. На основании этого критерия среди пористой и асбестовой керамики восточной части Финского залива можно выделить две основные традиции, которые, по мнению целого ряда исследователей [20–23], принадлежали двум различным в культурном отношении группам населения. Дальнейшее исследование соотношения способа конструирования и остальных, более подверженных изменениям признаков позволит получить цельную картину взаимодействия керамических традиций и их носителей на рассматриваемой территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск : Петрозав. гос. ун-т, Карел. гос. краевед. музей, 2005. 310 с.
2. Nordqvist K., Herva V.-P., Ikäheimo J., Lahelma A. Early copper use in Neolithic north-eastern Europe : an overview // Estonian Journal of Archeology. Tallinn, 2012. Vol. 16, Is. 1. P. 3–25.
3. Нордквист К., Икяеймо Я., Херва В.-П., Лакелма А. Медь в каменном веке северо-востока Европы : перспективы исследования // Тверской археологический сборник. Тверь : ТГОМ, 2013. Вып. 9. С. 143–148.
4. Целлин Ю.Б. Древняя керамика : теория и методы историко-культурного подхода. М. : ИА РАН, 2012. 379 с.
5. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.
6. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара : СамГПУ, 1999. 233 с.
7. Carpelan C. Om asbestkeramikens historia i Fennoskandien. FM. Helsinki : SMYA, 1978. P. 5–25.
8. Siiraiainen A. On the late stone age asbestos ware culture of northern and eastern Finland // Iskos 4. Helsinki : SMYA, 1984. P. 30–36.
9. Pesonen P. Neolithic pots and ceramics technology – ams-datings of middle and late neolithic ceramics in Finland // Fenno-Ugri et slavi. Dating and chronology. Helsinki : NBA, 2004. P. 87–96.
10. Гурина Н.Н. Древняя история Северо-запада европейской части СССР. МИА 87. М. : Наука, 1961. 584 с.
11. Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам Нарвской экспедиции). МИА 144. М. ; Л. : Наука, 1967. 212 с.
12. Kriiska A. Narva jõe alamjooksu ala neoliitilise keraamika // Eesti arheoloogia historiograafilisi, teoreetilisi ja kultuuriajaloolisi aspekte. Muinasaja teadus. 3. Tallinn : Teaduste Akadeemia Kirjastus, 1995. P. 54–115.
13. Kriiska A. The Neolithic pottery manufacturing technique of the lower course of the Narva river // Coastal Estonia : Recent Advances in Environmental and Cultural History. Part 51. Vol. 3. Belgium : RACT, 1996. P. 373–384.
14. Жульников А.М. Энеолит Карелии : памятники с пористой и асбестовой керамикой. Петрозаводск : КНЦ ИЯЛИ РАН, 1999. 416 с.
15. Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. М. : Наука, 1996. 122 с.
16. Larsson Å.M. Breaking and making bodies and pots. Material and ritual practices in Sweden in the third millennium BC. Uppsala : Department of Archaeology and Ancient History, Uppsala University, 2009. 456 p.
17. Глушков И.Г. Технологическая гончарная традиция как индикатор этнокультурных процессов (на примере керамических комплексов доандроновской бронзы) // Древняя керамика Сибири. Типология, технология, семантика. Новосибирск : Наука, 1990. С. 63–75.
18. Åyräpää A. 1930. Die Relative Chronologie der Steinzeitlichen Keramik in Finland // Acta Archaeologica I. Helsinki : SMYA, 1930. P. 165–190.
19. Šturms E. Die steinzeitlichen Kulturen des Baltikums. Bonn, 1970. 298 p.
20. Åyräpää A. Über die Streixtkulturen in Russland // Eurasia Septentrionalis Antiqua VIII. Helsinki, 1934. P. 1–160.
21. Edgren T. Studier över den snörkeramiska kulturens keramik i Finland. SMYA 72. Helsingfors, 1970. 133 p.
22. MatisKainen H. Essay über die Ökonomie, die Migration und die Adaption des Einnheitshorizontes der Schnurkeramik speziell unter dem Gesichtspunkt des Ost-Baltikums und Finlands // SM. Helsinki : SMYA, 1993. P. 9–25.

23. Lougas L., Kriiska A., Maldre L. New dates for the Late Neolithic Corded Ware Culture burials and early husbandry in the East Baltic region // *Archaeofauna* 16. Tallinn, 2007. P. 21–31.

Kholkina Margarita A. Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: tyttokulta@yandex.ru

ABOUT THE WAYS OF CLAY VESSELS MODELLING IN THE EASTERN PART OF THE GULF OF FINLAND IN THE EARLY METAL PERIOD (END OF IV–III MILLENNIUM BC).

Keywords: Eastern Baltic; Early Metal Period; ceramics; technology.

Early Metal Period (the end of IV–III millennium BC) in the Eastern Baltic region is of an interest for investigation because this was the time when the first signs of metallurgy and productive economy and also different pottery traditions, related probably to the groups of newcomers, appeared there. The purpose of the study was to analyze the skills of ancient potters, carriers of these traditions, in modeling of the vessels – the most conservative stage of ceramic production. Studying of modeling skills helps to reconstruct those aspects, which lie in the base of pottery traditions, and which play a great role in the reconstruction of contacts among different groups of people and the processes, which took place there in the Early Metal Period. As the aim of the study all the information about the stated ways of modeling the first and the rest parts of the vessel (from the rim to the bottom, from the bottom or from the bottom and the lowermost part of the walls). Here is mentioned the information about the size and configuration of the structural elements for vessel modeling, the ways in which they were prepared and fastened. On the base of 146 reviewed ceramic vessels from the archaeological sites in the eastern part of the Gulf of Finland there were described two pottery traditions, based on modeling vessels from coils or from patches. The first tradition is common for the Late Comb Ware and is well described for the region of Eastern Baltic from the Neolithic. The second way of modeling – from patches – is typical only for the Corded Ware tradition, which has spread here in the Early Metal Period, and has the closed analogies in fatjanovo pottery tradition in Volga-Oka region. On Rosson-9 archaeological site the was discovered a vessel, modeled in a “hybrid” technique, when it’s whole body was made from patches and the rim – from the additional coil – such combination of the two techniques is common in Fatjanovo culture and also for Corded Ware in Sweden. As a result of the investigation one can conclude, that on the one hand ancient potters of the Corded and the Late Comb Ware traditions were very conservative in the ways of modeling the vessels, and on the other hand there probably took part hybridization of these traditions – probably on the latest stage of their existence. It seems likely, that the way of modeling of the ceramic vessels could be seen as the first and basic criterion for separation of different pottery traditions. On the base of this criterion in the Early Metal Period in the eastern part of the Gulf of Finland region can be distinguished two main traditions, which, according to a number of researchers, belonged to two culturally various groups of people. Further investigation to correlate the way of vessel modeling with the other stages of pottery technology could confirm or deny mentioned results and produce new data for reconstruction of processes, which took part on this territory in the Early Metal Period.

REFERENCES

- Zhul'nikov, A.M. (2005) *Poseleniya epokhi rannego metalla Yugo-Zapadnogo Pribelomor'ya* [The early metal settlements of the Southwestern Pribelomor'ye]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
- Nordqvist, K., Herva, V.-P., Ikäheimo, J. & Lahelma, A. (2012) Early copper use in Neolithic north-eastern Europe: an overview. *Estonian Journal of Archaeology*. 16(1). pp. 3-25. DOI: 10.3176/arch.2012.1.01
- Nordqvist, K., Ikyakheimo, Ya., Kherva, V.-P. & Lakhelma, A. (2013) Med' v kamennom veke severo-vostoka Evropy : perspektivy issledovaniya [Copper in the Stone Age in the Northeastern Europe: Prospects of research]. *Tverskoy arheologicheskoy sbornik*. 9. pp. 143-148.
- Tsetlin, Yu.B. (2012) *Drevnyaya keramika: teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Ancient ceramics: Theory and methods of historical-cultural approach]. Moscow: IA RAS.
- Bobrinskiy, A.A. (1978) *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya* [Pottery in Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka.
- Bobrinskiy, A.A. (ed.) (1999) *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Topical problems of ancient pottery studies]. Samara: SamSPU.
- Carpelan, C. (1978) *Om asbestkeramikens historia i Fennoscandien* [About asbestceramics history in Fennoscandia]. FM. Helsinki: SMYA. pp. 5-25.
- Siiriainen, A. (1984) *On the late stone age asbestos ware culture of northern and eastern Finland*. Iskos 4. Helsinki: SMYA. pp. 30-36.
- Pesonen, P. (2004) Neolithic pots and ceramics technology – ams-datings of middle and late neolithic ceramics in Finland. *Fenno-Ugri et slavi. Dating and chronology*. Helsinki: NBA. pp. 87-96.
- Gurina, N.N. (1961) *Drevnyaya istoriya Severo-zapada evropeyskoy chasti SSSR* [The ancient history of the North-West of the European part of the USSR]. Moscow: Nauka.
- Gurina, N.N. (1967) *Iz istorii drevnikh plemen zapadnykh oblastey SSSR (po materialam Narvskoy ekspeditsii)* [From the history of the ancient tribes of the USSR western regions (based on the Narva expedition)]. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Kriiska, A. (1995) Narva jõe alamjooksu ala neoliitiline keraamika. *Eesti arheoloogia historiograafilisi, teoreetilisi ja kultuuriajaloolisi aspekte. Muinasaja teadus*. 3. Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus. pp. 54-115.
- Kriiska, A. (1996) The Neolithic pottery manufacturing technique of the lower course of the Narva river. *Coastal Estonia : Recent Advances in Environmental and Cultural History*. 51(3). Belgium: RACT. pp. 373-384.
- Zhul'nikov, A.M. (1999) *Eneolit Karelii: pamyatniki s poristoy i asbestovoy keramikoy* [Eneolithic Karelia monuments to the porous ceramics and asbestos]. Petrozavodsk: RAS.
- Volkova, E.V. (1996) *Goncharstvo fat'yanovskiy plemen* [Pottery of Fatyanovo tribes]. Moscow: Nauka.
- Larsson, Å.M. (2009) *Breaking and making bodies and pots: Material and ritual practices in Sweden in the third millennium BC*. Uppsala: Department of Archaeology and Ancient History, Uppsala University.
- Glushkov, I.G. (1990) Tekhnologicheskaya goncharnaya traditsiya kak indikator etnokul'turnykh protsessov (na primere keramicheskikh kompleksov doandronovskoy bronzy) [Technological pottery tradition as an indicator of ethno-cultural processes (a case study of ceramic complexes of the Pre-Andronovo bronze)]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnyaya keramika Sibiri. Tipologiya, tekhnologiya, semantika* [Siberian ancient pottery. Typology, technology, semantics]. Novosibirsk: Nauka. pp. 63-75.
- Äyräpää, A. (1930) 1930. Die Relative Chronologie der Steinzeitlichen Keramik in Finland [1930. The relative chronology of the Stone Age pottery in Finland]. *Acta Archaeologica I*. Helsinki: SMYA. pp. 165-190.
- Šturms, E. (1970) *Die steinzeitlichen Kulturen des Baltikums* [The Stone Age cultures of the Baltics]. Bonn: Habelt.
- Äyräpää, A. (1934) Über die Streixtkulturen in Russland. *Eurasia Septentrionalis Antiqua VIII*. pp. 1-160.
- Edgren, T. (1970) Studier över den snörkeramiska kulturens keramik i Finland. *SMYA 72*. Helsingfors.
- Matiskainen, H. (1993) Essay über die Ökonomie, die Migration und die Adaption des Einheitshorizontes der Schnurkeramik speziell unter dem Gesichtspunkt des Ost-Baltikums und Finlands. *SM*. Helsinki: SMYA. pp. 9-25.
- Lougas, L., Kriiska, A. & Maldre, L. (2007) New dates for the Late Neolithic Corded Ware Culture burials and early husbandry in the East Baltic region. *Archaeofauna*. 16(16). pp. 21-31.

А.З. Бейсенов

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЭТАПА ТАСМОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Самые яркие черты Тасмолинской культуры проступают на раннем этапе, который датируется VIII–VI вв. до н.э. Особой категорией источников являются поселения. Жилые и хозяйственные сооружения небольших по своей площади поселений имели мощные каменные основания и устраивались на малоснежных южных, восточных склонах возвышенностей. Эти поселения, удивительно похожие на казахские зимовки, являются археологическим доказательством реакции населения начального этапа раннего железного века на изменившиеся природно-климатические условия Центрального Казахстана. Они показывают наступление более холодного климата, увеличение осадков, что особенно играло роль в зимний период. Небольшим поселениям соответствует малая величина могильников, когда в группе насчитывается от 2–3 до 5–10 насыпей. Это отражает расплывчатую, дисперсную систему хозяйствования, чему соответствовала малая община как основная таксономическая единица. В качестве ранее не изученных элементов отмечается наличие грунтовых блоков в насыпи, распространение дромосных могил, вертикальных каменей-стел, каменных изваяний. Интересен обычай посмертной трепанации черепов, что было выявлено у 13 индивидов, в основном у мужчин. Тасмолинская культура сложилась на территории Центрального Казахстана в ходе адаптации населения к изменившимся экологическим условиям. Она наиболее тесно была связана с сакскими сообществами Северного, Восточного, Юго-Восточного Казахстана (Жетысу), Восточного Приаралья.

Ключевые слова: Тасмолинская культура; поселение; могильник; дромосные могилы; каменные изваяния.

Население Тасмолинской культуры Центрального Казахстана [1, 2] составляло ядро большой тасмолинской историко-культурной общности, охватывавшей, помимо данного региона, степи Северного Казахстана и Южного Зауралья [3, 4]. В ходе исследований памятников Центрального Казахстана на современном этапе получен значительный объем новых данных, позволяющих существенно расширить наши представления о культуре населения региона в эпоху раннего железа. Источниковедческие данные, полученные в курганах могильников Талды-2, Нуркен-2, Бақыбулак, Карашоқы, Шерубай и ряда других, в настоящее время позволяют более явственно представить направления культурных связей. Новые археологические материалы показывают, что Центральный Казахстан находился в тесных этнокультурных связях с районами Восточного Казахстана, всего Саяно-Алтая, Жетысу, Восточного Приаралья, Южного Урала. Особенно рельефно эти связи сейчас выступают в отношении восточного ареала, в направлении Саяно-Алтая [5, 6]. Анализ палеоантропологических материалов, накопленных со времен работ М.К. Кадырбаева, дополняют те или иные аспекты археологических разработок [7].

Центральный Казахстан, который входит в обширную провинцию Казахского мелкосопочника, представляет собой страну бесчисленных каменистых холмов и низких гор, перемежающихся большими по площади степными равнинами. Небольшие степные речки и ручьи берут свое начало с возвышенностей. Островные системы низких гор (островные низкогорья) с абсолютной отметкой 1000–1500 м от уровня моря часто образуют небольшие оазисы, здесь в горных ущельях на камнях растут сосновые лески, вдоль речек протянуты полосы березовой и тополиной рощи. Таковыми являются издревле хорошо обжитые гористые оазисы Каркаралы, Улытау, Баянаул, Кызыларай и др.

Наибольшие концентрации памятников Тасмолы, прежде всего раннего ее этапа (VIII – середина VI в. до н.э.), наблюдаются именно в районах указанных островных низкогорий. В этом плане особо перспективным оказался Каркаралинский горно-долинный оазис. Наиболее яркие памятники Тасмолы, которые и в количественном отношении явно преобладают, характерны для ее раннего этапа. Памятники позднего этапа Тасмолы (вторая половина – конец VI – V вв. до н.э.) немногочисленны, для изучения многих сторон особенностей этого периода отсутствует тот объем источников, который мы имеем по раннему этапу.

Если исходить из имеющихся материалов, по раннему этапу Тасмолы известны поселения, многочисленные курганные захоронения, каменные изваяния, выявлен ряд таких ранее неизвестных деталей в устройстве погребальных сооружений, как дромосы, камни-стелы. Какие-то стороны (черты) культурных традиций раннего этапа, вероятно, будут «перетекать» на поздний этап. Так это или нет, покажут предстоящие разработки. Сейчас как по археологическим материалам, так и по многочисленным радиоуглеродным данным (около 30 дат по Тасмолу), мы более «предметно» можем говорить об особенностях раннего этапа Тасмолы.

Поселенческие объекты [8] представляют собой совершенно новую категорию источников. Жилые и хозяйственные сооружения небольших по своей площади поселений имели мощные каменные основания и устраивались на малоснежных южных, восточных склонах возвышенностей. Эти поселения, удивительно похожие на казахские зимовки, являются археологическим доказательством реакции населения начального этапа раннего железного века на изменившиеся природно-климатические условия Центрального Казахстана. Они показывают наступление более холодного климата, увеличение осадков, что особенно играло роль в зимний период. Наряду с такими особенностями

ми, как топография поселений [7. С. 9; 8], планировка жилищ, строительные приемы в возведении стен [7. Рис. 1], важным основанием для таких выводов могут являться данные казахской этнографии.

П.И. Шульга, лично открывший многие десятки поселений раннего железного века на Алтае, в специальной монографии рассмотрел многие стороны данной темы [9]. Разумеется, будут разные замечания (востребованные для любой серьезной работы) коллег к этой работе, тем не менее книга П.И. Шульги по своей актуальности, важности поставленных задач, объему привлеченного материала, используемым методам и основным выводам является капитальным трудом, не имеющим аналогов в ближайшем (и не только) окружении. Думается, в этой работе не случайно приводится раздел и о культурах Алтая, где автором высказаны мнения об их генезисе. Действительно, объемные поселенческие материалы, возможные на их основе реконструкции различных особенностей самих поселений, устроенных с прекрасным знанием окружающей природы, не создают впечатления о населении, в своей массе прибывшем со стороны, а также о культуре, которая имеет свою уже сложившуюся основу на других территориях.

Многие стороны разработки П.И. Шульги имеют прямое отношение к теме поселений раннего железного века Центрального Казахстана. Помимо фиксации и изучения тех или иных особенностей поселений и жилищ важен сам метод этого исследователя по поиску объектов – на основании природных особенностей каждой конкретной местности и с привлечением данных этнографии, прошедших определенный уровень научной обработки. Именно по такому методу в 2000 г. были начаты поиски поселений на территории Каркаралинского района Карагандинской области. Поиск объектов по местам старых казахских зимовок дал благоприятные результаты. К осени 2015 г. выяснилось, что в восточных районах Центрального Казахстана имеются не менее 50 поселений сакской эпохи. Основная масса объектов открыта автором этой статьи, с участием которого раскопки проводились на 10 объектах.

Помимо восточных районов Центрального Казахстана на поселения раннего железного века открыты в Акмолинской области (Кеноткел, Таскора, Таскора-1, М.К. Хабдулина), в правобережном Приртышье (В.К. Мерц), в Жетысу (К.М. Байпаков, А.Н. Марьяшев).

Открытые и изученные на территории восточной части Центрального Казахстана поселения на основании керамики [7. Рис. 2, 1–10], аналогии по памятникам Алтая и Казахстана, а также радиоуглеродных анализов датированы VII–VI вв. до н.э. Ранее на поселении Таскора в Селетинском районе Акмолинской области К.А. Акишевым и М.К. Хабдулиной был найден раннесакский бронзовый черешковый наконечник стрелы. В 2015 г. автором статьи на поселении Керегетас-2 найдена раннесакская бронзовая подпружная пряжка [Там же. Рис. 2, 11]. Из поселения Сарыбуырат, иссле-

дованного автором, происходит бронзовый нож с невыделенным черешком [Там же. Рис. 2, 12]. Отношение поселений к позднему этапу Тасмолы еще предстоит выяснить. Вопрос о периоде VIII в. до н.э., погребальные памятники которого в Тасмолы уже известны, по отношению к поселениям остается открытым.

Автор придерживается мнения о зимнем характере рассматриваемых поселений раннесакского времени востока Казахского мелкосопочника. Вместе с тем обращается внимание на то обстоятельство, что поселения указанного региона не могут быть «стандартом» для других районов, в особенности для Северного Казахстана, Жетысу, Прииртышья, на территории которых было больше возможностей ведения комплексного хозяйства [Там же. С. 12–13]. В таких районах могут быть открыты поселения иных типов, на иных топографических точках, прежде всего с относительно интенсивным культурным слоем. Другое дело такие данные памятников, как керамика («ямочно-жемчужная»), которая есть на поселениях северных районов (Кеноткел, Таскора, ряд пунктов в Прииртышье), каменные орудия, общая ситуация с применением камня в строительстве стен построек, общие особенности планировки жилищ.

Характерной особенностью поселений раннесакского времени Центрального Казахстана является, наряду с их топографией, своеобразной планировкой и техникой строительства, является малая площадь. В своей массе эти небольшие поселки состоят всего из двух-трех строений. Небольшим поселениям соответствует малая величина могильников, когда в группе насчитывается от 2–3 до 5–10 насыпей. Это отражает расплывчатую, дисперсную систему хозяйствования, чему соответствовала малая община как основная таксономическая единица.

Каменные, каменно-земляные, земляные курганы окружены крепидой из плит, проходящей вплотную у самого основания насыпи и внешней оградой [10]. Новой, ранее не известной деталью в оформлении структуры насыпи является наличие грунтовых блоков, встреченных во многих крупных курганах (рис. 1). Впрочем, по данным исследователей, такие грунтовые блоки, как и пласты дерна, встречены в насыпях курганов раннего железного века многих регионов.

Как показывает современный уровень данных, грунтовые блоки выявлены в курганах, более уверенно датирующихся периодом VII–VI вв. до н.э. Скорее всего, это связано со следующим моментом. Грунтовые блоки – характерный элемент для крупных насыпей высотой от двух и более метров. Именно для таких насыпей применяли земляной грунт вообще, используя комбинации камень + земля (насыпные слои, блоки, дерн). Причем у большинства крупных курганов основу насыпи составляет каменная часть, поверх которой воздвигается земляная. Именно у крупных курганов достаточно четко выделяются крепиды (контрфорс), а также имеются ограды и рвы. Таким образом, мы при-

ходим к выводу о том, что грунтовые блоки в основном характерны для периода VII–VI вв. до н.э., так как

именно в этот период и сооружалось большинство крупных курганов.

Рис. 1. Курган 11 могильника Серкеты-1: 1 – общий вид кургана в ходе раскопок; 2 – фрагмент кладки из грунтовых блоков

Вопрос начала бытования тасмолинской культуры. Тасмолинцы практиковали единовременные, одинарные захоронения под курганами. Нет ни одного достоверного факта наличия коллективных захоронений взрослых, в том числе и многоактных погребений. Исключение могут составить несколько случаев погребения взрослого и ребенка, а также, возможно, парных захоронений мужчины и женщины. Эти случаи зафиксированы на основании находок отдельных частей скелета, в единственном случае – полных скелетов (Карашоки, к. 1 – фрагменты черепов взрослого и ребенка; Талды-2, к. 2 – черепа мужчины и женщины; Бирлик, к. 15 – скелеты двух женщин, возможно, матери и дочери).

В одинарных погребениях население внутренних районов Мелкосопочника, скорее будучи более подверженным традициям кочевого скотоводческого уклада, по-видимому, не располагали много предметов. Курганы ограблены массово. В силу таких причин абсолютное большинство курганов не имеют датирующих предметов инвентаря. Для понимания общей хронологической ситуации Тасмолы большую помощь оказывают радиоуглеродные даты, пусть даже и с учетом известного «гальштата». Так, основная масса курганов дала верхний срез интервалов именно в рамках VI в. до н.э., часто попадая на его середину, вторую половину. В настоящее время выделяется группа памятников, которые относятся к периоду VIII–VII вв. до н.э.: курганы могильников Бақыбулак, Карашоки и др. [7. С. 13–17]. Особую позицию занимают памятники Бақыбулака, по-видимому, содержащего самые ранние на сегодняшний день объекты Тасмолы. Здесь раскопаны курганные погребения и небольшие овалы жертвенники. Радиоуглеродные даты из двух курганов (кк. 14 и 15) [Там же. С. 14, табл. 1] указали на вероятный период VIII в. до н.э. Трасологический анализ бронзовых предметов конского снаряжения из жертвенников Бақыбулака, про-

веденный Е.А. Шаблавиной (Госэрмитаж, Санкт-Петербург), выявил ранний, аржано-черногоровский, метод литья [11]. С.В. Хаврин (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург), изучив состав свыше 50 бронзовых изделий тасмолинской культуры, выделил небольшую группу мышьяковистых бронз. Среди них оказались и эти же предметы из жертвенников Бақыбулака [12]. Наконец, раскопанный в 2015 г. курган 9 могильника Бақыбулак содержал оставленные грабителями 42 бронзовых наконечника стрел. Колчан состоит из четырех типов стрел: втульчатые с шипом и без, втульчатые ромбические с поперечным рельефом, черешковые трехлопастные (рис. 2). На основании материалов Казахстана, Саяно-Алтая, Южного Урала и ряда других регионов колчан может быть датирован VIII в. до н.э.

Как замечено, курганы Бақыбулака относительно небольшие (высота – до 1,55 м), сложены проще на фоне особенностей больших насыпей высотой от 2 до 6 м. Здесь нет больших внешних оград, грунтовых блоков, уплощенные насыпи сложены из камня. Хотя эта ситуация отражает современный уровень данных и еще, может быть, будут открыты элитные курганы этого времени.

Новым элементом обряда оказалось наличие в раннесакских курганах Центрального Казахстана дромосных могил. По состоянию на осень 2015 г. на территории восточных районов Карагандинской области (Каркаралинский, Актогайский, Абайский районы) дромосы зафиксированы всего в 26 курганах, изученных под руководством автора. В это число не вошли три объекта: в одном случае на восточном торце ямы имеется лишь небольшое ступенчатое расширение, в двух других случаях также в восточном конце могильной ямы фиксировались небольшие углубления на верхнем краю стены. Все три могут иметь символическое значение дромоса, а также быть результатом иных действий.

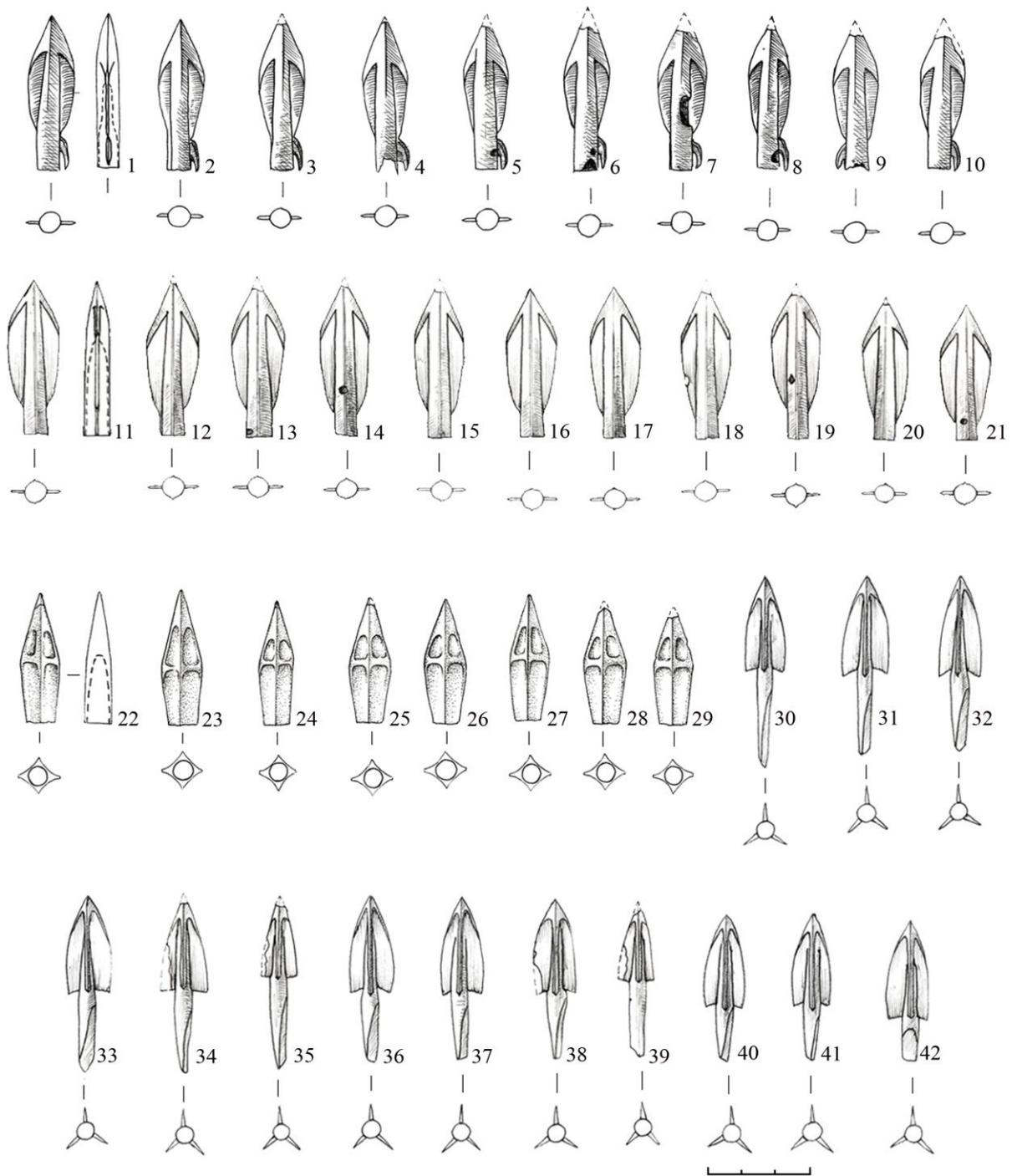

Рис. 2. Бронзовые наконечники стрел из кургана 9 могильника Бақыбулак

Выявленные в могильниках Кособа [13], Акбеит [14. С. 124–125], «Курган 37 воинов» [15], Бақыбулак, Нуркен-2, Карашоқы [7. Рис. 5, 2–4; рис. 8, 1, 2], Талды-2, Серекты-1, Шерубай, кургане с «усами» Назар (рис. 3), а также в целом ряде других памятников дромосы устроены в восточном, юго-восточном, в противоположном к изголовью, конце погребальной камеры и имеют самые разные оформления, что отражается в параметрах, планировке, сечении. Дромосы в некоторых случаях перекрыты бревнами (Талды-2, к. 2),

участки дромосов иногда завалены камнями. В двух курганах могильника Нуркен-2 дромосы имеют стены из крупных вертикальных плит, опущенных на глубину до 0,7 м, вдоль линии дромоса с обеих сторон на материке выложена каменная кладка, перекрывавшаяся плитами и бревнами. Дромосы не являются характерной деталью только больших курганов. Небольшие дромосы имеются и в рядовых курганах. Длина дромосов больших курганов могильника Нуркен-2 достигает 11 (к. 2, высота 6,1 м) и 15 м (к. 1, высота 4,3 м).

В комплексе «Курган 37 воинов» курган 11 имел высоту 0,5 м и диаметр 8 м. Длина дромоса 1 м [15]. Наблюдается типологическая близость дромосов внутри могильников (Талды-2, Нуркен-2, Карашоқы), что, видимо, связано с традициями внутри отдельных родовых групп, оставивших тот или иной некрополь. На данном уровне источников дромосы Центрального Казахстана не могут трактоваться как подхоронительные ходы.

В ряде крупных курганов, в том числе имеющих дромосные могилы, замечено особое устройство перекрытия погребальных камер. Речь идет о тех случаях, когда обычное перекрытие могильной ямы на уровне материка отсутствует, каменная кладка вокруг могилы в своей верхней части переходит в ложный свод или в своего рода пирамидально-ступенчатый потолок того помещения, роль которого играет погребальная камера. Классический вариант этого явления – объемное купольное сооружение в кургане 2 могильника Нуркен-2. Для таких случаев заманчиво видеть в дромосах имитацию входа жилища, обращенного на восток.

Дромосные могилы характерны для саков Восточного Казахстана [16–18], Жетысу [19], Восточного Приаралья [20], а также районов распространения савромато-сарматских культур [21–24]. При этом на западе они появляются не ранее VI в. до н.э.

На данном этапе исследований появление традиции дромосных могил Центрального Казахстана не может быть связано с указанными регионами Казахстана, тем более с какими-то далекими районами Центральной Азии. Это общая черта погребального обряда раннесакского населения востока степной Евразии, уходящая корнями в эпоху поздней бронзы. Для сакской эпохи Казахстана дромосы следует считать местной традицией. Восточнонаправленные тамбуры характерны для мавзолеев Бегазинского могильника, оград бегазы-дандыбаевской культуры в могильнике Сарыколь (рис. 4) в Чингистауских горах, а также они имеются в ряде нераскопанных сооружений эпохи бронзы Центрального Казахстана. В плане почитания восходящего солнца, культа востока в целом к дромосам семантически близки курганы с «усами».

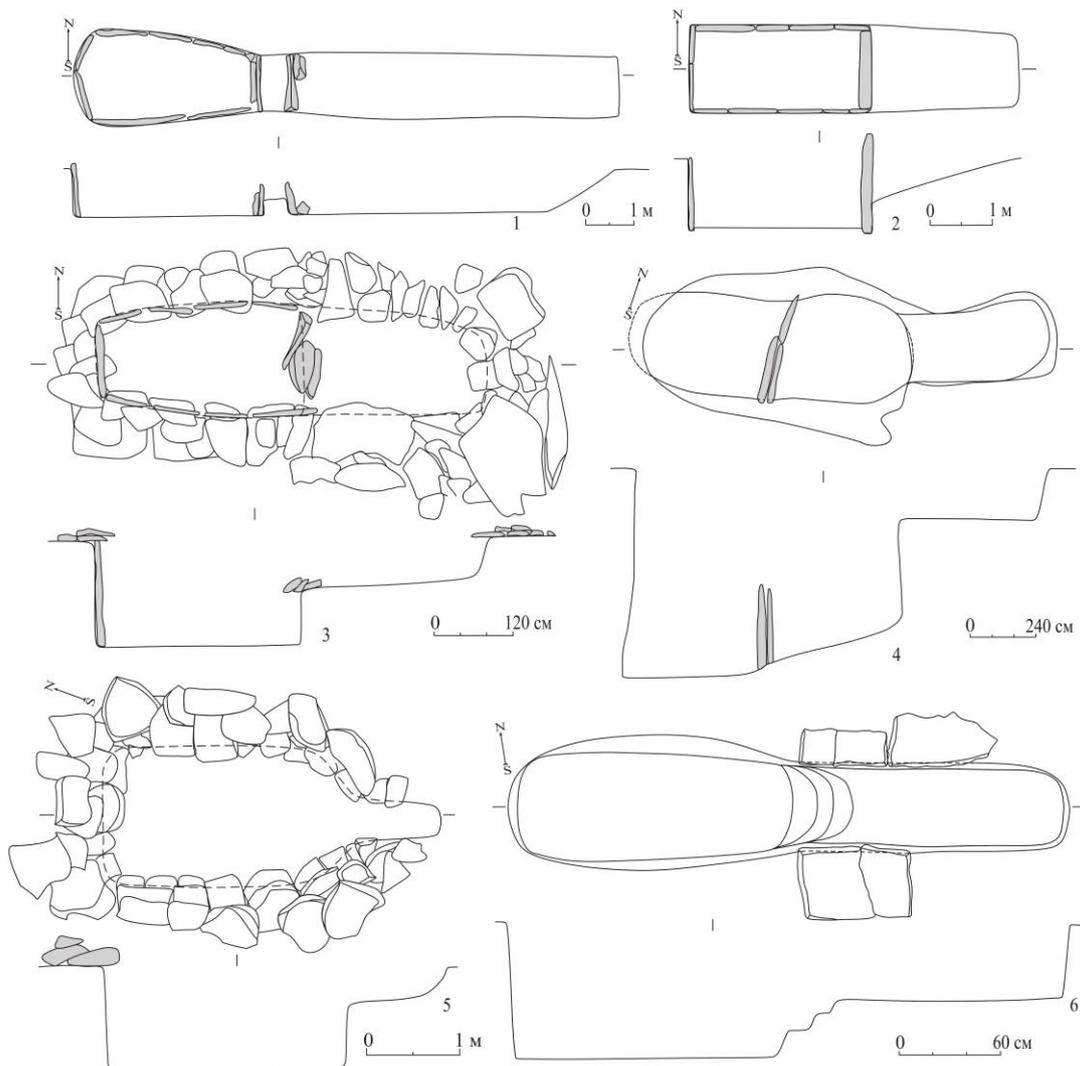

Рис. 3. Типы дромосных могил: 1 – курган 1 могильника Талды-2; 2 – курган с «усами» Назар; 3 – курган 12 могильника Бақыбулак; 4 – курган 10 могильника Серекты-1; 5 – курган 9 могильника Карашоқы; 6 – курган 1 могильника Шерубай

Рис. 4. Ограда 7 могильника Сарыколь. Вид до раскопок

Одной особенностью, появившейся уже на раннем этапе Тасмолы, являются многочисленные околочурганные жертвенники, находимые на территории многих могильников Центрального Казахстана. Как было показано в недавнем специальном сообщении автора [25], они имеют несколько типов в своем исполнении, среди которых наиболее известными являются округло-овальные восьмикаменники и ограды. Находимые в них предметы узды («клады»), по-видимому, связаны с символическим жертвоприношением коня. Также на раннем этапе появляются каменные изваяния. Пять камней найдено в недавних исследованиях автора [26], а вообще, по сведениям специалиста по данной проблеме Л.Н. Ермоленко, в Центральном Казахстане ныне известны 20 изваяний раннего железного века [27]. Близки к каменным изваяниям и стелы (менгиры), найденные в насыпях ряда курганов раннего этапа

(Нуркен-2, Талды-2, Тандайлы-2, к. 2). Изваяния, менгиры раннесакского времени восходят к культовым камням бегазы-дандыбаевской эпохи [28; 29; 30. С. 27–28]. Интересной традицией, бытовавшей уже на раннем этапе Тасмолы, является трепанация черепов. Из 13 случаев один относится к детскому черепу, еще один – к женскому, все остальные трепанации выявлены на черепах мужчин. При этом только в одном случае трепанация является прижизненной – на черепе женщины из к. 25 могильника Бирлик. Сделан вывод о том, что посмертные трепанации делались с целью сохранить тело до момента погребения [7].

Приведенное краткое описание характеризует некоторые главнейшие особенности памятников раннего этапа тасмолинской культуры. По вышеупомянутым аспектам необходимо детальное рассмотрение с публикацией данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 303–433.
2. Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 25–45.
3. Хабдулина М.К. Степное Пришимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. 170 с.
4. Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. 274 с.
5. Beisenov A. Central Kazakhstan in the system of Early Iron Age Cultures of the Steppe Eurasia // Exchange between the East and the West and Altai. Proceedings of the International Conference. Gachon University. Seongnam. Korea, 2015. P. 189–199.
6. Beisenov A. Monuments of Tasmola culture of Central Kazakhstan : new researches // Ancient cultures of the northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia. Huhhot. 2015. P. 258–266.
7. Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тыс. до н.э. Алматы, 2015. 188 с.

8. Beisenov A. Studies of the Saka settlements in the east part of Central Kazakhstan // Археология Западной Сибири и Алтая : опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 289–293.
9. Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск, 2015. 336 с.
10. Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1997. 24 с.
11. Бейсенов А.З., Шаблава Е.А. Особенности литья предметов конского снаряжения тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 105–112.
12. Бейсенов А.З., Хаврин С.В. Металлические изделия тасмолинских памятников Центрального Казахстана // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3 (2). С. 526–531.
13. Бейсенов А.З. Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые каменные изваяния Центральной Азии. Барнаул, 2014. С. 7–16.
14. Бейсенов А.З. Древние сокровища Сарыарки. На каз., русс., англ. яз. Алматы, 2014. 196 с.
15. Бейсенов А.З. Погребально-поминальный комплекс «Курган 37 воинов» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15, № 1. С. 6–12.
16. Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М., 1965. 189 с.
17. Толеубаев А.Т. Итоги исследований памятников раннего железного века Тарбагатай и Жетысуского Алатау // Свидетели тысячелетий : Археология Казахстана за 20 лет (1991–2011). Алматы, 2011. С. 156–174.
18. Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. В поисках следов свернувшейся пантеры : к изучению памятников Маймерской степи // История и археология Семиречья. Алматы, 2011. С. 67–88.
19. Исмагил Р. Сарматское окно в Европу // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996. Вып. 1. С. 176–211.
20. Игина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. 187 с., ил.
21. Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос происхождения сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 56–64.
22. Мошкова М.Г., Малашев В.А., Мещеряков Д.В. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов на Дону, 2011. С. 302–317.
23. Мышкин В.Н. Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов на Дону, 2011. С. 318–334.
24. Мышкин В.Н. Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. // Известия Самарского научного центра Российской Академии Наук. 2013. Т. 15, № 1. С. 219–225.
25. Бейсенов А.З. Околокурганные жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 96–104.
26. Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакского времени из Сарыарки // Вестник Кемеровского государственного университета. История. 2014. № 3 (59). Т. 3. С. 36–40.
27. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 26–32.
28. Ермоленко Л.Н., Касенова А.Д. Вклад А.Х. Маргулана в изучении древней каменной скульптуры Центрального Казахстана // Вестник Кемеровского государственного университета. История. 2014. № 3 (59). Т. 2. С. 20–23.
29. Ярыгин С.А. «Койтасы» Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы в контексте формирования раннесакских культур степной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости : итоги, перспективы. Алматы, 2011. Т. I. С. 408–416.
30. Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы, 2014. 192 с., ил.

Beisenov Arman Z. Institute of Archaeology after A.H. Margulan (Alma-Ata, Kazakhstan). E-mail: azbeisenov@mail.ru

MONUMENTS OF THE EARLY STAGE OF TASMOLA CULTURE.

Keywords: Tasmola culture; settlement; burial ground; dromos graves; stone sculptures.

An important result of the research works on the territory of Central Kazakhstan at the present stage is obtaining data on new burial grounds, opening settlements and stone sculptures. The most striking features of Tasmola culture show through at the early stage, which dates from the VIII–VI centuries BC. A particular category of sources are settlements. Living areas and amenities of small settlements had massive stone bases and were mainly situated in places with little snow on the south, east slopes of the hillsides. These settlements resemble the Kazakh wintering (kystau) much and are archaeological proofs of local population's reaction to the changes in climate in Central Kazakhstan. They depict the commencement of colder climatic conditions, augmentation of rainfall what played an important role in winter period. Small sizes of the burial grounds correspond to small settlements, when the group has from 2-3 to 5-10 embankments. This reflects disperse system of economic life. A small community corresponded to it as the basic taxonomic unit. The availability of ground blocks in the embankments in the burial grounds is represented as new, not previously studied elements. The number stone sculptures of Central Kazakhstan is about 20. New data allows to say that Tasmola culture was formed on the territory of Central Kazakhstan in the course of adaptation of the population to new ecological conditions. It is closely connected with the Saka communities of East, South-east Kazakhstan, Aral areas and North Kazakhstan. 26 burial grounds have dromos graves. Dromos directed to the east, has the length up to 15 m. According to the author, it is a local tradition of the ancient population of Kazakhstan, which is also known by the monuments in East Kazakhstan, Zhetysu, Aral Sea region. The posthumous trepanation of the skull, which was stated in 13 individuals, mostly men, deserves much interest. New materials suggest that Tasmola culture was formed on the territory of Central Kazakhstan in the course of adaptation to changing environmental conditions. It was most closely connected with the Saka communities of the North, East, South-Eastern Kazakhstan (Zhetysu), East Aral Sea region.

REFERENCES

1. Kadyrbaev, M.K. (1966) Pamyatniki tasmolinskoy kul'tury [Monuments of Tasmola Culture]. In: Margulan, A.Kh., Akishev, K.A., Kadyrbaev, M.K. & Orazbaev, A.M. *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [The ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka. pp. 303-433.
2. Kadyrbaev, M.K. (1968) Nekotorye itogi i perspektivy izucheniya arkheologii rannego zheleznoogo veka Kazakhstana [Some results and prospects of studying the early Iron Age archeology of Kazakhstan]. In: Kadyrbaev, M.K. (ed.) *Novoe v arkheologii Kazakhstana* [New in archeology of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka. pp. 25-45.
3. Khabdulina, M.K. (1994) *Stepnoe Prishim'e v epokhu rannego zheleza* [Steppe Prishime in the early Iron Age]. Almaty: Zhilym Rakurs.
4. Tairov, A.D. (2007) *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey v VII–VI vv. do n.e.* [Nomads of Ural-Kazakhstan steppes in the 7th–6th centuries BC]. Chelyabinsk: South Urals State University.

5. Beisenov, A. (2015) Central Kazakhstan in the system of Early Iron Age Cultures of the Steppe Eurasia. *Exchange between the East and the West and Altai*. Proc. of the International Conference. Gachon University. Seongnam. Korea. pp. 189-199.
6. Beisenov, A. (2015) Monuments of Tasmola culture of Central Kazakhstan: new researches. In: *Ancient cultures of the northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia*. Huhhot. pp. 258-266.
7. Beisenov, A.Z., Ismagulova, A.O., Kitov, E.P. & Kitova, A.O. (2015) *Naselenie Tsentral'nogo Kazakhstana v I tys. do n.e.* [The population of Central Kazakhstan in the I millennium BC]. Almaty.
8. Beisenov, A. (2015) Studies of the Saka settlements in the east part of Central Kazakhstan. *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy*. Proc. of the Conference. Barnaul. pp. 289-293.
9. Shul'ga, P.I. (2015) *Skotovody Gornogo Altaya v skifskoe vremya (po materialam poseleniy)* [Cattle farmers in Gorny Altai in the Scythian time (based on the settlements)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
10. Beisenov, A.Z. (1997) *Pogrebal'nye pamyatniki i kul'tovo-ritual'nye sooruzheniya drevnikh nomadov Tsentral'nogo Kazakhstana* [Funerary monuments and cult-ritual structures of ancient nomads in Central Kazakhstan]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
11. Beisenov, A.Z. & Shablavina, E.A. (2015) Features of casting saddlery items in Tasmola culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(36). pp. 105-112. (In Russian).
12. Beisenov, A.Z. & Khavrin, S.V. (2015) Metalworks Tasmola Monuments of Central Kazakhstan. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiyskoy Akademii Nauk – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 17/3(2). pp. 526-531. (In Russian).
13. Beisenov, A.Z. (2014) Issledovanie kurgana saksogo vremeni s kamennym izvayaniem na mogil'nike Kosoba (Tsentral'nyy Kazakhstan) [Research of the Saka mound with a stone statue in the cemetery Kosoba (Central Kazakhstan)]. In: Zinko, V.N. (ed.) *Drevnie i srednevekovye izvayaniya Tsentral'noy Azii* [Ancient and medieval stone sculptures of Central Asia]. Barnaul: Altai University. pp. 7-16.
14. Beisenov, A.Z. (2014) *Ancient treasures of Saryarka*. Almaty.
15. Beisenov, A.Z. (2015) Burial and ritual complex “Kurgan 37 warriors”. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye nauki” – Bulletin of the South Ural State University. Social Sciences and Humanities*. 15(1). pp. 6-12. (In Russian).
16. Chernikov, S.S. (1965) *Zagadka zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos' “skifskoe iskusstvo”* [Mystery of the Golden Hill. Where and when was Scythian art born]. Moscow: Nauka.
17. Toleubaev, A.T. (2011) Itogi issledovaniy pamyatnikov rannego zheleznoogo veka Tarbagataya i Zhetysuskogo Alatau [Results of research of monuments of early Iron Age Tarbagatai and Zhetysu Alatau]. In: *Svideteli tysyacheletiy: Arkheologiya Kazakhstana za 20 let (1991–2011)* [Witnesses of millennia: Archaeology of Kazakhstan for 20 years (1991–2011)]. Almaty. pp. 156-174.
18. Dzhumabekova, G.S. & Bazarbaeva, G.A. (2011) V poiskakh sledov svernumvsheysya pantery: k izucheniyu pamyatnikov Mayemerskoy stepi [Finding traces of clotted panthers: The study of the Mayemerskaya steppe monuments]. In: Beisenov, A.Z. (ed.) *Istoriya i arkheologiya Semirech'ya* [History and Archaeology of Semirechye]. Almaty. p. 67-88.
19. Ismagil, R. (1996) Sarmatskoe okno v Evropu [The Sarmatian window to Europe]. In: *Voprosy arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Problems of Archaeology of Western Kazakhstan]. Samara: Dialog. pp. 176-211.
20. Itina, M.A. & Yablonskiy, L.T. (1997) *Saki Nizhney Syrdar'i (po materialam mogil'nika Yuzhnyy Tagisken)* [Saki of the Lower Syrdarya (a case study of South Tagisken burial)]. Moscow: RAS.
21. Smirnov, K.F. (1978) Dromosnye mogily rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya i vopros proiskhozhdeniya sarmatskikh katakomb [Dromos-type graves of early nomads in the Southern Urals and the origin of Sarmatian catacombs]. In: Kozenkova, V.I., Krasnov, Yu.A. & Rozenfeldt, I.G. (eds) *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy* [Problems of ancient and medieval archeology of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 56-64.
22. Moshkova, M.G., Malashev, V.A. & Meshcheryakov, D.V. (2011) Dromosnye i katakombnye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya savromatskogo i rannesarmatskogo vremeni [Dromos and catacomb burials in Southern Urals of Sarmatian and Early Sarmatian time]. In: Matishov, G.G., Yablonskiy, L.T. & Luk'yashko, S.I. (eds) *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii* [The funeral rite of the early nomads in Eurasia]. Rostov na Donu: RAS. pp. 302-317.
23. Myshkin, V.N. (2011) Pogrebal'naya obryadnost' sotsial'noy elity kochevnikov Samara-Ural'skogo regiona v VI–V vv. do n.e. (k probleme formirovaniya prokhorovskoy kul'tury) [The funeral rites of nomadic social elite in Samara-Urals region in the 6th-5th centuries BC. (on formation of the Prokhorov culture)]. In: Matishov, G.G., Yablonskiy, L.T. & Luk'yashko, S.I. (eds) *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii* [The funeral rite of the early nomads in Eurasia]. Rostov na Donu: RAS. pp. 318-334.
24. Myshkin, V.N. (2013) Types of burial rite of the social elite of nomads Samara-Ural region in 6th – 5th centuries B.C. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiyskoy Akademii Nauk – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 15(1). pp. 219-225. (In Russian).
25. Beisenov, A.Z. (2015) Sacrificial constructions near kurgans as types of Tasmola culture monuments. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(36). pp. 96-104. (In Russian).
26. Beisenov, A.Z. & Ermolenko, L.N. (2014) New stone statues of the Saka period from Saryarka. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya – Bulletin of Kemerovo State University. History*. 3/3 (59). pp. 36-40. (In Russian).
27. Ermolenko, L.N., Kurmankulov, Zh.K. & Kasenova, A.D. (2015) New data on a specific kind of Saka period statues. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya – Bulletin of Kemerovo State University. History*. 1/3 (61). pp. 26-32. (In Russian).
28. Ermolenko, L.N. & Kasenova, A.D. (2014) Margulan's contribution to the research of ancient stone sculpture of central Kazakhstan. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya – Bulletin of Kemerovo State University. History*. 3/2(59). pp. 20-23. (In Russian).
29. Yarygin, S.A. (2011) [“Koytasy” of Central Kazakhstan in the Late Bronze Age during formation of the Early-Saka cultures of Eurasian steppe]. *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy* [Archeology in the era of Kazakhstan independence: Results and prospects]. Proc. of the Conference. Almaty. pp. 408-416. (In Russian).
30. Beisenov, A.Z., Varfolomeev, V.V. & Kasenalin, A.E. (2014) *Pamyatniki begazy-dandybaevskoy kul'tury Tsentral'nogo Kazakhstana* [Monuments of Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan]. Almaty.

А.А. Кыржинаков

ТРАДИЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И СПОСОБЫ ТРАНСПОРТИРОВКИ ДОБЫЧИ У ХАКАССКИХ ТАЕЖНИКОВ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Приводится комплексная характеристика традиционных средств передвижения и способов транспортировки добычи хакасскими промысловиками. Раскрываются особенности передвижения, виды транспорта и ухода за ним и способы транспортировки таежной продукции в хозяйственно-промысловой деятельности в аспекте традиций и новаций. Определяются значение и роль сухопутного и водного транспорта в системе жизнеобеспечения коренного населения Хакасии в прошлом и настоящем.

Ключевые слова: хакасы; лыжи; ручные нарты; сани; лодки; плот; конский верховой транспорт; телега.

В хозяйственно-промысловой деятельности хакасов важную роль играли средства передвижения и способы транспортировки провианта и добытой таежной продукции. Во время охоты, рыболовства и сбора съедобных дикоросов они использовали весьма разнообразный сухопутный и водный транспорт, также различные способы доставки добычи.

Среди них основным средством передвижения по горно-таежным массивам Хакасии являлась лошадь – «чылгы/чылгы мал». Ее использовали под верховую езду, вьюк, тяглу, а также упряжь. Последняя практиковалась в меньшей степени. На промысел в тайгу в основном отправлялись на меринах – «ат». Таежники верхом на конях за световой день свободно преодолевали до 50–100 км, везя с собой воз более 200 кг. У них были две породы коней: тулбары – «тулбар ат» и аргамаки – «аргымах ат». Последние были более крупных размеров. Использование конского транспорта в таежных промыслах отражено в устном народном творчестве хакасского народа. Из хакасских фольклорных источников известно, что знаменитый и почитаемый герой Ир Тохчын обладал двумя конями. На одном из них он отправлялся на охоту в степь. Другой был предназначен для промысла в далекой тайге в верховьях Казыра и Кизира [1. С. 159].

Коневодство издавна было одним из основных направлений хозяйства хакасов. Это отмечали многие исследователи-путешественники. Например, в XIX в. в своей работе князь С.П. Урусов писал: «Между величественным Енисеем и Белым Юсом, предгорьями Саян и Алатау, живописно расположены богатейшие степи Минусинского округа, где счастливые сочетания топографических и климатических условий с доисторических времен создали свое коневодство. Прекрасная девственная почва, производящая отличные кормовые травы, умеренный континентальный климат, обилие воды и возможность круглый год пользоваться подножным кормом, вот те условия, которые создали местное коневодство, сохранили его до сих пор и обеспечивают ему существование в далеком будущем. Вся эта степная половина округа заселена инородческими племенами, известными под общим именем абаканских татар. По образу жизни инородцы эти принадлежат к кочевникам, имеющим постоянные жилища на летних

и зимних стойбищах, причем перекочевка из зимников в летники совершается исключительно в интересах скотоводства, главного и почти исключительного их занятия. Общее число лошадей в Минусинском округе равняется 70 тысячам голов; количество их у отдельных владельцев зависит от их благосостояния и колеблется от 30 до 1 500. Туземная лошадь пользуется самой широкой известностью на востоке; еще задолго до Р.Х., в эпоху расцвета культуры в Китае, она массово приводилась в эту страну, и древний обычай снаряжать особое посольство за покупкой лучших лошадей для придворных конюшен богдыхана существует у консервативных сынов небесной Империи и поныне.

Средний рост абаканской лошади от 2 аршин, хотя лошади в 2 вершка не представляют исключения. Голова небольшая, лоб широкий, задние части скул значительно расходятся, лицевой угол относительно велик; рот небольшой, с плотно сомкнутыми губами, ноздри небольшие; глазные впадины продолговатые, взгляд бойкий, энергичный; уши небольшие, прямостоячие, шея средней длины, прямая, мускулистая, горло не выступает; холка довольно развитая и постепенно переходящая в спину средней ширины» [2. С. 184]. Хакасская лошадь пользовалась популярностью и была востребована за пределами Хакасско-Минусинского края.

Для успешной и безопасной верховой езды и транспортировки таежных даров важную роль играло конское верховое снаряжение. Традиционный комплекс верхового конского снаряжения включал в себя узду – «чуген» и седло – «изер». Узда состояла из сугловья и повода, сшитых прочными кожаными тонкими ремнями. Удилы – «суглук» – были железными двусоставными с ребристой или гладкой поверхностями, а также чумбура – «узун тын». Традиционные хакасские седла относятся к типу с жесткой основой со стременами: цельными, выдолбленными. Вторые – составные. Материалом для изготовления седел служила береза. У составных седел передняя, задняя луки и седельная часть между собой укреплялись кожаными ремешками. К седлу прикрепляли путлице из кожи для стремян через сквозное отверстие на полке. В передней части полка седла также прикрепляли

нагрудный ремень, а на задней – привязывали подхвостник, а также с помощью кожаных ремешков небольшой черпак и кожаные вьючные ремешки. При подъеме на гору нагрудник служил одним из необходимых элементов конского верхового снаряжения, а при спуске – подхвостник. При спуске и подъеме на гору особое внимание обращали на то, чтобы седло и груз не сползали. Для этого при спуске конскую седельную сбрую немного передвигали назад и подпруги туго затягивали. Для страховки дополнительно крепили арканом к подхвостному ремню. При подъеме – наоборот, сбрую передвигали к холке, а к груди добавляли подхвостник. Все эти элементы конской амуниции и дополнительные действия придавали устойчивость седлу. Под седло подстилали потник – «учюрге» из войлока или травы, а поверх – чепрак. Седло с потником и чепраками перетягивалось двумя подпругами из кожи с железными пряжками. Седловина седла снабжалась кожаной подушкой – «типсе», набитый птичьими перьями или сеном. Современные таежники используют покупные седла, как кавалерийские, так и универсальные, а традиционные в основном вышли из употребления.

Во время конского верхового передвижения для перевозки продуктов и личных вещей, а также таежной продукции использовалась переметная сума, называемая по-хакасски «арчымах». Она состоит из сшитых вместе двух равных половинок. Ее шили из сыромятной кожи крупного рогатого скота, лошади или марала, лося. Клапаны сумы пристегивались кожаными ремешками с металлическими пряжками. Ее клали сзади задней луки седла. В сумках можно было перевести около 50–60 кг кедрового ореха или разделанную косулю, часть марала и т.д. В современном хакасском языке термин «арчымах» также обозначает ремень для перетаскивания мешков с охотничьей добычей, провизией, с кедровыми шишками. Дополнительными составляющими элементами, необходимыми для транспортировки и фиксации веза, служили арканы (волосяной аркан – «хыл аргамч,ы»), кожаный аркан – «хайыс аргамч,ы»), конопляная веревка – «киндір паг», конопляный мешок – «киден хап» [ПМА-1]. В наши дни применяются разные покупные изделия фабричного производства.

Верховой конь в хозяйственной деятельности для таежных жителей являлся универсальным транспортным средством передвижения в течение круглого года, лишь после выпадения глубокого снега они ограничивались верховой ездой. Исключение составляли близлежащие территории аалов (традиционное поселение хакасов. – *К.А.*), где снега был меньше, чем в глухой тайге.

Охотники на первый сезон пушного промысла отправлялись в тайгу верхом на коне. На нем доставляли провизию и вывозили добычу. Во время пути к промысловым угодьям и обратно они переправлялись через водные бассейны. В каждой реке были броды, но

они могли меняться от ежегодных изменений ее русла. Поэтому переправа через водный источник являлась важным моментом. Обычно первым переправлялся более опытный наездник, а за ним следовали другие. Во время переправы нельзя было поднимать ноги, так как при резком движении можно сбить темп хода движения лошади по течению. От этого она может потерять равновесие и даже опрокинуться. К тому же поднятые ноги придают неустойчивость в седле, что может привести к опрокидыванию переправляющегося человека. Если переправлялись вплавь, то всадник находился с левой стороны и держался за гриву коня, а главное – нужно было следить, чтобы вода не попала в уши животного. Прибывших на место промысла лошадей сразу не расседывали. Сначала с них снимали груз, ослабляли подпруги и коротко привязывали на деревья вытяжкой, чтобы их головы не опускались. Только через час или два разрешалось снимать седло и потник, при этом запрещалось трогать конскую спину руками. В случае несоблюдения этих правил на спине животных может появиться рана. По поводу этого существует хакасское выражение «малнын, тирін содып аларга», что в буквальном переводе на русский язык означает «охладить пот животного» [ПМА-1].

В таежных условиях лошадей кормили сеном, заготовленным сенокосом, также в открытых небольших полянах. Ее привязывали на короткий аркан. Зимой она может добывать себе корм из-под снега (копытить) с глубины до полутора метров.

При добыче пушных зверей в основном передвигались пешком, но были и звероловы, промышлявшие верхом на конях. Охотились на пушных зверей в течение одного-полутора месяцев, с середины октября до середины ноября (до выпадения глубокого снега, в зависимости от погоды). Иногда промысловики, прибыв на родовые промысловые угодья, отправляли лошадей обратно в село. Этим занимались дети в возрасте 8–12 лет. Затем они в условленное время приезжали за ними и добычей [ПМА-1].

У хакасов существовала верховая охота на волков и копытных. Как правило, организовывали облаву на хищников, которые недавно задавили домашний скот. Это объясняется тем, что насытившиеся звери быстро не могут бежать. Обычно их загоняли коллективно группой в 3–4 человека и добывали ударами нагайки или деревянной дубинки. Зимой верхом на лошадях вблизи хакасских аалов устраивали загонную охоту на копытных. Обычно загонщиков было двое, а другие – стрелки.

Конь служил для транспортировки добычи охотников. Добытую косулю доставляли двумя способами. Первый способ – «сюртеп» (букв. в переводе на русский язык – «волочить»). Копытное животное привязывали конопляной веревкой или арканом за хвост коня. При этом один конец веревки привязывали за отверстие, сделанное в ноздре животного, а другой – на сложенный вдвое конец хвоста домашнего скота. В наши

дни добычу также волокут, используя аркан, привязав один конец за заднюю луку седла, другой – за шею. Второй способ – вьюком, по-хакасски – «артып». Охотничий трофей укладывали сзади седла с левой стороны и фиксировали ее арканом за заднюю луку, но только на обученную лошадь. Этим способом на коня могли навьючить две косули [ПМА-1].

Осенью и весной таежники верхом на конях отправляются на промысел кедрового ореха, доставляют провизию и вывозят таежную продукцию. Чистый орех вывозили вьюком верхом на конях. На одного коня навьючивали по два мешка чистого ореха. В наши дни промысловики нагружают до трех мешков таежной продукции (ок. 120 кг). Груз связывали под вьюк. Для этого использовали традиционный аркан – «хыл ар-гамчы», свитый из конского волоса длиной более 6 м, в современности – витый из шпагата или покупной. Дополнительно при связке под вьюк используют два тонких прута из рябины длиной до 100 см – диаметром около 3–5 см. Для этого аркан длиной около 4–5 м складывают на земле вдвое, чтобы они шли параллельно на расстоянии около 40 см одна от другой. Затем сверху кладут поперек прут из рябины, далее – мешок. После на него надевают петлю (середину) аркана, заводят оба конца параллельно и тянут. Затягивают так, чтобы петля затянула в двух местах, как в нижней, так и в верхней частях мешка. Затем сверху оставшейся частью аркана аналогичным способом обвязывают второй мешок. Два или три человека навьючивают на коня груз только с левой стороны. При этом прутья должны оказаться с наружной части, они обеспечивают максимальную фиксацию. Третий мешок кладут сверху на седло и фиксируют арканом за переднюю и заднюю луки. По тропе промысловик ведет лошадь за чумбур и должен внимательно следить за равновесием груза. При спуске, поворотах или подъеме иногда происходит перевес груза. В этом случае выравнивают мешки на ровном месте. Навьюченная лошадь спокойно может доставить груз в течение дня. Если в тайге была дорога для колесного транспорта, то добытую продукцию вывозили на рабочей телеге – «чалан, хан,аа». Одна лошадь может вывезти до 7–8 мешков чистого ореха (более 300 кг) [ПМА-1].

В наши дни собиратели для перетаскивания мешков с кедровыми шишками пользуются специальными ремнями длиной более 3 м и шириной 5–10 см. Один человек с их помощью может перенести два мешка шишек. Для этого ремень складывают на земле вдвое, чтобы две равные половинки были параллельно на расстоянии 30 см друг от друга. Затем кладут мешок и промысловик ложится спиной на него, одновременно захватывает правой рукой петлю (середину) ремня и, пропустив через голову и шею, натягивает до груди. После, с двух сторон, лежа на спине, просовывают два свободных конца подмышками наподобие лямок рюкзака. Далее затягивают концы ремня и подвязывают в районе грудной клетки узлом. Встают, наклонившись

на правое или левое колено, и сверху кладут второй мешок. Так, таежник навьючивает на себя мешки с кедровыми шишками. Этим же способом перетаскивают чистый орех около 40 кг, пешком максимально на расстояние до 10–15 км. Такой же способ практикуется для доставки на место промысла продуктов питания, личные вещи и т.д. Аналогичный способ используется и во время охоты для вывозки добычи [ПМА-1].

Верхом на конях выезжали для сбора черемши («халбы»). Отправлялись рано утром, а к вечеру уже возвращались домой. Собирали съедобный дикорос в конопляный мешок. Затем привязывали вьюком и вывозили. На одну лошадь навьючивали по два мешка. Некоторые вывозили на телеге около 300 кг черемши. Во время вывозки таежной продукции из тайги при крутом спуске используют дополнительный страховочный тормоз. Для этого срубают березу или другую древесину длиной пять-шесть метров и привязывают арканом к телеге. Груз тормозит и облегчает спуск.

В давние времена у хакасов были телеги – «тадар хан,аа» (букв. в переводе на русский язык – «татарская телега»). Ее основу изготавливали из дерева, а колеса – из деревянных массивных чурок [ПМА-1]. Разновидность хакасских телег отразилась в лексике хакасов. В хакасском языке существует специальная терминология для обозначения частей телеги. Например: дроги – хан,аа сын агазы, ступица – хан,аа кюнегі, круг телеги – озені, изголовье телеги – хан,аа частыгы, переднее изголовье – алын частыгы, заднее изголовье – кизін частыгы, оглобли – хан,аа осталы, спицы – хан,аа азагы / хан,аа чодазы, подмога – хан,аа тартхыс тимірі [З. С. 178]. Вероятно, под влиянием русской культуры появились другие виды: тарантасы – «хазах хан,аазы», пролетки – «ханаттыг хан,аа» и др. В наши дни в хакасских аалах по-прежнему можно встретить таежников на телегах.

У собирателей было традиционное приспособление для перетаскивания собранных таежных даров, называемое по-хакасски «чюкес». По конструкции оно напоминает русскую понягу, вероятно, она была заимствована из хакасской культуры. В хакасском краеведческом музее им. Л.Р. Кызласова в этнографическом фонде хранится один чюкес. Он состоит из дугообразного деревянного каркаса, вдетого в основу из кожи прямоугольной формы с кожаными ремешками по краям. В верхней части – две лямки, в нижней части – одна. Сбоку на каркасе расположены кожаные петельки для привязывания груза. К ней могли привязать берестяной короб. Им пользовались в XIX – первой половине XX в. [ХНКМ-2]. На сегодняшний день подобную конструкцию можно увидеть в рюкзаках разных производителей.

Зимой для охоты и вывозки добычи служили сани – «соор». Появление саней в Хакасско-Минусинском крае уходит своими корнями в эпоху существования государства енисейских кыргызов (предков современных хакасов. – К.А.) – VI–XII вв. По данным археоло-

гии, первые найденные сани датируются XI в. Это четырехкопильные сани со слабо изогнутыми полозьями общей длиной 3,3 м, шириной 1,3 м, высотой 60 см. Все основные части саней сделаны из березы, а нащепы – из черемухи. В этих санях, как и у русских, отсутствует способ «вязания» [4. С. 47–67]. Как правило, зимой на санях на охоту отправлялись вблизи своих селений коллективно до четырех человек. Другие соратники могли ехать верхом. В некоторых случаях добытого недалеко от аала крупного копытного марала или лося вывозили на санях. Следует отметить, что сани в охотничьем промысле хакасов широкого распространения как вид транспорта не получили. В наши дни конструкция хакасских саней практически не отличается от русских саней [ПМА-1].

В первой половине XX в. плот являлся одним из водных охотничьих транспортов для переправы по крупным рекам Хакасии. В пути на место промысла для преодоления водного пространства сооружали небольшие плоты квадратной или прямоугольной формы из сухого кругляка одинаковой длины. Ее размер составлял 4х2 м. На концах подготовленных восьми бревен вырубали пазы и плотно укладывали на них с обеих сторон (сверху и снизу) две поперечные сухие балки из лиственницы. Их связывали тальниковыми размолоченными прутьями каждую в двух местах. Управляли плотом с помощью посоха из ствола сухой молодой лиственницы. В одном плоту могли поместиться двое или четверо охотников [ПМА-1].

Зимой при глубоком снеге основными средствами передвижения у таежников были лыжи-подволоки «сана». Ранней весной они передвигались на лыжах-голицах «халбырах». По письменным источникам, лыжи были известны тюркам еще с древности. Например, лыжи были отмечены персидским историком Рашид-ад-дином: «...они делают особые доски, которые называются чанэ, и на них становятся; сделавши из ремня подвоя, [прикрепляют их к передним концам досок], и берут в руки палку и, [скользя] по снежному покрову, упираются той палкой в землю, подобно тому как гонят на воде судно. Они так гоняются на чанэ [лыжах] по степи и равнине, по спускам и подъемам, что настигают горного быка и других животных и убивают [их]. Если же кто-либо будет несведущий и неопытный в этом деле, то, когда он побежит, ноги его разойдутся врозь и разорвутся, особенно на спусках и при быстром разбеге. Обученный же человек бегаёт с великой легкостью. Чанэ знают в большинстве областей Туркестана и Могулистана. Особенно же о них имеют понятие в областях Баргуджин-Токум, [у племен]: кори, киргиз, урасут, теленгут и тумат, потому что в этих областях [особенно] употребляют этот способ [передвижения]» [5. С. 124]. Лыжи зафиксированы также в китайских летописях: «Все пользуются деревянными конями (лыжами). Когда поднимаются и опускаются по северному склону гор, [так] стремительно несутся, точно летят» [6. С. 56]. В современности охотники голицами

не пользуются, исключение составляют собиратели кедрового ореха. Весной они по-прежнему для передвижения по насту используют лыжи-голицы.

Охотничьи лыжи-подволоки очень удобны при ходьбе по глубокому снегу, при подъеме на гору не скользят, а на спуске развивают большую скорость и можно догнать бегущего по глубокому снегу марала. В зимнее время зверолов может на лыжах доставить добытую косулю. Для уменьшения веса внутренности убирают, а шкуру оставляют для облегченного скольжения. Традиционно для тягла использовали веревку из конопляного волокна. Ее привязывали за носовую перегородку, а на другом конце делали петлю для кисти руки. Так, промысловик доставлял добычу [ПМА-1].

Хакасы основы лыж изготавливают из таких древесных пород: ель – «тіген», осина – «ус», черемуха – «нымырт», вербы – «тал». Наиболее прочными считаются из черемухи. Процесс изготовления лыж-подволоки происходит в несколько этапов: выбор заготовки, раскалывание, выстругивание, изготовление и закрепление крепления, обшивка или подбитье камуса. Заготовку выбирают ранней весной, в апреле и мае. Это объясняется тем, что в этот период деревья содержат в себе много воды и это благоприятно сказывается на гибкости лыж. Древесина должна быть без сучьев, гладкой, длиной с рост человека и диаметром около 20–25 см. После выбора ее раскалывали следующим способом: большой нож или топор прикладывали на заготовку и по обуху били деревянной колотушкой, затем на образовавшийся надруб вставляли клин и до конца раскалывали на две половинки. На лыжу шел наружный слой дерева, а сердцевина выстругивалась. Строгают лыжи толщиной в указательный палец «пірліг» (ок. 2 см). Затем выструганные половинки готовят для сгиба. Для этого носки лыж специально кипятят в казане 1,5 часа. Для сгибания лыж существует специальная конструкция, состоящая из двух жердей «сыра» длиной 2–2,5 м, диаметром 10 см, поперек на одном конце этих жердей устанавливают палки (одна сверху, а другая снизу). Затем заготовку просовывают между этими поперек установленными палками и постепенно нажимают их вниз, так получается сгиб. После сгиба на другом конце жердей устанавливают третью поперечную палку так, чтобы они приняли «мертвую» точку. В таком положении основы лыж хранятся все лето. Осенью их доделывают. Вновь строят приблизительно толщиной до 1,5 см под площадкой для ступни ноги. Для прочности некоторые мастера копят их на открытом огне. После метят и сверлят четыре отверстия или прожигают железным прутом для крепления от центра около 2–3 см так, чтобы носок лыж приподнимался. Крепления делают ременные из кожи. Оно считалось правильно закрепленным, если при держании за основу правого кожаного ремешка носок лыжи приподнимался, а пятка опускалась.

На одну пару охотничьих лыж уходят камусы двух копытных животных – коня, марала, лося. Лучшим по

своим свойствам, качеству и долговечности является камус коня или лося. Традиционным способом крепления камуса к основе лыж являлось сшивание. Перед этим камус замачивают в соленой воде на сутки-двое. На заготовке по краям через каждые 5 см делаются поперечные отметки. В точках пересечения сверлят (шилом) или прожигают (железным прутом) отверстия по толщине нитки. На носке лыжи отверстия делаются через каждые 2–3 см. Между отверстиями ножом прокладывается канавка глубиной в 2–3 мм. Затем кроют камус и сшивают их между собой так, чтобы ворс был направлен в одну сторону. После с носка лыжи начинают сшивку. Для этого хакасские мастера использовали ссученные нитки из сухожилия или волокон конопли. Сухожилия брали из голенной части крупных копытных домашних и диких животных. Высуженные сухожилия ударами деревянного молотка или колотушки расщепляли. Затем их отсоединяли и ссучивали на обнаженном колене. Нити из конопли готовили осенью. Из высушенной конопли отдирали волокна. Затем в домашних условиях сучили нити. Начинали сшивать с самого верхнего конца так, чтобы оба конца нитки проходили по двум краям лыжи. Так, один конец нити проходит по левому краю, а второй – по правому. Пришивая камус по краям, шкуру все время сильно натягивали. В конце эти нити соединяются и привязывают их между собой. На площадке для ступни подбивали бересту деревянными гвоздями из березы. Перед этим ее опускали в котел кипящей воды и около часа там вываривали. Затем бересту вытаскивали и кроили. Вываренная береста становилась эластичной. Прибивали ее с наружной части к основе лыжи, так как к внутренней части не прилипает снег. В наши дни способ сшивания практически не используется, а в основном также приготовленные камусы в подсоленной воде подбивают маленькими гвоздями или закрепляют степлером. Вместо бересты в площадке для ступни используют техническое сырье – резину. Обшитые лыжи просушивают в тени, прохладном месте около одного-полутора месяца [ПМА-1].

Голицы по форме не отличались от лыж-подволоок. У них такие же крепления из кожаных ремешков [ПМА-1]. По традиции в давние времена некоторые мастера вместо камуса сшивали основу лыжи шкурой выдры – «хамнос» [РФ. ХакНИЯЛИ].

Охотничьи лыжи-подволоки выполняли также функцию транспортировки груза. Для этого его крепления перевязывали между собой плотно, чтобы они не расходились. На носке лыж в отверстие привязывали веревку из конопляного волокна. На соединенных лыжах обычно перетаскивали добычу.

Во время ходьбы на лыжах по глубокому снегу вспомогательную роль выполняла лыжная палка – «тайах/курчек». Длина лыжной палки достигала до 1,5 м, конец её представлял форму лопаты – шириной около 15 см, длиной 20 см. Во время спуска с горы охотник переносил тяжесть своего тела на палку и с ее

помощью тормозил и рулил между деревьями. Она служила для раскапывания снега при устройстве охотничьего балагана или при установке ловушек и капканов. В некоторых случаях этой палкой продавливали лед, чтобы набрать воду, также добывали раненого зверя. В настоящее время традиционные лыжные палки встречаются у коренных жителей Таштыпского района Республики Хакасия [ПМА-2].

Зимой звероловы для доставки провизии и добычи использовали ручные нарты «санах». Ее изготавливали весной. Длина охотничьей нарты составляла 2,5 м, ширина – 56 см. Она состояла из 2 полозьев – «табаны», каждая длиной 2,5 м и шириной 5 см, толщиной в тонкой части – 1 см, толстой – 3,5 см. Для прочности полозья стойки делали из березы – «хазын» или лиственницы – «тыт агас». На каждом полозе устанавливали по четыре стойки высотой 70 см и диаметром 3–4 см с расстоянием между ними по 50 см. После готовили связки – «пестер» из черемухи длиной 1 м диаметром 3–4 см. На них ножом в местах сгиба делали выем. Затем на открытом огне их нагревали, тем самым дерево распаривалось и только потом связки обвязывали. Концы их закрепляли конопляной нитью. В последний момент на стойки нарты вдевали две горизонтальные палки: одна внизу (длиной 2,5 м), другая – сверху (2,4 м) и по бокам связывали конопляной нитью крест-накрест. Тянули нарты за веревку – «чук паг», которая перекидывалась вроде лямки шириной 10–14 см и длиной 3 м. С левой стороны к нарте приделывали «углаба» – палку длиной 3 м и диаметром 3 см. Это приспособление служило для управления на поворотах, при спуске. Если охотник тащил на нарте тяжелый груз, то сзади товарищ толкал рогулькой. На ручной нарте один зверолов мог увезти до 120 кг груза. В наши дни также используют промысловые нарты, но уже в меньшей степени [ПМА-1].

В пешей охоте для доставки добычи по-прежнему применяют традиционный способ – «артынып». Добытую козулю переносят двое, используя жердь «сыра». Обычно ноги добытого дикого животного привязывают крест-накрест – «крести палгап». Затем подготовленную жердь обычно из молодой лиственницы длиной около 2,5 м и диаметром около 10 см продевают между образованным пространством ног и брюшной части. Один берет передний конец жерди, другой – задний, и кладут на плечи. Во время передвижения охотники через некоторое расстояние жердь с грузом одновременно перекадывают на другое плечо. Так, постепенно переносят добычу и преодолевают маршрут промысла. Этим способом охотник, используя также жердь, может доставить добытого глухаря, тетерева, зайца и барсука. Но в этом случае жердь бывает короче, длиной около полутора метров [ПМА-1].

В традиционном рыболовстве хакасов водным транспортом служили лодки. Они были двух типов. Первый тип – берестяные лодки – «тос киме». Для лодки-берестянки бересту специально заготавливали в июне, который называется по-хакасски «тос айы».

Заготовленную бересту разваривали в больших котлах до эластичности. Затем ее сшивали в два слоя гибкими корнями черемухи и крепили на деревянном каркасе. Длина этой лодки достигала 5 м. Берестяные лодки бытовали еще в XIX в., но они постепенно были вытеснены долбленками. Второй тип – лодки-долбленки – «киме». Для ее изготовления организовывались артели из 3–5 человек, состоявшие в родственной или аально-общинной связи. Материалом служили тополя, растущие по берегам крупных рек – Абакана, Енисея, Июсов.

По хакасской традиции изготовлением водного транспорта занимались весной. Выбирали заготовку по следующим признакам. Она должна быть гладкой, без сучьев, длиной около 7 м и диаметром около 70–80 см. Вначале заготовку ошкуривали, затем определяли середину и дно будущей лодки-долбленки, затем клали на опоры из кругляка. Сначала выстругивали концы, а затем приблизительно форму лодки, далее выдалбливали сердцевину специальным топориком-теслом – «адылга/сотпа палты». Они были с прямыми, правыми и левыми лезвиями. Прямые предназначались для выдалбливания дна, а другие – для бортов лодки. В процессе изготовления на дне просверливали ряд отверстий, куда вбивали колышки из сухой коры тополя – «собра». Они являлись ограничителями при выдалбливании сердцевины и определяли толщину борта лодки. Для разведения бортов применяли два способа. Первый – на песке выкапывали яму и разводили костер. Затем подготовленный макет долбленки переворачивали и клали на горячие угли. Сверху накрывали свежей скошенной травой и по мере высыхания подливали воду. Так, в течение 2–3 часов дерево постепенно распаривалось. Лодку переворачивали и разводили борта при помощи упругов. Второй способ – перед разведением бортов внутрь наливали воду, в которую опускали раскаленные на огне камни. Тем самым горячей водой дерево распаривали. Этот процесс занимал также около двух-трех часов. Затем вычерпывалась вода и разводились борта долбленки. В последнюю очередь готовый водный транспорт смазывали дегтем. Лодками управляли веслом – «иски» [ПМА-3]. В конце XIX в. цена одной лодки была 5–6 руб. [8. С. 339]. На сегодняшний день лодки-долбленки ушли в прошлое, их способы изготовления знают лишь некоторые хакасские старожилы.

Среди водных транспортов в рыболовстве использовался плот – «сал». В отличие от лодок-долбленок, плоты по сей день имеют важное значение в рыбной ловле в таежных реках Хакасии. Например, в р. Таштып по сей день ловят рыбу сетью «ильме» с помощью двух плотов. На одном плоту размещаются два рыбака, а на другом – три. По конструкции он представляет собой квадратной формы размером 2x2 м, изготовленный из кругляка диаметром около 30 см. Последние скрепляются с помощью деревянных тре-

угольных поперечин, вставленных в пазы бревен [ПМА-2].

В рыболовстве немаловажную роль играла верховая лошадь. Осенью артель хакасских рыбаков, состоявшая из близких родственников, на конях отправлялась рыбачить в долину р. Хан-Тегир, которая славилась одной из самых ценных рыб – хариусом («хоора палых»). В отношении хариуса как одной из самых вкусных рыб свидетельствует даже половозрастная терминология: «сахчых» – однолетний хариус, «саргачах» – двухлетний хариус, «сарга» – трехлетний хариус, «хоора» – четырехлетний хариус, «хара хоора» – пятилетний хариус, «кок хоора» – «патриарх» хариусов. Также в хакасском языке существуют термины, обозначающие части рыбы: «атпах» – жабры, «алнындагы ханаттар» – передние плавники, «соондагы ханаттар» – задние плавники, «палых хастырыуы» – чешуя рыб, «палых істі чаа» – внутренний жир, «узерген» – икра рыб, «майыс» – молоки рыб, «уйбут» – слизь рыб и др. Рыбачили до ледостава. Подсоленный хариус на месте замораживали в выдолбленных колодах. В декабре на конях поднимались за рыбой по льду р. Енисея и привозили домой. Одна лошадь тянула по три колоды.

В зимнее время хакасские рыбаки по льду передвигались на кошках. В Хакасском национальном краеведческом музее им. Л.Р. Кызласова хранится такое приспособление. Оно состоит из железной пластины прямоугольной формы длиной 22 см, шириной 4,7 см. На концах расположены загнутые заостренные выступы для сцепления со льдом. По бокам – сквозные отверстия для ремешков. Крепление состоит из кожаных ремешков и войлока (датируется концом XIX – началом XX в.) [ХНКМ-2].

Во время пешей охоты, рыболовства важную роль играет посох – «тайах». Обычно для посоха берут высушенную молодую лиственницу или осину длиной около 1,5 м. Для охотников он служит опорой при стрельбе с ружья. С его помощью можно выбраться. Он также служит одним из вспомогательных средств при переправе через таежные реки. Во время переправы через реку по мосту он также является опорой. Рыбаки во время рыбалки управляют плотом с помощью посоха [ПМА-1].

В летнее время, в июне – июле, существовало у таежных хакасов бортничество – «аар уйазы тилирі». На промысел таежник отправлялся верхом на коне или пешком с посохом. В день на коне он преодолевал около 30 км, разыскивая пчелиное дупло. Найдя «медовое место», он возвращался. Затем, уже поздней осенью, на телеге с близкими родственниками отправлялся для добычи таежного меда. Добытый мед доставляли на этом же транспорте [ПМА-1].

В настоящее время, кроме традиционного транспорта, в таежной хозяйственной деятельности хакасы стали использовать различные современные транспортные средства: машины, тракторы, снегоходы и др. Для перетаскивания таежной продукции применяют покупные полипропиленовые мешки.

Таким образом, в течение нескольких веков сухопутные и водные средства передвижения хакасских таежников (конь, лыжи, нарты, лодки и плот) выполняли важную функцию в традиционном природопользовании. В наши дни, несмотря на использование современного транспор-

та, традиционный транспорт (конь, лыжи, вспомогательное средство передвижения посох в труднодоступных местах для техники), а также традиционные способы доставки таежных даров не теряют свое значение в системе жизнедеятельности хакасского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ПМА-1 – Полевые материалы автора. Этнографические экспедиции 2003, 2004, 2010, 2014 гг., Республика Хакасия, Аскизский р-н, с. Верхний Аскиз. Информант: Сунчугашев Семен Павлович, 1924 г.р., сеок суг харга – род водный ворон; с. Картоев, информант: Тахтараков Олга Васильевич, 1928 г.р. сеок хызыл хайа – род красная скала; с. Усть-Хойза, информант: Кичеев Гаврил Максимович, 1938 г.р., сеок таг харга – род горный ворон; с. Тюрт-Тас, информант: Боргояков Илья Арминович 1931 г.р., сеок таг харгазы – род горный ворон; с. Кызлас, информант: Кыржинаков Алексей Мартьянович, 1950 г.р., сеок читі поюор – род семь волков. Сеок у хакасов – группа людей, осознающих общность происхождения по мужской линии. Сеоки (сеок – букв, кость) обычно отождествляются с кровнородственным родом. У коренного населения Хакасии насчитывалось более 150 сеоков. Все названия основных этнических групп хакасов – качинцев, сагайцев, койбалов и кызыльцев – возникли от названия наиболее многочисленных сеоков в начале XVIII в. под влиянием русской администрации.
- ПМА-2 – Полевые материалы автора. Этнографическая экспедиция 2003 г. Республика Хакасия, Таштыпский р-н, с. Верх-Таштып. Кызынгашев Максим Николаевич, 1930 г.р., сеок хый – род кый.
- ПМА-3 – Полевые материалы автора. Этнографическая экспедиция 2014 г. Республика Хакасия, Орджоникидзевский р-н, с. Черное Озеро, информант: Янгулов Иван Михайлович, 1924 г.р., сеок улуг ажыг – род большой ачинский.
- ХНКМ-1 – Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова. ОФ – основной фонд. КП – книга поступлений. № 6677/1.
- ХНКМ-2 – Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова. ОФ. КП. № 6676/9.
- РФ. ХакНИИЯЛИ – Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Фонд. № 341. Каралькин П.И. Земледелие и охота у бельтыров (По материалам экспедиции в Аскизский и Таштыпский районы в 1947 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского фольклора. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2008. 376 с.
2. Урусов С.П. Книга о лошади. 3-е изд., доп. и испр. СПб. : Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1911. Т. 1. 744 с.
3. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь : учеб. пособие для препод. гуманит. вузов тюркоязычных республик России. Абакан : Хакасия, 1999. 240 с.
4. Кызласов И.Л. Древнехакасские сани (Из истории средств передвижения) // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан : Хакасия, 1981. С. 45–67.
5. Рашид Ад-Дин : сб. летописей / пер. с персид. О.И. Смирновой, ред. проф. А.А. Семенова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1, Кн. 1. 220 с.
6. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 391 с.
7. Бутанаев В.Я. [и др.]. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2008. 672 с., ил.
8. Кыржинаков А.А. Таежные промыслы хакасов в XIX–XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2005. 229 с.

Kyrzhinakov Artur A. Khakas State University named after N.F. Katanov (Abakan, Russia). E-mail: Kyrzhinakov@mail.ru

TRADITIONAL MEANS AND MODES OF TRANSPORTATION PRODUCTION KHAKAS TAIGA MEN: TRADITION AND INNOVATION.

Keywords: Khakas people; ski; sled; sledge; boat; raft; horse riding vehicles; cart.

Means and ways of transportation of supplies produced in taiga played an important role in Khakas people's activity. Among them, the main vehicle movement on the mountain-taiga forests of Khakasia was the horse. It was used for riding, as a pack, draft animal or harness. During riding a horse people used a valise "archymah" for transportation of goods, personal belongings or taiga production. A horse was a universal way of transport for the residents of the taiga practically during all year. Only after the deep snow fall the use of horse had been limited to riding. During the winter as additional vehicles were used a sledges, during other seasons - carts. During the first season of the fur trade hunters went to the forest on horseback. The Khakas had equestrian hunting for wolves and ungulates. In autumn and spring pine nut's gatherers as hunters continue to deliver provisions and take out the taiga products on horses. People went to gather wild garlic also on horsebacks. In the first half of the twentieth century one of the hunting transports for crossing the rivers of Khakasia was so called "sal" (raft). The main way of movement for taiga men in winter and in early spring were skis. They were of two kinds: ski-ceilings "sana", ski-golitsy "halbyrah". In winter trappers used a traditional manual sledges "sanah" to deliver provisions and production. Nowadays, only some people have hunting sledges. Birch dugout boats and a raft "sal" were served in traditional fishing waterways. The last one played an important role in fishing. The Khakas fishermen used a horse as an additional way for transportation. They went fishing to the river Khan-Tegir. In winter fishermen had climbers "tyrgakh" to move on the ice. In ancient times and today taiga men use a staff while walking hunt. During the summer, in June and July there was beekeeping in the taiga of indigenous dwellers of Khakasia. For his trade taiga man went on horseback or on foot with his staff. Nowadays Khakas people use vehicles as cars, tractors, snowmobiles, and others except to the traditional transport of the taiga economic activity. To drag taiga products they use polypropylene bags. Thus, land and water vehicles of the Khakas taiga men are a horse, skis, hand-sledge, boats and a raft which played an important function in traditional nature use. Today, despite the use of modern means of transport, a horse, ski and an auxiliary staff are used as the vehicle in tight spaces instead of modern vehicles, as well as traditional methods of delivery taiga gifts are important in the system of life Khakas people. Some means of traditional transport as the birch bark boats, a boat, a dugout, and others are not used by Khakas taiga men.

REFERENCES

1. Butanaev, V.Ya. & Butanaeva, I.I. (2008) *Mir khongorskogo fol'klora* [The world of Khakas folklore]. Abakan: Khakas State University.
2. Urusov, S.P. (1911) *Kniga o loshadi* [A Book about Horse]. Vol. 1. 3rd ed. St. Petersburg: Deyatel'.
3. Butanaev, V.Ya. (1999) *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar'* [The Khakass-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]. Abakan: Khakasiya.
4. Kyzlasov, I.L. (1981) Drevnekhakasskie sani (Iz istorii sredstv peredvizheniya) [The old Khakas sledge (From the history of vehicles)]. In: *Voprosy etnografii Khakasii* [Questions of Khakas Ethnography]. Abakan: Khakasiya. pp. 45-67.
5. Rashid Ad-Din. (1952) *Sbornik letopisey* [Collection of Histories]. Translated from Persian by O.I. Smirnova. Moscow; Leningrad: USSR AS.
6. Kyuner, N.V. (1961) *Kitayskie izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese news about peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury.
7. Butanaev, V.Ya. et al. (2008) *Ocherki istorii Khakasii (s drevneyshikh vremen do sovremennosti)* [Essays on the history of Khakassia (from ancient times to the present)]. Abakan: Khakas State University.
8. Kyrzhinakov, A.A. (2005) *Taizhnye promysly khakasov v XIX–KhKh vv.* [Taiga crafts of Khakasians in the 19th – 20th centuries]. History Cand. Diss. Abakan.

Н.К. Данилова

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: АРХИТЕКТУРНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДА САХА

*Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект №14-38-00031)
и РГНФ-ФДНЧ (проект № 15-22-08501).*

Рассматривается Могол ураса – монументальное стационарное сооружение народа саха, покрытое берестяными полотнами. В жилищно-поселенческом комплексе Могол ураса представляла собой летний вид жилища. Выступала мерилем знатности и богатства человека. В семантическом контексте Могол ураса была связана с моделью мироздания, с культовой архитектурой, сохранившей осознанную идейную программу символического моделирования Вселенной. Анализ фольклорно-этнографических материалов показал, что берестяная ураса как жилище – хранительница человеческой жизни – была связана с культом богини-матери (культом Земли) и культом предков. В культурном наследии народа саха является ключевым символом сакрального пространства.

Ключевые слова: Могол ураса; семантика и образ; миф и ритуал; культурная традиция; сакральное пространство.

Народ саха является самым северным тюркоязычным народом Сибири, в этногенезе которых приняли участие различные тюрко-монгольские и автохтонные племена. Уникальность этого народа заключается в том, что они представляют в пространстве арктической цивилизации островок южной культуры тюркоязычных предков. Одним из ключевых символов якутской культуры и верхом архитектурного вкуса, вобравшим в себя все богатство народных знаний и представлений, является монументальное стационарное сооружение из берестяных полотнищ – *Юс курдуулаах Могол ураса* (с тремя опоясками Могол ураса). Так, якутский народ в результате сложного этно- и культурогенеза, сохранив южные элементы, создал в условиях Крайнего Севера уникальную архитектурную культуру.

В конструкции *Могол урасы* все соответствовало вертикальным и горизонтальным направлениям мира. Как подметил известный якутский этнограф А.И. Гоголев, «...дом человека – модель микрокосмоса. Это хорошо иллюстрируется на примере архитектоники *Могол урасы*, летнего жилища якутов, центром которого является очаг, маленький земной образ солнца» [1. С. 25].

Могол ураса – коническое стационарное сооружение, покрытое берестяными полотнищами, представляет собой летний тип жилища. Отличалась от остальных типов якутских жилищ своей монументальной конструкцией. Так, Могол ураса состояла из трех частей, поэтому в мифопоэтике про нее говорится *Юс курдуулаах Могол ураһа* (с тремя опоясками Могол ураса). Высота достигала 10–12 м, одновременно внутри урасы могли находиться до 100 человек (рис. 1).

Первая, нижняя часть урасы состояла из вкопанных в землю столбов (обычно двенадцати, обозначающих годовой цикл) высотой от 2–2,5 м каждый. Каждый из столбов имел наверху полукруглую вырезку, на которую накладывали круг из двух или трех согнутых жердей. Круг этот назывался *маннайгы курдуу* (первая опояска). После этого устанавливали конический остов, для чего

вначале ставили три длинные жерди, которые связывались между собой у верхушки конуса. Вокруг этих основных жердей устанавливались остальные, верхушки которых привязывались к верхнему обручу (к третьей опояске. – *Н.Д.*) длинной веревкой «*ширчиээн быа*». Эта веревка из конского волоса, оканчивающаяся кистями, ниспадала по обеим сторонам двери [2. С. 98].

Поверх шестов накладывался внешний покров из берестяных полос, называемых *таспа*. Похожий термин существует у тюрко-монгольских народов: тюркское *тасма*, *таспа* обозначает полоску из кожи, монгольское *тасама* – ремень из кожи оленя [3. С. 124].

На остов урасы сначала прикрепляли нижний слой бересты. Края верхних слоев заходили на края нижних подобно черепице, поэтому осадки не проникали внутрь. Бересту внутреннего покрова окрашивали в красновато-коричневый цвет отваром ольховой коры. Кроме того, на бересту наносили орнамент путем прорезов на белой коже бересты, коричневых слоев, или покрывали аппликациями из продыmlенной или окрашенной в черный цвет березовым наростом бересты, образующей геометрические фигуры. Иногда под узорные вырезы подкладывали пластинки слюды.

Покрыв остов одним слоем бересты, накладывали второй – наружный. Он подвязывался по второму наружному ряду жердей, устанавливавшихся по отношению к внутренним, в шахматном порядке, но не сразу, а по одному, по мере подвязывания бересты. Для удобства установки жердей наружные полосы покрывки подвязывались вертикально снизу вверх с помощью длинной лестницы.

После покрытия остова двумя слоями бересты на расстоянии одного или двух метров от верхнего края покрывшек привязывают волосяной веревкой деревянный круг, подобный внутренним опояскам, называвшийся «*тас курдуу*» – внешняя опояска (вторая по счету, средняя опояска. – *Н.Д.*). Жерди, скрещенные на верхушке урасы, связывались толстым тальником в виде обруча. Вязка эта называлась *кене* [4. С. 24–32].

Рис. 1. Внутреннее пространство Могол урасы (реконструкция). Из фотоархива Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

В самом веру конуса оставляли отверстие, через которое проникал свет, а дым очага уходил наружу. Отверстие это называлось *ураа* (бур. *урху*, *урхэ*; монг. *орухе*) [5. С. 145].

Все действия по установке урасы совершались согласно движению по солнечному кругу. Деревянный остов *Могол урасы* устанавливали мужчины, а берестяные полосы изготавливались и украшались исключительно женщинами [6. С. 12].

Поразившим своим великолепием приезжих людей был конечно же внутренний интерьер урасы. В центре располагался квадратной формы очаг *холумтан*, который поддерживался двумя или четырьмя опорными столбами с резным верхом (в форме коновязи *сэргэ*. – Н.Д.).

Начиная от входа вокруг стены урасы располагались лежанки для сидения и сна – *ороны* (бур., алт., телут. *орон* – кровать, место сна). Обычно их было 12, но в преданиях рассказывается об урасах именитых богачей, в которых ороны доходили до 25 [Там же. С. 14].

Одним из самых примечательных и нарядных частей урасы выступала берестяная занавеска *хаптахчы* (комнатки) девушки.

Хаптахчы (от слова *хапта* – крышка, покров; тюрк. *капак*, *кабаз* – крышка, *камтак* – две половинки ворот или дверей) богато орнаментировалась вышивкой и серебряными (медными) подвесками с нанизанными в них стеклянными бусами и колокольчиками.

Одним их характерных особенностей внутреннего интерьера урасы является художественное оформление внутренних столбов. Столбы внутри урасы и лежащий на них обруч покрывались резным орнаментом, нанесенным якутским ножом. Это был шахматный или растительный узор. Ф.П. Врангель писал: «Необычно

большие размеры *урасы*, орнамента на столбах и берестяных *хаптахчы*, нарядная конская упряжь, вооружение и одежда, развешанные на вешалках, производили весьма приятное впечатление. В этих *урасах* свет легок для глаз, всегда прохладно и комаров не бывает» [7. С. 239].

Могол ураса выступала мерилем знатности, богатства человека. Наличие такого вида жилища свидетельствовало о высоком социальном статусе человека, поэтому ее могли позволить себе только родоначальники и именитые люди.

В старину урасы ставили в целом ансамблевом комплекте. *Могол ураса* родоначальника стояла в центре круга, вокруг которого были расположены урасы меньших размеров, которые назывались *Далла ураса* и *Ходьол ураса*. Расположение урас напоминало куренное построение кочевий монголов в XI–XIII вв. Куренем они называли поселение, состоявшее из кибиток, поставленных по кругу. Рашид ад-Дин писал, что монгольский курень состоял из большого числа кибиток, расположенных по кругу, в центре которого размещалась кибитка старейшины рода. В работе С.Г. Жамбаловой приводятся сведения, что курень был подобен планировке святилища, посвященного богу неба Тэнгри-хану, и способствовал созданию авторитета центральной власти князя-хана, исполнявшего функции администратора и жреца [8. С. 113].

Исследователи по-разному объясняли происхождение этого типа жилища. Некоторые считали, что отсутствие жилищ с конструкцией, как у *Могол урасы*, у тюркомонгольских народов свидетельствует о том, что она возникла в результате оседлого хозяйствования взамен легких переносных конусообразных жилищ,

перенятых у автохтонных народов (тунгусов). Другие утверждали, что *Могол ураса* имела свои прототипы на юге, затем по мере приспособления к новым климатическим условиям на Севере произошли изменения, отчасти усложнение и усовершенствование ее структуры.

Впервые о южном происхождении *Могол урасы* высказал предположение А.А. Попов, идею которого развили в своих исследованиях О.В. Ионова и Ф.М. Зыков. Определенный интерес вызывает и значение слова *могол*. А.А. Попов слово *могол* определял как «большая, солидная». О.В. Ионова переводит как «монгольский» или как «большой, великий, священный, важный». «Употребление этого названия в настоящее время для урасы постоянного типа, как нам кажется, подсказано фольклорной традицией», – отмечал Ф.М. Зыков [9. С. 58].

Интересна интерпретация слова *могол* Г.В. Ксенофонтовым: «В старинных преданиях встречается имя “Тюёнэ Могол” как одного из предков якутов. Далее, в шаманских песнопениях “*могол*” выступает как общее название душ предков, перевоплощающихся в перелетных птиц. Тем же словом в вилюйском регионе отмечается особая масть конного скота, посвящаемого духам. Во всяком случае, близкая связь этого термина с культом предков не подлежит сомнению. С другой стороны, якутское “*монгуол-могол*” несомненно, имеет какое-то близкое отношение к племенному названию “*монгуол – могол*”, как известно, взятому из древних преданий дочингисовой Монголии. По совокупности приведенных данных, мы лично приходим к выводу, что название «*Могол ураса*» имеет смысл – *ураса* душ предков, храм предков или священная ураса» [10. С. 22].

Кроме того, в фольклорных и архивных источниках встречаются сообщения о божествах – покровителях домашнего скота *Могол Тойон* (Большой Господин) с женой *Ухун Куйаар Хотун* (Высокая Космическая госпожа); *Тюёнэ Могол* – покровитель конного скота и его жена *Тюптэ тэллэх, Тёгюрук оноо, ухун Могол Хотун* (с постелью из кострища, в шубе с круглым орнаментом, высокая Госпожа *Могол*). Эпитет *Могол Тойон* фигурирует также и как один из имен в названии духа – хозяина очага: *Бырдья бытык, кемер сыттык, Могол тойон, Аан Дьяаһын* (Белеющая борода, пепельная постель, Господин *Могол, Аан Дьяаһын*) [Там же. С. 120].

Появление просторной берестяной *Могол урасы* приписывается *Эллэй Боотуру* – культурному предку якутов [11. С. 38]. Он же является первым айыы-шаманом, устройтелем ритуального праздника Ысыах.

Первоначально Эллэй воздвиг берестяную Могол урасу для совершения молебна в честь небесных божеств *Айах тутуу* (Обряд держания кумысной чаши или восхваление небесных божеств). Таким образом, во время праздника Ысыах Могол ураса служила своего рода храмом [10. С. 6]. Обряд *Айах тутуу* совершался внутри просторной берестяной урасы (позднее данный обряд стали проводить внутри балагана, а функцию айыы-шамана стал выполнять почетный старец, знаю-

щий слова молитвы). Следует отметить, что подобные ритуалы под названием «жертвоприношение небу» или «моление горам» в прошлом зафиксированы у всех тюркоязычных групп населения Южной Сибири [12. С. 25].

В обряде участвовали только старейшины *ага ууһа* и именитые богачи. В гости приглашались именитые и родовитые люди, а простой народ, женщины и дети к обряду не допускались. Расположение людей внутри урасы во время проведения ритуала было строго регламентированным. Почетное место, которое занимал сам устроитель *Ысыаха*, находилось напротив раскрытых дверей, обращенных на восход солнца. Во время совершения обряда никто не имел права проходить мимо дверей урасы, так как, по мифологическим представлениям саха, с восточной стороны спускается на землю тропа/дорога *сиэл намылга аартык* – дорога небесных божеств [10. С. 10].

При айыы-шамане находился жрец-помощник, обязанность которого сводилась к разбрызгиванию кумыса особой священной ложкой *эбир хамыйах* духам предков. Жертвоприношение кумыса главным божествам состояло в том, что чашу с кумысом держали на вытянутых руках и при этом призывали божества по их именам, называя их в порядке значимости. Предполагалось, что небесные божества должны были незримо прикоснуться к священному напитку. После свершения обряда гадали, обращаясь к предкам с мольбой оказать содействие [13. С. 116–117].

В данном ритуале, так же как и в других, направленных на моделирование космического миропорядка, акцентируется восточное направление. Так, восток (весна и утро), как место восхода солнца, становится точкой отсчета «воссоздания» Мира, откуда началось развертывание пространственно-временного континуума.

Далее, постепенно продвигаясь по направлению солнца, айыы-шаман возносил моление небесным божествам – покровителям рода и домашнего очага. Айыы-шаман по ходу солнца поочередно обращался ко всем сторонам света и находившимся там светлым божествам-айыы. Затем, вознося чашу с кумысом, прикреплял березовую веточку к главным столбам Могол урасы [10. С. 13]. Таким образом, айыы-шаман замыкал круг пространственно-временного континуума. После этого начиналось распитие освященного кумыса (наполненной сакральной силой небесных божеств. – *Н.Д.*) сначала присутствовавшими там людьми, затем чорон с кумысом передавали находившимся снаружи людям.

Предназначение *Могол урасы* как культового храма прослеживается и в его конструкционном облике. Вертикальная структура и его трехчастное деление (*юс куурдуулаах Могол ураса*), устремленность ввысь, внутренняя колоннада из 12 столбов, означающих 12 небесных сфер, круглое основание воспроизводят устройство Вселенной, космического и социального порядка. Об устойчивом и длительном использовании берестяной урасы как основной формы жилища самих якутов и их предков свидетельствует то, что Вселен-

ную якуты представляли в виде *урасы*: «Небесный купол – ее вершина, края ее сходятся с землей» [14. С. 35].

Ураса как модель Вселенной встречается также и в символических текстах старинных загадок и поговорок, а космогоническая символика прослеживается и в художественном оформлении берестяных покрышек, и резных столбов *урасы*. Так, *ураса* украшалась слоями орнаментов, среди которых преобладал арочный орнамент. Подобный орнамент встречается и в оформлении ритуальной кумысной утвари.

Трехчастная структура модели мира запечатлена в структурной композиции *Могол урасы*. Как и Вселенная, *Могол ураса* состоит из трех частей: нижнего, среднего и верхнего (наличие трех опоясок).

С образом Нижнего мира (Земли) связана нижняя часть *урасы*, берестяное покрытие которой разукрашено растительным узором. Круглое основание символизирует круг – лоно Земли, а орнамент – его оформление. Кроме того, растительный орнамент обладает охранными функциями (препятствует вторжению с Нижнего мира темных сил *абааны*).

Означающая Средний мир внутренняя опояска богато разукрашена резным орнаментом и «культурно обработанным» вещным оформлением – *саламой* (веревкой из конских волос с нанизанными в ней лоскутками, миниатюрными берестяными туесками и телячьими нарыльниками).

Верхняя опояска *юёһээни курдуу* (верх, Верхний мир) олицетворяет символ Неба, так как в ней находится светодымовое отверстие *ураа*. Являясь единственным источником света в *урасе*, *ураа* обладает высоко семиотичным статусом, так как представляет собой пограничный элемент между жизненным пространством человека и миром природы. Определение светодымового отверстия как своеобразной «двери» в запердельные миры – понятие универсальное.

Таким образом, *Могол ураса* в семантическом контексте была связана с моделью мироздания, с культовой архитектурой, сохранившей осознанную идейную программу символического моделирования Вселенной.

Рассматривая сложную семантическую нагруженность *Могол урасы*, следует отметить, что берестяная *ураса* как жилище – хранительница человеческой жизни – была связана с культом богини-матери (культом Земли) и культом предков. Так, анализируя вещное оформление якутских *ысыахов*, Е.Н. Дьяконова-Романова выявила тесную смысловую связь *Могол урасы* с резными столбами *аар багах* (ритуальные столбы, в которых во время праздника *Ысыах* подвешивали кожаный сосуд с кумысом. – Н.Д.). Ритуальные столбы *аар багах* были окружены молодыми березками, верхушки которых связывали вместе [15. С. 50]. В результате получалось сооружение, конструкция которого напоминала схематический образ *урасы*.

У якутов свежесрубленные молодые березки, используемые в ритуалах, называются *чэчир* (древне-

тюркск. *йаит*; татар. *йэшир*; алтайск. *йаэсар*; чуваш. *ешер*; хакас. *чазар*) [16. С. 134].

Представления, связанные с почитанием молодой березки, существуют почти у всех тюркоязычных народов Сибири. Отражение языческого почитания березы рассматривается и в существовании специального праздника березы *чачил* у алтайских народов [17. С. 54].

У якутов существуют представления о том, что на месте захоронения человека вырастает березка (*хэхыйах*) как воплощение человеческой души. Такому представлению сопутствует древний обычай, когда втыкали срезанную молодую березку в берестяное покрытие гроба [18. С. 43]. По якутским поверьям, березовые ветки воспринимались как некий мост, соединяющий человека-айыы с небесными божествами. Зеленые ветки березы у многих народов выступают в качестве необходимого атрибута многих церемоний и служат символом умершего предка. По мнению Е.Н. Романовой, *Ысыах* был связан когда-то с погребально-поминальной обрядностью. Так, якутский обряд *Айах тутуу* (Поминовения богов и святых предков), совершаемый внутри *Могол урасы*, служит своеобразным подтверждением данной гипотезы [11. С. 144].

Особого внимания при этом заслуживает использование березы и его частей в качестве ритуального предмета. Так, по археологическим и фольклорным материалам известно, что в старину, когда человек умирал, его накрывали расшитыми узорами берестяными полотнами, «такими же, какие шли на постройку берестяной *урасы*» [19. С. 24]. Существует предположение, что на гроб укладывали именно часть берестяной покрышки *урасы*. Так, береста (береза) имела свойство способствовать перерождению человеческой души¹.

По архивным сведениям, внутри *Могол урасы* могли совершать обряд отправления души старого человека к предкам. Во время этого обряда распитие кумыса совершалось против хода солнца.

Считалось, что после этого старики, участвовавшие в данном ритуале, могли спокойно отправиться в мир предков. Согласно якутским преданиям, ритуальное кумысопитие в честь святых предков стало последним угощением *Омогой бая* (первопредок якутского народа), которого тут же, внутри *урасы* похоронили [20. С. 231].

В связи с этим следует отметить, что в древности могильную яму называли *моголо*, *монголо*. По мнению В.Е. Васильева, данный термин может быть семантически связан с *Могол урасой* [18. С. 47], ставшей своеобразным склепом для душ предков.

Таким образом, *Могол ураса* – символ, в котором переключаются архаические представления и воззрения древних предков саха: культ матери-богини (Земли), отраженные в глубинной семантической структуре. Как культовое сооружение *Могол ураса* связана с культом предков и идеей перерождения, перевоплощения души человека.

В этом контексте следует рассмотреть и символическое окружение ритуальных урас, сооружаемых во время различных обрядов.

У якутов, когда женится молодой человек, говорят: *дьиэлэммит* (букв.: «обзавелся домом»), имея в виду, что тот привел в дом молодую жену. Интересно, что когда девушка выходит замуж, про нее не говорят *дьиэлэммит*. Но зато перед отправлением свадебного поезда невесты в дом жениха ее благословляют следующим образом: «*Алаһа дьийэни тэринэ, аал уоту оттуна, алтан сэргэни туруоруна, аттанар кэмин дьэ кэллэ*» («Пришел твой час, построить уютный дом, разжечь пламенный огонь, установить медную коновязь») [21. С. 53–54]. Так, в старину *Могол урасу* в разборном виде привозила с собой невеста (остов урасы изготовлялся мужчинами-родственниками, а берестяные полотна начинали заготавливаться почти сразу после рождения дочери – матерью. – Н.Д.), которая являлась основным компонентом приданого богатой невесты. Обычай готовить жилище стороной невесты распространен у многих тюрко-монгольских народов. Народная традиция запечатлена также и в поговорке народов Северной Азии: «Иметь юрту, иметь жену». Данный обычай, по мнению исследователей, отражает следы былой матрилокальности брака [22. С. 55].

Примечательно, что в языке сновидений и символических текстах – загадках, ураса задается через женский образ: *Могол дьахтар юс курдаах уһу* (Говорят, почтенная женщина имеет три опояски); *Уһуктаах тебелех дьахтар оройунан тыһнар уһу* (Говорят, остроголовая женщина дышит макушкой) [10. С. 23–24]; *Хотун дьахтар хонуу ортотугар хоройон турар уһу* (Есть, говорят, важная госпожа, стоящая посередине луга) [23. С. 34, 47].

Параллелизм женского образа с урасой более всего запечатлен в знаковом оформлении свадебной одежды невесты. Так, старинный свадебный головной убор невесты *Ураһа бэгэһэ* (Шапка ураса) представлял собой высокую конусообразную шапку из бересты.

Интересно то, что о наличии в костюмном ансамбле якутской невесты *Шапки ураса* известно только по фольклорным материалам, существование этого примечательного головного убора не подтверждено археологическими находками. Это можно объяснить тем, что *Шапка ураса* была связана только с культом *айыы*, а потому не могла стать погребальной одеждой женщины, и одевалась только раз – во время свадебного ритуала – своеобразного причащения к космической структуре нового жизненного пространства.

В якутских алгысах-благопожеланиях, адресованных главным образом невесте, довольно часто употребляется выражение *аал уоту отто, алаһа дьийэни тэринэ* (досл. «разведи священный огонь, обзаведись жилищем *алаһа*»). В якутском языке термин *алаһа* является одним из эпитетов, означающих жилище – *дьиэ* якутов. Термин *алаһа* является производным от древнетюркского слова *алачу* – жилище [24. С. 60].

Так, например, подобные виды жилища, причем связанные исключительно со свадебной обрядностью, существовали у многих тюркоязычных народов: *аланчык, алажи уг, алачык* [17. С. 125].

Генетическая связь термина *алаһа* с названиями свадебных переносных жилищ тюркоязычных народов позволяет предположить, что *алаһа* – название ритуальной урасы невесты, которая в силу каких-то причин исчезла из употребления. Возможно, берестяная занавеска комнатки девушки *хаппахчы сабыыта* впоследствии переняла все ритуальные функции урасы невесты [24. С. 41].

Сразу после приезда невесты в дом родителей мужа ее помещали за ритуальную занавеску *хаппахчы*. Во время свадебного пиршества (на протяжении всего времени) невеста находилась за занавеской во всем своем праздничном одеянии. Только по истечении трех дней заканчивалась ритуальная «изоляция» невесты. С нее снимали свадебный наряд, переодевали в домашнюю одежду – из комнатки невеста выходила в качестве замужней женщины. Так, в символическом плане берестяной занавес *хаппахчы* выступал как материнская утроба, внутри которой невеста перерождалась из одного качественного состояния в другое [25. С. 28]. Нелучайно в загадках ураса символизирует материнскую утробу: *Биир сиргэ ураһа иһигэр чыычаах огото сытар уһу* (Говорят, на одном месте стоит ураса, внутри которой находится птенец) [26. С. 34].

Семантическая связь берестяной урасы с моделированием новой жизни прослеживается в обряде *Айыысыт атаарыы* (обряд проводов богини Айыысыт), отправляемом на третий день после рождения ребенка.

Сначала тщательно готовили атрибуты, используемые во время обряда: вырезали из дерева маленький лучок и стрелу, а из бересты – фигурки животных и изображение солнца и луны. Недалеко от места, где находилась роженица, вырывали в земле небольшую ямку, устлали дно белым волосом из конской гривы и поверх него помещали небольшой берестяной турсучок с последом, накрытый кусочком бересты, саму ямку засыпали землей, но не доверху. Вырезали жердочки для остова урасы и втыкали в землю вокруг ямки с последом. Затем, изготовив миниатюрную урасу, на южной стороне втыкали шест с привязанным к нему веревкой берестяным кружком, изображавшим солнце, на северной стороне устанавливали такой же шест с изображением луны.

Если новорожденным был мальчик, то к стенке урасы, с южной ее стороны, прислоняли берестяную фигуру лося головой на восток; за нею помещали лыжи, а перед лосям – фигуру собаки. Если девочка – фигуру ножницы. Когда все было готово, поджигали щепочки, лежавшие в ямке, в центре урасы, от чего она загоралась. Если новорожденный был мальчиком, то мать, взяв лучок и стрелу, стреляла в фигурку лося, которая падала в пылающий костер, если девочка – изображе-

ния животных присутствовавшие брали не руками, а захватывали ножницами [27. С. 84–85].

В данном обряде сжигание модели урасы над зарытым последом является выпуском деторождающей силы последа и передачей ее функций на весь дом [28. С. 25].

«Перерождающее» свойство урасы наглядно показано и в следующем промысловом обряде. Охотник, добывший лисицу (рысь), обязательно сооружал над ней коническое сооружение, напоминающее урасу. Затем, осторожно взяв лису оттуда, возвращался домой. Лисицу, как лесную гостью, надо было вносить в дом не через дверь, а через окно. Перед этим охотник надевал на лису женскую шапку *дыбака*, украшал ее серебряными украшениями. Домашние, взяв лисицу, сразу смазывали ее ноздри маслом или сливками, т.е. «угощали» божественной пищей. Остаток жертвы для задобрения духа-хозяина очага охотник выливал в огонь [29. С. 96]. Завернутую в женскую шубу лисицу (или рысь) укладывали на женское ложе. Только по истечении трех дней можно было снять шкуру.

Имитативные действия охотника с рысью и лисой в промысловых обрядах повторяют ритуальные действия свадебного обряда. Таким образом, в вышеуказанном

обряде разыгрывается символическая «свадьба» охотника с самой хозяйкой леса (женской ипостасью божества охоты).

Совершение символического захоронения лисицы внутри шалаша, а также помещение невесты внутри урасы (внутри *хаппахчы*) может быть связано и с культом умирающего и воскресающего зверя. Внутри «берестяной оболочки» невеста «умирает» / «возвращается в инобытие» и находится в ритуальной «изоляции» три дня, затем возрождается в качественно другом состоянии – жены, будущей матери. Так и лиса: после физической смерти внутри человеческого сооружения возвращается из мира природы в образе матери-зверя.

Итак, как ритуальный символ *Могол ураса* воплощает собой своеобразный культовый храм, связанный с архаическими верованиями: культом матери-земли, впоследствии культом предков. В этом контексте как особый ритуальный предмет выделяется береста – заключившая в свою семантическую нагрузку медиативную, продуцирующую и апотропеическую функции, т.е. как некая оболочка, способствующая перерождению души-кут неофита и его перевоплощению.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Так, по воткнутой в крышке гроба березке, как по вертикальной оси, душа человека улетает вверх. Поэтому древние якуты верили в то, что душа человека превращается в растительность, и говорили: «*Кэлэр кэнчээри ыччатым*» (букв.: «будущая молодая поросль»). Также существовали мифологические представления, согласно которым *душа-кут* человека обитала на деревьях. У шаманов их душа-кут воспитывается на дереве *Ыйык мас*, от расположения которых зависит их шаманская сила. Считалось, чем выше уровень на дереве, тем сильнее шаманская сила. Интересно то, что когда наступал срок «рассекания» тела будущего шамана, на месте, которое знал только сам посвящаемый, в лесу, в глухой местности строили урасу. Эту урасу должны были строить или саман шаман, или молодые, еще не женившиеся парни. Таким образом, внутри урасы происходило своеобразное перерождение шамана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголев А.И. Историческая этнография якутов. Якутск : Изд-во ЯГУ, 1986.
2. Оразов А., Чарыев Д. Некоторые верования и обряды туркмен, связанные с юртой (XIX – начало XX в.) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000.
3. Алексеев Р.П. Ураһалар // Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (далее – Архив ЯНЦ СО РАН). Ф. 5. Оп. 6. Д. 98. Л. 24–32.
4. Ионова О.В. Жилые и хозяйственные постройки якутов (историко-этнографический очерк). 1951 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 224. Л. 1–351.
5. Жамбалова С.Г. Поселения и жилища // Буряты. Серия «Народы и культуры». М. : Наука, 2004. С. 136–151.
6. Саввин А.А. Этнографические записи и заметки. 1938–1941 гг. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 6. Л. 1–56.
7. Ионова О.В. Жилые и хозяйственные постройки якутов // Сибирский этнографический сборник. М. ; Л., 1952. Т. 1. С. 239–319.
8. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск : Наука, 1991.
9. Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX – начала XX в. : историко-этнографическое исследование. Новосибирск : Наука, 1986.
10. Ксенофонтов Г.В. Материалы об Ысыахе // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12 а/б. Л. 1–189.
11. Романова Е.Н. Якутский праздник Ысыах. Истоки и представления. Новосибирск : Наука, 1994.
12. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск : Наука, 1988.
13. Неустров Б.Ф.-Мандар. Саха туоһа (Якутская береста). Якутск : Бичик, 1996 (на якут. яз.).
14. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М. : Наука, 1974.
15. Дьяконова Е.Н. Символика в якутском обряде «ысыах» // Проблемы изучения традиций в культуре народов мира. М., 1990. Вып. 1. С. 48–57.
16. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск : Кн. изд-во, 1971.
17. Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая. Горноалтайск : Юч-Сюмер, 2001.
18. Васильев В.Е. Саха терут итгэллэ былыргы сэнэннэргэ (Якутское традиционное верование в преданиях). Якутск : Бичик, 2006 (на якут. яз.).
19. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века. Якутск : Кн. изд-во, 1971.
20. Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену : (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). Якутск : Бичик, 1994 (на якут. яз.).
21. Сивцева В., Баишева А. Дьибэ малааһына (Новоселье). Якутск : Бичик, 2005 (на якут. яз.).
22. Содномпилова М.М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят. Иркутск, 2005.
23. Попов А.А. Старинная якутская берестяная юрта // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1949. Т. 10.
24. Слепцов П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов. XIX – начало XX в. Якутск : Кн. изд-во, 1989.

25. Васильева Н.К. Знаковые функции одежды в мифоритуальной традиции народа саха // Гуманитарная наука в трудах молодых исследователей. Якутск : ИГИ АН РС (Я), 2005. С. 21–37.
26. Саввин А.А. Материалы Вилюйского улуса // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 33. Л. 1–67.
27. Иванов С.В. Старинный якутский обряд, связанный с рождением ребенка // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1971. Т. 27.
28. Романова Е.Н., Слепцов П.А., Колодезников С.К. Жизненный круг у якутов // Илин. 1992. № 1. С. 36–40.
29. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюрко-язычных народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1980.

Danilova Nataliya K. Institute of the Humanities and the indigenous peoples of the Siberian Branch of the Russian academy of sciences (Yakutsk, Russia). E-mail: Tachika@mail.ru

SACRAL SPACE: ARCHITECTURAL EMBODIMENT OF TRADITIONAL OUTLOOK.

Keywords: Sakha people; model of the world; outlook; Mogol Urasa; semantics and image; the myth and ritual; cultural tradition; sacred space.

The Mogol Urasa – monumental fixed structure of the Sakha people, covered with birch-bark paintings. The housing settlement complexes Mogol Urasa was a kind of summer homes. It acted as a measure of nobility and wealth of man. In the semantic context Mogol Urasa was associated with a model of the universe, with the iconic architecture that has remained conscious ideological program of symbolic simulation of the universe. Analysis of folklore and ethnographic materials revealed that birch bark Urasa as the home – the keeper of life was associated with the cult of the mother goddess (the cult of the earth) and ancestor worship. The cultural heritage of the Sakha people is a key symbol of the sacred space. Sakha people is the northernmost Turkic peoples of Siberia, in the ethnogenesis of which various Turkic-Mongol tribes and autochthonous attended. The uniqueness of this people is that they are an island of south culture of Turkic-speaking ancestors in the space of the Arctic civilization. One of the key symbols of the culture of the Sakha people, has incorporated into its semantic, functional and structural space tradition of nomadism, is a Mogul – Uras – saving stationary housing, covered with birch-bark. Mogul Uras is riding architectural taste, absorbed all the richness of people's knowledge and understanding. It is no accident it is called *Us kurduulaah Mogul Uras* 'With three bowls Mogul Uras'. The Yakut people as a result of a complex of ethno – and cultural genesis created the unique architectural culture with southern elements in the Far North. Researchers differently explain the origin of this type of housing. Some thought that the lack of housing with the construction as in Mogul Uras at the Turko-Mongol peoples suggests that it arose as a result of sedentary farming, instead of the transfer of light portable conical dwellings taken over from indigenous peoples (Tungus). Others argued that Mogul Uras had its prototypes in the south, then to the extent of adaptation to the new climatic conditions in the North there was a change, part complexity and improve its structure. Data on language picture of the world, the symbolic content and design features indicate that the Mogul Uras was possible roots of the palace buildings of nomadic tribes. So, Uras Mogul could build only head of the clan, as it performed a measure of nobility and wealth. Having examined the complex semantic loading Mogul Uras ritual space and cultural linguistic analysis of the term "Mogul", we come to the conclusion that the birchbark Uras as the home – the keeper of human life, was associated with the cult of the mother goddess (the cult of the earth) and ancestor worship. In this context, as a special ritual object is allocated elm – concluded in its semantic load of mediation, produced and apotropaic functions, ie as a kind of envelope, promoting regeneration of the soul-kut neophyte and his reincarnation. Thus, the use of Mogul Uras rites of the life cycle, connects it with the idea of rebirth and reincarnation.

REFERENCES

- Gogolev, A.I. (1986) *Istoricheskaya etnografiya yakutov* [Historical ethnography of Yakuts]. Yakutsk: Yakutsk State University.
- Orazov, A. & Charyev, D. (2000) *Nekotorye verovaniya i obryady turkmen, svyazannyye s yurtoy (XIX – nachalo XX v.)* [Some beliefs and practices of the Turkmen related to the yurt (the 19th – early 20th centuries)]. In: Vasilieva, G.P. (ed.) *Kochevoe zhilishche narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [Nomadic dwelling of Central Asian and Kazakhstan peoples]. Moscow: Nauka.
- Alekseev, R.P. (n.d.) *Urahalar*. Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (YaSC SB RAS). Fund 5. List 6. File 98.
- Ionova, O.V. (1951) *Zhilye i khozyaystvennyye postroyki yakutov (istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [Residential and farm buildings of Yakuts (a historical and ethnographic essay)]. Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (YaSC SB RAS). Fund 5. List 1. File 224.
- Zhambalova, S.G. (2004) *Poseleniya i zhilishcha* [Settlements and dwellings]. In: Abaeva, L.L. & Zhukovskaya, N.L. (eds) *Buryaty* [Buryats]. Moscow: Nauka. pp. 136-151.
- Savvin, A.A. (1938–1941) *Etnograficheskie zapisi i zametki. 1938–1941 gg.* [Ethnographic records and notes. 1938–1941]. Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (YaSC SB RAS). Fund 4. List 12. File 6.
- Ionova, O.V. (1952) *Zhilye i khozyaystvennyye postroyki yakutov* [Residential and farm buildings]. In: *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik* [Siberian Ethnographic collection]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 239-319.
- Zhambalova, S.G. (1991) *Traditsionnaya okhota buryat* [Traditional hunting of Buryats]. Novosibirsk: Nauka.
- Zykov, F.M. (1986) *Poseleniya, zhilishcha i khozyaystvennyye postroyki yakutov XIX – nachala XX v.: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [The settlements, dwellings and outbuildings of Yakuts in the nineteenth – early twentieth centuries]. Novosibirsk: Nauka.
- Ksenofontov, G.V. (n.d.) *Materialy ob Ysyakhe* [Materials about Ysyakh]. Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (YaSC SB RAS). Fund 4. List 1. File 12 a/b.
- Romanova, E.N. (1994) *Yakutskiy prazdnik Ysyakh. Istoki i predstavleniya* [A Yakut holiday Ysyakh. Origins and presentation]. Novosibirsk: Nauka.
- L'vova, E.L., Oktyabr'skaya, I.V., Sagalae, A.M. & Usmanova, M.S. (1988) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir* [The traditional worldview of the Turks of southern Siberia. Space and time. Material world]. Novosibirsk: Nauka.
- Neustroev, B.F. (1996) *Sakha tuoha* [The Yakutia birchbark]. Yakutsk: Bichik. (In Yakut).
- Ergis, G.U. (1974) *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on the Yakut folklore]. Moscow: Nauka.
- D'yakonova, E.N. (1990) *Simvolika v yakutskom obryade "ysyakh"* [The symbolism of the rite in the Yakut "Ysyakh"]. In: Brusina, O.I. & Daragan, N.Ya. (eds) *Problemy izucheniya traditsiy v kul'ture narodov mira* [The study of traditions in the culture of the peoples of the world]. Moscow: USSR AS. pp. 48-57.
- Antonov, N.K. (1971) *Materialy po istoricheskoy leksike yakutskogo yazyka* [Materials on the history of the Yakut language vocabulary]. Yakutsk: Book Publ.
- D'yakonova, V.P. (2001) *Altaytsy (materialy po etnografii telengitov Gornogo Altaya)* [Altai (Ethnographic materials about Telengits of the Altai Mountains)]. Gornoaltaysk: Yuch-Syumer.
- Vasil'ev, V.E. (2006) *Sakha terut itegele bylyrgy sehennerge* [Yakut traditional belief in legends]. Yakutsk: Bichik.
- Konstantinov, I.V. [1971] *Material'naya kul'tura yakutov XVIII veka* [The material culture of Yakuts of the 18th century]. Yakutsk: Book Publ.

20. Bolo, S.I. (1994) *Proshloe yakutov do prikhoda russkikh na Lenu: (Po predaniyam yakutov byvshego Yakutskogo okruga)* [Past of the Yakuts before the arrival of Russian to the Lena: (According to the Yakut legends)]. Yakutsk: Bichik.
21. Sivtseva, V. & Baisheva, A. (2005) *D'ie malaahyna* [Housewarming]. Yakutsk: Bichik.
22. Sodnompilova, M.M. (2005) *Semantika zhilishcha v traditsionnoy kul'ture buryat* [Semantics of the dwelling in Buryat traditional culture]. Irkutsk: SB RAS.
23. Popov, A.A. (1949) *Starinnaya yakutskaya berestyanaya yurta* [Old Yakut birch bark yurts]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad: USSR AS.
24. Sleptsov, P.A. (1989) *Traditsionnaya sem'ya i obryadnost' u yakutov. XIX – nachalo XX v.* [The traditional family and rituals of Yakuts in the 19th – early 20th centuries]. Yakutsk: Book Publ.
25. Vasil'eva, N.K. (2005) *Znakovye funktsii odezhdy v miforitual'noy traditsii naroda sakha* [Marker functions of clothes in mythos-ritual traditions of the Saha people]. In: Alekseeva, A.A. (ed.) *Gumanitarnaya nauka v trudakh molodykh issledovateley* [Humanities in the works of young researchers]. Yakutsk: RF Academy of Sciences. pp. 21-37.
26. Savvin, A.A. (n.d.) *Materialy Vilyuyskogo ulusa* [Materials of Vilyuysky District]. Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (YaSC SB RAS). Fund 4. List 12. File 33.
27. Ivanov, S.V. (1971) *Starinnyy yakutskiy obryad, svyazannyi s rozhdeniem rebenka* [The old Yakut ritual associated with the birth of the child]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad: USSR AS.
28. Romanova, E.N. Sleptsov, P.A. & Kolodeznikov, S.K. (1992) *Zhiznennyi krug u yakutov* [The life circle of Yakuts]. *Ilin*. 1. pp. 36-40.
29. Alekseev, N.A. (1980) *Rannie formy religii tyurko-yazychnykh narodov Sibiri* [Early forms of religion of Turkic peoples in Siberia]. Novosibirsk: Nauka.

В.Ю. Соколов

КОНКУРС ПРОЕКТОВ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ПРАКТИК ТГУ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ КОРПОРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Выделены ключевые характеристики современного кризиса корпоративной идентичности научно-педагогических работников отечественных университетов. В качестве одного из возможных подходов к преодолению кризиса предложен опыт организации конкурса проектов по совершенствованию образовательной и научной деятельности в Национальном исследовательском Томском государственном университете. Конкурс представлен в качестве инновационного механизма позитивной трансформации корпоративной идентичности.

Ключевые слова: корпоративная идентичность; национальный исследовательский университет.

В Национальном исследовательском Томском государственном университете (ТГУ) в рамках реализации Программы повышения конкурентноспособности в ноябре 2014 г. и мае 2015 г. прошли два конкурса проектов по совершенствованию организации образовательных и научно-исследовательских практик. В череде постоянно сменяющихся друг друга мероприятий, организуемых в рамках данной программы, эти конкурсы могут показаться «проходными» событиями, если не обратить внимание на социокультурные контексты их появления. Представляется, что ключевым контекстом, позволяющим раскрыть значение конкурсов для развития новых качеств ТГУ как национального исследовательского университета, могут стать активно идущие в настоящее время процессы трансформации корпоративной идентичности его сотрудников. Реконструкции этого контекста и посвящена данная публикация.

В современной исследовательской практике по теории и истории развития отечественной науки и образования в последние годы активно разрабатываются вопросы формирования корпоративной идентичности научно-педагогических работников высшей школы. В данной области появляются не только отдельные исследования, но начинают складываться исследовательские группы, систематизируется проблематика, разрабатывается историография вопроса [1].

При анализе данных публикаций нельзя не отметить одно важное обстоятельство: изучение корпоративной идентичности научно-педагогических работников активно развивается под влиянием исследований в сфере современного менеджмента. Именно из этой сферы пришли наиболее употребляемые сегодня трактовки корпоративной идентичности как осознания и утверждения сотрудниками своей принадлежности к определенной организации, принятия установленных в ней норм деятельности, ценностей и правил поведения [2]. Именно в этой сфере наиболее емко сформулированы функции корпоративной идентичности организации:

«На индивидуальном уровне корпоративная идентичность обеспечивает безопасность и групповую защиту сотрудников, реализует их потребности в принадлежности к социальной группе, обеспечивает самоуважение, стимулирует саморазвитие, придает внутреннюю целостность и стабильность, определяет критерии самооценки, формирует чувства самодостаточности и достоинства» [3].

Широкое использование методологии, понятийного аппарата исследований управленческой деятельности при характеристике университетской системы заставляет обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, современный университет все более превращается из профессиональной корпорации интеллектуалов в своеобразную бизнес-корпорацию по оказанию образовательных и исследовательских услуг. С каждым годом все больше усилий его сотрудников мобилизуется на использование результатов научно-образовательной деятельности в социальной и производственной практиках. Во-вторых, современное университетское образование требует от преподавателей и управленцев проявления все большей активности в разработке его содержания, организации образовательного и исследовательского процессов. К этой активности подталкивает рамочный характер новых образовательных стандартов высшего образования, предполагающий авторское включение сотрудников университета в их наполнение собственным содержанием. Проявлений особой стратегической инноватики Министерство образования и науки ожидает от исследовательских университетов, которым предоставлены широкие права разработки и внедрения собственных стандартов образования.

Таким образом, современные вызовы начинают предъявлять университетской системе и ее сотрудникам не характерные для прошлых лет требования. От научно-педагогического работника власти и общество ожидают активного участия в инновационных процес-

сах и проявления широкого спектра предпринимательских качеств. Именно такой работник представляется способным эффективно решать задачи, стоящие перед нынешним высшим образованием.

Не вызывает сомнений, что описанная трансформация университетской системы не может не повлечь за собой серьезные трудности научно-педагогических работников в адаптации к новым условиям профессиональной деятельности. Многие из них не всегда понимают, часто не принимают новые установки, что не может не вызывать у них затруднений в осознании своей принадлежности к университетской корпорации, формировать ощущение кризиса традиционной корпоративной идентичности. О проявлениях данного кризиса говорится в ряде публикаций последних лет. Их авторы, будучи сами представителями университетской корпорации, «изнутри», со знанием дела характеризуют современную трансформацию университетского корпоративного самосознания.

Исходным состоянием, по отношению к которому строится описание нынешнего кризиса корпоративной идентичности научно-педагогических работников университета, чаще всего выступает характеристика ее состояния в советский период. Так, профессор Пермского государственного технического университета О. Лейбович, характеризуя особенность формирования университетской корпоративной идентичности в СССР, обращает внимание на особую роль в этом процессе властных и идеологических структур: «Дело в том, что прежняя советская общественная организация не предусматривала развития и укрепления корпоративных социальных институтов. Нормы преподавательской морали поддерживались в первую очередь внешними скрепами: партийной дисциплиной, государственным и идеологическим контролем. Внутренние механизмы саморегуляции имели второстепенное значение. Одновременно существовал явный диссонанс между требованиями со стороны директивных органов и обязательствами перед коллегами, руководителями и частными лицами, представляющими зачастую те же самые директивные органы. Преподаватель действовал в неопределенной ситуации, обусловленной переплетением, а затем и сращиванием официальных публичных и неформальных частных связей» [4. С. 60].

Целостность такой модификации корпоративной идентичности задавалась хоть и внешними, но зато едиными и понятными для всех членов университетской корпорации государственно-идеологическими установками. Основным средством установления идентичности научно-педагогических работников по отношению к своей корпорации было понимание, принятие и следование данным установкам. Конечно, механизмы формирования данного типа идентичности имели, с современной точки зрения, свои изъяны: выборы преподавателей по конкурсу почти повсеместно проходили на безальтернативной основе, участие в органах университетского самоуправления носило зачастую

формализованный, почти ритуальный характер, в научных дискуссиях преобладали бесппроблемные и комплементарные формы общения. Однако эти издержки в сознании сотрудников университета покрывались протекционистской и патерналистской направленностью данной модели корпоративной идентичности, обеспечивающей им ощущения защищенности, участия в решении важных государственных задач, самоуважения.

С приходом в университеты рыночных отношений внешние государственно-идеологические «скрепы» корпоративной идентичности, по понятным причинам, заметно ослабли. Ее целостность, и до этого внутренне не устойчивая, была серьезно подорвана еще более «внешними» индивидуалистическими установками с их ориентацией на личный успех. Вследствие этого началось разнообразное деление университетского общества на успешных и неуспешных субъектов образования, повлекшее за собой распад корпоративной идентичности.

«Одним из последствий коммерциализации вузов, – пишет О. Лейбович, – является растущая экономическая, а вслед за ней и социальная дифференциация преподавательской среды. Раскол происходит и по вертикали: между ректоратом и доцентурой, и по горизонтали: между работниками, освоившими коммерческие практики, и работниками, по разного рода причинам, в том числе и по внутренней мотивации, в них не преуспевшими» [Там же. С. 58].

Профессор РГГУ В.Ф. Левичева, отмечая аналогичные последствия кризиса корпоративной идентичности, говорит о «*значительном увеличении удельного веса негативной идентичности* в общем процессе поиска себестождественности и интегрирующей целостности» по принципу деления окружающих на «своих» и чужих». Она обращает внимание на «*расширение зон локальной идентичности*, когда обустроенность и устойчивость собственного жизненного мира воспринимается человеком лишь в границах локальных профессиональных и статусных общностей, коммуникативное, ценностное и символическое взаимодействие между которыми во многом практически утрачено [5. С. 58].

В процессе распада и локализации корпоративной идентичности сотрудников университетов исследователями выделяются целые профессиональные группы, трудно адаптирующиеся в рыночных условиях. Так, по отношению к гуманитарной части университетской интеллигенции В.Ф. Левичева пишет: «В утвердившемся сегодня рефлексивном проекте современного российского интеллигента среди традиционного набора качеств – образованности, компетентности, совестливости, духовности, культуртрегерства и т.п. – почти начисто отсутствуют составляющие успешной жизни: динамизм, признание, достижение, удачливость, карьера и др. <...> Общий негативный контекст размышлений о судьбах российской интеллектуальной элиты усиливается такими самоопределениями ее представи-

телей, в которых запечатлелись ощущения людей, отодвинутых от магистрального русла событий, оказавшихся на периферии общества, утративших позиции тех, кого слушают, к кому прислушиваются» [5. С. 57].

Кризис корпоративной идентичности научно-педагогических работников университетов еще более усугубляется лихорадочной сменой ориентиров со стороны руководства высшего образования. Профессор Московского государственного университета управления Е.В. Балацкий описывает трудности рядового сотрудника вуза, который вынужден встраиваться в стремительное обновление приоритетных установок в борьбе за степени, звания, гранты, индексы цитирования, подстегиваемый значительным «истощением академической ренты» и резким понижением социального статуса [6. С. 171].

Приведенные выше эмоционально насыщенные высказывания представителей университетской общестственности представляются закономерной реакцией на формирующуюся корпоративную реальность. Однако помимо подобного рода открытых идентификационных жестов не меньший, а возможно и больший, интерес представляют скрытые проявления отношений научно-педагогических работников к новой университетской действительности.

В ряде выступлений последних лет научный руководитель Института развития образования НИУ ВШЭ И.Д. Фрумин и его сотрудники отметили появление в системе отечественного высшего образования феномена, названного американским исследователем Д. Кухом «договором о невовлеченности». В редакции этих авторов «договор о невовлеченности» характеризуется как состояние, в котором внешне участники образования довольны сложившейся ситуацией и стараются не предпринимать активных действий по ее изменению, хотя сама по себе вузовская действительность полна проблем и изъянов. «В нашем политическом лексиконе, – считают они, – это состояние системы или института можно назвать застоем или негативной стабильностью» [7. С. 181].

В числе проявлений «договора о невовлеченности», на наш взгляд свидетельствующих об эрозии корпоративной идентичности вузовских работников, авторы статьи называют пропуски занятий, непризнание взяток на экзаменах коррупционным преступлением, прием на обучение студентов, не планирующих работать по специальности. Особый интерес для нашего исследования представляет такое проявление договора, как «имитация инноваций» в вузе, при которой научно-педагогические работники не раздражаются по поводу инноваций, не вступают с ними в конфронтацию и даже приветствуют их, но сомневаются в их эффективности [Там же. С. 184]. В этом случае идентификация сотрудника с университетским сообществом, встающим на инновационный путь развития, начинает носить исключительно формальный, приспособленческий характер.

Таким образом, кризис корпоративной идентичности научно-педагогических работников университетов, по нашему мнению, проявляется ярче всего в утрате ею целостности (вследствие исчезновения общих для всех внешних мировоззренческих «скрепов»), в разобщении, а зачастую и противостоянии интересов и ценностей носителей этой идентичности.

Особую опасность описанный кризис представляет для развития национальных исследовательских университетов, всей своей деятельностью ориентированных на наращивание эффективности и конкурентноспособности. Опасность эта заключается в том, что откровенная конфронтация и крытая «невовлеченность» научно-педагогических работников в инновационную деятельность университетов ведут не только к расколу корпорации, к отказу значительной части ее сотрудников идентифицировать себя с новой реальностью, но, главное, лишают ее значительных ресурсов внутреннего развития.

Вхождение российских вузов в проект «5 TOP-100», предполагающее получение статуса ведущего исследовательского университета и права бороться за высокие мировые рейтинги, еще более актуализировало вопрос о поиске университетами дополнительных ресурсов развития, разработки особых механизмов повышения своей конкурентоспособности. В НИ ТГУ работа в этом направлении была развернута в рамках целого ряда проектов, одним из которых стал проект «Создание инновационно-активной среды, поддерживающей процесс управления изменениями на постоянной основе» (руководители проекта: профессор Г.Н. Прокументова, доцент Е.А. Суханова). Разработчики проекта исходили из представления о необходимости создания особой модели развития исследовательского университета, основанного на внутренней трансформации, т.е. процессах переоформления самими сотрудниками ценностно-целевого содержания и «выращивания» новых форм своей профессиональной деятельности.

В основание реализации проекта была положена идея, что только понимание и участие сотрудников в постановке и решении стратегических задач являются гарантией того, что каждый сотрудник будет воспринимать задачи развития организации как собственные жизненные и профессиональные ориентиры. Опыт мировых ведущих университетов и корпораций показал, что вовлечение персонала в обсуждение, анализ и проектирование направлений совершенствования деятельности организации выступает условием создания сотрудниками нематериальных активов организации – деловой репутации и организационной культуры, а также способствует переходу к модели распределенного управления, что является гарантией устойчивости осуществляемых изменений.

Авторами проекта разработана модель поэтапного вовлечения сотрудников в инновационную деятельность университета. На языке антропологической па-

радигмы она представлена в виде цепочки последовательных действий, освоение которых позволяет сотруднику университета занять активную субъектную позицию в инновационном развитии исследовательского университета. Эта последовательность сформулирована следующим образом: «Я информирован» – «Я высказываю свое мнение» – «Я обладаю компетенциями менять свою практику» – «Я участвую в анализе и оценке изменений» – «Я предлагаю изменения» – «Я реализую проект изменений» – «Я управляю изменениями» – «Я считаю ориентацию на изменения приоритетной ценностью в своей практике». При внимательном взгляде нетрудно заметить, что данная модель создает полноценные условия для трансформации идентичности на всех трех уровнях – когнитивном, ценностном и деятельностном.

В разработке нового содержания и форм деятельности авторы проекта опирались на концепцию стратегического вовлечения персонала Джима Хоудена. В нашем контексте особенно значимым видится описание Хоуденом влияния концепции на корпоративные самоощущения «вовлеченного» сотрудника: «Когда люди по-настоящему вовлечены, у них возникает чувство сопричастности к общему делу. У них появляется ощущение значимости и признания. Сотрудники чувствуют, что являются частью группы, “вписываются” в организацию, что их принимают. Это ощущение принадлежности, сопричастности и способности вместе двигаться вперед, поскольку их объединяет что-то общее» [8. С. 36].

Для реализации модели вовлечения сотрудников в управление изменениями и формирование инновационно-активной среды в НИ ТГУ в 2014 г. были разработаны и «запущены» в действие особые механизмы поддержки. Одним из ключевых механизмов формирования инновационно-активной среды стал конкурс проектов по совершенствованию организации образовательных и исследовательских практик ТГУ. Данный конкурс можно внести в число ключевых механизмов потому, что процессы его разработки и запуска вбирают в себя практически все этапы вовлечения сотрудников в управление изменениями в университете.

В апреле 2014 г. разработчиками проекта «Создание инновационно-активной среды» была развернута активная деятельность по информированию научно-педагогических работников ТГУ о стратегии, целях и формах работы проекта. В мае 2014 г. в рамках Открытых семинаров, организованных для широкого обсуждения содержания проекта и привлечения к участию сотрудников университета, была создана инициативная группа по разработке содержательной и организационной основы конкурса проектов по совершенствованию организации образовательных и исследовательских практик. Поначалу в группу вошли представители пяти факультетов и подразделений университета. Группа разработала рамочный документ «Критерии и механизмы поддержки проектов по развитию практик обра-

зования и организации научной деятельности в ТГУ». В документе изложены особенности задач, возникающих перед ТГУ в рамках Программы повышения конкурентноспособности, и обоснована необходимость разработки особых механизмов грантовой поддержки инициатив сотрудников университета по изменению практик образования и научной деятельности. Подобного рода инициативы рассматривались в этом документе как ресурс инновационного развития ТГУ. Документ был размещен на сайте ТГУ для ознакомления и привлечения широкой общественности университета к его обсуждению.

В документе представлены основные характеристики двух механизмов поддержки вовлечения персонала в управление изменениями – конкурса проектов совершенствования практик образования и научной деятельности в ТГУ и Банка инициатив по изменению названных практик. Согласно документу, конкурс проектов задуман с целью вовлечения преподавателей и сотрудников ТГУ в процессы проявления, оформления и реализации инициатив по развитию практик организации образования и научной деятельности, а Банк инициатив – с целью формирования ресурсов для информационной, методической и управленческой поддержки инновационной активности сотрудников университета.

В июне и сентябре 2014 г. силами инициативной группы были разработаны нормативные документы по организации конкурса: «Положение о проведении конкурса проектов по совершенствованию организации образования и научно-исследовательской деятельности в Национальном исследовательском Томском государственном университете» и «Требования к оформлению проекта для участия в конкурсе проектов по совершенствованию образования и научно-исследовательской деятельности в НИ ТГУ». Эти документы были размещены на сайте ТГУ для ознакомления с ними потенциальных участников конкурса и легли в основу его проведения.

В октябре 2014 г. была создана экспертная комиссия конкурса, в которую были привлечены сотрудники ТГУ, члены кадрового резерва университета девяти факультетов и подразделений, представители администрации ТГУ. Членами экспертной комиссии были разработаны экспертная карта конкурса и процедура его проведения.

Особое внимание в «Положении» и в экспертной карте обращалось на две приоритетные задачи конкурса: решение актуальных задач развития НИ ТГУ и создание общего инновационного пространства университета. С этой целью в указанные документы были внесены, в качестве особо важных, два критерия оценки проектов: «Обоснование актуальности проекта для развития НИ ТГУ (Соответствие задачам Программы повышения конкурентноспособности)» и «Описание возможностей распространения опыта (результатов) проекта в рамках ТГУ».

В течение месяца до проведения конкурса его будущим участникам была предоставлена возможность «подтянуть» свою проектную культуру в рамках программы «Разработка проектов совершенствования образования и научной деятельности в исследовательском университете». В программе особый акцент был сделан на освоении культуры проектной деятельности, технологии разработки и реализации проектов.

В ноябре 2014 г. и мае 2015 г. были проведены два конкурса проектов по совершенствованию организации образования и научно-исследовательской деятельности в ТГУ. Конкурсы проходили в два тура: в первом (очном) туре авторы проектов выступали с презентацией своих материалов, во втором – членами экспертной комиссии проводилась заочная экспертиза материалов конкурса. Несмотря на «молодость» конкурса, уже сегодня можно говорить о его первых значимых результатах.

Главным и вполне очевидным показателем успешности конкурсов можно считать существенное расширение круга его участников, увеличение числа проектов. Если в первом конкурсе участвовали 44 автора, которые подали 23 проектные заявки, то во втором конкурсе число участников достигло 107 человек, предоставивших 50 заявок. Заметно выросло и число структурных подразделений, чьи сотрудники участвовали в конкурсе: в первом их было 12, во втором – 17. Уже по этим количественным показателям видно, что конкурс становится достаточно эффективным механизмом вовлечения сотрудников университета в совершенствование организации образовательных и научно-исследовательских практик в университете.

Не менее важным результатом представляется последовательная реализация в подавляющем большинстве проектов целей и ценностей, сформулированных в Программе повышения конкурентноспособности НИ ТГУ. Анализ тематики и содержания проектов позволяет сделать вывод о том, что их авторы воспринимают инновационные ориентиры Программы как ценностные установки, актуальные для их собственной практики.

Это восприятие позволяет авторам проектов органично включиться в реализацию стратегической линии

на интернационализацию и гуманитаризацию деятельности НИ ТГУ. Реализация таких проектов, по нашему мнению, может повлиять на принципиальное изменение не только образования и науки, но и всего университетского уклада.

Обнадеживающим результатом, с точки зрения перспектив развития университета, является заметный приток молодежи в число победителей и участников конкурса. Особенно хотелось бы отметить заметную активизацию деятельности университетских магистрантов и аспирантов. Присутствие их весомо и в числе победителей (52%), и в числе участников конкурса (56%).

Своеобразным, но очень важным для современного университета результатом видится превращение конкурса в особое клубное пространство, в котором «встречаются» и взаимообогащают друг друга различные университетские субкультуры – гуманитарные и технические, инновационные и академические, молодежные и «возрастные». В таком пространстве происходит дальнейшее развитие характерной для ТГУ культуры диалога и толерантности, проникающей во все сферы деятельности его сотрудников – образовательную, научную, социальную, бытовую. Именно в таком пространстве, на наш взгляд, происходит восстановление нарушенной в период кризиса целостности корпоративной идентичности сотрудников университета, но уже на принципиально новой основе общей заинтересованности в инновационных успехах своего вуза.

В заключение хотелось бы отметить, что конкурс проектов по совершенствованию организации образовательных и исследовательских практик НИ ТГУ представляется эффективным механизмом трансформации корпоративной идентичности сотрудников исследовательского университета. В контексте кризиса корпоративной идентичности сотрудников университета разработанная в ТГУ модель их «вовлечения» в управление изменениями и конкурс проектов позволяют создать благоприятные условия для «перехода» от конфронтационных и приспособленческих форм самоидентификации к освоению активных, наполненных личной заинтересованностью способов включения в развитие инновационной корпорации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фоминых С.Ф., Грибовский М.В., Сорокин А.Н. Корпоративная идентичность отечественных вузовских преподавателей в конце XIX – начале XXI в.: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1.
2. Крылов А.Н. Корпоративная идентичность для менеджеров и маркетологов. М.: Икар, 2004.
3. Куприянов А.С. Корпоративная идентичность сотрудников бизнес-организаций в России: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Ростов-н/Д, 2012. URL: <http://cheloveknauka.com/korporativnaya-identichnost-sotrudnikov-biznes-organizatsiy-v-rossii#ixzz3eh0a5juD>.
4. Лейбович О.Б. Преподаватель вуза: кризис идентичности // Высшее образование в России. 2007. № 2.
5. Левичева В.Ф. Гуманитарная интеллигенция: основания корпоративной идентичности // Социологические исследования. 2001. № 2.
6. Балацкий Е.В. Истощение академической ренты // Мир России. 2014. № 3.
7. Фрумин И.Д., Добрякова М.С. Что заставляет меняться российские вузы: договор о невовлеченности // Вопросы образования. 2012. № 2.
8. Хоуден Джим. Искусство вовлечения. М.: Эксмо, 2011.

Sokolov Viktor Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sokvu@yandex.ru

THE CONTEST OF PROJECTS ON IMPROVEMENT OF ORGANIZATION OF EDUCATIONAL AND RESEARCH PRACTICES TSU AS A MECHANISM OF TRANSFORMATION OF THE CORPORATE IDENTITY OF EMPLOYEES OF A RESEARCH UNIVERSITY.

Keywords: corporate identity; national research University.

With the advent of universities in market relations, external state and ideological authority of the corporate identity of employees has shrunk. Its integrity, not internally stable, has been undermined by individualistic attitudes, with their focus on personal success. As a result, began the process of dividing the University community on successful and unsuccessful subjects of education, which led to the collapse of corporate identity. One serious consequence of such a decay was spreading confrontational and coping forms of establishing a corporate identity for University employees. Special hazard described the crisis poses to the development of national research universities, their activities focused on the improvement of efficiency and competitiveness. The danger is that “non-involvement” of employees in innovation activities of universities leads not only to the split of the Corporation, but, more importantly, deprives it of significant resources to internal development. As one approach to overcoming the crisis is possible to use developed in Tomsk State University model and involving employees in change management. The key mechanism of the model has become a contest of projects for the improvement of educational and scientific activity at the University. The results of the two competitions have confirmed the effectiveness of this mechanism, showing a rapid increase in the number of its participants. An important outcome of the contest was to turn it into a special club space in which to “meet” each other various University subculture – humanitarian and technical, innovative and academic, youth and age. In this space there is a further development of a culture of dialogue and tolerance, penetrating into all spheres of the activities of its employees – educational, scientific, social, domestic. It is in this space, in our view, there is a restoration of disrupted during the crisis, the integrity of the corporate identity of the University staff, but on a fundamentally new basis of common interest in the innovative success of their University. The contest of projects on improvement of organization of educational and research practices of Tomsk State University appears to be an effective mechanism for the positive transformation of the corporate identity of employees of a research University. In the present context of crisis of corporate identity developed in the TSU model of involvement of University staff in change management and project contest allow to create favorable conditions for the transition from confrontational and coping forms of identification to the development of active methods to enable the development of innovative corporations.

REFERENCES

1. Fominykh, S.F., Gribovskiy, M.V. & Sorokin, A.N. (2013) Corporate Identity of National University Lecturers at the end of the XIX - the beginning of the XXI century: the Study Concept. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya - Journal of Siberian Historical Research*. 1. (In Russian).
2. Krylov, A.N. (2004) *Korporativnaya identichnost' dlya menedzherov i marketologov* [Corporate identity for managers and marketers]. Moscow: Ikar.
3. Kupriyanov, A.S. (2012) *Korporativnaya identichnost' sotrudnikov biznes-organizatsiy v Rossii* [Corporate identity of business employees in Russia]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Rostov-n/Don. [Online] Available from: <http://cheloveknauka.com/korporativnaya-identichnost-sotrudnikov-biznes-organizatsiy-v-rossii#ixzz3eh0a5juD>.
4. Leybovich, O.B. (2007) Prepodavatel' vuza: krizis identichnosti [The University lecturer: An identity crisis]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 2.
5. Levicheva, V.F. (2001) Gumanitarnaya intelligentsiya: osnovaniya korporativnoy identichnosti [Humanitarian intelligentsia: The basis for corporate identity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2.
6. Balatskiy, E.V. (2014) The Depleting of Academic Rents. *Mir Rossii*. 3.
7. Frumin, I.D. & Dobryakova, M.S. (2012) What makes Russian universities change: disengagement contract. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 2. (In Russian).
8. Howden, J. (2011) *Iskusstvo vovlecheniya* [The Art of Engagement: Bridging the Gap between People and Possibilities]. Translated from English by V. Ivashchenko. Moscow: Eksmo.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(571.1/5)

DOI: 10.17223/19988613/39/21

В.А. Дробченко, Э.И. Черняк

**СИБИРСКИЕ ОБЛАСТНИКИ МЕЖДУ ДВУМЯ ДИКТАТУРАМИ (ИЮНЬ–АВГУСТ 1918 г.).
РЕЦЕНЗИЯ : СИБИРСКИЙ ПРЕДПАРЛАМЕНТ : ЧАСТНЫЕ СОВЕЩАНИЯ ЧЛЕНОВ
ВРЕМЕННОЙ СИБИРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ (ИЮНЬ–АВГУСТ 1918 г.) : СБ. ДОК.
И МАТЕР. / СОСТ. И НАУЧ. РЕД. В.И. ШИШКИН. НОВОСИБИРСК : ПАРАЛЛЕЛЬ, 2013. 292 с.**

Переломные этапы отечественной истории всегда вызывали повышенный интерес исследователей. Одним из таких этапов является период Революции 1917 г. и Гражданской войны. За четверть века, минувшую после развала СССР, появилось большое количество публикаций, авторы которых, освободившись от марксистских догматов, существенно расширили тематику исследований, сочетая в них различные подходы и методы. Повысился интерес к региональной истории, к изучению сил антибольшевистского сопротивления.

Переосмысление исторического прошлого во многом было связано с введением в научный оборот новых источников, многие из которых ранее не вписывались в официальную концепцию советской истории. Заметных результатов на этом пути добились сибирские историки. Особо следует выделить публикацию сборников документов, посвященную организации и деятельности органов контрреволюционной власти на территории Сибири в период мая – ноября 1918 г., осуществленную заведующим сектором истории общественно-политического развития Института истории СО РАН профессором В.И. Шишкиным: «Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.)» (Новосибирск, 2005), «Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.)» (Новосибирск, 2007), «Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 года)» (Новосибирск, 2010), «Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь – август 1918 г.)» (Новосибирск, 2013). Эти сборники логически связаны между собой и содержат документы и материалы, характеризующие эволюцию государственной власти контрреволюции от власти умеренных социалистов к коалиции умеренных социалистов и либералов. Последний из указанных сборников посвящен работе Частных совещаний членов Временной Сибирской областной думы.

Сибирская областная дума (СОД) – первый опыт регионального парламента в революционный период – была создана по решению Чрезвычайного сибирского областного съезда (Томск, 6–15 декабря 1917 г.) с целью помешать установлению Советской власти в регионе. Съезд заявил, что в сложившихся условиях вынужден временно

создать «общественную социалистическую, от энесов до большевиков включительно, с представительством национальностей власть в лице Сибирской областной думы и ее исполнительного органа, ответственного перед областной думой». По решению съезда состав думы должен был формироваться из представителей революционных и демократических организаций (советов, профсоюзов, кооперативов и т.д.). Открытие СОД было намечено на 8 января 1918 г. при наличии кворума в 90 человек (треть от предполагаемого числа депутатов). Подготовка к созыву СОД была возложена на избранный съездом Временный сибирский областной совет в составе Г.Н. Потанина (председатель), П.Я. Дербера, М.Б. Шатилова, А.Е. Новоселова, Г.Б. Патушинского, А.А. Ермакова, Д.Г. Сулима и Е.В. Захарова [1. С. 142–143].

После того, как исполком Томского совета рабочих и солдатских депутатов заявил о том, что он является представителем верховной власти в Томске (6 декабря 1917 г.) и принял меры для установления Советской власти в городе и губернии, областники заметно активизировались. 20 декабря Временный сибирский областной совет обратился с воззванием «К народам Сибири», в котором призвал к осуществлению автономии Сибири, прекращению гражданской войны, объединению сил для защиты социалистической сибирской власти, к борьбе за Всесибирское учредительное собрание. В качестве первоочередной задачи совет назвал созыв Сибирской областной думы, которая «в согласии со Всероссийским учредительным собранием примет на себя верховную в Сибири власть» [2. 20 дек.; 3. С. 6]. 22 декабря Временный сибирский областной совет разослал советам всех сибирских городов обращение с предложением послать делегатов от советов в СОД как орган общесибирской коалиционной власти. Также совет направил всем сибирским общественным организациям телеграмму, в которой сообщал о созыве Сибирской областной думы 7 января 1918 г. в Томске. В телеграмме был определен состав депутатов СОД, указаны нормы представительства от местных самоуправлений, советов, профессиональных объединений, национальных организаций, кооперации. Для установления связей с сибирскими органами управления совет постановил назначить на места специальных эмиссаров [2. 23, 25

дек.]. В конце декабря совет выпустил «Бюллетень Временного сибирского областного совета (Информационного бюро)», в котором были представлены материалы о деятельности по созыву СОД, а также положения о временных органах управления Сибирью и о выборах в Сибирское Учредительное собрание.

В конце декабря 1917 – январе 1918 г. о поддержке СОД заявили крестьянские съезды Алтайской и Тобольской губерний, I общесибирский чрезвычайный крестьянский съезд (Томск, 16–19 января 1918 г.). Чрезвычайное общее собрание уполномоченных Томского союза кооперативов (Томск, 15–18 декабря 1917 г.) и Всесибирский кооперативный съезд (Новониколаевск, 6–9 января 1918 г.) заявили о готовности финансово поддержать СОД. На местах началось выдвижение депутатов СОД, которые стали собираться в Томске. Однако из-за отсутствия кворума открытие думы было перенесено. Лишь 25 января 1918 г. было зарегистрировано 93 депутата, 56 из которых являлись эсерами.

Томским советом, чтобы не допустить создания антибольшевистской власти, в ночь с 25 на 26 января 1918 г. были проведены аресты членов областного совета и части депутатов (около 30 чел.). Делопроизводство совета было конфисковано. Часть арестованных была вывезена в Тайгу и выпущена на свободу, часть – отправлена в красную тюрьму.

Избегавшие ареста депутаты (47 чел.) в ночь с 28 на 29 января 1918 г. провели конспиративное заседание членов СОД, на котором сформировали Временное Сибирское правительство (ВСП) во главе с правым эсером П.Я. Дербером. Это правительство взяло курс на свержение Советской власти и постановило сформировать для этого добровольческую армию. Для координации работы на местах ВСП сформировал Западно-Сибирский комиссариат (ЗСК) в составе четырех уполномоченных правительства – известных сибирских эсеров П.Я. Михайлова, Б.Д. Маркова, М.Я. Линдберга, В.О. Сидорова. В конце февраля 1918 г. Дербер с группой министров выехал в Читу, откуда перебрался в Харбин, а затем в июне – во Владивосток, где ВСП было преобразовано во Временное правительство автономной Сибири (ВПАС).

ЗСК проделал большую работу по формированию антибольшевистского подполья и консолидации его сил. Сразу после начала антибольшевистского переворота в Сибири ЗСК 26 мая 1918 г. провозгласил себя высшей властью на территории, освобожденной от большевиков. В декларации «Ко всему населению Западной Сибири» от 1 июня 1918 г. ЗСК указал на свою приверженность демократическим принципам и непосредственную с Сибирской областной думой. В декларации подчеркивалось, что «все законодательные мероприятия и реформы... входят в компетенцию лишь Сибирской областной думы» [4. С. 15–16]. Уже 4 июня 1918 г. ЗСК предложил всем членам думы безотлагательно прибыть в Томск и приступить к разработке законодательных предложений [5. 4 июня].

Депутаты думы (12 человек), находившиеся в Томске, 5 июня 1918 г. собрались на совещание. Было реше-

но такие встречи проводить на регулярной основе и закрепить за ними название «Частное совещание членов Временной Сибирской областной думы». Для руководства совещанием был избран временный президиум в составе Г.Н. Потанина (почетный председатель), А.В. Адрианова (председатель), З.И. Шкундина (секретарь). Участники совещания обменялись мнениями о характере работы и о взаимоотношениях членов думы и ЗСК. Часть членов думы решила переехать вслед за комиссариатом в Новониколаевск с целью практической организации новой власти в крае, часть решила остаться в Томске, где имелись «сведущие лица по всем вопросам» [6. 7 июня]. В течение лета 1918 г. думцами было проведено 34 заседания Частных совещаний, на которых обсуждались текущие вопросы, был создан ряд комиссий, велась подготовка к открытию думы. Как справедливо отметил составитель сборника В.И. Шишкин, «частные совещания стали реальным центром консолидации умеренно-социалистических, демократических и либеральных элементов и одновременно – легальной политической площадкой, на которой и за которую шла острая борьба между различными партийно-политическими группировками» [7. С. 2].

Во введении к сборнику представлен краткий, но в то же время содержательный очерк истории сибирского областничества. В.И. Шишкин характеризует его как разновидность сибирского регионализма, отмечая, что до 1917 г. оно «представляло собой слабо агрегированный набор эмпирических представлений, взглядов и суждений», и делает вывод о том, что нет никаких оснований считать дореволюционное областничество общественным движением в силу крайней узости его социальной базы и территориальной ограниченности [Там же. С. 3].

Стремительная эволюция областничества, произошедшая после Февральской революции, была обусловлена теми глубокими изменениями, которые происходили в стране и в регионе. В этих условиях, как отмечает автор, «лозунг автономного устройства Сибири все больше стал наполняться не столько культурно-экономическим, сколько политическим содержанием, а руководство «сибоблдумским» проектом от областников почтенного возраста перешло к их новой генерации, возникшей в послереволюционное время и представленной главным образом членами партии эсеров» [Там же. С. 5]. Важнейшими вехами этой эволюции в 1917 г. автор считает Томское губернское народное собрание (май), Сибирскую областническую конференцию (август), I сибирский областной съезд (октябрь) и Чрезвычайный сибирский областной съезд (декабрь), который провозгласил организацию временной автономной власти в Сибири в лице Сибирской областной думы и ее исполнительного органа – Временного сибирского областного совета. Автор подчеркивает, что в соответствии с принятым съездом «Положением о временных органах управления Сибири» сибирская власть должна была строиться на демократических принципах, формироваться на коалиционной основе, но иметь исключительно социалистический характер.

Репрессии советских властей в отношении руководителей Временного Сибирского областного совета привели к тому, что дальнейшую свою деятельность думцам пришлось вести нелегально, а сформированное ими Временное Сибирское правительство взяло курс на борьбу с большевистской властью.

В результате резкого изменения военно-политической обстановки в конце мая – начале июня 1918 г. и последующих трансформаций власти ВСП и СОД превратились в реальных субъектов политической жизни Сибири. В.И. Шишкин в качестве основных причин «реанимации» СОД указывает как на деятельность властных структур (ЗСК и Совета министров ВСП), так и на активность самих депутатов, в первую очередь тех, кто находился в Томске. Он отмечает, что особой формой консолидации сил стали Частные совещания членов СОД, которые «постепенно институализировались и превратились в лагере сибирской контрреволюции в своеобразный предпарламент» [7. С. 7].

Основной массив включенных в сборник материалов представлен документами, извлеченными из фонда «Сибирская областная дума» (Р-72) Государственного архива Томской области. Также в сборник включены материалы из фонда «Совета министров Российской Федерации» (Р-176) Государственного архива Российской Федерации. Составитель указывает, что все выявленные документы были подвергнуты археографической обработке и атрибутированы по единой методике. Его заслугой является не только то, что он выявил ключевые документы, но и проделал большую работу по их расшифровке, восстановлению и введению в научный оборот.

По структуре сборник состоит из трех частей (глав), выделение которых логически обосновано. В первой главе «Прийти на помощь комиссариату» (1–30 июня 1918 г.) представлены материалы, характеризующие начальный этап деятельности Частных совещаний и их взаимодействие с ЗСК. Большая часть документов раздела связана с решением организационных вопросов, касающихся пополнения состава думы, формирования комиссий, финансирования и т.д.

Во второй главе «Дума может и должна вновь собраться для продолжения своих занятий» (30 июня – 23 июля 1918 г.) сосредоточены документы, характеризующие отношения Частного совещания с Временным Сибирским правительством в первый месяц его деятельности, когда правительство, находясь в процессе становления, видело в Частных совещаниях свою опору и проводило курс на скорейший созыв СОД. Документы Частных совещаний этого периода свидетельствуют о том, что думцы в рамках комиссий проделали большую работу по подготовке проектов, связанных с вопросами формирования законодательной власти, ее контроля над правительством, а также развития образования в Сибири.

Третья глава «Все наши занятия должны иметь значение только подготовительных работ» (25 июля – 16 августа 1918 г.) включает документы, связанные с непосредственной организацией созыва СОД: разработ-

кой регламента, решением организационных вопросов. На этом этапе четко обозначились противоречия между думцами и правительством. Частное совещание, как оплот сибирских либералов, хотя и не имело определенного юридического статуса, пыталось по ряду ключевых вопросов влиять на правительство. Г.Н. Потанин еще в начале июня 1918 г. указывал, что «все наши занятия должны иметь значение только подготовительных работ для кворума думы, которая нашими работами может воспользоваться только как материалом», но в то же время подчеркивал, что «мы, как члены думы, должны касаться и обсуждать различные вопросы государственного значения» [Там же. С. 18].

Частные совещания уже во многом определили «лицо» будущей думы. Ее конструирование за счет представительства широкого круга общественных организаций превращало СОД в оплот сибирской демократии, обеспечивало в ней преобладание центристских и умеренно-левых элементов. Частные совещания неоднократно выступали против произвола военных властей, в поддержку органов местного самоуправления. Все это вызывало крайнее раздражение правых. Уже во второй половине лета 1918 г. вокруг СОД и ее состава развернулась жаркая дискуссия. Правые ставили под сомнение легитимность думы, выступали против ее созыва. Делегаты Сибирского торгово-промышленного съезда (Омск, 13–20 июля 1918 г.) в резолюции по текущему моменту заявили, что не признают за думой никакого авторитета «ни в том составе, в каком она собралась, ни в том составе, в котором она проектируется к созыву ныне» [8. С. 274]. Эту позицию разделял и ряд членов ВСП. Премьер П.В. Вологодский в день открытия думы записал в своем дневнике: «У меня появилось предчувствие, что в областной думе нет полного доверия правительству и на этой почве можно ожидать каких-нибудь осложнений в работе думы» [9. С. 72].

Составитель включил в сборник документы и материалы, по его выражению, состоящие из двух информационных потоков. К первому им отнесены протоколы заседаний Частных совещаний, а ко второму – их переписка с органами власти, самоуправлениями, общественными организациями. В.И. Шишкин подчеркивает, что ядром этого документального комплекса являются протоколы заседаний Частных совещаний. Автором включены в сборник все выявленные им 34 протокола. Дополненные материалами деятельности разных комиссий и тщательно отобранными документами переписки все эти документы позволяют определить место и роль Частных совещаний в общественно-политической жизни Сибири в рассматриваемый период. В комплексе все эти документы показывают, как в условиях вооруженной эскалации велась борьба за сохранение демократических устоев, за созыв всесибирского парламента.

Представленные в сборниках документы свидетельствуют о том, насколько тщательным был подход к формированию думы. Персональное рассмотрение кандидатур было связано не только с необходимостью вы-

яснения их правомочности, но и их личных качеств. Г.Н. Потанин в начале работы совещаний отмечал: «...мы должны строго следить за тем, чтобы в среду нашу не проникли предатели, не проникли люди недостойные, сомнительные» [7. С. 19].

В законопроекте о пополнении состава думы предусматривалось максимально широкое представительство общественных организаций, а дискуссия по этому проекту свидетельствует о стремлении депутатов обеспечить в СОД представительство различных слоев и социальных групп сибирского общества и создать основу для гражданского согласия.

Высокий уровень подготовки проектов законодательных актов, разработанных комиссиями, во многом был обусловлен привлечением к работе над ними ведущих специалистов, профессионалов своего дела. Так, в частности, в проекте об управлении школой прописаны мельчайшие детали. Причем этот проект являлся не только плодом теоретических умозаключений, но и в первую очередь опирался на жизненные реалии.

Высоко оценивая информационную емкость протоколов Частных совещаний, В.И. Шишкин отмечает, что они не в полной мере отражают всю совокупность проблем, которые обсуждались на заседаниях, полемику и высказывавшиеся в ходе нее различные точки зрения. Составитель указывает, что более полно эта часть дея-

тельности Частных совещаний представлена на страницах томских газет того времени [7. С. 9]. Действительно, на страницах таких газет, как «Сибирская жизнь», «Голос народа», «Заря», публиковались различные материалы, связанные с деятельностью Частных совещаний и созывом СОД, но большей частью они отражали отношение к думе различных организаций и объединений. Поэтому представляется вполне обоснованным отказ составителя от включения в рецензируемый сборник материалов сибирской периодики. Существующие в этом отношении пробелы автор частично восполнил в подробных комментариях.

Особо следует отметить ту большую работу, которую проделал исследователь при составлении биографических справок. Привлекая широкий круг источников, он в первую очередь опирался на учетные карточки делегатов областнических съездов и депутатов СОД. Результатом этой работы стала характеристика более 100 деятелей общественного движения, о значительной части из которых историки ранее вообще не имели сведений.

В итоге необходимо подчеркнуть, что В.И. Шишкиным введен в научный оборот комплекс документов, которые в значительной степени расширяют представления как о деятельности либерально-демократических кругов, так и в целом об общественно-политической жизни Сибири летом 1918 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Э.И. Черняк. Томск, 1992. Ч. 1–2. 333 с.
2. Сибирская жизнь (Томск). 1917.
3. Бюллетень Временного сибирского областного совета. № 1 (дек. 1917).
4. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь – ноябрь 1918 г.). Томск, 1998. Вып. 1. 192 с.
5. Голос народа (Томск). 1918.
6. Сибирская жизнь (Томск). 1918.
7. Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь – август 1918 г.): сб. док. и матер. Новосибирск, 2013. 292 с.
8. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акимолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Т.В. Якимова. Томск, 1991–1992. Ч. 1–2. 345 с.
9. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. 619 с.

Drobchenko Vladimir A. Anzhero-Sudzhensk Branch of Kemerovo State University (Anzhero-Sudzhensk, Russia). E-mail: vadrobchenko@yandex.ru ; *Chernyak Eduard I.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

SIBERIAN OBLASTNIKS IN A PERIOD BETWEEN TWO DICTATORSHIPS (JUNE – AUGUST, 1918). REVIEW : SIBERIAN PRE-PARLIAMENT: SPECIAL CONGRESSES OF MEMBERS OF PROVISIONAL SIBERIAN REGIONAL DUMA (JUNE – AUGUST, 1918). DOCUMENTS COLLECTIONS / V.I. SHISHKIN (ED). NOVOSIBIRSK: PARALLEL, 2013, 292 p.

REFERENCES

1. Chernyak, E.I. (ed.) (1992) *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Tomskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.)* [Congresses, conferences and meetings of social, class, political, religious and national organizations in Tomsk province (March 1917 – November 1918)].
2. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk). 1917.
3. Siberian Provisional Regional Council. (1917) *Byulleten' Vremennogo sibirskogo oblastnogo soveta* [Bulletin of the Siberian Provisional Regional Council]. 1.
4. Lukov, E.V. Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (eds) (1998) *Zakonodatel'naya deyatel'nost' belykh pravitel'stv Sibiri (iyun' – noyabr' 1918 g.)* [Legislative activity of the White governments in Siberia (June – November 1918)]. Tomsk: Tomsk State University.
5. *Golos naroda* (Tomsk). 1918.
6. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk). 1918.
7. Shishkin, V.I. (ed.) (2013) *Sibirskiy predparlament: Chastnye soveshchaniya chlenov Vremennoy Sibirskoy oblastnoy dumy (iyun' – avgust 1918 g.)* [Siberian Pre-parliament: Private meetings of the Provisional Siberian Regional Duma members (June – August 1918)]. Novosibirsk: RAS.
8. Yakimova, T.V. (ed.) (1991–1992) *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Akmolinskoy oblasti (mart 1917 – noyabr' 1918 g.)* [Congresses, conferences and meetings of social, class, political, religious, national organizations in Akmolina region (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Vologodskiy, P.V. (2006) *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [In power and exile: The diary of the Prime Minister of Anti-Bolshevik governments and immigrant in China (1918–1925)]. Ryazan: P.A. Tribunskiy.

П.Ф. Никулин

**РЕЦЕНЗИЯ : ХРАМКОВ А.А. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
КРЕСТЬЯНСТВА СИБИРИ НАЧАЛА XX в. БАРНАУЛ, 2014. 328 с.**

Социальная эволюция крестьянства была стержневой линией общественного развития России капиталистической эпохи. Поэтому изучение социокультурного развития российского крестьянства является одной из основ создания современной концептуальной картины прошлого нашей страны. Значительный интерес представляет крестьянство Сибири – крупнейшего восточного региона Российской империи. Оно развивалось в благоприятных условиях относительной земельной свободы, земледельческой колонизации, отсутствия помещичьего хозяйства и представляло чисто крестьянский тип аграрно-социальной эволюции. С проведением Сибирской железной дороги и вхождением в общероссийский капиталистический рынок крестьянское хозяйство края вступило в фазу бурной модернизации, которая стала одним из самых мощных потоков социально-экономической эволюции сельской России начала XX в. Это обусловило непреходящий исследовательский интерес к сибирскому крестьянству.

На нынешнем этапе социально-аграрных исследований на первый план вышла задача формирования современной концепции истории сибирского крестьянства конца XIX – начала XX в. Огромный интерес в связи с этим представляет рассматриваемая монографическая работа крупного ученого-аграрника, профессора Алтайского государственного университета Александра Андреевича Храмова. В монографии впервые в очерковой форме опубликованы итоги его широких многолетних исследований, объединенные задачей обобщить и переосмыслить полученные результаты в рамках новых теоретико-методологических требований и современной концепции социально-аграрной эволюции сибирской деревни второй половины XIX – начала XX в. Важной задачей своей работы автор также считает восстановление нарушенной преемственности между советской и постсоветской историографией проблемы (С. 6).

Масштабность и комплексность осуществляемых А.А. Храмовым аграрно-крестьянских исследований предопределили широту, системность и разнообразие освещенных в его книге проблем: современное состояние историографии сибирского крестьянства; структура сибирских железнодорожных грузоперевозок как системно-интегральный показатель включенности сельского хозяйства края в общероссийский аграрно-капиталистический рынок и процесс социально-экономической модернизации; реформа поземельных отношений в западносибирской деревне конца XIX –

начала XX в.; социально-культурные аспекты положения сибирского региона и оценка социальной роли крестьянского движения накануне 1917 г. Огромным достоинством представленных в рецензируемой книге результатов аграрно-исторических исследований является фундаментальный источниковый и источниковедческий базис. Его составили: законодательные акты; опубликованные и архивные делопроизводственные документы государственных и общественных организаций; широкий комплекс статистических и справочно-описательных материалов органов государственной и научно-общественной статистики; официальные, общественно-политические и сельскохозяйственные периодические издания; научные и публицистические работы, очерки прошлого, а также воспоминания и записки крестьян, агрономов и общественных деятелей-аграрников.

В открывающем монографию историографическом очерке излагается взвешенная и объективная характеристика постсоветской литературы и дается общая оценка современного состояния концепции экономического и социокультурного развития сибирского крестьянства конца XIX – начала XX в. Он справедливо считает, что к настоящему времени сложился ряд всесторонне обоснованных положений, составивших основу формируемой постсоветской концепции социально-аграрной эволюции региона. В нее автор включил следующие тезисы:

1. В начале XX в., с проведением Сибирской железной дороги, крестьянство и сельское хозяйство края включились в систему общероссийского капиталистического рынка. Это дало мощный импульс экономической и социально-культурной модернизации местного крестьянства. Существенным фактором его социальной модификации стали организованные государством массовые стольпинские переселения крестьян на восточные окраины страны. Сибирский край был осознан русским крестьянством как российская земля и стал территорией его социокультурного бытия и развития. Благодаря этому Российская империя утвердилась в Северной Азии (С. 15, 17, 20, 31–34).

2. Социальная и экономическая культура сибирского крестьянства носила традиционно-общинный, патриархальный характер. Его хозяйство было семейно-трудовым и мелкотоварно-потребительским (С. 18–22, 26).

3. Столыпинские земельные реформы в Сибири были направлены на упорядочение запутанного земле-

устройства и создание широкого класса крестьян-товаропроизводителей из средних и зажиточных хозяйств, социально организованных укреплявшейся в крае земледельческой общиной. Местные крестьяне – старожилы и переселенцы – были заинтересованы в поселенно-общинном землеустройстве. Все это свидетельствует о преобладании в Сибири общинно-кооперативного типа аграрно-крестьянской эволюции. Социально-психологические и экономико-культурные предпосылки для частного-фермерского пути развития зажиточного крестьянского хозяйства в регионе практически отсутствовали (С. 18–22).

Наряду с оценкой современного состояния общей концепции социальной жизни сельских хозяйств А.А. Храмов много внимания уделяет теоретико-методологическим аспектам рассматриваемой проблематики: социокультурное содержание аграрной модернизации, традиционные и модернизационные стороны крестьянской ментальности, социальное положение и социально-классовая борьба сибирского крестьянства накануне и в годы Первой мировой войны.

Основную конкретно-историческую часть книги открывает раздел, посвященный железнодорожным перевозкам товарной продукции сельского хозяйства Сибири в европейскую часть страны и за границу. Отмеченные автором данные объективно подтверждают советскую концепцию о включенности крестьянского хозяйства края в аграрно-капиталистический рынок и общую народнохозяйственную систему России. Вместе с тем А.А. Храмов расширил и обогатил данное положение широким исследованием объемов, темпов и динамики железнодорожных перевозок аграрной продукции края. Он обнаружил более медленные, сравнительно с быстрым ростом сельскохозяйственного производства, темпы увеличения вывоза из региона его товарной продукции (С. 55–59). К тому же динамика роста объемов вывозимых за пределы края продуктов животноводства и растениеводства носила неустойчивый, волнообразный характер как по объему, так и по направлениям вывоза (С. 55–56, 59–60). Нестабильная динамика, по мнению автора, определялась суровыми природными условиями региона и антисибирской тарифной политикой правительства (челябинский тарифный перелом) (С. 59–60, 61–63). К отмеченным причинам, как думается, также следует отнести незавершенность процесса экономического и социокультурного становления и адаптации к сибирским условиям хозяйства столыпинских переселенцев. В полной мере их рыночно-производственный потенциал раскрылся лишь в период нэпа.

В центре монографической работы А.А. Храмова (третья и четвертая главы) – исследование очень сложной проблемы правительственной модернизации системы поземельных отношений в Сибири конца XIX – начала XX в., в рамках которой протекала социально-хозяйственная эволюция местного крестьянства. Реформы землеустройства и землепользования, осу-

ществлявшиеся на основе законов 23 мая 1896 г. и 31 мая 1899 г., имели целью упорядочить землепользование крестьян (старожилов и переселенцев) путем отделения общинных наделов от земель Казны и Кабинета, укрепить казенное и кабинетское землевладение, подготовить для крестьянских переселений колонизационный земельный фонд, а также увеличить сельскохозяйственное производство в деревне и поднять налоговую платежеспособность сельского населения (С. 83–84, 122–126). Автор подробно проанализировал вопрос о введении частной собственности на крестьянские земли и аграрной законодательской практики, рассмотрел разработку и проведение в жизнь земельных законов, подвел итоги поземельно-устроительной реформы Сибири, а также охарактеризовал заселение и землеобеспечение переселенцев на материалах Алтайского округа. Широкое и детальное изучение отмеченной проблемы позволило ему доказать, что сибирское землеустройство, несмотря на отдельные недостатки и незавершенность устроительных работ, имело в целом положительное значение для укрепления гарантированного землепользования крестьян и землевладения Казны и Кабинета. Упорядочение системы крестьянского, поселенно-общинного пользования землей создало более благоприятные условия для модернизации сельского хозяйства региона.

Историю проведения землеустройства А.А. Храмов завершил впервые осуществленным исследованием арендных поселков на Алтае, ярко подчеркнувшим главные черты и особенности колонизационной и земельной политики правительства в Сибири.

Особый вклад монография вносит в разработку концепции крестьянского землеустройства в Сибири в период столыпинских аграрных преобразований. В советской историографии господствовал тезис об антикрестьянском характере сибирского землеустройства, насаждавшего в деревне чуждую традиционно-общинной крестьянской культуре частную собственность на землю в форме хуторов и отрубов. На самом деле, как справедливо считает автор, П.А. Столыпин понимал, что Сибирь отставала от Центра и не была готова к введению частной земельной собственности в деревне. В ней шло укрепление поселенной общины и происходил переход к общинно-передельным формам землепользования, в связи с чем требовалась постепенность преобразований (С. 157–156, 160). Поэтому в Сибири во время столыпинских реформ фактически продолжалось землеустройство по законам 1896 и 1899 гг., поддержанное сельскими хозяевами (С. 21–22, 160). Оно должно было стать основой для будущего осуществления в регионе разработанной реформатором широкой программы социально-аграрных преобразований и полного вовлечения местного крестьянства в процесс общероссийской модернизации (С. 168–169, 175–177).

В завершающей части книги помещены конкретно-исторические, методологические и источниковедческие

разработки, которые направлены на расширение проблемно-тематического поля современных историко-крестьянских исследований. Они, с одной стороны, укрепляют преимущество в отношении к советской историографии проблемы, с другой – открывают реальные перспективы новых научных социально-аграрных проектов. Преимущество, по мнению А.А. Храмкова, должна прежде всего соблюдаться в разработке широко изучавшихся в советское время проблем социального расслоения и массового социального движения сибирского крестьянства начала XX в., которое на современном этапе следует рассматривать на основе социокультурной методологии (С. 178–179, 220–222). Выдвинутая автором идея восстановления заложенных советской историографией социально-аграрных научных направлений опирается на собственную разработку и концептуальную оценку проблем крестьянского движения в Сибири накануне и в годы Первой мировой войны (С. 264–318), а также на самостоятельную оценку податного положения крестьянства (С. 195–204).

В целом рассмотренное в настоящей рецензии монографическое издание ярко свидетельствует о том, что вся научная деятельность А.А. Храмкова всегда современна и устремлена в будущее – на поиск методологических, источниковедческих и концептуально-проблемных перспектив сибирского крестьяноведения. В первую очередь, необходимо отметить серьезный вклад автора в теоретико-методологическую разработку и определение содержания ментальности российского и сибирского крестьянства, в которой автор выделил такие ценности, как общинность, уравнительное землепользование, социальная справедли-

вость, трудолюбие и общественная собственность на землю (С. 208–322). Значительный интерес для современных исследователей процесса колонизации Сибири представляет раздел, в котором А.А. Храмков подверг справедливой критике западные теории фронта (С. 222–234). Серьезный вклад в развитие методологии и общую концепцию крестьяноведческих исследований вносит микроисторический очерк. В нем по материалам Всероссийской поземельной и сельскохозяйственной переписи 1917 г. описана подробная история трех алтайских переселенческих сёл (С. 235–251). Микроисторическое исследование эффективно дополнено публикацией воспоминаний крестьянина-переселенца А.Я. Боженко, являвшегося дедом автора. «Народные мемуары», опубликованные А.А. Храмковым, существенно расширяют источниковую базу современных социокультурных исследований по истории сибирского крестьянства новой разновидностью личных источников – крестьянскими воспоминаниями.

В заключение следует отметить, что рецензируемое издание имеет небольшие недостатки. Это, прежде всего, отсутствие в историографическом разделе концептуальной характеристики литературы по железнодорожным перевозкам. Кроме того, в описание крестьянского менталитета не включена его религиозно-православная составляющая. В целом же монографическая работа А.А. Храмкова представляет серьезный научный труд. Он вносит большой теоретико-методологический, конкретно-исторический и концептуальный вклад в современное сибирское крестьяноведение и создает новые предпосылки для его дальнейшего развития.

Nikulin Peter F. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: K1tat@yandex.ru

REVIEW : KHRAMKOV A.A. ESSAYS ON THE HISTORY OF THE PEASANTRY IN SIBERIA EARLY XX CENTURY. BARNAUL, 2014. 328 P.

И.Н. Стась, Г.Ю. Колева

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«РОССИЙСКАЯ НЕФТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ» (г. СУРГУТ, СУРГУТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, 27 НОЯБРЯ 2015 г.)**

Проблематика истории отдельных отраслей отечественной экономики редко находит отражение в специальных научных конференциях. Это касается даже истории тех сфер производства, которые занимают особое место в жизни нашего государства, в его внутривнутриполитической и внешнеполитической стратегии. На протяжении прошедшего XX в. и начавшегося XXI в. нефтяная промышленность играла в структуре экономики важную роль, связанную не только с добычей нефти как важнейшего топливно-энергетического ресурса, но и с обслуживанием советского, а затем и российского экспорта. Несмотря на это, ретроспектива нефтяной отрасли часто была за пределами научно-практических форумов и конференций.

Отсутствие специальных научных конференций по истории нефтяной отрасли находилось в диссонансе с активизацией изучения в ряде учебных и исследовательских центров проблем истории нефтяной сферы, а также наметившегося процесса складывания научных школ историков, изучающих отечественную специфику истории нефтедобычи. Данные обстоятельства обуславливали необходимость проведения крупного форума, посвященного истории российской нефти, который позволил бы осуществить «смотр рядов» исследователей по нефтяной проблематике, чтобы выявить узловые направления в изучении истории нефтяной отрасли и подвести некоторые итоги в данном научном направлении.

Изучение нефтяного фактора в истории экономики и политики страны связано преимущественно с несколькими научно-образовательными центрами современной России: РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, Тюменским государственным нефтегазовым университетом, Сургутским государственным университетом и Сургутским государственным педагогическим университетом. Сургут за последние несколько лет дал наибольшее число защищенных кандидатских диссертаций, так или иначе связанных с нефтяной исторической проблематикой (работы В.Л. Некрасова, О.Н. Стафеева, Е.А. Хромова, И.Н. Стась), поэтому в условиях, когда 2015 г. для нефтяной промышленности Западно-Сибирского региона явился годом 50-летия с начала промышленной добычи нефти, не случайно именно в этом городе была организована научная конференция «Российская нефть: история и современность».

Организаторами конференции выступили кафедры всеобщей истории и археологии и истории России СурГУ. Инициаторы конференции исходили из того,

что назрела необходимость проведения крупного форума, посвященного истории российской нефти, в рамках которого были бы обозначены основные направления изучаемой проблематики, определены перспективы дальнейших научных исследований.

Конференция состоялась в Сургутском государственном университете 27 ноября 2015 г. На конференции было представлено 54 научных доклада, в том числе из России (51 доклад), Азербайджана, Казахстана и Чехии (по 1 докладу). Распределение участников с учетом городов (всего 19) было следующим: Москва (14 заявившихся), Сургут (14), Тюмень (5), Нижневартовск (5), Томск (2), Махачкала (1), Курск (1), Самара (1), Волгоград (1), Уфа (1), Астрахань (1), Южно-Сахалинск (1), Саратов (1), Омск (1), Ижевск (1), Оренбург (1), Баку (1), Атырау (1), Прага (1). География участников конференции свидетельствовала об актуальности заявленной проблемы.

Присланные на конференцию доклады позволяют выделить то, что в изучении нефтяной промышленности страны преобладают прежде всего проблемы отрасли, привязанные к отдельным регионам добычи. Из общего числа заявленных выступлений 11 докладов оказались ориентированы на региональные проблемы нефтяной отрасли с привязкой к традиционным центрам нефтедобычи, среди которых: Грозненский (А.К. Джафаров, К.И. Джафаров), Азербайджанский (Ф.А. Тагиев, А.М. Исмаилова, В.В. Раков), Урало-Волжский (В.Н. Курятников, Б.У. Серазетдинов, Р.М. Зиязетдинов), в последнем выделены вниманием исследователей Куйбышевская область и Башкирская АССР. По одному докладу было посвящено истории нефтяной промышленности Казахстана (Л.Б. Бердыгужин) и нефтяному району Сахалина (Е.Н. Лисицына). История развития нефтедобывающей отрасли Западно-Сибирского нефтегазового комплекса рассматривалась шире – главным образом в контексте всесоюзной экономики и экспортной политики государства (Г.Ю. Колева, В.Л. Некрасов, Е.А. Хромов, В.П. Карпов, С.М. Панарин). В то же время ученые гг. Сургута и Нижневартовска в своих работах обратили внимание на отрасли, вызванные к жизни в Западной Сибири развитием нефтяной промышленности: формирование железнодорожного (М.А. Авимская), автомобильного (Л.В. Алексева, В.В. Цысь, О.П. Цысь, Н.В. Сапожникова, Н.В. Терентьева), авиационного видов транспорта (А.А. Исмагилов) и электроэнергетики (Э.К. Мантикова).

В заявленных докладах на второе место среди поднятых на конференции проблем отошли вопросы, отразившие тенденции развития отрасли в целом и ее роль в разных составляющих функционирования государства. Профессор ТюмГНГУ Г.Ю. Колева представила свой взгляд на роль и место нефтяного фактора в советской энергетической политике, доклады молодых ученых историков из СурГПУ Е.А. Хромова и В.Л. Некрасова были сосредоточены на периоде 1950-х – 1970-х гг. в истории нефтегазового комплекса страны. В.Л. Некрасов исследовал восприятие политическим руководством страны возможностей и рисков ресурсного изобилия для модернизации экономики и повышения благосостояния населения СССР, а Е.А. Хромов – влияние реформ управления промышленностью на руководство нефтегазовым комплексом СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Среди проблем общепромышленного плана исследователями были рассмотрены проблемы вовлечения в развитие нефтяной отрасли иностранных специалистов (Ю.В. Евдошенко), вклада ученых, инженеров-нефтяников, буровиков в победу в Великой Отечественной войне (В.В. Калинов).

Значительное внимание исследователи, как показала конференция, уделяют проблемам становления «нефтяных» городов и социальной сферы в них (А.И. Прищепа, И.Н. Стась, В.В. Рашевский, А.С. Иванов, А.В. Жидченко, Н.Ю. Гаврилова, Д.В. Кирилук), а также проблемам экологии (Е.И. Гололобов, М.С. Мостовенко, С.В. Тюлюпо, В.В. Тюлюпо).

Традиционным аспектом для изучения любой из отраслей промышленности является личностный фактор, который на данной конференции был ярко представлен

докладом главного научного сотрудника ООО «Газпром ВНИИГАЗ» К.И. Джафарова о жизни выдающегося российского нефтяника П.И. Потоцкого (1879–1932). Биографии нефтяников находятся в центре внимания историков РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина (М.П. Хайдина, Е.Н. Палий, А.Д. Григорьев, Т.К. Овчинникова, З.А. Мусаева). Мемуары нефтяников Западной Сибири анализировал О.Н. Стафеев.

Современные проблемы и перспективы развития нефтегазовой индустрии в России и мире были представлены докладами Н.К. Борисюка, А.С. Тонких, А.С. Остальцева. Состояние нефтедобывающей отрасли в Ханты-Мансийском округе в постсоветский период было показано в выступлениях С.Н. Соколова, А.Ю. Солодовникова, В.В. Кулдошиной. Проблемам нефтяной промышленности за рубежом и направлениям сотрудничества с Россией в этой сфере были посвящены доклады А.Е. Воробьева, Чан Динь Тан Сы, П.А. Леменковой, Н.А. Рассохина.

В рамках конференции прошла презентация книги «Люди. Годы. Завод» об истории Сургутского завода по стабилизации конденсата им. В.С. Черномырдина. Во второй день участники конференции посетили музей ОАО «Сургутнефтегаз» и Мемориальный комплекс геологов-первопроходцев «Дом Ф.К. Салманова».

В целом состоявшаяся конференция выявила основные направления в изучении истории нефтегазового комплекса России, показала существующие ее пробелы и проблемы, способствовала созданию научно-дискуссионной площадки и налаживанию коммуникации между историками отечественной нефтяной отрасли всех регионов страны.

Stas' Igor' N. Surgut State University (Surgut, Russia). E-mail: igor.stas@mail.ru ; *Koleva Galina Yu.* Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia). E-mail: gukoleva@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION «RUSSIAN OIL: PAST AND PRESENT» SURGUT, SURGUT STATE UNIVERSITY, NOVEMBER 27, 2015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЙСЕНОВ Арман Зияденович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и образования Республики Казахстан (г. Алма-Ата, Республика Казахстан). E-mail: azbeisenov@mail.ru

БОЯРИНОВА Полина Александровна, аспирантка кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: sampo-holder@ya.ru

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань). E-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru

ДАНИЛОВА Наталия Ксенофоновна, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнографии народов Северо-Востока России Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (г. Якутск). E-mail: Tachika@mail.ru

ДОРЖУ Зоя Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории Тувинского государственного университета (г. Кызыл). E-mail: zoadorzhu@yandex.ru

ДРОБЧЕНКО Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры филологии и истории филиала Кемеровского государственного университета в г. Анжеро-Судженске. E-mail: vadrobchenko@yandex.ru

КОЛЕВА Галина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета. E-mail: gukoleva@gmail.com

КОЛМАКОВА Светлана Сергеевна, магистрант департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: kolmsvetlan@gmail.com

КУПЕРТ Юрий Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: Koupert@rambler.ru

КУТИЛОВА Лариса Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: kutiloval@rambler.ru

КЫРЖИНАКОВ Артур Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан). E-mail: Kyrzhinakov@mail.ru

ЛУЦЕНКО Антон Виленович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Северского технологического института Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ». E-mail: fantom9@rambler.ru

МАСЛОВА Екатерина Константиновна, аспирантка кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: ekaterina_maslova@sibmail.com

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

НИКУЛИН Петр Федорович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: K1tat@yandex.ru

РОМАНОВ Павел Игоревич, студент Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: Pol777tip@yandex.ru

СМИРНОВ Геннадий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: aandg@inbox.ru

СОКОЛОВ Виктор Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sokvu@yandex.ru

СТАСЬ Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии, старший научный сотрудник Югорской лаборатории археологии и этнологии Сургутского государственного университета. E-mail: igor.stas@mail.ru

ТЕРЕНТЬЕВ Владислав Игоревич, старший преподаватель кафедры англоамериковедения Монгольского национального университета (г. Улан-Батор, Монголия), аспирант кафедры всеобщей истории и археологии Горно-Алтайского государственного университета. E-mail: vlad33@bk.ru

ТРЫНКИНА Дарья Александровна, специалист по учебно-методической работе кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: uwwalo@mail.ru

---

ХОЛКИНА Маргарита Алексеевна, аспирантка кафедры археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: tyttokulta@yandex.ru

ЧЕРЕПАНОВ Александр Сергеевич, соискатель кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета; старший преподаватель кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета (г. Лесосибирск). E-mail: alexcherr@mail.ru

ЧЕРНЯК Эдуард Исаакович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, культурного и природного наследия, директор Института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

ШЕВЦОВ Вячеслав Вениаминович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: toleben@yandex.ru

ШЕВЧЕНКО Сергей Александрович, аспирант кафедры Новой, Новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: Shevchenkovskrs@yandex.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

2016. № 1 (39)

Редактор К.В. Польшкина
Оригинал-макет А.Н. Воробьевой
Редакторы-переводчики Н.А. Глущенко, В.Н. Скок
Дизайн обложки Яна Якобсона (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано к печати .02.2016 г. Формат 60x84^{1/8}.

Гарнитура Times.

Печ. л. 18,5; усл. печ. л. 17,2.

Тираж 60 экз. Заказ №.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28